

Александр Владимирович Пыжиков
Александр Анатольевич Данилов
Рождение сверхдержавы: 1945-1953 гг.

Аннотация

В книге рассматривается важнейший этап истории советского общества — период 1945–1953 годов. Анализируя различные аспекты внешней и внутренней политики СССР, авторы делают попытку комплексной оценки послевоенного советского общества.

Исследование построено на уникальных архивных документах, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Широкая источниковая база позволила уточнить целый ряд вопросов международной политики страны, функционирования партийно-государственной власти, идеологической системы и т. д.

А. А. Данилов, А. В. Пыжиков
Рождение «сверхдержавы»: СССР В первые послевоенные годы

Введение

Послевоенный СССР всегда привлекал внимание специалистов и читателей, интересующихся прошлым нашей страны. Победа советского народа в самой страшной войне в истории человечества стала звездным часом России XX века. Но вместе с тем, она стала и важным рубежом, обозначившим наступление новой эры — эпохи послевоенного развития.

Так получилось, что первые послевоенные годы (май 1945 — март 1953 гг.) оказались «обделенными» в советской историографии. В первые послевоенные годы появились немногочисленные работы, превозносящие мирный созидательный труд советского народа в годы четвертой пятилетки, но не раскрывавшие, естественно сути даже этой стороны социально-экономической и политической истории советского общества. После же смерти Сталина в марте 1953 г. и последовавшей волной критики «культ личности» даже этот сюжет оказался исчерпанным и вскоре забытым. Что же касается взаимоотношений власти и общества, выработки послевоенного социально-экономического и политического курса, новаций и догм во внешней политике, то эти темы так и не получили своего развития в советской историографии. В последующие годы сюжеты первых послевоенных лет получили отражение лишь в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», да и то фрагментарно, под углом зрения концепции «восстановления разрушенного войной народного хозяйства страны».

Лишь в конце 80-х гг. публицисты, а затем и историки обратились к этому сложному и краткому периоду истории страны для того, чтобы взглянуть на него по-новому, попытаться разобраться в его специфике. Однако отсутствие архивных источников, а также «разоблачительский» настрой привели к тому, что место одной полуправды весьма скоро заняла другая.

Что же касается изучения «холодной войны» и ее последствий для советского общества, то эти проблемы не были подняты и в тот период.

Прорывом в изучении послевоенного СССР стали 90-е годы, когда оказались доступными архивные фонды высших органов государственной власти, и, что особенно важно, многие документы высшего партийного руководства. Открытие материалов и документов по истории внешней политики СССР привело к появлению серии публикаций по истории «холодной войны».

В 1994 г. Г. М. Адибеков издал монографию, посвященную истории Информационного

бюро коммунистических партий (Коминформа) и его роли в политическом развитии восточно-европейских стран в первые послевоенные годы.¹

В сборнике статей, подготовленном учеными Института всеобщей истории РАН «Холодная война: Новые подходы. Новые документы»² получили развитие такие новые для исследователей темы, как советская реакция на «план Маршалла», эволюция советской политики в германском вопросе в 40-е гг., «иранский кризис» 1945–1946 гг. и др. Все они были написаны на основе новейших документальных источников, выявленных в закрытых прежде партийных архивах.

В том же году вышел в свет и сборник статей, подготовленный Институтом российской истории РАН «Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение».³ В нем наряду с раскрытием частных аспектов истории «холодной войны» были напечатаны статьи, в которых раскрывались доктринальные основы советской внешней политики в эти годы, выяснялись международные последствия корейской войны, прослеживались особенности партийного руководства внешней политикой СССР.

Тогда же появился и сборник статей «СССР и холодная война»⁴ под реакцией В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара, в котором впервые последствия «холодной войны» исследовались не только с точки зрения внешней политики СССР и Запада, но и в связи с тем влиянием, которое оказало это противостояние на внутренние процессы, проходившие в советской стране: эволюцию властных структур, развитие промышленности и сельского хозяйства, советского общества и т. п.

Представляет интерес работа коллектива автора, объединенная в книге «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» под редакцией Ю. Н. Афанасьева и В. С. Лельчука.⁵ В ней рассматриваются различные аспекты внешней и внутренней политики СССР в послевоенный период. Можно констатировать, что осмысление многих вопросов проведено здесь на достаточно высоком исследовательском уровне. Заметно продвинулось вперед понимание развития военно-промышленного комплекса, специфики идеологического функционирования власти.

В 1996 г. вышла в свет монография В. Ф. Зимы, посвященная происхождению и последствиям голода в СССР в 1946–1947 гг.⁶ В ней получили отражение и различные аспекты социально-экономической политики сталинского руководства СССР в первые послевоенные годы.

Важный вклад в изучение становления и функционирования советского военно-промышленного комплекса, его места и роли в системе взаимоотношений между властью и обществом внес Н. С. Симонов, подготовивший наиболее полную на сегодняшний день монографию по данной проблематике.⁷ Он показывает в ней возрастающую роль

¹ Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. — М. 1994. — 235 с.

² Холодная война. Новые подходы. Новые документы. // М.М. Наринский и др. — М. 1995. — 400 с.

³ Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение./Отв. ред. Л.Н. Нежинский. — М. 1995. — 512 с.

⁴ СССР и холодная война // Под ред. В.С. Лельчука и Е.И. Пивовара. — М. 1995. — 312 с.

⁵ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал // Под. ред. Ю.Н.Афанасьева и В.С. Лельчука — М. 1997. Т. 2.

⁶ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М. 1996. —265 с.

⁷ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста,

«командиров военного производства» в системе власти в СССР в послевоенный период, выделяет приоритетные направления роста военного производства в этот период.

Ведущим специалистом в области комплексного анализа экономического развития СССР в послевоенные годы и разработки государственной политики в этой области показал себя в эти годы В. П. Попов, опубликовавший серию интересных статей, а также сборник документальных материалов, получивших высокую оценку научной общественности. Обобщающим результатом его многолетней работы стала докторская диссертация и монография по этим вопросам.⁸

В 1998 г. вышла в свет монография Р. Г. Пихои «Советский Союз: история власти. 1945–1991».⁹ В ней автор на уникальных документах показывает особенности эволюции властных институтов в первые послевоенные годы, утверждает, что сложившаяся в эти годы система власти может рассматриваться как классическая советская (или сталинская).

Известным специалистом по истории реформирования советского общества в первые послевоенные десятилетия зарекомендовала себя Е. Ю. Зубкова. Плодом ее многолетней работы по изучению настроений и повседневного быта людей стала докторская диссертация и монография «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953».¹⁰

Несмотря на выход в свет за последнее десятилетие перечисленных трудов, следует признать, что разработка истории первых послевоенных лет советского общества только начинается. Более того, пока отсутствует единое концептуально однородное историческое произведение, в котором был бы предпринят комплексный анализ накопившихся исторических источников по всему спектру социально-экономической, общественно-политической, внешнеполитической истории советского общества в первые послевоенные годы.

Какие же источники стали доступны историкам в последние годы?

Некоторые исследователи (в том числе авторы данной монографии) получили возможность работать в Архиве Президента РФ (бывший архив Политбюро ЦК КПСС). Здесь сосредоточен богатейший материал по всем аспектам внутренней и внешней политики советского государства и его высшего руководства, личные фонды лидеров КПСС. Записки членов Политбюро по конкретным вопросам экономического развития, внешней политики и т. п. позволяют проследить вокруг каких проблем послевоенного развития разгорались споры в руководстве, какие пути решения тех или иных проблем предлагались ими.

Особую ценность имеют документы личного фонда И. В. Сталина, вобравшие в себя не только его переписку, но и все основные решения Политбюро и Совета Министров СССР — ключевых институтов государственной власти. Авторами была изучена история болезни вождя, раскрывающая свет на недоступные для исследователя страницы истории власти, политической борьбы в высших сферах партийного и государственного руководства в первые послевоенные годы.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) авторы изучали документы высших органов государственной власти — Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР, ряда министерств. Большую помощь в работе над монографией оказали

структура, организация производства и управление. — М. 1996

⁸ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945-март 1953 гг.). Сб. документов. — М. 1992 и др.

⁹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 г.г. — М. 1998.

¹⁰ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. — М. 2000. 230 с.

К Главе № 1

документы «особых папок» И. В. Сталина, Л. П. Берия, В. М. Молотова, Н. С. Хрущева, где содержатся особо важные материалы по вопросам внутренней и внешней политики.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) авторами изучены многочисленные дела с протоколами Политбюро и Секретариата ЦК ВКП (б), Оргбюро ЦК, ряда отделов (ф. 17). Особое место заняли документы из фондов И. В. Сталина (ф. 558), А. А. Жданова (ф. 77), В. М. Молотова (ф. 82), Г. М. Маленкова (ф. 83), содержащие уникальные документы и материалы по ключевым вопросам внутренней и внешней политики.

Особое место заняли документы переписки Сталина с высшим партийным руководством в период его отпусков 1945–1951 гг. Именно эти документы и рабочие материалы к ним позволяют проследить то, что до сих пор оказывалось недоступным для исследователей — механизмы принятия ключевых политических решений в вопросах внутренней и внешней политики.

Отдельные материалы были отобраны авторами в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). В их числе большое значение имеют стенограммы (особенно направленные) съездов ВКП (б) и пленумов ее ЦК, особенно мартовского 1946 г.

Большую пищу для размышлений и авторского анализа имели воспоминания участников событий тех лет — В. М. Молотова, А. И. Микояна, Н. С. Хрущева, С. И. Аллилуевой, И. С. Конева, А. Г. Маленкова, С. Л. Берия, П. К. Пономаренко, Н. С. Патоличева и др.

Авторы полагают, что методологически неоправданным является вывод, традиционный для литературы прежних лет, о том, что главным содержанием первого послевоенного периода стало «восстановление и развитие народного хозяйства СССР в годы четвертой пятилетки». Главным было другое — стабилизация политического режима, сумевшего в годы войны не только сохраниться, но и заметно окрепнуть. В тоже время, отсутствие легитимных механизмов передачи высшей власти неизбежно вело к усилению борьбы за власть между различными группировками и конкретными лицами. Это особенно отчетливо видно в изучаемый период, когда стареющий вождь все чаще отправлял в опалу прежних любимцев и выдвигал новых. Поэтому при изучении механизмов власти в 1945–1953 гг. мы исходили из того, что наряду с конституционными и уставными органами, необходимо тщательное изучение тех, которые нигде не были официально оговорены, но играли ключевую роль при принятии наиболее важных решений. Таковыми были «пятерки», «семерки», «девятки» в рамках Политбюро в 1945–1952 гг. и Бюро Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. На конкретных примерах и документах в монографии показано как и почему произошли перемены в руководстве страны в 1946–1949 гг., чем можно объяснить стремительный взлет и не менее стремительное падение «ленинградской группы», в чем причины непотопляемости тандема Маленков-Берия. На основе изученных документов авторы утверждают, что лишь смерть Сталина остановила новую волну смены высшего руководства весной 1953 г. Тем больше вопросов вызывают обстоятельства последней болезни и смерти Сталина, о чем также в книге дается принципиально новая оценка на основе абсолютно закрытых прежде документов.

В монографии дается развернутая характеристика изменившегося после войны положения СССР в мире. Авторы отходят от традиционной для прежних публикаций оценки, согласно которой виновником развязывания «холодной войны» выступал Запад. Вместе с тем, они не разделяют и позиций тех историков, которые возлагают ответственность за многолетнюю конфронтацию исключительно на сталинское руководство страны. Документы показывают, что истоки «холодной войны» лежат в принципиально различных национальных интересах СССР и стран Запада, оформившихся еще на заключительном этапе второй мировой войны. Расхождение позиций союзников было неизбежным. Оно лишь могло иметь иные формы.

В монографии отмечается, что рубежом в отношениях Восток-Запад стал 1947 г., после которого ставка на военную силу в отношениях между бывшими союзниками стала главным

инструментом политики. Не исключал новой войны с Западом (на этот раз с США) и Сталин, развернувший в конце 40-х гг. широкомасштабную военную подготовку к грядущему столкновению.

Этому главному вектору было подчинено и развитие экономики страны. Сверхмилитаризация практически всех отраслей хозяйства не могла не привести к усилению диспропорций в его развитии, а в перспективе — к краху советской экономической системы, основанной на внеэкономическом принуждении.

Вместе с тем, вся вторая половина 40-х гг. прошла под знаком экономических дискуссий и споров в научных кругах и в руководстве страны по вопросу о путях и направлении развития экономики. Не исключалось и ограниченное использование материальных стимулов к труду. Правда, следует отметить, что использование рыночных рычагов на всем протяжении советской истории никогда не носило стратегического характера. Они начинали применяться в условиях, когда традиционная советская экономическая модель не давала должной отдачи, а по мере насыщения товарного рынка они так же стремительно свертывались. Не было исключением и первое послевоенное время. Планировавшееся Н. А. Вознесенским акцент на легкую и пищевую, а не тяжелую промышленность так и не состоялся (хотя, как следует из документов, с таким подходом были согласны и противники Вознесенского — Маленков и др., взявшие позже на вооружение этот стратегически верный лозунг).

В монографии показано, что стабилизация власти в ходе войны по-иному поставила вопрос о роли и назначении официальной идеологии, в которой наметилось определенное смещение акцентов. Значительно изменились и общественные настроения, связанные с ожиданием перемен к лучшему.

Данная работа, конечно, не претендует на то, чтобы отразить все многообразие имеющихся на сегодняшний день материалов и точек зрения на послевоенный СССР. Каждый из поднятых в ней сюжетов и направлений может стать темой конкретного специального исторического исследования.

Мы выражаем благодарность за помощь работникам архивов — С. В. Мироненко, Т. Г. Томилиной, К. М. Андерсону, Г. В. Горской, В. А. Лебедеву, А. П. Сидоренко, Сидорову Н. А. и др. Мы очень признательны за полезные и квалифицированные советы, оказавшие влияние на нашу работу над книгой, известным ученым — А. О. Чубарьяну, В. С. Лельчуку, Н. Б. Биккенину.

Глава 1

Советский Союз в послевоенном мире

С завершением кровопролитнейшей в истории человечества войны сложился новый мировой порядок. Он характеризовался не только изменениями границ в Европе, Азии и Африке. Едва ли не главной его особенностью стало перегруппировка сил на мировой арене, связанная с разгромом крупнейших военных держав — Германии, Японии и Италии.

Контурсы послевоенного мирового устройства стали вырисовываться еще до второй мировой войны, когда начались длительные и напряженные переговоры советского руководства с лидерами Германии. В ходе переговоров 1939–1940 гг. определились сферы интересов двух стран. СССР первоначально претендовал на территорию Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, восточных районов Польши и Бессарабию. Но уже тогда имелось в виду и продвижение сферы интересов СССР в сторону Болгарии и черноморских проливов.

Усиление политической и военной активности СССР на Балканах не прошло незамеченным. Оно вызвало серьезную обеспокоенность в Турции, стремившейся получить гарантии великих держав в отношении своей территориальной целостности. Такие гарантии в сентябре 1939 г. ей предложила Англия. Однако турецкий президент И. Иненю стремился добиться таких же гарантий и от СССР. Было предложено заключить советско-турецкий пакт о взаимной помощи. Для этого в Москву прибыл министр иностранных дел Турции

Сараджоглу. 1 октября 1939 г. его приняли Сталин и Молотов. Уже тогда выяснилось, что СССР не желает давать никаких гарантий Турции в начавшейся войне. Отказ подписать пакт о взаимной помощи Молотов объяснял просто «Против кого этот советско-турецкий пакт будет направлен? Заключать пакт против Германии мы не можем, против Италии — она является союзницей Германии. Против Болгарии — но она ведь не угрожает Турции.»¹¹ О гарантиях СССР о ненападении вообще не говорилось. Предвидя свою возможную договоренность с Германией по Болгарии, Сталин откровенно сказал Сараджоглу «Я думаю, как бы. у нас с турками не вышло недоразумение, особенно из-за Болгарии.»¹² Стремясь разрушить англо-турецкую договоренность о противодействии возможной агрессии на Балканах, Сталин добился от Турции обещания не вмешиваться в боевые действия, если они возникнут на территории Румынии или Болгарии. «Если Болгария выступит против Турции, — заявил он, — тогда надо ее бить. Но почему надо бить Болгарию в остальных случаях». Таким образом, эти «остальные случаи», в которых мог быть задействован СССР, вовсе не исключались советским руководством.

В ноябре 1940 г., в ходе переговоров в Берлине В. М. Молотова с лидерами Германии выяснилось, что советское руководство хотело бы расширить сферы своего влияния новыми территориями. В директивах Сталина Молотову на ведение этих переговоров отчетливо просматриваются контуры возможных изменений мирового устройства. Теперь уже официально речь шла об особых интересах СССР на Балканах (Румыния и Болгария), в Турции (черноморские проливы), Иране. Было высказано также пожелание «обезопасить» для СССР выходы из Балтики в Северное море и, тем самым, проявлена заинтересованность советского руководства в Скагерраке и Каттегате. На этих условиях СССР был готов присоединиться к тройственному пакту.¹³ Интересно, что так и не договорившись об этом, Москва, тем не менее, резко критиковала Германию за ввод ее войск в Болгарию в марте 1941 г., расценив это как «нарушение интересов безопасности СССР».¹⁴

Нападение Германии на СССР положило начало формированию антигитлеровской коалиции. В ее рамках проблемы послевоенного мирового устройства занимали не менее важное место.

Уже в декабре 1941 г. на встрече в Москве с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом советское руководство выступило с новыми предложениями о территориальных изменениях после окончания войны. Главной задачей внешней политики советских лидеров было добиться согласия новых союзников на закрепление за СССР территорий, вошедших в его состав в 1939–1940 гг. Вместе с тем, список пожеланий советского руководства был достаточно большим. 16 декабря 1941 г. Сталин изложил свое видение послевоенных границ. В центре его внимания были границы Советского Союза. Кроме восстановления границ 1941 г. он поставил вопрос о включении Тильзита в состав советской Литвы, «возвращении» финского Петсамо Советскому Союзу, заключении союзного договора с Румынией и Финляндией (по которому там должна была создаваться сеть военных баз СССР по примеру Прибалтики 1939–1940 гг.), отторжении от Болгарии Бургасского района («для Болгарии совершенно достаточно иметь один морской порт в виде Варны»). В отношении других границ Сталин поставил вопрос о расчленении Германии (создании на ее территории независимых государств в Баварии, Рейнской области и др.).

¹¹ Коллекция документов Архива Президента Российской Федерации (АПРФ)

¹² Там же

¹³ См. Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993, с.55 и др., Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой Воспоминания и последние записи. М., 1996, с.184, 274 и др.

¹⁴ Там же

Стремясь заинтересовать Англию, он предлагал создание сети ее военных баз в Бельгии, Голландии, Норвегии и Дании, не забыв добавить, что это будет сделано лишь «при условии гарантии некоторыми державами (имелся в виду СССР) входов и выходов из Балтийского моря». Был поставлен вопрос о репарациях с Германии. Кроме этого, предлагалось создать «военный союз демократических государств» Европы, имеющий международную военную силу. Предлагалось также создание в Европе «государственных федераций». В их числе назывались Балканская федерация, Польско-чехословацкая федерация и др.¹⁵

По сути, Сталин предлагал Англии тот же вариант сотрудничества, который вплоть до начала Великой Отечественной войны он отработывал с Германией. Характерно, что такой же оставалась и тактика действий закрепить эти договоренности Сталин предложил в секретных протоколах.

Однако Иден категорически отказался не только подписывать, но и обсуждать в деталях эти проекты. Он лишь поблагодарил Сталина за «столь подробное и откровенное изложение» его точки зрения, сославшись на то, что вопросы послевоенной реконструкции Европы не могут обсуждаться без участия американской стороны.¹⁶ Под этим предлогом он отказался даже признать довоенные границы СССР (их окончательно признали лишь на Ялтинской конференции в 1945 г. под влиянием решающих побед Красной Армии в Европе).

Все это вызвало у Сталина сильное раздражение и разочарование. Он, правда, справедливо полагал, что, возможно, обсуждать эти вопросы «еще не пришло время».

По мере наращивания военных успехов Красной Армии разработки о будущем мировом устройстве приобретали все более четкие контуры.

В январе 1942 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана «Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира» во главе с Молотовым. В рамках этой комиссии были созданы три рабочие группы одна готовила предложения по Западной и Северной Европе и Британской империи (А. Я. Вышинский и А. А. Соболев), другая — по Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, Ближнему и Среднему Востоку (В. Г. Деканозов, Я. З. Суриц), третья — по Западному полушарию, Тихоокеанскому бассейну и Восточной Азии (С. А. Лозовский, К. А. Уманский).

Осенью 1943 г. были готовы детальные предложения советской стороны о послевоенном устройстве мира. В общих чертах они были доложены на Тегеранской встрече «большой тройки» и показали, что советская сторона более подготовлена к обсуждению этих проблем, чем англо-американские союзники.

В январе 1944 г. заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский представил Молотову записку «О желательных основах будущего мира», в которой были окончательно сформулированы пожелания относительно границ и интересов СССР в послевоенном мире. Они сводились к следующему включение в состав СССР района Петсамо, возвращение СССР Южного Сахалина, передачу Курильских островов, обеспечение общей границы СССР с Чехословакией (за счет Польши или Румынии), заключение долгосрочных договоров с Финляндией и Румынией о предоставлении СССР военных баз на их территории, гарантии «свободного и удобного» использования транзитных путей через Иран к Персидскому заливу. Германию предлагалось раздробить на ряд независимых государств (с этим соглашались и лидеры США и Англии в Тегеране). Предлагалось восстановить Францию как «более или менее крупную европейскую державу», не возрождая ее военной мощи. Высказывалось стремление ликвидации диктаторских режимов в Испании и Португалии с заключением пакта о взаимной помощи и военного союза с Испанией. Было признано в интересах СССР способствовать созданию в Европе федераций — Дунайской, Балканской,

¹⁵ Коллекция документов АПРФ

¹⁶ Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии. М. 1998. С. 15–19

Центрально-Европейской, Скандинавской и т. п. Подчеркивая необходимость независимой и жизнеспособной Польши, Майский в то же время отмечал, что «мы не заинтересованы в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши» с учетом того, что Польша всегда была враждебна России. То же самое было высказано и в отношении Венгрии. Наоборот, предлагалось «стремиться к созданию сильной Чехословакии». Со всеми балканскими странами предлагалось заключить договоры о взаимопомощи, а с Грецией (в силу особой заинтересованности в ней Англии) — тройственный пакт о взаимопомощи между Англией, СССР и Грецией по примеру Ирана. Развивая идеи создания английских (и возможно американских) баз в Норвегии, Майский считал необходимым добиваться также размещения там и советских баз. В то же время он предлагал согласиться с возможным протекторатом США над Исландией. Не было возражений и против возможного присоединения к Франции бельгийской Валлонии, а также размещения военных баз Англии в Бельгии и Голландии.

В отношении Турции предлагалось препятствовать ее усилению. С помощью советско-болгарского и советско-румынского пактов было признано целесообразным исключить ее влияние на балканские дела. Эту нишу, естественно должен был занять СССР. В Иране предлагалось усилить советское проникновение при помощи «целого ряда экономических, культурных и политических мероприятий» создания советских больниц и школ для иранцев, изучения русского языка, оказания помощи в организации иранских вооруженных сил и др. На Ближнем Востоке планировалось укрепить советское влияние в сфере экономической, культурной и политической. Майский считал, что СССР не заинтересован в участии в войне с Японией, хотя, безусловно должен добиваться ее военного разгрома. Главным итогом такого разгрома он справедливо считал укрепление позиций СССР в Китае.

Для обеспечения контроля за сохранением такого мирового порядка Майский предложил создать международную организацию, в которой решающая роль должна была принадлежать «большой четверке» — СССР, США, Англии и Китаю.

Справедливо полагая, что вся эта послевоенная конструкция будет устойчивой лишь в случае взаимопонимания между США, СССР и Англией, Майский предлагал следующую направленность советской внешней политики в послевоенный период «Укрепление дружественных отношений с США и Англией использование в советских интересах англо-американского противоречия с перспективой все более тесного контакта с Англией всемерное усиление советского влияния в Китае превращение СССР в центр притяжения для всех подлинно демократических средних и малых стран и подлинно демократических элементов во всех странах, особенно в Европе поддержание международной беспомощности Германии и Японии вплоть до того момента, когда и если эти страны обнаружат искреннее стремление к переходу на рельсы настоящей демократии и социализма».¹⁷

Майского при этом ничуть не смущало главное противоречие — укрепление дружественных отношений с Англией и США при одновременном превращении СССР в «центр притяжения» коммунистических и других левых сил было невозможным.

Недоступные ранее архивные документы дают основание полагать, что имели место если не тайные договоренности, то по крайней мере доверительные беседы между лидерами «большой тройки», выходившие за рамки официальных соглашений о послевоенном устройстве.

Осенью 1946 г. французская газета «Кавалькада» опубликовала текст неизвестного соглашения между Сталиным и Рузвельтом, якобы достигнутого в ходе их личной встреч в Тегеране и Ялте. В этом документе, в частности, говорилось «Президент Соединенных Штатов Америки признает, что Советскому Союзу необходимо иметь выход в Средиземное море, так же как и необходимость эффективной гарантии его безопасности в районе Черного

¹⁷ Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3. Оп.63. Д. 237. Лл. 52–93.

моря и Проливов».¹⁸ Главной причиной появления такого документа, как означалось в документе, было то, что СССР понес большие потери в войне. Говорилось, что Сталин и Рузвельт договорились в Тегеране о предоставлении после войны долгосрочного американского кредита Советскому Союзу в размере 6 млрд долларов для нужд экономического развития и еще 4 млрд долларов для закупок продовольствия. США не возражали против заключения двусторонних отношений СССР с Австрией, Польшей, Чехословакией, Румынией, Болгарией и Югославией при условии сохранения в этих странах демократического строя и их национальной независимости. Была зафиксирована и позиция по Средиземному морю и Проливам. В Ялте же, как следовало из документа, были оговорены вопросы компенсации со стороны Германии. В частности, предусматривалось изъятие немецкого промышленного оборудования, использование труда немецких военнопленных на восстановлении объектов СССР, мобилизация советским оккупационным командованием гражданских специалистов и рабочей силы (но не более чем на пять лет), демонтаж и перевозка в СССР всей военной промышленности советской зоны оккупации, передача СССР 75 % всего оставшегося в Германии после войны промышленного оборудования. Согласие США давалось также на присоединение к СССР Восточной Пруссии и территориальные уступки от Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии.

По мнению публикаторов, эти договоренности явились основой послевоенного мирового устройства.

Обнародование этих материалов вызвала шоковую реакцию на Западе. В начале ноября 1946 г. главный директор европейской конторы «Интернейшнл Ньюс Сервис оф Америка» Кингсбери Смит направил запрос в адрес Молотова и Вышинского с просьбой прокомментировать данную публикацию. В свою очередь Молотов направил информацию Сталину, в которой запрашивал, что именно следует ответить журналисту. Характерно, что в своей телеграмме вождю Молотов никак не оценивал эту публикацию как «фальшивку».

Показательна и осторожная телеграмма Сталина, в которой он не отвергал самой идеи такой договоренности «Я не помню (выделено авторами) чтобы мною и Рузвельтом было подписано (выделено авторами) какое-либо соглашение по этим вопросам. Но, возможно (выделено авторами), что в отдельных речах на конференции Трех что-либо в этом роде было обещано Рузвельтом и, возможно, что это обещание или речь, зафиксированы в стенограмме, или даже в каком-либо протоколе».¹⁹ Сталин поручил Молотову навести справки и, в частности, использовать для этого своего переводчика Павлова. 9 ноября Молотов и Вышинский доложили Сталину, что никаких письменных соглашений и упоминаний в протоколах конференций об этом нет. Можно было вздохнуть спокойно и ответить мировой общественности в соответствующем духе.

Могла ли иметь место подобная договоренность в реальной действительности? Думается, вполне могла. Об этом свидетельствует не только осторожность Сталина в переписке на эту тему с Молотовым. Главное доказательство заключается в том, что все другие (кроме проблемы Проливов) компоненты либо были реализованы, либо переписка о них (в вопросе о кредитах и даже их размерах, например) велась со ссылкой на достигнутые прежде договоренности.

То же самое касается и вопроса о советской опеке над Триполитанией, возникшего сразу после окончания войны с Японией. Давая 16 сентября 1945 г. директиву Молотову на сессию Совета министров иностранных дел в Лондоне, Сталин прямо указывал, что «следует нажать на ту сторону дела, что американцы в Сан-Франциско обещали нам поддержать наши требования на получение подопечных территорий. Я имею в виду письмо Стеттиниуса. Этот

¹⁸ Цит. по: Коллекция документов АПРФ

¹⁹ Коллекция документов АПРФ

аргумент нужно выставить выпукло.»²⁰ В ответ на такое согласие Сталин был готов ограничить советское военно-морское присутствие в Триполитании. Однако, идя вразрез с достигнутыми прежде договоренностями, США и Англия на лондонской встрече министров предложили лишь вариант совместной опеки всех союзников над Ливией, Эритреей и Итальянским Сомали. Непосредственное управление этими территориями должно было осуществлять конкретное лицо, назначаемое союзниками. Представители США и Англии потребовали также обосновать права СССР на опеку над Триполитанией. Интересно, что Молотов в этой связи отмечал, что «СССР имеет немалый опыт в практическом разрешении национального вопроса. Этот опыт мог бы быть с пользой применен в Триполитании».²¹ Кроме этого он ссылался на необходимость создания благоприятных условий судоходства для советских судов в Средиземноморье.

Все это показывает, что даже при наличии зафиксированных или устных договоренностей по послевоенному мировому устройству США и Англия начали отход от этих договоренностей едва умолкли бои в Европе и на Дальнем Востоке.

Чем это можно объяснить? Главным образом тем, что были достигнуты те цели, ради которых создавалась антигитлеровская коалиция — Германия и Япония были повержены. Другой причиной было то, что каждая из сторон старалась интерпретировать прежние соглашения (если они не носили конкретного характера) в свою пользу. Наконец, с лета 1945 г. важнейшим фактором политики США стала ядерная бомба, которая активно использовалась лидером США для давления на советскую сторону.

Причина быстрого расхождения вчерашних союзников, а затем и начала «холодной войны» заключалась не в коварных замыслах Трумэна или Сталина, а, главным образом, в конфликте интересов СССР и Запада. То, что они были у них различны — очевидно. Не менее важно было и взаимное недоверие. Потому нельзя говорить и о каком-либо одном «виновнике» развязывания «холодной войны». Ее «повивальными бабками» выступали как Восток, так и Запад.

СССР, внесший основной вклад в разгром фашистской Германии, превратился в одну из ведущих мировых держав, без которой стало невозможно решать проблемы практически ни в одном регионе мира. Противостояние между СССР и США стало носить глобальный характер. С этим не могли и не желали соглашаться американцы, не говоря уже об англичанах, которые воспринимали это исключительно как свидетельство экспансионистских намерений советского руководства.

Неизмеримо вырос международный авторитет СССР, который имел дипломатические отношения уже не с 26, а с 52 странами мира.²² Победа над фашизмом, усиление влияния СССР в мире привели и к росту левых партий и организаций в странах Европы, активизации их деятельности.

Становилось очевидно, что незавершенность и неоформленность происшедших после войны радикальных изменений в расстановке сил, неустойчивость их нового баланса подталкивали великие державы к тому, чтобы склонить его на свою сторону.

Одним из первых острых политических вопросов послевоенного мира стал иранский кризис. Отношение к Ирану у советских лидеров оформилось еще на заре Советской власти. Суть этого подхода состояла в том, чтобы опираясь на коммунистическое движение, установить республиканский строй в Иране, сделав его своим союзником. В ноябре 1920 г. Сталин докладывал Ленину из Владикавказа «Состав Цека иранской компартии пришлось

²⁰ Там же

²¹ Там же

²² См.: Советское государство и право. 1947. № 2. С. 49.

обновить, вместо Султан-заде и некоторых других членов введен старый персидский революционер Гейдар-хан и бакинские рабочие-персы. Дана директива перенести центр работы в Тавриз, как наиболее революционную область. Третье, в Персии возможна лишь буржуазная революция, опирающаяся на средние классы с лозунгами изгнания англичан из Персии, образование единого республиканского персидского государства, ныне разбитого на отдельные ханства, созыв Меджлиса (учредилка) с общими и равными выборами, образование национальной армии (где прежде всего должны утвердиться советисты), улучшение положения крестьян за счет ханов. Соответствующие указания даны иранским коммунистам».²³

В годы второй мировой войны советское влияние в Иране усилилось. А после ее окончания у Сталина появился соблазн достичь тех результатов, о которых велись переговоры в Берлине еще в ноябре 1940 г.

Осенью 1945 г., опираясь на поддержку 4-й армии Вооруженных Сил СССР, в Северном Иране началось массовое движение азербайджанцев за воссоединение с Азербайджанской ССР. Для правдоподобности официальной советской версии о «подлинно народном» характере движения в Северном Иране (или, как его стали именовать в советских официальных документах, «Иранском Азербайджане», «Южном Азербайджане») 6 сентября 1945 г. была образована Демократическая партия Азербайджана, основу которой составляли региональные организации партии Туде и рабочие союзы. Официально требования участников движения сводились к более широкой национальной и культурной автономии, в том числе и в вопросах представительства в иранском меджлисе. В историографии данной проблемы сложились две крайние точки зрения. Согласно одной, представленной прежде всего в американской литературе, за всеми этими событиями отчетливо прослеживалась «рука Москвы», стремившейся к разделу Ирана. Другая точка зрения, в основе которой, по сути, лежала официальная позиция Москвы, сводилась к тому, что все происходившее в Иране осенью 1945 — весной 1946 гг. было исключительно спонтанным движением самих иранцев и Москва здесь совсем (или почти совсем) не при чем. Главным же интересом для СССР в иранском вопросе была, якобы, проблема получения нефтяной концессии в Иране.²⁴ Документы показывают, что это «нефтяная проблема» была лишь формальным поводом, пробным камнем в политике СССР в Иране. Главной целью было усиление советского экономического и политического влияния в Иране.

Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что Политбюро поручило координацию политических усилий в Северном Иране первому секретарю ЦК КП Азербайджана М. Багирову. Его ежедневные подробные донесения Сталину о развитии ситуации в регионе весьма красноречиво свидетельствуют об этом. Кроме того, попытки иранских властей с помощью жандармерии и войск подавить или хотя бы локализовать выступления азербайджанских сепаратистов встречали молчаливое, но твердое противодействие советского военного командования в Иране. Так, 20 ноября 1945 г. руководство 4-й армии докладывало в Москву «17 ноября генерал Дорокшани (командир иранской дивизии в Тавризе — авт.) обратился к командиру нашего 15-го кавалерийского корпуса генералу Глинскому с просьбой разрешить пропуск отряда иранских войск силою 100 человек в район города Марага для ликвидации появившихся там банд. Наше командование такого разрешения не дало, ответив, что у нас нет сведений о появлении каких-либо банд в этом районе».²⁵ Генералу Дорокшани иранский Генштаб дал указание в

²³ Коллекция документов АПРФ

²⁴ См. Егорова Н. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. взгляд из российских архивов. Холодная война Новые подходы. Новые документы. — М. 1995. С. 300–301 и др.

²⁵ Коллекция документов АПРФ

случае выступления «демократов» ввести войска в действие даже в том случае, если советские военные власти будут чинить препятствия этому. На деле это могло означать повод к военному столкновению с советскими войсками.

26 ноября НКВД направил МИД Ирана ноту, в которой отмечал, что введение дополнительных иранских войск в Северный Иран вызовет здесь массовые беспорядки, что вынудит СССР «ввести в Иран свои дополнительные войска в целях охраны порядка и обеспечения безопасности своих гарнизонов».²⁶ Это была прямая угроза расширения военного присутствия СССР в Иране в случае нарушения сложившегося политического и военного статус-кво. Одновременно Багирову было разрешено принять на советскую территорию азербайджанцев, преследуемых иранскими войсками.

Попытки иранского правительства апеллировать к международной общественности также ничего не дали. Британский МИД 10 декабря 1945 г. предложил советскому руководству включить иранский вопрос в повестку дня московской встречи министров иностранных дел трех великих держав. Однако советская сторона, как организатор и хозяин встречи, предложила не включать этот пункт как «несвоевременный» и вернуться к его обсуждению в феврале 1946 г. Одновременно для нейтрализации Англии, Молотов настаивал перед Сталиным на включении в повестку дня московской встречи вопроса о событиях в Индонезии, куда были направлены английские войска для подавления национально-освободительного движения. По его мнению, это должно было «заставить Англию быть более сговорчивой в вопросе об Иране».²⁷

Тем не менее, обсуждение иранской проблемы в Москве состоялось. Правда, в неофициальном порядке, хотя в ее обсуждении принял участие и Сталин во время встречи с Бирнсом. Возлагая всю вину на иранскую сторону, Сталин отметил «Малые страны часто стремятся натравить большие страны друг на друга. Малые страны могут, например, жаловаться Советскому Союзу на притеснения со стороны Англии и США и одновременно жаловаться Англии и США на притеснения Советского Союза. Поэтому надо критически относиться к заявлениям малых держав».²⁸ Однако, несмотря на эту бесхитростную позицию, американская и английская стороны стояли на своем, предлагая вывод из Ирана одновременно советских и английских войск. В результате переговоры зашли в тупик.

В то же время военное командование и Багиров были прекрасно осведомлены о политических планах лидеров Демократической партии Азербайджана. В ноябре Москва получила информацию о выполнении ее установок. В ней, в частности, говорилось «По всем городам и крупным населенным пунктам Иранского Азербайджана прошли собрания и митинги, на которых население избрало делегатов на Всенародное собрание Азербайджана.

ЦК Демократической партии предполагает объявить Всенародное собрание Учредительным съездом народа. Съезд примет обращение к народу об автономии Азербайджана в пределах Иранского государства».²⁹ Следующим шагом вполне могло стать включение Южного Азербайджана в состав СССР «по просьбе» его правительства и в соответствии с «волеизъявлением народа». Об этом свидетельствуют и воспоминания Н. С. Хрущева, который прямо отмечал, что «Сталин принял меры по дестабилизации иранского Азербайджана., чтобы Южный Азербайджан, нам не принадлежавший, как-нибудь

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 467. Л.15.

²⁷ Коллекция документов АПРФ

²⁸ Там же

²⁹ Там же

присоединить к Северному, советскому».³⁰

Таким образом, советское руководство по-прежнему исходило также из идеи обеспечения транзитного выхода к Персидскому заливу, расширению своего влияния в политических вопросах (включая и поддержку ряда политических партий и деятелей), и даже не исключало возможности свержения шахского режима.

Весьма показательны с этой точки зрения переговоры в Москве Сталина и Молотова с премьер-министром Ирана Кавам-эс-Салтане в феврале-марте 1946 г., в ходе которых иранская сторона выразила согласие на укрепление двусторонних отношений при условии сохранения территориальной целостности Ирана и вывода советских войск. Вопрос о предоставлении нефтяной концессии был при этом увязан с новыми выборами в меджлис. Сила позиции Кавама заключалась в том, что США вывели свои войска из Ирана еще до 1 января 1946 г., а Англия завершала вывод своих частей ко 2 марта. Поинтересовавшись у премьера широтой автономии азербайджанцев, Сталин спросил есть ли в иранском Азербайджане свой военный министр и МИД. Получив утвердительный ответ, он сказал «Азербайджанцы хватили через край. Это у них не автономия. У них не должно быть военного министра, министра внешней торговли и министра иностранных дел».³¹ Затем Сталин задал ключевой вопрос, спросив правда ли, что Кавам выступает за установление в Иране республиканского режима. Кавам ответил, что для этого у него есть два пути под благовидным предлогом созвать Учредительное собрание или посадить на престол взамен шаха его сына Ахмед Шаха. Сталин поддержал такой подход и недвусмысленно подчеркнул, что с уходом советских войск Кавам может быть устранен от власти и потому советские войска будут выведены тогда, когда укрепится положение Кавама. Это было прямое заявление о возможной военной поддержке усилий премьера в установлении новой власти в Иране. Однако Кавам отказался от этого, заявив, что, наоборот, он может быть смещен в том случае, если советские войска останутся в Иране.

Пока Кавам готовился к новой встрече со Сталиным, тот решил ускорить развитие событий в Иране. Азербайджанским отрядам был дан сигнал о крупномасштабном выступлении именно в эти дни. 27 февраля иранский премьер обратился к советскому руководству с письмом, в котором отмечал «В то время как я в Москве веду переговоры с высшими советскими инстанциями об улучшении и укреплении взаимоотношений между двумя странами, мною получена телеграмма, согласно которой вооруженные азербайджанские отряды выступили по направлению Гиляна, заняли селение Хаштбар и затем на двух грузовиках напали и заняли селение Карганруд.»³² Он сетовал на то, что советские власти на месте препятствуют отправке иранских войск в Гилян и требовал «не препятствовать свободе действий» иранской жандармерии. На полях письма рукой Сталина была сделана надпись «Сволочь!», наглядно показывающая разочарование вождя.³³

В итоге СССР под давлением международного сообщества был вынужден уступить. В мае 1946 г. советские войска покинули Иран, а СССР так и не получил желанной концессии и транзита к Персидскому заливу.

Еще один политический кризис возник вокруг «турецкого вопроса». Сразу после окончания войны СССР в достаточно жестком тоне стал настаивать на размещении своих военных баз в Турции, пытаясь заручиться при этом поддержкой США и Англии. Это

³⁰ Никита Сергеевич Хрущев. Воспоминания. М... 1997. С. 438.

³¹ Коллекция документов АПРФ

³² Там же

³³ Там же

требование выходило далеко за рамки тех договоренностей, которые были достигнуты в Тегеране и Ялте о свободе прохода советских военных судов через Проливы. 7 августа 1946 г. СССР направил Турции требование о пересмотре конвенции Монтре и создании советских баз. Англия и США восприняли это как угрозу не только Турции, но и своим интересам на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе. В результате США и Англия выступили решительно против этих планов и направили в восточное Средиземноморье свой флот.

В итоге СССР был вынужден отказаться от своей идеи.

Особое место в планах послевоенного устройства Европы занимала Греция. Сталин справедливо относил эту страну к сфере интересов Англии и потому не предпринял на заключительном этапе войны никаких действий, которые могли вести к усилению влияния СССР в Греции. Однако постепенный отход вчерашних союзников от достигнутых в годы войны договоренностей привел к тому, что претерпела эволюцию и позиция советского руководства.

Считая невозможным непосредственное советское военное вмешательство в дела Греции, Сталин избрал испытанную тактику поддержки коммунистического подполья, развития партизанского движения и создания «освобожденных районов» с целью последующего свержения центрального правительства.

В решении этих задач он широко использовал возможности Болгарии, Югославии и Албании. Не удивительно, что «освобожденные районы» создавались греками именно в северных районах страны. Основная военная помощь шла со стороны Югославии.

В западных странах обострение ситуации в Греции было воспринято с большой тревогой. Военный министр США информируя Трумэна о возможных последствиях установления советского контроля над Грецией, предупреждал, что это привело бы к доминированию СССР в Восточном Средиземноморье, изоляции Турции, усилению давления на страны Ближнего и Среднего Востока.³⁴ С учетом этой угрозы США и Англия осенью 1946 г. договорились о совместных действиях против греческих повстанцев и их зарубежных помощников. При этом Англия вызвалась оказывать непосредственную военную помощь, а США — экономическую поддержку.

Масштабная помощь англичан и американцев греческому правительству в борьбе с коммунистами-партизанами по-своему освещалась в советских средствах массовой информации и официальных документах. Эта помощь была расценена исключительно как «вмешательство во внутренние дела Греции» и попытка создать здесь плацдарм для агрессии против народно-демократических режимов Югославии, Болгарии и Албании, а также против СССР. При этом советское руководство не только отмежевывалось от обвинений в оказании Советским Союзом помощи греческим коммунистам, но и отвергало возможное участие в конфликте болгар, югославов и албанцев.

В августе 1947 г. Югославия и Болгария заключили договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Он мог стать первым шагом на пути создания Балканской Федерации. Англия и США, опасаясь этого, подтвердили свою прежнюю позицию. Она была высказана в начале 1945 г. и сводилась к тому, что Болгария не может заключать союзные договоры до вступления в действие мирного договора со странами антигитлеровской коалиции. Кроме того, западные страны выражали беспокойство по поводу того, что такая федерация могла предъявить территориальные требования к Греции (в части Эгейской Македонии).

Не желавший дальнейшего обострения ситуации Сталин также выступил с критикой заключенного договора. Он расценил его как возможный повод для США и Англии, чтобы «усилить военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и

³⁴ См. Wittner L. American Intervention in Greece, 1943–1949. - N.Y., 1982.-P.85-86

Болгарии».³⁵

Ситуация еще более осложнилась в сентябре 1947 г., когда на территории Югославии состоялся III пленум ЦК Компартии Греции, на котором была одобрена идея создания Свободной Греции со столицей в Салониках. Для этого предполагалось увеличить Демократическую Армию Греции в три раза. Перед ней ставилась задача штурма Салоник. У исследователей нет сомнений в том, что в случае удачи, последовало бы признание независимой Греции если и не со стороны СССР, то со стороны Югославии, Болгарии и Албании. Не было исключено и включение ее территории в состав Балканской Федерации.³⁶

Документы ряда архивов (несмотря на крайнюю ограниченность материалов) показывают, что даже в высшем советском руководстве вопросы помощи Греции относились к разряду совершенно секретных. Обнаружены лишь материалы беседы Жданова с Захариадисом, а также несколько писем Сталина и Молотова, по которым можно проследить роль СССР во внутреннем конфликте в Греции. Так, в критические дни сентября 1947 г. находившийся на отдыхе Сталин потребовал от Молотова «срочно удовлетворить все заявки Захариадиса», изложенные в письме, направленном на имя Жданова. Отвечая 23 сентября на это письмо, Молотов докладывал «Заявки Захариадиса удовлетворены, кроме следующих двух позиций, полностью

Вместо просимых им 60 горных пушек, которых у нас нет, посылаются то же количество немецких 37-миллиметровых противотанковых пушек и снаряды к ним. По словам Василевского, такие пушки грекам уже посылались и удовлетворили их.

Нет возможности удовлетворить заявку на помощь обувью и одеждой, ввиду отсутствия у нас обмундирования и обуви иностранных образцов. 100 тысяч долларов будут посланы Захариадису через аппарат т. Сулова».

Тогда же Молотов докладывал Сталину о прибытии в Албанию без предварительной договоренности командующего греческой демократической армией Маркоса, который при встрече с заместителем Э. Ходжи министром Спиру высказал ряд просьб по усилению снабжения греческих партизан. Ходжа спрашивал по этому поводу инструкций из Москвы. Сталин в ответной телеграмме рекомендовал Ходже решить этот вопрос совместно с Тито.

Это был период, особенно тяжелый для греческих повстанцев. Их теснили правительственные и британские войска. Для предотвращения быстрого разгрома греческих партизан Молотов просил Сталина дать приказ о проведении масштабных демонстративных военных маневров на границе с Ираном в Закавказье и Средней Азии для отвлечения англо-американских сил.

В декабре 1947 г. СССР вывел свои войска из Болгарии. Это была демонстрация «невмешательства» СССР во внутренние дела балканских стран. 23 декабря греческие коммунисты заявили о сформировании Временного демократического правительства Греции. Они рассчитывали на быстрое признание его странами социализма.³⁷ Базой нового правительства стала территория Югославии, откуда, в частности, оно обратилось с приветствием к греческому народу в связи с новым, 1948 годом.

Все это вызвало еще более активную реакцию Запада. США, опасавшиеся прямого военного нападения Югославии на Грецию при поддержке СССР прямо предупредили, что такое развитие событий будет считаться актом агрессии против страны-члена ООН со всеми вытекающими последствиями. США не исключали и собственного военного участия в

³⁵ Гиренко Ю.С. Сталин-Тито. М. 1991. С. 325

³⁶ См. Аникеев А.С. Противостояние СССР-США в Юго-Восточной Европе и советско-югославский конфликт 1948 года. // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М. 1995. С. 118–119.

³⁷ Кирьякидис Г.Д. Гражданская война в Греции. 1946–1949. М. 1972. С. 278

конflikте в случае его «интернационализации».

Такое развитие событий не входило в планы Сталина. После долгих колебаний он принял решение уступить. В феврале 1948 г. на встрече с лидерами Югославии и Болгарии Сталин поставил эту задачу открыто. Спросив у собеседников верят ли они в успех греческого восстания, Сталин заявил «Нет у них никаких шансов на успех. Что вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — Соединенные Штаты, самая мощная держава в мире, — допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море! Ерунда. А у нас флота нет. Восстание в Греции надо свернуть как можно быстрее».³⁸ Изменение позиции Сталина было, вероятнее всего, связано с поступающими по линии разведки данными о возможном прямом участии США во главе коалиции государств-членов ООН в «решении греческого вопроса». Не последнюю роль сыграл и разгоравшийся советско-югославский конфликт.

Так или иначе руководству КПГ было высказано мнение «инстанции» о «свертывании восстания». Захариадис воспринял это решение внешне спокойно. В конце апреля 1948 г. греческие повстанцы заявили о намерении пойти на переговоры с центральным правительством. Это еще раз проясняет вопрос о том, где именно принимались решения.³⁹

Поражение СССР и его союзников в Греции привело к серьезному усилению позиций Англии и США в регионе. Опасаясь нового напора с севера, греческое правительство обратилось к Англии и США с просьбой о военной помощи и размещении военных баз на ее территории.

В итоге результат оказался прямо противоположным тому, на который рассчитывал Сталин, идя на поддержку греческих коммунистов — позиции СССР в регионе значительно ослабли.

Одной из центральных в отношениях Запад-Восток в первые послевоенные годы была *германская проблема*. В подходах к ее решению разногласия между СССР и вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции достигли апогея.

В работах отечественных историков достаточно полно раскрыт особый характер оккупационного режима, установленного союзниками для Германии после ее поражения. Его юридической основой стали не Гаагские соглашения начала века, в те, что выработывались «большой тройкой» в ходе войны и сразу после ее окончания. Территория одной из крупнейших европейских и влиятельнейших мировых держав была не частично, а полностью оккупирована на неопределенный срок. Германия утрачивала национальное правительство и другие структуры и символы государственного суверенитета. Властные функции переходили к Контрольному Совету, являвшемуся коллективным органом управления страной державами-победительницами. Государственные, политические и военные деятели Германии, виновные в развязывании второй мировой войны были осуждены Международным трибуналом. Наконец, в своих зонах оккупации каждая из стран-победительниц устанавливала собственные порядки.⁴⁰

Однако, несмотря на разницу подходов, вплоть до 1948 г. решения по германскому вопросу и перспективам его послевоенного решения обсуждались коллективно и принимались согласованно представителями СССР, США, Англии и Франции.

За годы войны советская и англо-американская позиции по германскому вопросу

³⁸ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М. 1992. С.130

³⁹ Интересно, что спустя сорок три года (осенью 1991 г.) один из лидеров греческих коммунистов и активистов гражданской войны Манолис Глезос в условиях краха коммунистических режимов в Восточной Европе и СССР вспоминая о событиях 1946–1948 гг. сказал «Как хорошо, что мы не победили тогда!»

⁴⁰ См.подр. Семиряга М. Советская оккупационная политика в Германии. // Россия и Германия в годы войны и мира. 1945–1996. М. 1995. С. 369–394 и др.

эволюционировали. В декабре 1941 г. на переговорах с Иденом Сталин прямо указывал на необходимость создания на территории поверженной Германии нескольких германских государств (причем, даже название Пруссии должно было уступить место некоему «Берлинскому государству», которого история не знала), а Иден возражал ему, справедливо отмечая, что в таком случае «возникнет ирредентистское движение, которое в недалеком будущем вновь объединит всю страну».⁴¹ Теперь, после окончания войны, Сталин выступал с идеей сохранения единства Германии (не без оснований надеясь на усиление советских позиций в центральной Европе). США и Англия, напротив, опасаясь этого, делали ставку на укрепление своих позиций и «демократизацию» западных районов оккупированной Германии. Твердая позиция вчерашних союзников и результаты выборов в различных оккупационных зонах, прошедших в 1946–1947 гг. заставили Сталина изменить позицию в германском вопросе и сосредоточить усилия на закреплении в Восточной Германии, которая теперь должна была стать оплотом будущих «демократических преобразований» во всей стране.

В отличие от США и Англии, советское руководство не стало вести специальной подготовки кадров по управлению Германией. Летом 1945 г. была создана Советская военная администрация по управлению советской зоной оккупации в Германии (СВАГ) во главе с Маршалом Г. К. Жуковым. Никаких специальных структур в Москве для политического решения германской проблемы создано не было. Все политические вопросы по Германии принимались лично Сталиным.

Советская военная администрация первоначально имела в своем составе 136 районных и 272 городских комендатуры, а также 88 комендатур в городских районах и 309 комендатур — в крупных сельских населенных пунктах. По данным М. Семиряги, это означало, что в среднем одна комендатура приходилась на 30–35 тысяч жителей.

Центральное место в осуществлении оккупационной политики СССР в Германии принадлежало советским оккупационным войскам, составлявшим первоначально до 700 тысяч чел. Они играли не только ключевую роль в наведении в случае необходимости порядка в самой Германии, но и были важным фактором, определявшим расстановку сил в центральной Европе между Востоком и Западом.

Опасаясь возрождения прусского милитаризма, советское руководство провело земельную реформу, запретившую крупное землевладение. Тем самым удар был нанесен по прусскому юнкерству. Из Восточной Пруссии, отошедшей к Советскому Союзу, а также из восточных районов Польши было интернировано немецкое население (по некоторым данным — до 12 миллионов человек).

С объединением в апреле 1946 г. Коммунистической партии Германии и Социал-Демократической партии Германии в Социалистическую Единую партию Германии был фактически взят курс на строительство социализма в Восточной Германии.

Репарационная политика СССР в Германии носила весьма противоречивый характер. СССР, как наиболее пострадавшая от гитлеровцев страна получила право на возмещение материального ущерба в размере 10 миллиардов долларов (в ценах 1945 г.). Однако, вскоре, из-за политических разногласий западные союзники СССР стали чинить препятствия в этом. В результате советское руководство сделало ставку на максимальное выкачивание материальных ресурсов из Восточной Германии, а также вывоз в СССР немецкой собственности в Польше. Это привело к тому, что в советской зоне оккупации было демонтировано и вывезено в СССР до 45 % всех промышленных предприятий (в то время, как в западных зонах оккупации — не более 8 %), угнано более 2 миллионов голов скота. По некоторым данным, стоимость поставок в СССР в конечном счете составила до 30 млрд долларов. Это не могло не привести к значительному снижению жизненного уровня в восточной части Германии, повлекшему за собой усиление экономической помощи со

⁴¹ См. Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 22

стороны СССР с конца 40-х гг.

Уже со вступлением советских войск на территорию Германии в начале 1945 г. Верховным Командованием наших войск был издан приказ, предписывавший «Мобилизовать на территории фронтов. всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет.» Из них были сформированы рабочие батальоны по 750-1200 человек в каждом для использования на работах по восстановлению разрушенных городов и сел Украины и Белоруссии.⁴² Аналогичным образом действовали после войны руководители Польши и Чехословакии. На их территории силами мирного населения Германии велось восстановление разрушенных железных и шоссейных дорог, предприятий, жилых построек. Имели место и случаи, когда немцам-рабочим на коленях, груди и спине крепились изображения свастики. Это должно было напоминать действия фашистов против евреев в годы войны.

Уже во второй половине мая 1945 г. на советских предприятиях трудилось около 300 тысяч арестованных и интернированных немцев из числа мирного населения. Лишь к концу лета победного года советские власти отпустили женщин с грудными детьми, беременных и больных инфекционными заболеваниями.

Тем не менее продолжался вывоз из Германии в СССР немецких специалистов на постоянную работу. В течение 1945–1946 гг. их численность составила десятки тысяч человек. Это явление приняло такой широкий размах, что начались протесты не только немецких властей западных секторов Берлина, но и американской и английской оккупационной администрации. С ними не могли не считаться советские официальные лица. Их действия были порой весьма неуклюжими. Так, осенью 1946 г. Сталину докладывал генерал И. Серов из Берлина о том, что в связи с протестами секретаря СДП в английской зоне оккупации Нормана против вывоза немецких специалистов из Германии целесообразно дать специальное сообщение в печати. В итоге в газетах, выходящих в советской зоне оккупации было помещено сообщение «Как стало нам известно от нашего корреспондента, за последние дни из Советской зоны оккупации Германии выехало несколько групп немецких инженеров и техников для работы в Советском Союзе по своей специальности. Многие из них взяли также и семьи. Для немецких инженеров с семьями были предоставлены пассажирские вагоны, а для их имущества товарные вагоны».⁴³ Подробности о вагонах были необходимы для того, чтобы немцы поверили, что их соотечественников вывозили не в «теплушках», а в обычных пассажирских вагонах.

Несмотря на разницу политических подходов к решению германской проблемы, бывшие союзники были едины в том, чтобы не допустить возрождения сильной Германии. На встрече со Сталиным 15 апреля 1947 г. в Москве госсекретарь США Маршалл прямо заявил, что «США глубоко встревожены относительно любой процедуры, которая ведет к созданию сильного централизованного правительства в Германии. США считают, что все то, что ведет к созданию сильного централизованного правительства в Германии, таит в себе величайшую опасность».⁴⁴ Советский вождь, естественно, согласился с ним.

Перелом в решении германского вопроса наступил в 1948 г., когда в феврале-июне в Лондоне состоялась конференция представителей шести западных стран (США, Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга) по Германии. На ней было принято принципиальное решение о создании на базе провозглашенного «плана Маршалла» сильного союзного Западу германского государства, главной миссией которого должно было стать

⁴² РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 369. Л. 3

⁴³ Коллекция документов АПРФ

⁴⁴ Там же

«противодействие советской экспансии» в Европе. Интересно, что последними смирились с идеей возрождения сильного и опасного соседа французы.

Это решение положило начало первому в послевоенной истории серьезному осложнению отношений СССР с бывшими союзниками по германскому вопросу. Создание западногерманского государства в западных оккупационных зонах было воспринято Сталиным как возрождение германского милитаризма и реваншизма, непосредственная угроза позиции СССР в послевоенной Европе. Однако до конкретных решений на этот счет Москва не шла дальше воинственных и сильных заявлений и дипломатических шагов.

Положение изменилось после проведения 18 июня 1948 г. денежной реформы, введившей в западных районах Германии твердую, укрепленную Западом немецкую марку. Это было воспринято Сталиным как вызов, тем более, что наличие новой валюты подрывало позиции советской военной администрации в Берлине. Ответом СССР стало фактическое объявление блокады западных секторов Берлина. Сталин, вероятно, рассчитывал на то, что теперь будет установлен советский контроль над Западным Берлином. При этом его не испугали комментарии западных газет о возможности применения американцами ядерного оружия против советских войск в Германии. По свидетельству П. А. Судоплатова, «мы знали, что у американцев не было нужного количества атомных бомб, чтобы противостоять нам одновременно в Германии и на Дальнем Востоке, где решалась судьба гражданской войны в Китае».⁴⁵ Однако, американцы, не имея возможности доставлять в Берлин военные грузы, продовольствие и людей по суше, установили воздушный мост, по которому осуществляли снабжение Западного Берлина всем необходимым вплоть до мая 1949 г. Одновременно началась и шла полным ходом работа над новой германской Конституцией. Она была принята в четвертую годовщину поражения Германии в войне — 8 мая 1949 г. и вступила в силу через две недели. Сталину не оставалось ничего другого как признать свершившимся фактом образование крупного германского государства прозападной ориентации — Федеративной Республики Германии.

Создание ФРГ означало утрату советским руководством возможности принимать участие в обсуждениях и решениях по общегерманским вопросам.

Стремясь изменить ситуацию, Сталин выступил с новой инициативой — о создании единой нейтральной Германии. Он был готов поступиться своими приоритетными интересами в Восточной Германии ради сохранения (вместе с США, Англией и Францией) совместного контроля над единой Германией. Однако это предложение даже не стали рассматривать ни в Бонне, ни в Вашингтоне, ни в Лондоне, ни в Париже.

Сталин не терял надежды на возможность договориться вплоть до 20 сентября 1949 г., когда было объявлено о создании правительства во главе с К. Аденауэром в Бонне. Новый канцлер заявил с самого начала о том, что его правительство выражает интересы и представляет всех немцев, включая и тех, кто жил в восточной зоне оккупации. Теперь надо было поторопиться сохранить за собой не только фактическое, но и юридическое положение в Восточной Германии.

Сталин дал наконец согласие на образование ГДР. 7 октября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «принять представленный МИД СССР проект заявления Главноначальствующего Советской Военной Администрацией в Германии генерала армии Чуйкова В. И.».⁴⁶ Ему было поручено довести это решение до сведения «немецких товарищей» и выступить 10 октября с соответствующим заявлением. За основу Конституции ГДР были взяты основные положения Конституции Веймарской республики.

Однако и после этого Сталин не спешил разрешать восточным немцам создавать собственную армию. Не давал он самостоятельности и в политических вопросах. Даже

⁴⁵ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М. 1996. С. 250

⁴⁶ Коллекция документов АПРФ

вопрос установления дипломатических отношений между ГДР и Индией был положительно решен после соответствующего решения Политбюро ЦК ВКП(б), да к тому же через советскую администрацию в ГДР.

Интересно, что уже после смерти Сталина Берия попытался вернуться к идее создания единой нейтральной Германии, которая, по его мнению, была более выгодна Советскому Союзу, чем «постоянно нестабильная социалистическая Германия, существование которой целиком зависит от поддержки Советского Союза». ⁴⁷ Но эти его предложения были позже вменены ему в вину как «отказ от идеи строительства социализма в ГДР». Никто в пылу критики уже не вспоминал о том, что и Молотов в июне 1953 г. выступил против идеи В. Ульбрихта о форсированном строительстве социализма в ГДР.

Раскол Германии был завершен. Завершающим его аккордом стало вступление ФРГ в НАТО, а ГДР — в Организацию Варшавского Договора.

По мере усиливающегося расхождения со вчерашними союзниками в строительстве послевоенного мира менялось отношение советского руководства и к формам контроля над ситуацией в странах «народной демократии». Они постепенно становились элементами *мировой социалистической системы*.

Позиции СССР в странах Восточной Европы были сильны уже на завершающем этапе второй мировой войны. Левые политические силы, ориентированные на Советский Союз если не возглавили, то во всяком случае вошли в состав правительств Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии. Дружественные отношения были установлены с лидером Югославии Тито. Просоветский режим Ходжи был установлен в Албании. Ким Ир Сен возглавил северокорейское правительство.

Однако поначалу Сталин выполнял договоренности, достигнутые в отношении этих стран в Ялте и Потсдаме. Он предпочитал действовать осторожно, с учетом общественного мнения и позиции западных стран. Он даже советовал Тито снять красные звезды с военной формы Югославской народной армии, чтобы «не пугать англичан». ⁴⁸ Тем не менее, свои ключевые интересы он и тогда старался не ущемить. Ключевым для Сталина был вопрос о составе правительств этих стран. Они были в период 1945–1947 гг. преимущественно коалиционными. Используя силу, Москва прямо указывала кто должен, а кто не должен входить в состав кабинетов министров стран «народной демократии». В ноябре 1945 г. «четверка» (Молотов, Берия, Маленков и Микоян) с согласия Сталина дала указание Ворошилову, следившему в Будапеште за формированием состава нового правительства Венгрии «не возражать против. распределения мест в новом венгерском правительстве между партиями, но настаивать на получении коммунистами министерства внутренних дел вместо министерства финансов, которое предложить партии мелких сельских хозяев». ⁴⁹

Более того, в случаях, когда коммунисты стремились быстрее укрепить свои позиции и сформировать однородные коммунистические правительства, Сталин их «поправлял». В Болгарии, например, вернувшийся в 1944 г. Г. Димитров предпринял меры к уничтожению политической оппозиции внутри страны сразу после утверждения у власти. Были репрессированы все крупные деятели прежнего режима, которые потенциально могли создать или возглавить альтернативные политические силы. Один из руководителей болгарской разведки генерал И. Винаров так оценивал позже эту акцию в беседе с коллегой из НКВД П. Судоплатовым «Мы использовали ваш опыт и уничтожили всех диссидентов, до

⁴⁷ См. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М. 1996. С. 415

⁴⁸ Джилас М. Лицо тоталитаризма. С.58

⁴⁹ Коллекция документов АПРФ

того как они смогли сбежать на Запад». ⁵⁰

Не удивительно, что на выборах в октябре 1946 г. победу одержали коммунисты, получив 277 мандатов, в то время как Болгарский Земледельческий Народный Союз — 69, социал-демократы — 9, «Звено» — 8 и радикалы — 1 место. Стремясь развить этот успех, Димитров отказался, по существу, вести диалог с остатками оппозиции. Сталин по этому поводу обеспокоено писал «Позиция Болгарского цека. по вопросу об оппозиции вызывает сомнение. Димитров и др. видимо хотят отказаться от всяких переговоров с представителями оппозиции по вопросу о формировании правительства. Такую установку нельзя признать гибкой и осмотрительной. Конечно следовало бы составить правительство без оппозиции. Но если оппозиция обратится к Отечественному фронту с предложением начать переговоры о составлении коалиционного правительства, было бы опрометчиво со стороны Отечественного фронта отказаться от таких переговоров. Возможно, что оппозиция не обратится с предложением о коалиционном правительстве. В таком случае можно было бы плюнуть на оппозицию, взвалив вину на последнюю.». ⁵¹ Для того, чтобы добиться желаемого и при этом не испортить репутацию в глазах международной общественности, Сталин предлагал «переговоры. вести так, чтобы заставить оппозицию сорвать переговоры и взвалить всю вину на нее». ⁵² Это был поистине ленинский урок 1917 г., когда представителям социалистических партий были предложены заведомо неприемлемые условия вхождения в первое советское правительство, после чего Ленин имел возможность восклицать «Не наша вина, что эсеры и меньшевики ушли. Им предлагали разделить власть. К участию в правительстве мы приглашали всех». ⁵³ «Ни Ленин, ни я, — вспоминал позже Троцкий, — не возражали вначале против переговоров о коалиции с меньшевиками и эсерами, при условии прочного большинства за большевиками и признания этими партиями власти Советов, декретов о земле и мире и т. д. Мы не сомневались, что из переговоров ничего не выйдет. Но нужен был предметный урок». ⁵⁴

В Северной Корее пошли еще дальше — на ключевые посты в правительстве, армии, полиции были назначены советские корейцы, направленные в «командировку» в КНДР.

Таким образом, вплоть до 1947 г. советское руководство стремилось укрепить свои позиции в восточноевропейских странах через коммунистическое большинство в парламентах и правительствах. Это было необходимо для того, чтобы никто не обвинил СССР в нарушении основополагающих принципов, закрепленных в решениях Ялтинской и Потсдамской конференций — проведении свободных выборов во временно оккупированных европейских странах.

Ситуация изменилась в 1947 г. По признанию современников, «в 1947-м, но никак не в 1945 году, Сталиным был взят курс на преобразования по советскому образцу в странах Восточной Европы». ⁵⁵

И главной причиной тому стали события вокруг плана Маршалла. 5 июня 1947 г.

⁵⁰ Судоплатов П. Указ соч., С.277

⁵¹ Коллекция документов АПРФ

⁵² Там же

⁵³ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т.35. С. 36

⁵⁴ Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций Поправки и дополнения к литературе эпигонов. — М. 1990. С. 128

⁵⁵ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М. 1995. С. 32

госсекретарь США Маршалл выступил в Гарвардском университете с заявлением, в котором заявил о необходимости срочного предоставления экономической помощи европейским государствам для быстрой ликвидации последствий второй мировой войны. Однако альтруистичным это заявление выглядело лишь на первый взгляд. За ним скрывался вполне очевидный политический расчет. С одной стороны, США стремились повысить отдачу от своей экономической помощи (к этому времени ее объемы превысили 9 млрд долларов). С другой, при помощи рыночных механизмов предполагалось показать преимущества западной экономической системы. В случае же, если к плану Маршалла присоединятся и восточноевропейские страны (на что также делался расчет), США предполагали значительно ослабить выросшее влияние СССР в этом регионе. Одной из главнейших задач была экономическая интеграция западных районов Германии в общеевропейскую рыночную экономику. Это означало бы ослабление позиций СССР в Германии. Тесное экономическое сотрудничество с США должно было, конечно, «привязать» западноевропейские страны к заокеанскому партнеру и в политическом плане. Наконец, массовые экономические заказы из Европы должны были уберечь экономику США от надвигавшейся депрессии.

К плану Маршалла могли присоединиться любые страны, включая и СССР. 19 июня 1947 г. Англия и Франция выступили с обращением к советскому руководству, в котором одобряли план Маршалла и призывали СССР принять участие в специальном заседании совета министров иностранных дел в Париже 27 июня.

В Москве это приглашение, как и саму идею экономического возрождения Европы при участии США оценили положительно. 21 июня Политбюро одобрило проект ответа правительствам Англии и Франции о созыве СМВД, а 24 июня утвердило делегацию на эту встречу во главе с Молотовым. При отъезде из Москвы помощник Молотова Ветров прямо заявил Судоплатову о том, что «наша политика строится на сотрудничестве с западными союзниками в реализации плана Маршалла, имея в виду прежде всего возрождение разрушенной войной промышленности на Украине, в Белоруссии и в Ленинграде». ⁵⁶

Накануне открытия встречи СМВД ряд стран «народной демократии» обратились к советскому руководству с просьбой информировать их о ходе обсуждения этой проблемы.

Тем временем по линии разведки советское руководство получило сообщение от Д. Маклина, в котором он со ссылкой на Э. Бевина сообщил, что главная цель плана Маршалла — установление американского экономического господства в Европе. Предполагалось, что новая экономическая организация по восстановлению европейской промышленности будет находиться под контролем американского капитала. Кроме того, с момента начала реализации этого плана предлагалось прекратить взимание репараций с Германии. ⁵⁷ После этого позиция СССР на парижской встрече радикально изменилась. Суть ее отразил Молотов в своем официальном заявлении 2 июля «Совершенно очевидно, что европейские страны окажутся подконтрольными государствами и лишатся прежней экономической самостоятельности и национальной независимости в угоду некоторым сильным державам. Куда это может повести? Сегодня могут нажать на Польшу — производи больше угля, хотя бы и за счет ограничения других отраслей польской промышленности, так как в этом заинтересованы такие-то европейские страны; завтра скажут, что надо потребовать, чтобы Чехословакия увеличила производство сельскохозяйственных продуктов и сократила свое машиностроение, и предложат, чтобы Чехословакия получала машины от других европейских стран. Что же тогда останется от экономической самостоятельности и суверенитета таких европейских стран?». ⁵⁸ Больше всего Москву тревожило то, что кто-то, а

⁵⁶ Судоплатов П.А. Указ. соч., С. 274

⁵⁷ Там же. С. 274–275

⁵⁸ Коллекция документов АПРФ

не она будет впредь определять экономическое развитие своих восточноевропейских союзников.

Молотов возвратился в Москву, а Бидо заявил об открытии 12 июля в Париже совещания министров иностранных дел европейских стран. СССР также был приглашен на эту встречу, однако хлопнув дверью, было трудно вновь войти в нее. Вслед за СССР о своем отказе участвовать в совещании заявили лидеры ряда восточноевропейских стран. Но Молотов 5 июля направил шифровку Тито, Георгиу-Дежу, Ракоши, Димитрову, Готвальду, Куусинену и Ходже, в которой предлагал участвовать в этой встрече, чтобы «помешать американцам единодушно провести их план, а потом уйти с совещания и увести с собой возможно больше делегатов от других стран».⁵⁹ На следующий день руководители этих стран были приглашены в Москву для «инструктажа». 7 июля Молотов шлет им новую директиву, в которой «советует» не давать ответа в Париж до 10 июля, т. к. «друзья высказываются против участия в совещании 12 июля, поскольку СССР в совещании не будет участвовать». Вероятнее всего, Сталин испугался возможного согласия своих союзников на увещевания Маршалла. В тот же день Молотов шлет новую шифровку в союзные столицы и отмечает, что в Париже «под видом выработки плана восстановления Европы инициаторы совещания хотят на деле создать западный блок со включением в него западной Германии».⁶⁰ Поводом к этой телеграмме послужили новые разведанные, полученные этим днем. В связи с этим Молотов «отменил» свою телеграмму от 5 июля и предлагал ни в коем случае не посылать своих представителей на этой совещание. При этом самостоятельность каждой страны должна была проявиться в том, что «мотивы отказа каждая страна может представить по своему усмотрению».⁶¹

8 июля последовал «отбой» на встречу лидеров соцстран в Москве. В тот же день ТАСС без согласования дал информацию о решении правительств ряда стран не посылать своих представителей в Париж. Это сообщение вызвало в восточноевропейских столицах переполох. Как сообщал посол СССР в Варшаве Лебедев, президент Польши Б. Берут «обратил внимание Советского правительства на то обстоятельство, что Польское правительство никакого решения по этому вопросу не принимало, вследствие чего было бы желательным, чтобы агентство ТАСС как можно скорее внесло надлежащую поправку в свое сообщение. Делая мне это заявление, Берут был очень взволнован, так как такое сообщение ТАСС, по его мнению, ставит руководство ПНР в очень трудное положение в отношении их партнеров по демократическому блоку».⁶²

Еще серьезнее дело обстояло с позицией Чехословакии. В отличие от других стран «народной демократии», она почти сразу после получения телеграммы из Москвы от 5 июля дала согласие на участие в парижской встрече и назначила своим представителем на встрече посла в Париже Носека. Поэтому в новой ситуации, сложившейся 7 июля правительство Чехословакии не сочло возможным отказаться от участия в парижской встрече и твердо стояло на своем. Даже Готвальд заявил послу СССР в Праге, что ничего поделать нельзя, так как правительство уже приняло решение, которое опубликовано в печати. Однако оказалось, что изменить все можно. Сталин потребовал срочного приезда в Москву руководства Чехословакии. 9 июля, принимая ее в Москве, он в ультимативной форме потребовал отказа от участия в парижской встрече. «Своим участием в Париже вы были бы использованы в

⁵⁹ Там же

⁶⁰ Там же

⁶¹ Там же

⁶² Там же

качестве инструмента против СССР. Этого ни советский Союз, ни его правительство не допустили бы».⁶³ В зависимость от решения по данному вопросу Сталин поставил и вопрос о дальнейшей экономической помощи Советского Союза Чехословакии. 11 июля правительство Чехословакии приняло новое решение — в парижском совещании не участвовать. Как заявил по возвращении из Москвы министр иностранных дел Я. Масарик, «я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся как сталинский лакей!».

Думается, что именно эта особая позиция чехов летом 1947 г. ускорила выработку в Москве «нового курса» в отношении своих восточноевропейских союзников.

Во всяком случае в отношении Чехословакии Сталин решил действовать решительно. В феврале 1948 г. чехословацкие коммунисты спровоцировали правительственный кризис, ставший поводом для захвата власти. Ключевой фигурой, которая могла этому воспрепятствовать был президент Э. Бенеш. Для его нейтрализации была избрана тактика шантажа. Эту операцию должен был осуществить П. А. Судоплатов. Он вспоминал «Молотов приказал ехать в Прагу и, организовав тайную встречу с Бенешем, предложить ему с достоинством покинуть свой пост, передав власть Готвальду, лидеру компартии Чехословакии». Чтобы напомнить Бенешу о его тесных связях с НКВД он должен был показать ему расписку на десять тысяч долларов, подписанную его секретарем в 1938 г. (деньги были необходимы на срочный выезд из страны в условиях фашистской агрессии). В том случае, если Бенеш оказался бы невосприимчив и к этому, Судоплатов должен был предупредить его о готовности «организовать утечку слухов об обстоятельствах его бегства из страны и оказанной ему финансовой помощи для этого, тайном соглашении о сотрудничестве чешской и советской разведки, подписанном в 1935 г. в Москве, секретном договоре о передаче нам Карпатской Украины и об участии самого Бенеша в подготовке политического переворота в 1938 г. и покушения на премьер-министра Югославии».⁶⁴ Для возможной поддержки готовящегося переворота в Чехословакию из Москвы была направлена бригада специального назначения в составе 400 человек. Однако она не потребовалась.

Сыграл ли свою роль этот шантаж, или Бенешу больше импонировало высказанное положение о том, что только он может обеспечить плавную и бескровную передачу власти коммунистам (которая произойдет при любых условиях, как его заверили эмиссары Москвы), но через месяц он передал власть Готвальду.

Трагичной и загадочной оказалась судьба министра иностранных дел Я. Масарика. По официальной версии 10 марта 1948 г. он выбросился из окна Чернинского дворца, в котором размещался МИД. Однако сразу после его смерти были высказаны предположения об убийстве этого популярного политика. Лишь недавно в прежде секретных архивах ЦК КПЧ было обнаружено предсмертное письмо Масарика Сталину, написанное им за день до смерти. «В Чехословакии уже нельзя вести речь о свободе, — писал он. — Свобода подменяется подавлением политических противников партии. Готовится почва для установления полицейского, авторитарного режима. Я не могу жить без свободы, но и не в силах ее отстаивать. Потому что Ян Масарик не может бороться с Россией и ее правительством. Я — узник собственной совести. Мне остается только умереть. У вас еще есть время отказаться от политики советизации моей страны. Поторопитесь, очень скоро может быть поздно!»⁶⁵

Принятие плана Маршалла западноевропейскими странами стало одним из важнейших

⁶³ Там же

⁶⁴ Судоплатов П. Указ. соч., С. 277

⁶⁵ Цит. по Ярошевский В. «Господин Сталин, мне остается только умереть...» // Известия. 1998. 4 апреля

шагов по завершению раскола Европы на два лагеря. Были предприняты первые шаги по строительству военных блоков. В СССР началась открытая кампания борьбы против «преклонения перед Западом». В странах «народной демократии» началась открытая «коммунизация» власти и общества.

Важным шагом на пути к этому стала встреча представителей коммунистических партий в Шклярской Порембе в конце сентября 1947 г.

Первоначально идея созыва такого совещания обсуждалась между лидером польских коммунистов В. Гомулкой и Сталиным весной 1947 г. Тогда речь шла о создании информационного печатного органа коммунистов. Именно на такую встречу в Польшу и приглашал представителей девяти коммунистических партий Гомулка. Однако к моменту ее проведения изменилась ситуация (главным образом, вокруг плана Маршалла), которой не преминул воспользоваться Сталин. Направив на эту встречу Жданова и Маленкова, он поручил им добиваться, по сути, воссоздания международного коммунистического органа.

На встрече представители ВКП(б) не просто «поставили оценки» деятельности братских партий, но и определили перед ними задачи в новой обстановке. Главной в их числе становилась задача завоевания (или монополизации) власти и использования ее для проведения внутренней и внешней политики по образу и подобию советской.

В докладе Жданова впервые была сформулирована «концепция двух лагерей» — империалистического, антидемократического и антиимпериалистического, демократического, а традиционное прежде понятие «СССР» уступило место новому — «демократический лагерь». Нападкам подверглись не только империалисты США, но и французские социалисты, а также коллеги польских и чехословацких коммунистов по правительственной коалиции. Жданов недвусмысленно дал понять, что в новых условиях важнейшим долгом коммунистов во всех странах, особенно там, где они входят в состав правительства, является оказание помощи и поддержке Советскому Союзу. «Поскольку во главе сопротивления новым попыткам империалистической экспансии стоит Советский Союз, — говорил он, — братские компартии должны исходить из того, что, укрепляя политическое положение в своих странах, они одновременно заинтересованы в укреплении мощи Советского Союза, как главной опоры демократии и социализма». ⁶⁶ Далее он выразил несогласие с тем, что некоторые деятели братских партий подчеркивают свою независимость от Москвы. «Москва никого не ставила и не желает ставить в зависимое положение, — заявил Жданов, — нарочитое подчеркивание этой «независимости» от Москвы, «отречение» от Москвы по сути дела означает угодничество, приспособленчество, подыгрывание тем, кто считает Москву врагом». ⁶⁷

В итоге был создан Коминформ, на который была возложена задача «организации обмена опытом и, в случае необходимости, координации деятельности компартий на основе взаимного согласия. Печатный орган должен был выходить раз в две недели. Местом пребывания Коминформа становился Белград.

Реакция политиков и печати Запада на создание Коминформа была однозначно негативной. Оно воспринималось как воссоздание Коминтерна. Коммунистические деятели ведущих азиатских стран выступили нейтрально, объявив создание Коминформа «делом европейских компартий». Распространявшиеся в целях зондажа (скорее всего со стороны компартии Китая) настроения азиатских коммунистов слухи о созыве в Харбине аналогичного совещания представителей азиатских коммунистических партий с целью создания «азиатского Коминформа» были отвергнуты.

В 1948 г. ЦК ВКП(б) отклонил как «нецелесообразные» предложения о проведении аналогичного форума коммунистов арабских стран.

⁶⁶ Подр. см. Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М. 1994. С. 53

⁶⁷ РГАСПИ. Ф.77. Оп.3. Д. 91. Л. 44

Вскоре сбылись прогнозы тех аналитиков, которые полагали, что Коминформ будет использован в качестве инструмента для проведения советской внешней политики и вмешательства во внутренние дела европейских коммунистических партий. Уже на первой встрече «дружеской проработке» подверглись представители французской и итальянской компартий, а в 1948 г. — югославы.

Все чаще зазвучали призывы к «усилению борьбы» в коммунистических партиях против оппортунизма. Вскоре они переросли в прямые обвинения в шпионской и враждебной деятельности.

В сентябре 1949 г. начался судебный процесс над «шпионско-бандитской группой Райка-Бранкова» в Венгрии. Бывший министр внутренних, а затем иностранных дел Венгрии был обвинен в связях с «кликой Тито» и приговорен к повешению. Власти не исключали возможности проведения публичной казни.

Это была только «первая ласточка», за которой должны были последовать и последовали показательные процессы в большинстве стран «народной демократии».

В том же году начал готовиться громкий процесс в Болгарии. На скамье подсудимых оказался бывший секретарь ЦК и заместитель главы правительства Т. Костов. Вместе с ним на скамье подсудимых оказались и другие партийно-государственные деятели. Прямые указания Сталина сыграли в этом деле далеко не последнюю роль.

12 октября 1949 г. Сталин писал Коларову и Червенкову в Болгарию «Мы получили сообщение нашего посла о Вашей беседе с ним по вопросу о начальнике генерального штаба Кинове и о показании арестованных, которые говорят о том, что к заговорщической деятельности причастны Кинов и некоторые другие военные. В связи с этим мы считаем необходимым сообщить Вам следующее наше мнение. В отношении лиц, изоблеченных в заговорщической деятельности как гражданских, так и особенно военных, советуем действовать быстро и решительно, не ограничиваясь снятием их с постов, арестовывать их». ⁶⁸

Оценивая позже вклад советских товарищей в это дело, Червенков (позже также репрессированный с подачи Сталина) отмечал «Костова мы разоблачили своевременно. Этим мы обязаны ВКП(б) и товарищу Сталину». ⁶⁹

Самым громким политическим процессом стало «дело Сланского» в Чехословакии.

Еще в 1949 г. лидер венгерских коммунистов Ракоши сообщил Готвальду, что в ходе следствия по «делу Райка» были названы имена чехословацких партработников Э. Лебла и В. Нового. Они были сразу арестованы. В ходе следствия из них буквально «выбили» еще целый ряд фамилий деятелей партии и государства, которые «вели шпионскую деятельность в интересах мирового империализма». Со временем стало ясно, что главной фигурой на готовящемся большом процессе может стать сам лидер коммунистов. Однако вплоть до осени 1951 г. Сталин не давал согласия на арест Сланского. Время было выбрано неслучайно — в Москве набирало обороты «дело Еврейского антифашистского комитета». В официальной пропаганде как в Москве, так и в Праге и других столицах «народно-демократических» стран прямо указывалось, что с провозглашением Государства Израиль и подчинением его США «сионистские организации всех разновидностей стали филиалами американской разведки. Это действительно идеальный инструмент для проникновения в рабочее движение, для вербовки агентов внутри коммунистических партий». ⁷⁰

Инициатива в раскручивании «дела Сланского» принадлежала, как показывают

⁶⁸ Коллекция документов АПРФ

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 73. Л. 4

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 248. Л. 11-12

документы, вовсе не чехословацким коммунистам. В мае 1951 г. советник МГБ СССР при министерстве национальной безопасности Чехословакии Боярский направил в адрес Абакумова записку, в которой информировал его о том, что следственным путем получены данные о подрывной деятельности еврейских националистов, проникших на руководящие посты в партийный и государственный аппарат Чехословакии. Были приведены, в частности, выбитые у Лебла данные о том, что «еврейских националистов поддерживает генеральный секретарь Сланский, который связан с американским журналистом-разведчиком Герингером, а его брат Рихард Сланский связан с английским разведчиком Лиасом». Далее он отмечал, что «Сланский происходит из старой еврейской семьи, обладает большим влиянием в партии» и поэтому все буржуазные еврейские националисты ориентируются на Сланского». ⁷¹ Эти материалы тогда же были доложены и Готвальду.

В начале сентября 1951 г. пленум ЦК КПЧ обсуждал состояние внутривнутрипартийной работы. Его участники отметили большие недостатки в работе ЦК, в особенности в деле подбора и расстановки кадров. В частности, было прямо сказано о том, что руководство ЦК осуществляет единолично Сланский. После пленума Готвальд обратился к ЦК ВКП(б) с просьбой оказать помощь в наведении порядка в организационно-партийной работе. Политбюро ЦК ВКП(б) уже 14 сентября приняло решение направить в помощь КПЧ ответственного работника ЦК Е. И. Громова и члена Оргбюро, зав. планово-финансово-торговым отделом ЦК Н. Н. Шаталина.

В ноябре 1951 г. сотрудник МГБ СССР Есиков докладывал министру госбезопасности Игнатьеву о встрече с Готвальдом по поводу набиравшего силу «дела Сланского». Обращает внимание реакция Готвальда на «открытия» работников МГБ. Он не только «просил тщательно разобраться с этим делом», но и «выразил удовлетворение работой министерства государственной безопасности, которое в ряде случаев через голову партийных руководителей занимается чисткой рядов партии». Он обращал внимание и на то, что «имеется тенденция уйти из-под руководства партии и стоять над ней», в результате чего органы безопасности «могут попасть в руки какого-нибудь афериста и принести вред делу безопасности страны». ⁷²

Просьба Готвальда была удовлетворена и «разбираться» в Прагу направился специальный эмиссар — работник центрального аппарата МГБ СССР полковник Бесчастнов. Лишь после его вмешательства Сланский был арестован. 28 ноября 1951 г. он докладывал Игнатьеву о полученном от Сланского тексте его письма в адрес Президиума ЦК КПЧ. В нем он отмечал, что «никогда в жизни партии не изменял, не вредил, с агентами врагов не договаривался». Он признавал свою близорукость и доверчивость к «плохим людям», потерю бдительности, легкомыслие на идеологическом фронте. Еще надеясь на справедливость, он просил «не выносить заранее» публичных оценок его деятельности. Он прекрасно понимал, что пока нет таких официальных оценок еще можно надеяться на сохранение жизни.

Есть основание полагать, что у следственных органов Чехословакии просто не было к этому времени серьезных документальных оснований для обвинений Сланского. С приездом Бесчастного они вдруг появились. Было обнаружено некое письмо «закордонного агента министерства национальной безопасности Чехословакии», которое, якобы, было получено Сланским от сотрудника американской разведки Франка. В нем Сланскому предлагалось уйти на запад и давались пароли. Вслед за этим Сланский был обвинен в том, что в 1946 г. разрешил вернуться в Чехословакию группе бывших участников интернациональных бригад в Испании, которые «оказались троцкистами и которых он впоследствии выдвинул на руководящие посты». Отсюда делался вывод о том, что «Сланский лично руководил

⁷¹ Коллекция документов АПРФ

⁷² Там же

расстановкой троцкистов и еврейских националистов на руководящие посты в государственном аппарате Чехословакии».

«Нашлось» и письмо некоей Клойберовой Ирэны в Австрию, которое еще в 1949 г. поступило в МГБ СССР (!) и только в декабре 1951 г. обнаружилось. При его специальной обработке была обнаружена тайнопись, а на одной из страниц — подпись Сланского. Расшифрованный текст свидетельствовал о том, что «секретариат ЦК КПЧ вынес решение ослабить прогресс социализма на всех участках, потому что он является слишком суровым для Чехословакии».

Интересно и то, что в одном из донесений в Москву Бесчастный прямо указывал, что «органы государственной безопасности Чехословакии наиболее активно стали проводить следствие после решения Политбюро ЦК ВКП(б), с которым приезжал в Чехословакию один из членов Политбюро». Обнаружить эти документы в архивах пока не удалось.

Что касается всей переписки по делу Сланского, то ее история также весьма интересна и показательна. Накануне XX съезда КПСС А. Новтоный попросил новое советское руководство «разобраться в деле Сланского», так как этому должен быть посвящен специальный пленум ЦК КПЧ. Сразу после получения этой просьбы 18 января 1956 г. все эти документы были сожжены. А 27 января 1956 г. Президиум ЦК КПСС утвердил текст ответа Новотному (его составили Суслов и Пономарев), в котором сообщал, что «документы по этому делу не обнаружены в архивах» и предлагал не ставить на обсуждение этот вопрос до обмена мнениями. Тогда же был специально допрошен А. Д. Бесчастнов. Он, в частности, сказал, что при первой встрече с Готвальдом тот заявил, что он сам думал заняться делом Сланского, но «очевидно, в Москве больше знают об этом деле и имеют больше материалов, чем в Чехословакии». Бесчастнов также прямо заявил, что инструктируя его при выезде из Москвы, Игнатъев сослался на прямую директиву Сталина об аресте и предании суду Сланского.

Маниакальную подозрительность Сталина по-своему и в своих интересах использовали и лидеры стран «народной демократии», особенно добиваясь экономической и военной помощи. Так, 2 апреля 1951 г., в разгар советско-югославского разрыва, на прием к Сталину прибыл председатель совета министров Албании Э. Ходжа в сопровождении начальника Генштаба Б. Балуку. Сталин принял его в присутствии Молотова, Маленкова, Берии и Булганина. Когда Сталин поинтересовался чем именно вызван внезапный визит в Москву албанского лидера, тот заявил изумленным слушателям о готовящемся нападении на Албанию со стороны Италии, Югославии и Греции и предложил рассмотреть карты, планы действий партизан, мобилизационный план развертывания армии. В то же время он посетовал, что албанская армия обладает лишь 25 танками и попросил «в связи с такой напряженной обстановкой» оказать крупную военную и материальную помощь. Заметив, что «югославы хотели попугать, но не следует бояться и поддаваться на провокации», Сталин спросил Ходжу откуда у него информация о предстоящей тройственной агрессии. Слегка смутившись, тот был вынужден признать, что «албанское правительство точно не знает, нападут эти страны или нет» и спросил у Сталина на чем следует сосредоточиться в дальнейшей деятельности. Советский лидер ответил «Главное состоит в том, чтобы очищать партию от врагов и укреплять органы внутренней безопасности». ⁷³ Помощь, впрочем, он тоже предоставил.

Круг интересов «великого вождя и учителя» был поистине всесторонним. В январе 1951 г. он высказался по поводу проекта платформы Компартии Индонезии, принятой в октябре 1950 г. Этот сталинский документ интересен прежде всего его общим подходом к проблемам освободительной борьбы в Азии, а также тактики действий коммунистических партий. Он отмечал, что главная задача коммунистов Индонезии состоит не в «создании широчайшего единого национального фронта» против империалистов для «завоевания

⁷³ Там же

подлинной независимости», а в ликвидации феодальной собственности на землю и в передаче земли в собственность крестьянам. «Главное в Индонезии — расшевелить крестьян и поднять их на ноги», — отмечал он.⁷⁴ Завоевание полной независимости от голландцев он считал второй важнейшей задачей с помощью национального фронта. «Этот фронт, — советовал Сталин, — надо построить так, чтобы он был направлен своим острием первоначально не против всех иностранных империалистов, а только против голландских империалистов».⁷⁵ В вопросе о методах борьбы он отмечал, что необходимо «дополнить метод партизанской войны методом революционных выступлений рабочего класса в городах и промышленных пунктах». Интересны и его советы по вопросам внутрипартийной жизни, где он также показал себя учеником Ленина. На заре существования большевистской партии тот, отвечая А. Шнейерсону на предложение предусмотреть в будущей партии такую форму работы как дискуссия, писал «Насчет «дискуссии» я думаю, что такого учреждения *вовсе не надо*».⁷⁶ Сталин, комментируя платформу индонезийских коммунистов через полвека писал «В документе имеется указание на необходимость широкой дискуссии в партии «снизу доверху». Советуем товарищам индонезийцам не увлекаться дискуссией. Безудержная дискуссия губит компартию Индии. Она окончательно загубит компартию Индонезии».⁷⁷ Вместо этого он предлагал «простой и проверенный метод ответственные товарищи вырабатывают, скажем платформу партии, ведя соответствующую дискуссию в узком кругу, без опубликования в печати; после принятия документа большинством ответственных товарищей документ утверждается и пускается в ход, как основной закон партии, обязательный для членов партии.»⁷⁸

Особое значение в новой расстановке сил в послевоенном мире Сталин уделял победе революции в *Китае*. Советская политика в Китае прошла в своем развитии также несколько этапов — от всемерной помощи Чан Кайши до такой же всеобъемлющей поддержки Мао Цзедуна. Еще во время второй мировой войны при поддержке СССР в Китае была отработана новая тактика борьбы с центральным правительством — создан Особый район (Синьцзян), которым управляли лидеры Компартии Китая, выполнявшие прямые указания Москвы. Как вспоминал Н. С. Хрущев, «в этой провинции Китая реально правили наши люди».⁷⁹ А переводчик Сталина В. Бережков был более откровенен, заявляя о ключевой роли советского консула Апресяна в управлении делами в Синцзяне. Номинальный же правитель провинции дубань Шэнь Шицай являлся членом ВКП(б) и в полной мере выполнял партийные директивы, полученные из Москвы.⁸⁰

По мере все более частого совпадения политических позиций Чан Кайши и англо-американских союзников в войне Сталин уже на заключительном ее этапе сделал главную ставку на китайских коммунистов во главе с Мао.

Как известно, союзниками было принято специальное решение о нейтралитете в

⁷⁴ Там же

⁷⁵ Там же

⁷⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.7. С. 10–11

⁷⁷ Коллекция документов АПРФ

⁷⁸ Там же

⁷⁹ Хрущев Н.С. Указ. соч., С. 344

⁸⁰ Бережков В. Указ. соч., С. 334–335

гражданской войне в Китае и запрете оказания помощи (в первую очередь оружием) любой из сторон. Однако советское руководство никогда всерьез не воспринимало этой договоренности. Как вспоминал Хрущев, сразу после окончания второй мировой войны «мы решили оказать прямую помощь Мао Цзедуну и Народно-освободительной армии в борьбе за государственную власть». Для этого, в нарушение действовавших договоренностей с союзниками, СССР передал китайским коммунистам львиную долю трофейного вооружения Квантунской армии. Для того, чтобы избежать обвинений в нарушении обязательств, оружие завозилось на заранее оговоренные территории, где его «похищали» люди Мао.⁸¹

К лету 1949 г. развитие гражданской войны в Китае вступило в завершающую фазу. 27 июня советское руководство (Сталин, Молотов, Маленков и Микоян) приняли нелегально прибывшую в Москву делегацию ЦК КПК.⁸² В ее состав входили секретарь ЦК Лю Шаоци, член Политбюро и секретарь ЦК КПК, глава правительства Манчжурии Гао Гань и член ЦК Ван Цзаоян. Центральным на встрече был вопрос о скорейшем завершении борьбы с войсками Чан Кайши и установлении полного контроля над территорией Китая. Опасаясь возможного вмешательства англичан в китайские дела, Сталин предложил китайским коммунистам «не затягивать занятие Синцзяна» и предложил не только военную, но и экономическую помощь. Был предложен, в частности, кредит Китаю на десять лет в размере 300 миллионов долларов под 1 % годовых (в то время как другие страны народной демократии выплачивали 2 %). Для подавления кавалерии противника Сталин предложил предоставить в распоряжение коммунистов 40 истребителей, «которые помогут разгромить и рассеять эту кавалерию очень быстро». Предметом особого разговора стала проблема «китаизации» приграничных районов. «Китайского населения в Синцзяне имеется не более 5 процентов, — говорил Сталин, — после занятия Синцзяна следует довести процент китайского населения до 30 процентов путем переселения китайцев для всестороннего освоения этого огромного и богатого района и для усиления защиты границ Китая. Вообще следует в интересах укрепления обороны Китая заселить все приграничные районы китайцами».⁸³

Помощь СССР была главным условием победы китайских коммунистов в гражданской войне. 1 октября 1949 г. было объявлено о провозглашении Китайской Народной Республики и ее правительство обратилось к СССР с просьбой о дипломатическом признании. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об установлении дипломатических отношений с КНР и о разрыве отношений с правительством Чан Кайши.

Спустя два месяца после провозглашения КНР в Москве встречали ее лидеров во главе с Мао. На встрече со Сталиным, Молотовым, Маленковым, Булганиным и Вышинским 16 декабря Мао Цзедун заявил, что Китай нуждается сейчас в мирной передышке на 3–5 лет. Этот период он намерен использовать для восстановления экономики и стабилизации внутривластного положения. Сталин в этой связи отметил, что «в Китае, таким образом, идет война за мир». Тем не менее, центральное место в переговорах занял вопрос о роли намечавшегося союза СССР и Китая в послевоенном мире. Сталин оценивал международную ситуацию, сложившуюся к этому времени как достаточно спокойную, не угрожающую безопасности СССР и Китая. И это было весьма показательно, если учесть, что только что была создана военная организация НАТО и официальная пропаганда каждый день вещала о возможном скором нападении на СССР и страны народной демократии. Говоря о возможной угрозе Китаю, Сталин отмечал, что «непосредственной угрозы для

⁸¹ Хрущев Н.С. Указ. соч., С. 340

⁸² Для легализации делегации Сталин предложил представить ее в печати как манчжурскую торговую делегацию.

⁸³ Коллекция документов АПРФ

Китай в настоящее время не существует: Япония еще не встала на ноги и поэтому к войне не готова; Америка, хотя и кричит о войне, но больше всего войны боится; в Европе запуганы войной; в сущности с Китаем некому воевать». «Разве что Ким Ир Сен пойдет на Китай», — пошутил генералиссимус.⁸⁴ На основе этого своего анализа Сталин сделал принципиально важный вывод о том, что «мир зависит от наших усилий. Если будем дружны, мир может быть обеспечен не только на пять-десять, но и на двадцать — двадцать пять лет, а, возможно, и на еще более продолжительное время».⁸⁵

Поддержав идею Мао о заключении договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, Сталин предложил сохранить в нем положение о праве СССР на размещении своих войск в Порт-Артуре. Но при этом предложил вывести сами войска. Мао возражал, считая вывод советских войск несвоевременным. Наоборот, ссылаясь на отсутствие у народного правительства военно-морских сил, он просил Сталина помочь в захвате занятого чанкайшистами Тайваня.

Впервые Сталин заговорил здесь и об использовании «китайской карты» как фактора политического давления на США и Англию. Учитывая обеспокоенность Англии и США в связи с выходом китайских войск на границы с Бирмой и Индокитаем, Сталин порекомендовал Мао «пустить слух, что Вы готовитесь перейти границу и таким образом поугатать империалистов». Развивая эту идею, Сталин сказал, что «если, например, понадобится нажать на Англию, то это можно сделать, прибегнув к конфликту Гуандунской провинции с Гонконгом. А для урегулирования такого конфликта в качестве посредника мог бы выступить Мао Цзедун».⁸⁶

В ходе встречи 22 января 1950 г. Сталин и Мао обсудили общую направленность договора «о дружбе и союзе», поручив подготовку проекта Вышинскому и Чжоу Эньлаю. Вновь затрагивался вопрос о статусе Порт-Артура и советских войсках на Ляодунском полуострове

«СТАЛИН. Мы считаем, что договор о Порт-Артуре является неравноправным.

МАО ЦЗЕДУН. Но ведь изменение этого соглашения задевает решения Ялтинской конференции?!

СТАЛИН. Верно, задевает — ну и черт с ним! Раз мы стали на позицию изменения договоров, значит нужно идти до конца. Правда, это сопряжено с некоторыми неудобствами для нас и нам придется вести борьбу против американцев. Но мы уже с этим примирились». Было решено оставить в силе соглашение о Порт-Артуре до подписания мирного договора с Японией. При этом Порт-Артур оставался базой для военно-морского сотрудничества между двумя странами (в частности, в деле обучения кадров), а Дальний — для экономического сотрудничества СССР и Китая. Категорически возразил Сталин и против сделанного еще Рузвельтом предложения о предоставлении Дальнему статусу открытого города «Получается дом с открытыми воротами».⁸⁷

Есть все основания полагать, что в ходе этого долгого визита в СССР руководства Китая был решен и вопрос о продвижении Ким Ир Сена на юг Корейского полуострова.

После завершения разгрома Японии в 1945 г. было заключено специальное соглашение между союзниками о разделе Кореи на две зоны ответственности. Условным рубежом между этими зонами становилась 38-я параллель. К северу от нее размещались советские, а к югу —

⁸⁴ Там же

⁸⁵ Там же

⁸⁶ Там же

⁸⁷ Там же

американские войска. В 1948 г. как на Севере, так и на Юге сформировались правительства, во многом зависевшие от своих покровителей в лице СССР и США. Каждое из этих правительств вынашивало планы объединения всей страны под своей властью. В том же 1948 г. свои войска из Кореи вывел СССР, а в 1949 г. — США. Однако вывод иностранных войск способствовал не стабилизации ситуации на полуострове, а активизации военных приготовлений обеих сторон к объединению страны силовым методом.

Военные приготовления Северной Кореи активизировались в связи с начавшимся выводом американских войск из Южной Кореи и завершением гражданской войны в Китае. Не последнюю роль сыграло и испытание советской ядерной бомбы. Ким Ир Сен воспринял все это как сигнал для силового решения вопроса о «воссоединении» Кореи. Однако в Москве думали иначе. Тактика Сталина состояла в том, чтобы ни в коем случае не допустить неподготовленного выступления. Мао был с ним полностью согласен. 26 октября 1949 г. Сталин, отвечая на телеграмму Мао Цзедуну прямо отмечал «Мы согласны с Вашим мнением, что в настоящее время Корейской Народной Армии не следует вести наступление, так как это наступление *не подготовлено пока* (выделено — авт.) ни с военной, ни с политической стороны».⁸⁸ Характерно, что Сталин предлагал корейцам активнее использовать тактику, успешно апробированную в ходе гражданской войны в Китае. «Корейским друзьям, — писал он, — следует в борьбе за объединение Кореи сосредоточить свои силы на развертывании партизанского движения, создании освобожденных районов в Южной Корее и на всемерном укреплении Народной Армии Кореи».⁸⁹ «Революционное нетерпение» Ким Ир Сена должны были сдерживать советские военные и политические советники при северокорейском лидере. Однако с октября 1949 г. вооруженные отряды Севера стали регулярно нарушать демаркационную линию и совершать нападения на позиции южан. Эта преждевременная активность вызывала сильное раздражение в Москве. По поручению Сталина Громыко направил 27 октября 1949 г. грозную шифровку советскому послу в КНДР Т. Ф. Штыкову, в которой говорилось «Вы не донесли о подготовке крупных наступательных действий 3-й полицейской бригады и фактически допустили участие в этих действиях наших военных советников. Вы также не донесли о начале боев 14 октября». Получив объяснения Штыкова, «Инстанция» сочла их неубедительными. В новой шифровке из Центра говорилось «Вместо того, чтобы строго и неуклонно проводить в жизнь указания Центра о том, чтобы не допускать осложнений на 38-й параллели, Вы занялись обсуждением этого вопроса и по существу указаний не выполнили». Принятыми мерами удалось остановить Ким Ир Сена от возможных активных действий против Юга уже осенью 1949 г.

Однако летом 1950 г. в Пхеньяне сочли, что сил для удара вполне достаточно. Дело оставалось лишь за формальным поводом к началу активных военных действий. Нельзя согласиться с точкой зрения тех, кто до сих пор считает, будто Сталин выступал против силового решения корейской проблемы и старался не допустить осложнения отношений с США.⁹⁰ Документы показывают, что безусловно поддерживая общий замысел и цель военной операции против Юга, Сталин вряд ли был осведомлен лишь о сроках возможных действий. Тем не менее, прав Хрущев, когда он пишет, что «войну начали северокорейцы по инициативе Ким Ир Сена, а Сталин его поддержал, как поддержал и Мао Цзедун. То была согласованная акция».⁹¹

⁸⁸ Там же

⁸⁹ Там же

⁹⁰ См. Корниенко Г.М. Холодная война Свидетельство ее участника. М. 1995. С. 41 и др.

⁹¹ Хрущев Н.С. Указ. соч., С. 437

Еще в марте 1950 г. началась эвакуация населения из приграничной зоны. С апреля начались поставки из СССР танков и другого тяжелого вооружения. 8 июня 1950 г. на железных дорогах КНДР было введено чрезвычайное положение, вызванное необходимостью переброски к демаркационной линии войск и вооружений. 18 июня Генштаб КНДР дал санкцию на проведение массивной разведки с целью обнаружения главных сил армии Южной Кореи. Особое внимание уделялось концентрации южнокорейских войск на сеульском направлении. Наконец, 22 июня 1950 г. был издан оперативный приказ № 1, подписанный командиром 4-й пехотной дивизии, в котором войскам ставилась конкретная задача подготовки к фронтальному наступлению на Сеул. Назван был и срок готовности — 23 июня.⁹²

20 июня 1950 г. в 22. 00 в Москву позвонил Штыков и сообщил, что власти КНДР перехватили два часа назад приказ южнокорейского командования, из которого следовало, что южнокорейская армия в 23 часа (по московскому времени) должна начать наступление на север. Посол сообщил, что приказ был передан как открытый, в виду чего «все это дело является подозрительным». Штыков не без оснований полагал, что это могло быть провокацией самой северокорейской стороны. Так или иначе война началась не в тот день.

25 июня 1950 г. МВД КНДР выступило с заявлением по радио, в котором говорилось, что рано утром войска Южной Кореи начали наступление на Северную Корею по всей линии 38-й параллели и углубились в пределы КНДР на 1–2 километра. В связи с этим МВД отдало приказ охранным отрядам «отбить атаки противника».

В тот же день западные средства массовой информации со ссылкой на японское агентство «Киото» сообщили, что в 5 часов утра Вооруженные Силы КНДР начали широкомасштабное наступление по всей линии 38-й параллели. Госдепартамент США потребовал созыва Совета Безопасности ООН. Он собрался в тот же день и предложил сторонам, участвующим в конфликте прекратить боевые действия, отвести войска КНДР на исходные позиции, осуществить международный контроль за соблюдением отвода войск. Советский представитель, имевший право наложить вето на это решение, отказался участвовать в обсуждении корейского вопроса, чем «развязал руки» США.

Наступление Севера было настолько стремительно, что уже через два дня после его начала правительство Юга начало эвакуацию правительственных и административных учреждений из Сеула в Сувон. В тот же день Сеул был окружен, а утром 28 июня взят. Наступление северян продолжалось.

В этих условиях США не исключали применения ядерного оружия. Такая угроза сдерживала СССР от прямого участия в конфликте не только на начальном, но и на последующих этапах его развития. 23 августа 1950 г. министр иностранных дел СССР Вышинский, опасаясь применения ядерного оружия со стороны США, направил Сталину проект международной «Декларации об устранении угрозы новой войны и об укреплении мира и безопасности народов», в котором поставил вопрос о запрещении ядерного оружия и объявлении военными преступниками правительств, которые первыми применят его. Сила политической позиции советского руководства была, безусловно, в том, что советские войска в Корее (за исключением военных советников) отсутствовали. В то же время советским спецслужбам было поручено подготовить серию диверсионных акций на восточном побережье США (взрывы в портах и на кораблях).⁹³

Однако США в итоге избрали более эффективную, по существу, беспроигрышную тактику. С одной стороны, они объявили о начале всесторонней помощи южнокорейскому режиму. А с другой, — стали сколачивать единую коалицию государств против КНДР. Для

⁹² Подр. См. Ахалкаци Д.С. Корейская война (1950–1953) и советско-американские отношения.// Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985) Новое прочтение. М. 1995. С. 191–216

⁹³ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль., С. 289–290

этого был использован мандат ООН. Позитивно было воспринято в мире и обращение правительства США к советскому руководству с предложением начать переговоры об урегулировании кризиса.

Действия советских лидеров были неадекватными. 29 июня Политбюро приняло текст ответа на американские предложения. Не отвечая по существу, оно возлагало всю ответственность за развязывание войны на Южную Корею, акцентировало внимание американской стороны на то, что США, в отличие от СССР, так и не завершили вывод своих войск из Кореи, уход советского представителя с заседания Совета Безопасности по корейскому вопросу объяснялся «чувством солидарности» с Китаем, представитель которого не был допущен на это заседание. Аналогичной была реакция и на обращение британского правительства.

В глазах мировой общественности СССР представал в итоге как страна, сочувствующая и помогающая агрессору. Этим во многом объясняется и массовая политическая и военная поддержка южнокорейскому режиму в борьбе с КНДР. Около 40 стран заявили о желании оказать помощь Южной Корее в борьбе с агрессией. Уже в первые дни Тайвань предложил направить в Корею 3 дивизии. Новая Зеландия — два фрегата. Голландия — свой эсминец «Эверстен». Даже Таиланд направил в Корею партию риса.

Тем временем в Пхеньяне праздновали победу. 8 июля от Ким Ир Сена в Москву поступило послание в адрес Сталина, в котором выражались «глубочайшее уважение и признательность» за «неоценимую помощь», оказываемую СССР в борьбе за «независимость корейского народа».

США тем временем объявили о начале морской блокады Кореи и подготовке к высадке интернационального военного десанта. Это сообщение не было воспринято в Пхеньяне как реальная угроза. Правда, Ким Ир Сен через Штыкова просил Москву предоставить для обороны корейского побережья 2000 заградительных мин, 10 торпедных катеров и три боекомплекта торпед к ним.⁹⁴ Он всерьез полагал, что этого будет «вполне достаточно» для предотвращения высадки союзной армии.

В условиях интернационализации конфликта потребовалось доказать вину Южной Кореи и США в развязывании войны. 3 августа 1950 г. в газете «Нодон Синмун» были опубликованы трофейные карты сухопутных войск Южной Кореи, на которых военные прорабатывали планы возможных боевых действий против Севера. Эти учебные карты были объявлены «военно-стратегическими». Таким образом получалось, что именно южнокорейская армия готовилась к агрессии.

В условиях, когда северокорейские войска взяли под контроль основную часть территории страны, Советское руководство объявило о готовности начать переговоры.

Тем временем 16 сентября союзные войска высадились в районе Чемульпо и начали освобождение южнокорейской территории. Это радикально изменило общую ситуацию в Корее. Северокорейские войска оказались не готовы противостоять современной американской армии. В условиях, когда военно-стратегическая обстановка менялась в пользу США и их союзников (действовавших к тому же под флагом ООН), СССР вновь отказался садиться за стол переговоров. В то же время через представителя СССР в ООН Я. А. Малика была предпринята попытка установить непосредственный контакт с госдепартаментом США. Целью дипломатических усилий СССР было добиться прекращения наступления американских войск на Север Кореи.

Тем временем армия КНДР отступала, утрачивая одну позицию за другой и теряя десятки тысяч солдат убитыми, ранеными и пленными. Непосредственная угроза сложилась для Пхеньяна. Для его обороны Сталин разрешил переброску 34 истребительного авиационного полка на самолетах Як-9 из Приморья через Китай непосредственно в Корею. Главному советскому военному советнику и послу СССР в Корее была направлена новая

⁹⁴ Коллекция документов АПРФ

директива Сталина (теперь он подписывал документы именем Фын Си). Оценивая причины неудач на фронте, он отмечал, что они явились «следствием допущенных крупных ошибок со стороны Командования фронтом, Командования армейских групп и войсковых соединений как в вопросах управления войсками, так и особенно в вопросах тактики их боевого использования».⁹⁵ Сталин обращал особое внимание на «стратегическую малограмотность» наших советников, которые «не поняли стратегического значения высадки противника в Чемульпо» и давал директиву как и по каким направлениям отступить, чтобы не потерпеть окончательного поражения.⁹⁶

В критические октябрьские дни 1950 г., когда сложилась крайне неблагоприятная ситуация на фронте для Корейской Народной Армии, Ким Ир Сен по примеру своего великого «учителя» обратился к населению Кореи с воззванием, начинавшимся как и известное выступление Сталина 3 июля 1941 г. со слов «Братья и сестры!».⁹⁷

Американцы тем временем добились господства в воздухе, где действовало до тысячи самолетов с их стороны. Это было решающим фактором для успеха развивающегося наступления сухопутных войск.

Ким Ир Сен был вынужден обратиться к Сталину за непосредственной военной помощью. «Дорогой Иосиф Виссарионович! — писал он, — Мы не можем не просить от Вас особой помощи. Иными словами, в момент перехода вражеских войск севернее 38-й параллели нам очень необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза. Если по каким-то причинам это невозможно, то окажите нам помощь по созданию международных добровольческих частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания военной помощи в нашей борьбе». Сталин, однако, не только не пошел на введение советских войск в Корею, но и не спешил с ответом на письмо. Во втором послании в Москву Ким Ир Сен попытался использовать последний козырь, сделав ставку на шантаж Сталина возможностью создания американского плацдарма в Корее для нападения на СССР. «Теперь, — писал он, — для всех очевиден тот факт, что американский агрессор, добившись значительных успехов в последних военных операциях, не остановится ни перед чем, чтобы полностью захватить всю Корею и превратить ее в свой стратегический плацдарм для дальнейшей агрессии на Дальнем Востоке». Не надеясь уже на введение советских войск в Корею, Ким Ир Сен просил разрешить подготовку из числа советских корейцев 1000 танкистов, 2000 летчиков, 500 связистов, 500 офицеров инженерной службы.⁹⁸

Опасаясь непосредственного втягивания в корейскую войну СССР, Сталин дал согласие на создание «интернациональных» бригад, состоявших в абсолютном большинстве из китайцев и предложил Мао Цзедуну немедленно направить в Корею не менее 6 дивизий для стабилизации линии фронта. После некоторых колебаний Мао ответил согласием.⁹⁹ Китай становился таким образом реальным участником военных действий в Корее. Во главе китайских «добровольцев» был назначен известный генерал Пын Дэхуэй. О том как китайские солдаты превращались в «добровольцев» свидетельствовал бывший польский военный атташе в Китае и Корее П. Монат. В частях НОАК проводились беседы с военнослужащими, в ходе которых говорили об угрозе нападения США на Китай. Затем

⁹⁵ АПРФ. Ф.3. Оп.65. Д. 827. Л. 90

⁹⁶ Там же. С. 91–93

⁹⁷ Коллекция документов АПРФ

⁹⁸ АПРФ. Ф.3. Оп. 65. Д. 828. Л. 14

⁹⁹ АПРФ. Ф.45. Оп.1. Д. 347. Лл. 65–67 и др.

строили солдат и предлагали тем, кто добровольно хочет защитить свою Родину от агрессора сделать шаг вперед. Естественно, шаг вперед делала вся рота.¹⁰⁰

До подготовки национальных корейских кадров было разрешено также использовать советских военных специалистов. С этого времени в боевых действиях в Корее участвовали не только военные советники СССР, но и советские летчики, танкисты, моряки. Советской авиацией за период с 1 декабря 1950 г. по 6 декабря 1951 г. было сбито 569 самолетов противника. Потери СССР составили 53 самолета МиГ-15 и 30 летчиков.¹⁰¹ Корейские торпедные катера после атаки американцев уходили порой в советские территориальные воды, на военно-морские базы СССР. Было получено согласие Сталина на перебазирование корейского флота во Владивосток в случае, если создастся реальная угроза его захвата или уничтожения американцами.

Вступление в войну частей НОАК изменило соотношение сил в пользу Северной Кореи. Войска ООН начали отступать. 1 февраля 1951 г. ООН приняла резолюцию, в которой КНР характеризовалась как страна-агрессор. 18 мая против КНДР и КНР ООН ввела экономическую блокаду. Американская сторона тем временем не переставала подтверждать свое намерение сесть за стол переговоров. Вышинский в декабре 1950 г. запросил Сталина о возможности дать согласие на прекращение военных действий в Корее. Однако директива Политбюро от 7 декабря 1950 г. гласила «Ваше предложение о прекращении военных действий в Корее считаем неправильным в настоящей обстановке, когда американские войска терпят поражение и когда со стороны американцев все чаще выдвигается предложение о прекращении военных действий в Корее, чтобы *выиграть время и помешать полному поражению американских войск* (выделено авторами)».¹⁰² Вместо согласия на переговоры, советская сторона предложила два принципиальных пункта, которые должны были лечь в основу соглашения немедленный вывод всех иностранных войск из Кореи и решение корейской проблемы самим корейским народом. С этими требованиями США согласиться не могли.

Тем временем, Сталин потребовал от Ким Ир Сена проанализировать причины поражений и неудач. Он требовал также поиска и наказания виновных лиц, «врагов корейского народа». Отчитываясь о выполнении этого указания, северокорейский лидер в начале 1951 г. докладывал о снятии начальника Главного управления по культурно-просветительной работе в армии, командующего фронтом, командующего 2-й армейской группой, командиров некоторых дивизий и других военных руководителей. Большинство из них были преданы трибуналу и казнены. Вслед за этим началась кампания поиска врагов среди других генералов и офицеров армии. «Ваши указания и замечания, — писал в Москву благодарный корейский лидер, — мы, как коммунисты и верные Ваши последователи приняли как руководящее указание для нашей дальнейшей работы. Очень благодарим Вас, дорогой товарищ Фын Си, за своевременную помощь советом и надеемся, что и в дальнейшем будем получать от Вас указания и замечания».¹⁰³

Лишь после того, как в мае боевые действия в Корее стали носить позиционный характер, летом 1951 г. начались переговоры о перемирии в Корее. Согласие Кореи и Китая на участие в них было обусловлено требованием (согласованным с Москвой) не обсуждать политических вопросов и проблем послевоенного устройства. Поэтому ключевым на

¹⁰⁰ См. Life. 1960. June 27. P. 96

¹⁰¹ АПРФ. Ф.3. Оп.65. Д. 829. Л. 71

¹⁰² Коллекция документов АПРФ

¹⁰³ Там же

переговорах стал вопрос о военнопленных. Поставлен он был, конечно, американской стороной. Численность корейских военнопленных составляла к этому времени до 100 тысяч, а китайцев — до 20 тысяч человек. На этом фоне численность американских военнопленных была гораздо меньше и не достигала даже 5 тысяч человек, а южнокорейцев — 7400. По инициативе китайцев и северных корейцев переговоры велись об освобождении *всех на всех*.

Международный Красный Крест поставил вопрос о проверке условий содержания американских военнопленных в корейском плену. Громыко докладывал в этой связи Сталину 29 июля 1951 г. «МИД СССР считал бы возможным, если в лагерях американских военнопленных соблюдаются хотя бы важнейшие положения Женевской конвенции, разрешить посещение этих лагерей., при условии, что члены этой Комиссии одновременно посетят лагеря захваченных в плен бойцов КНДР и китайских добровольцев».¹⁰⁴

Однако, как выяснилось, руководство КНДР не имело даже отдаленных представлений о том, чего требуют Женевские конвенции. Поэтому МИД СССР дал разъяснения об этом через своего посла в Пхеньяне.

Переговоры так и не привели к перемирию. Одной из главных причин этого стало совершенно различное понимание и оценка ситуации вокруг Кореи участниками переговоров. Весьма показательной в этой связи является телеграмма Сталина Мао Цзедуну от 28 августа 1951 г. «Как и прежде, — отмечал «Филиппов», — мы исходим из того, что американцы больше нуждаются в продолжении переговоров. Мы не видим пользы в приглашении по Вашей инициативе представителей нейтральных государств участвовать в переговорах в качестве контролеров и свидетелей в период теперешних переговоров. Отрицательной же стороной этого предложения является то, что американцы расценят это так, что китайско-корейская сторона будто бы больше нуждается в скорейшем заключении соглашения о перемирии, чем американцы».¹⁰⁵ Не удивительно, что переговоры в итоге зашли в тупик.

Интерес представляет оценка советским и китайским руководством ситуации вокруг Кореи летом 1952 г., когда в Москве встретились Сталин и Чжоу Эньлай.

Китайский премьер отмечал сложившееся «известное равновесие» сил и по поручению Мао Цзедун поставил перед Сталиным три вопроса о возможных перспективах развития ситуации «Первый — сможем ли мы отбросить противника. Мы убедились, что сможем. Второй вопрос — сможем ли мы удержаться на занимаемых позициях. Текущий год показал, что мы сможем удержаться и закрепиться на этих позициях. Третий вопрос — сможем ли мы вести наступательные операции, атаковать противника. Раньше думали, что нам едва ли удастся вести наступательные операции дольше семи дней. Теперь мы достаточно укрепились, чтобы вести операции дольше и чтобы выдержать бомбежку, крепко зарылись в землю».¹⁰⁶ Однако отвечая на вопрос Сталина смогут ли они развернуть наступательные операции, Чжоу Эньлай признал, что они смогли бы осуществить наступление «для захвата отдельных позиций», но общее наступление осуществить трудно. Сталин в свою очередь дал прежнюю оценку, подчеркнув, что «война в Корее показала слабость американцев. Войска двадцати четырех стран не могут долго поддерживать войну в Корее, так как они не добились своих целей и не могут рассчитывать на успех в этом деле».¹⁰⁷ И потому он предложил «помогать корейцам и поддерживать их». Затрагивался и вопрос о перспективах

104 Там же

105 Там же

106 Там же

107 Там же

переговорного процесса. Чжоу Эньлай отметил, что в переговорах с американцами нельзя идти на уступки. Сталин же на это ответил «Если американцы немного уступят, что можно согласиться, имея в виду, что о нерешенных вопросах переговоры будут продолжены».¹⁰⁸ Далее собеседники затронули крайне важный вопрос о возможности новой мировой войны

«ЧЖОУ ЭНЬЛАЙ. США не готовы к мировой войне. Выполняя авангардную роль в этой войне, Китай способствует тому, что момент наступления войны отдалается, если удастся сдержать наступление американцев в Корее, на 15–20 лет. Тогда США вообще не смогут развязать третью мировую войну.

СТАЛИН. Это правильно, но с одной оговоркой американцы вообще не способны вести большую войну, особенно после корейской войны. Вся их сила в налетах, атомной бомбе. Англия из-за Америки воевать не будет. Америка не может победить маленькую Корею. Нужна твердость в отношениях с американцами. Китайские товарищи должны знать, что если Америка не проиграет эту войну, то Тайвана китайцы никогда не получают. Американцы — это купцы. Каждый американский солдат — спекулянт, занимается куплей и продажей. Главное вооружение американцев — это чулки, сигареты и прочие товары для продажи. Они хотят покорить весь мир, а не могут справиться с маленькой Кореей. Нет, американцы не умеют воевать.».¹⁰⁹

На той же встрече Сталин преподнес китайским партнерам и урок политэкономии социализма (как показал «большой скачок» — этот урок так и не был ими усвоен). Чжоу Эньлай привез в Москву проект пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. В нем предполагалось осуществить ежегодный промышленный рост 20 %. Сталин был заметно обескуражен такими планами и прямо спросил «не слишком ли это напряженный план». Однако Чжоу Эньлай сослался на военную необходимость, так как «на каждый китайский снаряд американцы в Корее отвечают двадцатью своими». Тогда Сталин дал классическое объяснение функционирования советской экономической системы «Скажем, в 1953 году мы поставляем вооружения для 10–15 дивизий. Нам нужно знать, сколько стали и других материалов потребуется для выполнения этого заказа. В этом же 1953 году мы должны дать определенное количество оборудования по гражданской части. Это тоже нужно подсчитать. Затем сложить обе цифры по гражданской и военной частям и определить, сможем ли мы обеспечить в таком объеме поставки. Сообразно с этим и строить план на каждый год». Когда Чжоу Эньлай сказал, что расходы в бюджете Китая в 1950 г. составляли 44 %, а в 1951 г. — 52 %, Сталин прямо заявил, что «у нас даже во время войны не было такой высокой цифры военных расходов. У нас во время войны военное производство составляло около 40–45 %, но в Китае нет настоящей войны».¹¹⁰

Какими же оказались итоги корейской войны?

Ее последствия были далеко не такими благоприятными как для СССР, так и для США.

Прежде всего, ни одной из сторон не удалось достичь своих первоначальных целей ни СССР, ни США не получили контроля над всем Корейским полуостровом. Были ли для СССР итоги войны поражением? Думается, нет. Как не были они таковыми и для США.

СССР в данном конфликте достаточно успешно противостоял (вместе с Китаем) едва ли не всему остальному миру.

Война в Корее показала примерное равенство сил двух крупнейших сверхдержав — СССР и США.

Она положила начало их непосредственному военному противостоянию в самых

¹⁰⁸ Там же

¹⁰⁹ Там же

¹¹⁰ Там же

различных, порой неожиданных уголках мира, продолжавшемуся до конца 80-х гг. Более того, оно стало поистине глобальным.

Война показала возросший авторитет ООН, которая впервые продемонстрировала свой авторитет и реальную возможность военным путем влиять на ситуацию в тех или иных районах мира.

Корейская война свидетельствовала также о том, что ядерное оружие, которое к этому времени имели уже не только США, но и СССР, стало реальным фактором, способствующим ограничению эскалации военных действий. С возможным ядерным возмездием теперь не могли не считаться как в Москве, так и в Вашингтоне.

Открытое противостояние СССР и США в корейском конфликте по-разному было воспринято в советском и американском обществе. Если в первом случае оно привело к усилению мобилизационных настроений, еще более тесному сплочению народа вокруг возможной опасности, стоявшей у самых границ страны, то во втором — к росту антивоенных настроений и в итоге к поражению Трумэна на выборах 1952 г.

Вместе с тем, в США расценивали события в Корее как триумф трумэновской политики «сдерживания коммунизма». Ее опыт лег в основу военного учения об ограниченном военном противостоянии, а позже — доктрины «гибкого реагирования».¹¹¹

Наконец, корейская война вызвала бурный, невиданный в послевоенных условиях рост милитаризма как в СССР, так и в США.

За годы войны США сумели почти удвоить свои Военно-Воздушные Силы, удвоили общую численность своих вооруженных сил, доведя ее до рекордного уровня 3,5 млн. человек. Военный бюджет страны вырос в 5 раз — с 12 до 60 млрд. долларов в год. Ежегодная американская военная помощь зарубежным странам увеличилась с 4,5 до 10,6 млрд. долларов. Значительно выросли объемы производства ядерного оружия и ускорилась подготовка к созданию термоядерной бомбы.¹¹²

СССР увеличил свою армию за годы войны с 2874 тысяч до 3100 тысяч. Военные расходы выросли с 8287 млн. рублей до 9638 млн. рублей.¹¹³

Стремясь противостоять «советской экспансии», США ускорили подготовку мирного договора с Японией. В Юго-Восточной Азии был создан военно-политический блок СЕАТО.

Война явилась тяжелейшим ударом для корейского народа. В ее огне погибли 1 миллион южнокорейцев и не менее 3 миллионов северокорейцев, а также 33 тысячи американцев и до сей поры не известное число китайских и советских воинов.¹¹⁴

Корейская война явилась кульминацией в послевоенных *советско-американских отношениях*.

Советско-американские отношения начали давать трещину сразу после смерти Рузвельта в апреле 1945 года. Впрочем, можно быть уверенным в том, что даже в том случае, если бы Рузвельт продолжал жить и управлять страной, отношения между двумя странами все равно вступили бы в полосу кризиса.

Сразу после переписки Сталина и Трумэна в апреле 1945 г., обнаружившей их принципиальные разногласия в польском вопросе, правительство США приняло решение о пересмотре поставок в СССР по ленд-лизу. 12 мая в ноте заместителя госсекретаря США Грю говорилось, что «отгрузка поставок согласно ныне действующей программе по ленд-

¹¹¹ См. Указ. соч. Ахалкаци Д.С., С.212

¹¹² Там же

¹¹³ Берге И.В. Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917–1990. М. 1996. С. 118–119

¹¹⁴ Там же, С.118

лизу для СССР будет немедленно видоизменена с учетом конца организованных военных действий в Европе». ¹¹⁵ Во исполнение этого решения была отдана команда не только на прекращение погрузок товаров по ленд-лизу, но и о возвращении судов, находящихся в пути в порты СССР и даже подошедших к его берегам. Для советского руководства это было полной неожиданностью. Однако просить США о продолжении таких поставок не стало. Более того, в шифровке Молотова послу в Вашингтоне критиковалась позиция председателя Амторга, пытавшегося протестовать перед американскими официальными лицами «Скажите т. Еремину, чтобы он не клянчил перед американскими властями насчет поставок и не высывался вперед со своими жалкими протестами. Если США хотят прекратить поставки, тем хуже для них». ¹¹⁶

В марте 1946 г. советское руководство предложило заключить советско-американский договор о дружбе, торговле и навигации. Одновременно велись переговоры об условиях предоставления СССР американского кредита в 1 млрд. долларов для нужд восстановления разрушенного хозяйства. Обе инициативы окончились безрезультатно.

20 декабря 1946 г. Сталин принял сына президента Рузвельта Эллиота, который взял у него интервью. Самым важным итогом встречи стало согласие Сталина на новую встречу «большой тройки» для обсуждения международной ситуации.

9 апреля 1947 г. Сталин встретился с видным деятелем республиканской партии США Г. Стассеном. Интересна оценка Сталиным состояния и перспектив развития советско-американских отношений. На вопрос Стассена могут ли сосуществовать две разные общественные системы Сталин ответил «Конечно, могут сотрудничать друг с другом. Экономические системы в Германии и США одинаковые, но, тем не менее, между ними возникла война. Экономические системы США и СССР различны, но они не воевали друг с другом, и СССР не намерен воевать». Выделенные в тексте слова были позже вычеркнуты из стенограммы беседы рукой Сталина, хотя именно их Стассен чаще всего приводил в отчетах о встрече с советским лидером. Но в то же время Сталин недвусмысленно отметил, что «если одна сторона не желает сотрудничать, то результатом будет конфликт, война». В дальнейшей беседе Сталин высказался в пользу мирного сосуществования двух систем (хотя весь этот раздел был им позже вычеркнут из стенограммы) «В качестве практического начала надо избрать взаимное уважение систем. Советскую систему называют тоталитарной или диктаторской, а советские люди называют американскую систему монополистическим капитализмом. Если обе стороны начнут ругать друг друга монополистами или тоталитаристами, то сотрудничества не получится. Надо исходить из исторического факта существования двух систем». ¹¹⁷

Одной из самых любопытных интриг в советско-американских отношениях в 1948 г. стали контакты советского руководства с кандидатом на пост президента США на выборах 1948 г. от «третьей» партии Уоллесом.

По мере развертывания предвыборной кампании по выборам президента США, ряд американских политиков попытался использовать «русскую карту». Это было неслучайно, так как и без того непростые советско-американские отношения в этот период еще больше ухудшились после принятия плана Маршалла и смены власти в Чехословакии, осложнений в решении германской проблемы. В начале апреля 1948 г. к Сталину обратились некоторые конгрессмены (в частности, А. Пиккус из Кливленда и Э. Фут из Коннектикута) с приглашением прибыть в США и выступить на совместном заседании конгресса.

¹¹⁵ Коллекция документов АПРФ

¹¹⁶ Там же

¹¹⁷ Там же

Характерно, что конгрессмен от штата Коннектикут Фут предлагал Сталину «немедленно приехать в Вашингтон для немедленного совещания с Президентом Трумэном с тем, чтобы спикер Палаты представителей Джозеф Мартин выступил в роли посредника» между двумя лидерами.¹¹⁸

13 и 14 апреля с Я. Маликом и А. Громыко встретился кандидат в президенты Уоллес, также предложивший выступить посредником в урегулировании советско-американских отношений. Он обсудил с ними, в частности, возможность своей поездки в СССР, а также предложил через собеседников Сталину выступить с совместным заявлением об улучшении двусторонних отношений. Об этом контакте сразу информировали Москву.

Каждая из сторон последовавших консультаций имела свой вполне прагматический интерес. Уоллес рассчитывал на успех в предвыборной кампании «с помощью» Сталина (вернее, самого факта контактов с ним). Советский лидер рассчитывал на создание некоей «третьей партии» в США, которая могла бы стать если не проводником советского внешнеполитического курса, то, по крайней мере, — его пропагандистом.

На встречах с советскими представителями Уоллес предложил основные идеи совместного заявления, которое следовало бы сделать ему и Сталину. В нем предлагалось подчеркнуть, что между двумя странами нет таких различий, которые нельзя было бы мирно решить. Ключевым пунктом должно было стать положение о прекращении «холодной войны».

Сталин отказался от идеи совместного заявления и предложил, чтобы Уоллес сам выступил с заявлением. В случае, если высказанные им положения будут созвучны настроениям советского руководства, Сталин предлагал поддержать их в своем специальном заявлении. Перед тем, как выступить с открытым письмом в адрес Сталина Уоллес направил ему текст своего обращения, где изложил свою оценку по ряду вопросов. Сталин, в свою очередь, откомментировал эти предложения.

Интересна реакция Сталина на предложения Уоллеса. Так, на просьбе Уоллеса к советскому лидеру опровергнуть сведения о советском вмешательстве в чехословацкие дела с целью успокоить общественное мнение США Сталин начертал «Чепуха». На предложении Уоллеса активизировать американскую торговлю в Восточной Европе Сталин пишет «Можно». Уоллес предлагает «освободить» югославское золото (оставшееся еще в США), оставив в Америке его часть в счет погашения различных задолженностей. Сталин соглашается и с этим. Относительно объединения Кореи и введения принципа «открытых дверей» в Китае Сталин пишет «Это дело Кореи и Китая». В то же время он соглашается с предложением Уоллеса обеспечить вывод всех войск из Германии через год после заключения с ней мирного договора. Согласием ответил Сталин и на предложение закрепить принцип территориальной целостности СССР и США. В специальном разделе проекта письма, где Уоллес предлагал зафиксировать принципы экономической и политической демократии, как универсальные для всего человечества, Сталин, не вдаваясь в дискуссии, кратко резюмировал «Это дело каждой страны».¹¹⁹

Уоллес полагал, что эти договоренности должны быть обнародованы после его поездки в СССР. В таком случае они могли выглядеть как ее результат, причем достигнутый путем «убеждения» Сталина. В Кремле это поняли сразу. Ответ Сталина был категоричен «Поездка может повредить». Кому и чему — оставалось догадываться. Уоллесу рекомендовали напрямую обратиться с открытым письмом к Сталину, а тот также через печать должен был дать ответ.

Кандидату в президенты не оставалось ничего иного, как согласиться. 11 мая 1948 г. «Известия» опубликовали информацию об открытом письме «кандидата в президенты США

¹¹⁸ Там же

¹¹⁹ Там же

от третьей партии» Уоллеса. Вслед за этим были опубликованы письма советских граждан, которые в целом одобрительно отзывались о предложениях Уоллеса. В то же время высказывалось несогласие с «вечным господством капитализма» (которое, как увидел один из авторов письма, проходит красной нитью в послании Уоллеса). Другие писали, что в этих предложениях нет ничего нового, так как все они уже звучали раньше от представителей СССР в ООН. Конечно, все эти письма и выступления «советских граждан» были утверждены в советских партийных инстанциях и публиковались лишь после личного согласия Сталина с их тональностью.

Ровно через неделю (18 мая) в «Правде» был опубликован ответ Сталина, в котором он писал «Я не знаю, одобряет ли правительство США программу г. Уоллеса, как базу для соглашения между СССР и США. Что касается правительства СССР, то оно считает, что программа г. Уоллеса могла бы послужить хорошей и плодотворной базой для такого соглашения.»¹²⁰

Сразу вслед за выступлением в «Правде» Сталина с официальным заявлением выступил госдепартамент США, который, с одной стороны, признал важность и необходимость мирного урегулирования неразрешенных вопросов двусторонних отношений, а с другой выступил против ряда конкретных предложений, содержащихся в письме Уоллеса (в том числе, о контроле над атомной энергией при помощи механизмов ООН и др.).

Таким образом, главная цель, которую преследовал Сталин, ведя интригу с Уоллесом, была достигнута — он сумел не только высказать свою позицию по всему спектру советско-американских отношений, причем (что было для него всегда важно) не иницилируя ее, но к тому же заставить правительство США выразить несогласие по ряду принципиальных вопросов. В итоге Сталин выглядел в глазах не только советских людей, но и многих американцев миротворцем, а Трумэн — ретроградом (что в известной степени подрывало его позиции накануне выборов). Наконец, в глубине души он мог лелеять надежду пусть даже на относительный успех некоей «третьей силы» в США на выборах и пытался с учетом этого пусть даже косвенно поддержать ее представителя. Однако, следовало понимать и другое — любая поддержка со стороны Сталина (пусть даже и не прямая) того или иного кандидата (тем более на пост президента) не только объективно не помогала тому, но и в какой-то степени дискредитировала его. Об этом свидетельствовали и результаты выборов. Победу на них одержал Трумэн.

Сразу после выборов в США Сталин утратил всякий интерес к фигуре Уоллеса. В конце декабря 1948 г. Уоллес в беседе с советским послом вновь предлагает себя в качестве посредника в диалоге советского и американского лидеров. Молотов 14 января 1949 г. подписывает директиву послу в США, в которой дает принципиальное согласие на продолжение диалога с Уоллесом. Однако на этом документе Сталин наложил свою резолюцию, ставящую точку на отношениях с Уоллесом «Т. Молотову. Я не согласен. Как видно из выступления исполкома партии Уоллеса, Уоллес думает использовать свое посредничество только для своей партии, мало заботясь о результатах посредничества для СССР. Нам не нужно открывать все свои карты Уоллесу. Пусть сам Уоллес вертится и маневрирует как хочет. И. Сталин».¹²¹

Еще больше осложнились отношения между СССР и США в условиях начавшегося формирования западноевропейских экономических и военно-политических структур под эгидой США.

В марте 1948 г. был образован Западный Союз в составе Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

Летом 1948 г. правительства США и Канады начали переговоры с членами Западного

¹²⁰ Правда. 1948. 18 мая

¹²¹ Коллекция документов АПРФ

Союза о возможной интеграции экономических и политических усилий. СССР оценивал заключение Западного Союза как «политическое дополнение к тому экономическому объединению европейских стран, которое создано для проведения «плана Маршалла» в Европе». Уже создание Западного Союза было воспринято в Москве как «полное изменение политики Англии и Франции в германском вопросе», как договоренности, «идущие вразрез с документами периода второй мировой войны о союзе СССР с Англией и Францией».

Еще более серьезные последствия имело создание НАТО. В специальном заявлении МИД СССР по этому поводу говорилось «Не трудно разглядеть, что эти цели теснейшим образом связаны с планами насильственного установления мирового англо-американского господства под эгидой США». Советское руководство расценивало создание НАТО как «подкоп под Организацию Объединенных Наций» и пригрозило объединить вокруг себя все «миролюбивые силы».

Одним из шагов на этом пути стало создание в том же 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи, в который вошли все страны «народной демократии».

Известно, что военно-политический союз этих стран сложился в 1955 г. Однако, почти ничего неизвестно о том, что его предтечей был Координационный Комитет, созданный в феврале 1951 г. для рассмотрения вопросов, связанных с обороной стран «народной демократии» (в том числе и военным производством).

Можно считать, что именно 1948–1949 гг. стали рубежом в отношениях между Востоком и Западом, за которым последовал окончательный разрыв. В марте 1949 г. Советское правительство выступило с заявлениями в адрес правительств Англии, Франции, Италии, Норвегии, Турции, Дании, Нидерландов, Греции и других стран-членов НАТО, в которых угрожало пересмотром двусторонних отношений. В заявлении, обращенном к правительству Англии отмечалось, что СССР рассматривает «участие Англии в НАТО как акт, находящийся в противоречии с союзным договором 1942 г.».¹²²

Последовала и смена руководства внешнеполитическим ведомством СССР. Первый сигнал к этому прозвучал 29 марта 1948 г., когда Политбюро приняло решение «в связи с перегруженностью удовлетворить просьбу т. Молотова об освобождении его от участия в заседаниях Бюро Совета Министров с тем, чтобы т. Молотов мог заняться главным образом делами по внешней политике». Это было своеобразное предупреждение Сталина главе внешнеполитического ведомства в связи с неблагоприятным для СССР развитием международной ситуации. Однако при всем своем желании Молотов ничего не мог изменить в развитии международной обстановки. Вторым сигналом стало утверждение 5 июня 1948 г. нового состава Коллегии МИДа, где Молотов оставался председателем, но был введен в качестве заместителя министра по общим вопросам А. Я. Вышинский. Наконец, 3 марта 1949 г. Молотов был снят с поста министра, а его преемником был назначен Вышинский. Показательно, что в числе новых обязанностей Молотова в Совете Министров (он сохранил пост заместителя главы правительства) было курирование министерства металлургической промышленности и министерства строительства предприятий тяжелой индустрии. Лишь спустя несколько дней он был назначен и председателем Внешнеполитической комиссии ЦК. Но реального веса в решении международных дел уже не имел вплоть до смерти Сталина.

Назначение Вышинского министром иностранных дел СССР должно было продемонстрировать вчерашним западным союзникам «смену вех» советской внешней политики, ее ужесточение. Фигура Молотова, при всех ее недостатках, зримо олицетворяла в глазах общественности западных стран сотрудничество периода второй мировой войны. Фигура Вышинского, в какую бы парадную форму ее не облачали, оставался для Запада прежде всего Прокурором, отправившим на смерть крупнейших политических и военных деятелей СССР в 30-е годы.

Таким образом, «холодная война» именно с 1948–1949 гг. вступила в новый этап своего

¹²² Там же

развития, когда началась проработка оперативных планов ведения боевых действий против друг друга как в США, так и в СССР.

Несмотря на то, что планы ведения войны, включая использование ядерного оружия против СССР существовали уже с осени 1945 г., лишь в 1948 г. были разработаны первый оперативный план стратегической авиации США, а также планы боевых действий и атомных бомбардировок «Бройлер», «Фролик», «Хэрроу» и др. Однако в условиях, когда единственным средством доставки ядерного оружия оставалась бомбардировочная авиация, США нуждались в создании сети военных баз вокруг территории СССР. Их массовое создание началось как раз с конца 40-х гг.

Военные планы США в конце 40-х гг. основывались на трех важнейших положениях во-первых, что война с СССР — реальность, если не удастся иными средствами «отбросить социализм», во-вторых, нельзя допустить сокращения разрыва с военным и экономическим отношением между США и «советским блоком», в-третьих, США должны быть готовы нанести первыми ядерный удар.¹²³

Летом 1948 г. американцами был разработан план «Чариотир», согласно которому война с СССР должна была начаться «концентрированными налетами с баз в западном полушарии и Англии с применением атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных центров и отдельных предприятий нефтяной промышленности». Намечалось сбросить 133 атомных бомбы на 70 советских городов. В декабре того же года был одобрен президентом план «Троуджэн», позднее «Хафмун», «Флитвуд», «Даблстар». Менялись лишь их названия и число возможных бомб (по мере роста их количества).

Реальные контуры ядерной войны впервые проявились в период корейской войны. Теперь американцам приходилось считаться с наличием у СССР не только ядерного оружия, но и мощного военно-политического союзника в лице Китая. 15 августа 1950 г. Комитет начальников штабов США определил в качестве первоочередной задачи в случае возможного конфликта с СССР «уничтожение известных объектов, от которых зависит способность Советского Союза применять атомные бомбы».¹²⁴

Особенно критическим с точки зрения возможности советско-американской ядерной войны стал 1952 г. 27 января президент Трумэн заявил «Мне кажется, что правильным решением теперь был бы ультиматум с десятидневным сроком, извещающий Москву, что мы намерены блокировать китайское побережье от корейской границы до Индокитая и что мы намерены разрушить все военные базы в Манчжурии. Мы уничтожим все порты или города для того, чтобы достичь наших мирных целей. Это означает всеобщую войну. Это означает, что Москва, Сакт-Петербург, и Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Дайрен, Одесса и Сталинград и все промышленные предприятия в Китае и Советском Союзе будут стерты с лица земли. Это — последний шанс для Советского правительства решить, заслуживает ли оно того, чтобы существовать или нет!».¹²⁵

Подобные заявления и вполне определенные планы американцев, конечно, не оставались без внимания советской стороны. В свою очередь, Сталин также исходил из возможности возникновения войны с США и готовился к ней. Документов, подобных приведенным выше американским, в архивах обнаружить не удалось. Но это вовсе не означает, что соответствующих планов ведения войны против США у СССР не было.

Взгляды Сталина на предстоящую новую войну были высказаны им уже в апреле

¹²³ См. Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. М. 1984. С.18

¹²⁴ См. Там же, С. 23

¹²⁵ Правда. — 1980. - 15 декабря

1945 г., еще до завершения разгрома Германии и выступления против Японии. Принимая югославскую делегацию во главе с Тито, Сталин прямо заявил «Война скоро закончится, через 15–20 лет мы оправимся, а затем снова!». Участник этой встречи М. Джилас вспоминал «Что-то жуткое было в его словах ужасная война еще шла. Но импонировала его уверенность в выборе направления, по которому надо идти, сознание неизбежного будущего, которое предстоит миру, где он живет, и движения, которое он возглавляет».

Сталин не только не исключал возможность военного конфликта, но был уверен в его неизбежности и даже необходимости. Это подтверждают и его «ученики и соратники», в частности Мао Цзедун, прямо заявлявший о том, что новой мировой войны бояться не стоит, так как через нее мир придет к торжеству коммунизма.

Однако в конце 40-х гг. Сталин полагал, что время для прямого военного противостояния с США еще не пришло. СССР только в 1949 г. испытал ядерное устройство. Не было достаточного количества средств доставки. Слабой представлялась и система противовоздушной обороны страны. В то же время Сталин прилагал невероятные усилия к тому, чтобы ускорить процесс серийного выпуска ядерных бомб, разработки системы ракетной ПВО, развертывания стратегической авиации.

В подготовке новой войны Сталин исходил из неисчерпаемости людских ресурсов СССР и Китая, которые смогут обеспечить в случае необходимости захват не только всей Европы, но и Азии.

Заявления Сталина во второй половине 1952 — начале 1953 гг. о том, что скорее может разразиться война между различными капиталистическими странами, нежели между СССР и США должны были усыпить бдительность вероятного противника. Н. С. Хрущев указывая именно на этот период, отмечал, что Сталин «пытался прощупать капиталистический мир штыком». ¹²⁶

«За кадром» оставались другие, военно-политические аспекты подготовки к возможной войне. Наряду с наращиванием своего военного присутствия в Европе, Сталин не забывал и про другие направления.

С начала 50-х гг. идет крайне высокими темпами военное строительство в восточных районах страны. Создается заполярная железная дорога в сторону Чукотки. Базы военного снаряжения создаются на Чукотке, Камчатке, побережье Северного Ледовитого океана. На Чукотке была развернута 14-я десантная армия под командованием генерала Оленева, перед которой была поставлена задача в случае войны с США провести десантные операции не только на Аляске, но и на западном побережье США.

Была одобрена крупномасштабная программа строительства военно-морского флота. Причина также лежала на поверхности. По свидетельству Хрущева, «пока мы не могли достать США с воздуха, следовало шире использовать моря. И Сталин поставил задачу строительства большого количества крейсеров. Мы мечтали и об авианосцах, но они оставались нам пока технически недоступными. Крейсера должны были дополняться большим количеством эсминцев и подводных лодок». ¹²⁷

Сталин лично следил за созданием военной техники, которая могла бы действовать в условиях тундры и лесотундры, а также высаживать десанты в труднодоступные районы. В 1952 г. с его подачи Политбюро приняло решение о создании многоместных десантно-транспортных вертолетов. Тогда же Сталин принял решение о срочном формировании 100 дивизий реактивных бомбардировщиков фронтовой авиации. Для решения этой задачи был необходим колоссальный самолетный парк. Перед авиационной промышленностью ставится

¹²⁶ Хрущев Н.С. Указ. соч., С. 437

¹²⁷ Там же, С. 439

сверхзадача в кратчайший срок выпустить более 10 тысяч бомбардировщиков.¹²⁸ Значительная часть вновь создаваемых авиационных соединений размещалась на северном побережье и северо-востоке страны. Не имея военных баз вблизи США, Сталин приказал разрабатывать стратегические бомбардировщики сверхдальнего действия. Над таким самолетом трудилось, в частности КБ Мясищева. Был разработан проект самолета, способного достичь территории США. Однако возникал вопрос что делать с этими самолетами после ядерной бомбардировки США — топлива на обратный путь не было. В Политбюро обсуждались даже планы их посадки после выполнения заданий в Мексике.¹²⁹

Вынашивались и планы в случае военной угрозы совершить серию диверсионных акций против американских военных баз в Европе, в том числе и складов с ядерным оружием. Считалось, что это «подорвет американский боевой дух и американцы не смогут пользоваться своими базами в Европе».¹³⁰

Уже в 1950 г. советским военным руководством была принята «директива-70», в соответствии с которой нашим войскам предстояло превратить почти всю Арктику в один большой оборонительный рубеж на случай войны. В феврале 1950 г. прошли первые учения, показавшие степень готовности советских воинов к ведению войны в условиях Заполярья. Один из участников этих учений вспоминал «Сначала нас переделали на одном военном предприятии. Потом погрузились в самолеты С-47 «Дуглас» и полетели в бухту Тикси». В Арктике от острова Врангеля на востоке почти до Гренландии на западе в течение трех месяцев воины готовили ледовые аэродромы для советской авиации. Однако тогда они не понадобились.¹³¹

Что задумывал «великий вождь» так и осталось тайной — вскоре он умер.

В отсутствие «горячей» войны, обе стороны упражнялись в пропагандистских заявлениях и демонстративных акциях, должных вызвать отрицательное общественное мнение к оппоненту в мире.

Так, палата представителей Конгресса США в 1951 г. поставила на обсуждение болезненный для СССР «катынский вопрос». Ответом на результаты этого обсуждения (в ходе которого так ничего и не удалось доказать) стала санкционированная и лично правленная Сталиным статья в «Правде» Л. Ильичева и С. Рассадина, опубликованная в сентябре. «Когда-то, совершив чудовищные убийства в Катыни, — писалось в статье, — гитлеры и геббельсы разыгрывали следственную комедию и проливали крокодиловы слезы над жертвами своих злодеяний. Теперь американские реакционеры пытаются повторить подобную комедию. Не может быть, однако, сомнения, что их ожидает такой же позорный провал, какой настиг гитлеровских организаторов катынской провокации».¹³²

В ходе подготовки новой президентской выборной кампании 1952 г. Сталин возлагал некоторые надежды на победу Д. Эйзенхауэра. Однако после жесткого выступления генерала летом 1952 г., в котором он, по существу, выразил солидарность с позицией Трумэна по корейскому вопросу и также пригрозил СССР и Китаю силовыми методами решения политических вопросов позиция Сталина в отношении Эйзенхауэра изменилась. По его распоряжению была подготовлена редакционная статья в «Правде» под весьма

¹²⁸ См. Россия и мир. Ч.2. М.1994. С. 213–214

¹²⁹ Хрущев Н.С. Указ. соч., С. 447

¹³⁰ Судоплатов П.А. Указ. соч., С. 368

¹³¹ Белое безумие. Московский комсомолец. 1998. 10 марта.

¹³² Правда. 1951. 14 сентября.

знаменательным названием «Эйзенхауэр в поход собрался.». Выдержанная в памфлетном стиле, статья содержала крайне резкие оценки и характеристики в адрес популярного американского политика. В концовку статьи Сталин дописал собственной рукой следующий характерный абзац «Что касается угроз Эйзенхауэра против Советского Союза, то советские люди могут лишь смеяться над ними, как смеялись они в свое время над угрозами Гитлера. Говорят, что политика угроз есть оружие слабых против пугливых. Ну что же, — пусть пугает генерал Эйзенхауэр ворон на огороде, если ему так нравится эта детская забава». ¹³³

Характерным в пропаганде начала 50-х гг. является все более частое сравнение вчерашних союзников СССР с Гитлером и его подручными. Это не могло не вызывать у американцев особой досады и негативного отношения. Но на это и был расчет. Кроме того, в сознании советских людей образ прежнего врага — гитлеровской Германии постепенно занимал новый — коварный американский империализм, «поджигатели войны из-за океана» и т. п.

Антиамериканская кампания еще более усилилась в связи с нараставшей волной антисемитизма. На заседании Президиума ЦК КПСС 1 декабря 1952 г. Сталин заявил, что «любой еврей — националист, это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам». ¹³⁴

Правда, в самом конце 1952 г. Сталин заявил, что готов к диалогу с новым президентом США и даже соглашался на встречу с ним. Однако вскоре Сталина не стало.

Д. Эйзенхауэр, вступив в обязанности президента США, 16 апреля 1953 г. выступил с программной речью, обращенной, по существу, к новым советским лидерам. Сформулированные в ней принципы должны были, по его мнению, стать основополагающими в системе международных отношений. В общих чертах они сводились к следующему 1) ни один народ (как народ) нельзя считать противником, 2) ни одна страна не может добиться собственной безопасности и благосостояния, оставаясь в изоляции, 3) каждая страна обладает неотъемлемым правом самой определять способ правления и экономическую систему, 4) не может быть оправдана попытка любой страны навязать силой любую форму правления, 5) прочный мир не может быть основан на гонке вооружений и страхе перед его применением.

Оценивая послевоенную внешнюю политику СССР, Эйзенхауэр отмечал, что «Советское правительство придерживалось совершенно иного взгляда на будущее. В мире, каким оно себе представляло его, безопасность следовало найти не во взаимном доверии и взаимной помощи, а в силе. Целью было установление превосходства силы — любой ценой. И случилось так, что сам Советский Союз разделял и испытывал те самые страхи, которые он возбуждал в остальном мире». Правда, Эйзенхауэр оставил без комментариев тот факт, что внешняя политика самих Соединенных Штатов в эти годы также мало совпадала с указанными им принципами.

В качестве шагов, ведущих к разрядке международной напряженности Эйзенхауэр предлагал новому советскому руководству решить проблему освобождения военнопленных, подписания договора с Австрией, завершения корейской войны, установления мира в Индокитае и Малайе, объединения Германии и формирования в ней правительства на основе свободных выборов, установления международного контроля над атомной энергией и запрещение ядерного оружия, ограничения военного производства и передача высвободившихся средств в фонд развивающихся стран и т. п. Эйзенхауэр отмечал, что «новое советское руководство имеет сейчас драгоценную возможность осознать вместе с

¹³³ Правда. 1952. 13 августа

¹³⁴ «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома В.А.Мальшева // Источник. 1997. № 5. С. 140–141

остальным миром, какая создалась опасность, и помочь повернуть ход истории». Заканчивалось его выступление призывом к советскому руководству «Мы готовы к этому, готовы ли Вы?». ¹³⁵

Последовавшие вслед за этим события показали, что советское руководство не смогло отрешиться от старых подходов во внешней политике. По-своему был откомментирован в советской печати и сам текст выступления Эйзенхауэра (который, конечно, опубликован в СССР не был). В редакционной комментарии газеты «Правда» отмечалось «Вина за создавшееся международное положение возлагается на советскую политику. Совершенно обойден вопрос о Китае и восстановлении его национальных прав, а также обойден такой вопрос как восстановление единства Германии в соответствии с Потсдамскими соглашениями». ¹³⁶

Однако, как показало последующее развитие событий, советские лидеры согласились и на мир в Корее, и на подписание Государственного договора с Австрией, и на установление мира в Индокитае, и на освобождение военнопленных. Только советская общественность, как и прежде, должна была верить официальной пропаганде о том, что за решение всех этих проблем она должна быть благодарна именно советскому правительству, инициировавшему и добившемуся данных результатов в результате непрекращающейся «борьбы за мир».

Глава 2

Военные приоритеты мирной экономики

Послевоенная эпоха связана со сменой стереотипов, сложившихся в обществе за все предыдущие годы советской власти. Реформа ценностей по-своему была актуальна и для высших структур управления страной. Своеобразие исторического времени как раз заключалось в несоответствии перемен на разных социально-политических уровнях. В экономической жизни это было несоответствие между ожиданиями масс и задачами правящей партии.

Во второй половине 40-х годов СССР приобрел статус великой державы, способной отстаивать свои интересы во внешней политике. Победа над фашизмом и связанное с ней повышение международного престижа страны создали благоприятные предпосылки для трансляции идей социализма во всем мире. Преимущество социалистической системы по замыслу И. В. Сталина было необходимо доказать быстрым преодолением разрухи, восстановлением экономического потенциала и государственных механизмов. В то же время, во второй половине 40-х годов в полном объеме была осознана вся значимость милитаризации страны, как фактора внешней политики. Пропорции гражданской и военной отраслей экономики отразили стратегические и идеологические задачи, которые стояли перед лидерами партии и государства.

Советское производство послевоенных лет, унаследовавшее многие параметры военной экономики, отличалось не только стабильной организацией и управлением, но и направленностью на решение общегосударственных задач, что было в достаточной мере отражено в работах советских историков. ¹³⁷ В послевоенный период наблюдались значительные тенденции к централизации экономического управления. Во многом благодаря

¹³⁵ Цит. по: Коллекция документов АПРФ

¹³⁶ Коллекция документов АПРФ
К Главе № 2.

¹³⁷ Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства // Советская деревня в первые послевоенные годы. М. 1978; Гвоздев Б.И. Изменения в составе рабочего класса СССР в первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) // Вестник МГУ. М. 1971. № 5.

им, не зависимо от колоссальных материальных и людских потерь, разрухи и голода у СССР сохранялись перспективы экономического противостояния с развитыми капиталистическими странами. За годы войны руководство страны приобрело опыт решения предельно сложных хозяйственных задач в кратчайшие сроки, при ограниченных ресурсах и возможностях.

Не смотря на окончание военных действий и наступление мирного времени, главным содержанием экономического развития страны оставалось военное строительство. Это обуславливалось потребностями международной политики, принявшей формы «холодной войны», амбициями статуса «сверхдержавы». Советское правительство постоянно готовилось к войне за выживание. После Великой Отечественной войны атмосфера напряженности в отношении возможного вооруженного конфликта со странами Запада не только не уменьшилась, а наоборот приобрела еще более устойчивый характер. Об этом свидетельствуют материалы выборов Верховного Совета СССР 1946 года. В своих избирательных выступлениях практически все высшие руководители партии и правительства неизменно подчеркивали угрозу полномасштабного военного конфликта. Преобладание среди высшей элиты подобного мироощущения неизбежно сказывалось на формировании подходов развития экономики, делая неизбежным ее ярко выраженную милитаристскую направленность.¹³⁸

Наиболее четко формат экономического развития советского государства сформулировал И. Сталин в своей программной речи на встрече с избирателями Сталинского округа Москвы 9 февраля 1946 г. Он выделил четыре основополагающие позиции, такие как металл — для производства вооружений и оборудования для предприятий, топливо — для поддержания работы заводов, фабрик и транспорта, хлопок — для производства обмундирования, хлеб — для снабжения армии.¹³⁹ Нетрудно заметить, что перед нами модель экономики, нацеленная, прежде всего, на обеспечение функционирования вооруженных сил и военно-промышленного комплекса. Для руководства страны одним из уроков победы стали меры по дальнейшему укреплению оборонной мощи за счет других отраслей народного хозяйства, которые в первую очередь влияли на рост благосостояния и уровень жизни населения. Очевидно, что все это программировало определенный ход экономического развития советского общества.

За вторую половину 40-х годов в СССР произошло практически полное техническое обновление вооруженных сил. Крупномасштабное перевооружение коснулось всех родов войск. Например, в авиационной промышленности после войны создано более 20 типов самолетов, 30 новых моторов и реактивных двигателей. В результате удельный вес реактивных самолетов в производстве авиационной техники увеличился с 1 % в 1946 году до 65 % в 1950.¹⁴⁰ Возрастали объемы производства промышленности боеприпасов. Так, потребности во взрывателях и дистанционных трубках в мирные годы определялась в 35–40 млн. шт. в месяц, тогда как в военное время их производство не превышало 13 млн. шт. ежемесячно.¹⁴¹ Для обеспечения appetитов вооруженных сил постоянно происходило перераспределение ресурсов в пользу оборонного комплекса. В этом смысле характерно заключение Госплана СССР, сделанное к бюджету на 1948 год: «Повышение объемов поставок военной техники в 1948 году потребует переключения части производственных мощностей, в первую очередь рабочей силы, с производства гражданской продукции на

¹³⁸ Такие же настроения преобладали и в США // См.: Киссинджер Г. Дипломатия. М. 1997. С 446.

¹³⁹ Правда. 1946. 10 февраля.

¹⁴⁰ Симонов Н. Военно-промышленный комплекс в СССР в 1920-50-е годы. М.1996. С. 202–203.

¹⁴¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 1741. Л. 119.

производство военной продукции». ¹⁴²

В послевоенные годы структура отечественного ВПК складывалась вокруг трех специальных комитетов, образованных решением высшего руководства страны для работы в новейших сферах военного производства. Спецкомитет № 1 занимался атомной проблемой, его возглавлял Берия. Спецкомитет № 2 — созданием реактивной техники (Маленков). Спецкомитет № 3 — разработкой радиолокационных систем (Сабуров). Эти специальные комитеты представляли собой своего рода суперминистерства, которым не отказывали ни в чем. ¹⁴³ В своих воспоминаниях Президент Академии наук СССР А. П. Александров подчеркивал: «Теперь можно открыто и прямо сказать, что значительная доля трудностей, пережитых нашим народом в первые послевоенные годы, была связана с необходимостью мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы с тем, чтобы все возможное для успешного завершения в самые сжатые сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия». ¹⁴⁴

Милитаризация и наращивание военного производства происходили на руинах в прямом смысле этого слова. О масштабе катастрофы свидетельствует тот факт, что на территории РСФСР было уничтожено почти 500 городов и рабочих поселков. 11 млн. человек остались без крова. В освобожденных районах действовало не более 13 % промышленных предприятий. Как известно, в городах, пострадавших от войны значительно сократилось количество населения. Так, например, в Сталинграде к моменту изгнания врага осталось 12,2 % жителей, а в Воронеже — 19,8 %. ¹⁴⁵ Сложность экономической ситуации оправдывала экстренные, а порой и авторитарные, меры власти по восстановлению хозяйства. Разумеется, Сталин не мог упустить из виду столь удобный политический аргумент. Во второй половине 40-х годов апелляция к прошедшей войне и возможной будущей военной угрозе становилась неотъемлемой частью большинства его выступлений. Например, в выступлении перед избирателями г. Москвы 9 февраля 1946 года, Сталин намекнул на всевозможные «случайности» подобного рода, от которых необходимо застраховаться быстрым промышленным ростом. Причем речь шла о сферах производства, связанных с выпуском военной, а не гражданской продукции. Предполагалось ежегодно выпускать до 60 млн. тонн стали, 50 млн. тонн чугуна, 500 млн. тонн угля, 60 млн. тонн нефти, ¹⁴⁶ то есть сырья и источников энергии для тяжелой и военной промышленности.

Таким образом, относительно послевоенного периода, скорее всего, правомерно говорить не столько о конверсии, сколько о производственной переориентации в рамках военно-промышленного комплекса. Руководство страны не смущало, что этот процесс противоречил насущным экономическим задачам и сдерживал рост уровня жизни населения. Как и в ряде других случаев, экономика оказалась подчинена внешнеполитическим и идеологическим программам. Не взирая на катастрофическое положение в стране, Сталин стремился извлечь и развить из победы максимальные геополитические выгоды.

Главным инструментом в осуществлении этих планов — военно-промышленный комплекс. Именно поэтому восстановление экономики происходило не через высвобождение

¹⁴² Там же. Л. 105.

¹⁴³ О деятельности этих комитетов см.: Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР // В кн.: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М.1997. С. 150–189.

¹⁴⁴ Создание первой советской ядерной бомбы. М.1995. С. 15.

¹⁴⁵ ГАРФ. А-374. Оп. 2. Д. 112. Л. 11.

¹⁴⁶ Правда. 1946. 11 февраля.

финансовых средств из ВПК, а за счет материальных потерь населения. Средства массовой информации активно внедряли в коллективное сознание представление о необходимости общественными усилиями и жертвами компенсировать расходы страны на войну. Так оправдывалась жесткая налоговая политика, ограбление людей посредством государственных займов, убытки граждан от денежной реформы.

Общие расходы на войну и связанные с этим потери национального дохода были определены еще в конце 40-х годов. Они исчислялись ЦСУ СССР в размере 1890 млрд. рублей. Кроме того, потери доходов населения, государственных и кооперативных предприятий в период перехода от войны к миру и расходы на содержание армии оценивались 501 млрд. рублей. Долгое время сказывались потери национального дохода в результате демографических изменений, порожденных войной. Они исчисляются суммой 1664 млрд. рублей. Таким образом, с учетом прямых и косвенных потерь, общий экономический ущерб СССР в 1941–1947 гг. составил 4734 млрд. рублей в ценах 1940 г. или 893 миллиарда американских долларов (по официальному обменному курсу Госбанка СССР в 1940 г.).¹⁴⁷

Специфика экономической политики власти первых послевоенных лет была обусловлена особенностями ведения хозяйства и финансов в годы войны. По своему использованию национальный доход, как известно, делится на две основных категории: «потребление» и «накопление». По данным ЦСУ СССР, за три первых года войны доля потребления в национальном доходе увеличивается с 80 % до 99 %. Соответственно, доля накопления сокращается с 20 % до 1 %.¹⁴⁸ В условиях сокращения объема национального дохода и той его части, которая направлялась на накопление, процесс создания военной продукции, происходил преимущественно за счет сокращения размеров потребления необходимого общественного продукта. Таким образом, основной пострадавшей стороной оказалось население. В 1941–1945 годах у власти не было оснований опасаться народного недовольства, вызванного низким уровнем жизни. Большинство воспринимало происходящее, как экономическую необходимость. Своего апогея перераспределение финансов в пользу армии достигло к 1943 году. Тогда военные расходы СССР составили около 150 млрд. руб. или 36 % национального дохода. С учетом строительства и реконструкции военных заводов общая сумма всех затрат ровнялась 220 млрд. руб. или 52,5 % от величины национального дохода того времени.¹⁴⁹

Основными источниками финансирования военных расходов за годы войны были накопления государственных предприятий и организаций и их амортизационные отчисления, размещение займов среди населения и их добровольные взносы, налоги и эмиссия. Важным источником покрытия военных затрат являлось повышение цен на товары широкого потребления государственной розничной торговли. Например, в 1943 году оно составило не менее 30 млрд. руб.¹⁵⁰ Уже тогда в правительстве поднимались вопросы о методах проведения послевоенной денежной реформы, способной стабилизировать финансовую обстановку.

После победы к решительным экономическим действиям подталкивали массовые настроения и ожидания. Реформа должна была совпасть с отменой карточной системы. По официальной версии из-за летней засухи 1946 г. оба мероприятия перенесли на 1947 г.

¹⁴⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 278. Л. 1; Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат. 1948.

¹⁴⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 95. Д. 168. Л. 140.

¹⁴⁹ Там же. Оп. 94. Д. 115. Л. 49.

¹⁵⁰ Там же.

Населению о готовящемся преобразовании сообщила газета «Правда»: «В связи с засухой в ряде областей СССР и сокращением государственных запасов продовольствия Президиум Верховного Совета СССР постановил удовлетворить ходатайство Совета Министров СССР о перенесении отмены карточной системы с 1946 г. на 1947 г.».¹⁵¹ Скорее всего, выжидательная позиция власти объяснялась стремлением сохранить пайковую систему контроля за обществом в неблагоприятных экономических условиях первых послевоенных лет.

Большая часть населения страны материально и психологически была не готова к отмене карточек, а тем более к обмену денег. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» для многих стало неожиданным. В обществе сохранялась надежда на пайковое снабжение до преодоления дефицита. Благодаря централизованному распределению хлеба людям удалось пережить рост цен на продовольствие в 1946–1947 гг. Урожай 1947 г. пополнил рынки основными продуктами питания, однако связанное с этим понижение цен было непродолжительным. Как и всегда в таких случаях, скачки цен создавали атмосферу нестабильности. В конце 1947 г. и начале 1948 г. в продажу поступило больше хлеба и других продуктов питания, но этих товаров было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности горожан, а тем более сельских жителей, поскольку на селе хлеб продавали по спискам по 200–500 г в руки. Ожидания лучшей жизни и отмены карточек причудливым образом сочетались с боязнью потерять паек, как последнюю надежду на выживание.

Руководство страны стремилось максимизировать государственную выгоду от проводимой реформы, поэтому пострадавшей стороной оказалось население. Подобный вывод можно сделать уже на основе анализа текста и подтекста постановления от 14 декабря 1947 г., в котором исторически обосновывалась экономическая и политическая необходимость данной меры. Должно было настораживать уже то, что постановление подчеркивало будто «в СССР ликвидация последствий войны и денежная реформа проводятся не за счет народа», сулило большие материальные выгоды городскому и сельскому населению.¹⁵² Для убедительности перечислялись заслуги советского руководства: «Количество занятых рабочих и служащих у нас не сокращается. У нас нет и не будет безработицы. Размеры заработной платы рабочих и служащих не только не снижаются, а наоборот, увеличиваются, ибо в несколько раз снижаются коммерческие цены, а на хлеб и крупу снижаются и пайковые цены, что означает повышение реальной заработной платы рабочих и служащих. Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв, приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва».¹⁵³ Как показало дальнейшее экономическое развитие, народу предстояло испытать еще немало трудностей.

Суть реформы заключалась в следующем: с 16 по 22 декабря вся денежная наличность, находившаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, обменивалась, за исключением разменной монеты, на новые деньги 1947 г. по соотношению 10:1. Всего было обменено старых денег 37,2 млрд. рублей. Из них через городские выплатные пункты 14,6 млрд. руб., через сельские — 13,2 млрд. руб. и 9 млрд. руб. — через выручку торговых учреждений и организаций.

¹⁵¹ Правда. 1946. 29 августа.

¹⁵² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. Т. 3. 1946–1952 гг. М. 1958. С. 254.

¹⁵³ Там же. С. 254–256.

Денежная реформа повысила роль государства в экономической жизни страны, поскольку в результате произошло уменьшение роли доходов не только городского, но и сельского населения. В соответствии с этим выросло значение заработной платы и других доходов, получаемых населением от государства. В этом вопросе существовал и психологический аспект. Монопольное владение правом распределять доходы населения, позволило власти сформировать представления о значимости и незаменимости системы.

Современные исследования показали, что реформа значительно снизила уровень народного потребления. В течение года товары придерживались, а после обмена денег их выбросили на рынок, но уже по новым ценам. Сработал эффект показного «изобилия» за счет снижения покупательной способности населения. Еще за месяц до 14 декабря 1947 г. были разбронированы товары из государственных резервов на сумму 1,7 млрд. рублей. Они предназначались для торговли после отмены карточек в городах (1,1 млрд. руб.) и в сельской местности (0,6 млрд. руб.).¹⁵⁴ Тот факт, что «рекламная» городская торговля почти вдвое превышала сельскую, далеко не случаен. Политические настроения городских жителей значительно больше интересовали власть. Недовольство деревенских жителей экономической политикой государства как правило игнорировалось.

Свидетельством определенного недоверия людей к финансовой политике государства служит тот факт, что после реформы крупные денежные накопления населения, особенно в сельской местности, находились преимущественно на руках. Особенно болезненно обмен наличных денег сказывался на материальном положении низкооплачиваемых категорий трудящихся. В то же время, денежная реформа принесла известные выгоды вкладчикам сберегательных касс. Вклады размером до 3 тыс. руб. включительно оставались без изменения, то есть переоценивались рубль за рубль, а свыше 3 тыс. руб. до 10 тыс. переоценивались: за 3 руб. старых денег — 2 руб. новых.¹⁵⁵ Если размер вклада превышал 10 тыс. руб., то действовало соотношение 2:1. Переоценка вкладов населения принесла дополнительный доход казне в 3,6 млрд. руб.¹⁵⁶

После денежной реформы был осуществлен переход к открытой торговле, сопровождавшейся установлением единых государственных розничных цен. Пайковые цены были повышены в среднем в 3 раза и, таким образом, приблизились к коммерческим. Вопреки ожиданиям населения высокие розничные цены на промтовары в городах и сельской местности были сохранены. Таким образом, реформа была направлена на решение государственных, а не социальных задач. Не случайно поэтому, психологический подтекст при ее проведении должен был превалировать над экономической стороной вопроса. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в переписке министра финансов СССР А. Г. Зверева с И. В. Сталиным. В докладе на имя председателя Совета Министров Зверев рекомендовал выпуск новых денег вплотную приблизить к моменту отмены карточек. Это, по его мнению, должно было укрепить престиж новых купюр. В этой же записке министр финансов прямо отметил, что «широкие слои трудящихся» понесут потери, связанные с обменом.¹⁵⁷ Власти опасались, что реформа будет сопровождаться не только недовольством населения, но и всевозможными нарушениями. Поэтому за ее ходом пристально следила Союзная прокуратура.

Высвобожденные в результате денежной реформы финансовые средства позволили на

¹⁵⁴ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. Диссер. д.и.н. М. 1996.

¹⁵⁵ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. Т. 3. 1946–1952 гг. М. 1958. С. 259.

¹⁵⁶ Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов. 2000. С. 90.

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 3622. Л. 78–83.

качественно новом уровне решать государственные экономические задачи. Весьма характерно, что фактически изъятые у населения деньги в большинстве случаев направлялись не на реализацию социальных программ и нужды людей, пострадавших о войны, а на остановку экономического спада в стратегически важных отраслях промышленности. К концу войны во всех базовых сферах производства, кроме ВПК, имело место абсолютное падение производственно-экономических показателей. В 1945 г. чугуна выплавлялось 59 %, стали и проката производилось 66 % и 65 %, нефти было добыто 62 % по сравнению с 1940 г. Тракторов, комбайнов, паровозов, автомобилей изготовлялось в 2–5 раз меньше, чем в последний год мирной жизни.¹⁵⁸ Сложившуюся ситуацию можно объяснить не только колоссальным материальным ущербом и военными затратами 1941–1945 годах, но и нарушением экономических связей, затруднявшим управление хозяйством.

Во второй половине 40-х годов в ряде «внутренних» регионов страны продолжали функционировать предприятия, прибывшие из прифронтовых районов в годы войны. Часто их новое месторасположение определялось не экономической целесообразностью, а военной необходимостью. Еще 7 августа 1941 года вышло постановление ГКО № 421 «О порядке размещения эвакуированных предприятий». По известным причинам предпочтение тогда отдавалось скорейшему размещению заводов по изготовлению патронов, а так же танковой и авиационной промышленности. После окончания боевых действий руководство не спешило отдавать распоряжения о демонтаже и перевозке предприятий на прежние места. Это можно объяснить не только экономическими трудностями, но и стратегическими планами власти. Военно-промышленный комплекс становился ключевой сферой советской экономики. Не случайно после войны выпуск патронов и артиллерийских снарядов не только не сократился, но и возрос. К активным действиям не побуждали даже массовые протесты рабочих эвакуированных заводов, требовавших возвращения в свои регионы. Фактически в мирное время люди оказались прикрепленными к промышленным объектам. Напрашивается вывод о политике огосударствления не только средств производства, но и самих производительных сил.

Как и в 30-е годы тяжелая промышленность оставалась приоритетным направлением послевоенного советского хозяйства, поэтому ее развитие нередко проводилось в ущерб другим секторам экономики. Лишь крайне низкий уровень народного потребления продукции обусловил принятие экстраординарных мер по восстановлению легкой промышленности. В этом необходимо отметить особую заслугу председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, стремившегося создать в высших эшелонах власти соответствующие настроения. По оценке министра финансов А. Г. Зверева, Вознесенский «был очень сильным руководителем Госплана, мыслил масштабно и смело, глядел далеко вперед».¹⁵⁹ Возможно, именно это и предопределило его дальнейшую трагическую судьбу.

Уже 23 декабря 1946 года Совет Министров принял постановление «О мерах по ускорению подъема легкой государственной промышленности, производящей предметы потребления». В нем отмечалось, что существующие темпы роста предприятий Министерства текстильной и легкой промышленности «совершенно недостаточны и не обеспечивают выполнение закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства».¹⁶⁰ Самое интересное, что постановление обвиняло местные органы власти в отношении к легкой промышленности, как «второстепенной» отрасли. Необходимо отметить, что такое положение дел логично вытекало из всей стратегии государственной

¹⁵⁸ Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М. 1956. С. 66–68.

¹⁵⁹ Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С. 229.

¹⁶⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952 гг. М. 1968. С. 362.

экономической политики. Скорее всего, к незначительной смене курса в декабре 1946 г. правительство подтолкнули социальные ожидания. Основная идея документа сводилась к предложению «произвести серьезный поворот внимания и ресурсов Министерств, ведомств, Совета Министров Союзных республик, и местных органов власти на дело ускорения роста производства товаров широкого потребления для населения». ¹⁶¹

В соответствии с постановлением, Совет Министров установил новый, отличавшийся в сторону повышения, план производства важнейших товаров, прежде всего тканей. Вместо 4,7 млн. м. хлопчатобумажных тканей, установленных ранее на 1950 год, закон о пятилетнем плане предписывал произвести 4,8 млн. м. Производство шерстяных тканей должно было увеличиться на 5,6 %. По сути, постановление зафиксировало серьезные сбои в реализации плана четвертой пятилетки. Неслучайно ответственность за его выполнение теперь возлагалась на местные партийные органы, обязавшиеся добиться необходимых показателей. Закономерно, что для подъема легкой промышленности применялись лишь административно-командные методы. Собственно экономического стимулирования труда не предполагалось. Стремясь выполнить распоряжение правительства, руководство предприятий осваивало неиспользованные ранее производственные площади, увеличивало количество действовавших смен, применяло опыт довоенных социалистических соревнований.

Несмотря на затраченные усилия, довоенный уровень развития текстильной промышленности был достигнут только в 1949 г. Примечательно, что в производстве шерстяной и шелковой тканей уровень 1940 г. удалось достичь к 1948 г., то есть на год раньше. Шерстяная ткань использовалась для пошива солдатских шинелей, а шелк для производства парашютов. Как и в других случаях, отрасли связанные с ВПК развивались более быстрыми темпами. Ситуация в текстильной промышленности существенно осложнялась тем, что за годы войны было выведено из строя 61,7 тыс. станков. За 1946–1948 гг. страна произвела лишь 8727 единиц ткацких станков, что составило 14,1 % к потерям за годы войны. ¹⁶² Кроме этого, к концу четвертой пятилетки замены требовала значительная часть износившихся машин, что не могло быть восполнено техникой, вывозимой из Германии. По данным Российского государственного архива экономики, в период с 1945 по 1947 гг. из Германии прибыло 17 тыс. вагонов демонтированного оборудования. ¹⁶³ По известным причинам в официальной советской статистике не принято было упоминать о значении репараций в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР в первые послевоенные годы.

Как известно, репарационные платежи поступали от Германии и Японии. В первую очередь это — комплектное оборудование более 5,5 тыс. демонтированных и вывезенных в СССР в 1945–1950 гг. германских (на территории Восточной Германии, Польши, Австрии и Венгрии) и японских (на территории Манчжурии и Северной Кореи) предприятий. Среди них преобладали металлургические, машиностроительные, судостроительные, авиационные, химические, артиллерийские, приборостроительные, радиотехнические, деревообрабатывающие, рыбоконсервные заводы. Руководство страны отдавало предпочтение ввозу в страну средств производства военной техники. Это в полной мере соответствовало уровню милитаризации сознания государственных лидеров. Отчасти поэтому в первые послевоенные годы среди населения сохранялся повышенный спрос на товары народного потребления.

¹⁶¹ Там же. С. 366.

¹⁶² Народное хозяйство СССР в 1959 г. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР. 1959. С. 246.

¹⁶³ РГАЭ. Ф. 8591. Оп. 1. Д. 1039. Л. 19.

Совокупные трудности развития как эвакуированных, так и «давних» текстильных предприятий определялись в конечном итоге главным — недостатком получения капитальных вложений. Это было одно из центральных противоречий времени — противоречие между провозглашенными высокими целями добиться обилия основных потребительских товаров и материальным воплощением этой цели. Однако существовали объективные основания подобной государственной политики.

В послевоенный период основная доля национального бюджета по-прежнему уходила на реализацию военных программ, на противостояние с ведущими в техническом плане державами Запада. Известный историк Н. Н. Яковлев приводит пример, насколько обеспокоен был министр здравоохранения Е. И. Смирнов тяжелым положением в снабжении больниц лекарствами. Сталин, узнавший об этом, спокойно отметил: «Смирнову, по должности знавшему о разработке ядерного оружия, не подобало не понимать, куда идут средства».¹⁶⁴ Таким образом, существовала обратная сторона официальной конверсии. Затраты страны на военно-промышленный комплекс не только оставались огромными, но и постоянно наращивались.

Сразу же после войны в районе закрытого города Красноярск-26, по указанию Л. П. Берия, началось сооружение подземного горно-химического комбината для производства оружейного плутония. О размахе стройки, ее необычайной дороговизне, говорит тот факт, что из таежных сопок «вынули грунта больше, чем при прокладке московского метро».¹⁶⁵ В начале июля 1948 года был введен в действие первый советский ураново-графитный реактор на комбинате № 817 (Челябинск-40), строительство которого осуществлялось ударными темпами. Для того чтобы представить масштабы строительных работ, достаточно отметить, что при закладке фундаментов производственных помещений было вынуто 190 тыс. куб. метров грунта (в основном скальные породы), уложено 82 тыс. куб. метров бетона, 6 тыс. куб. метров кирпича. На объекте было смонтировано 5 тыс. тонн металлоконструкций, 230 км трубопроводов.

У советского руководства было достаточно оснований для подобного распределения материальных средств. По рассекреченным сейчас документам хорошо известно, что сразу же после окончания Второй мировой войны американское военное командование и объединенный комитет начальников штабов стран НАТО разрабатывал варианты плана военной агрессии против СССР. Боевые действия предполагалось вести с применением ядерного оружия и больших масс войск. Это планы под названием «Тоталиту» (1945 г.), «Троуджэн» (1948 г.), «Троян», «Дропшот» и «Оффтекл» (1949 г.). В результате ряда успешных операций советской внешней разведки Сталин был осведомлен о планах стран НАТО, что и определило пропорции в финансировании военных проектов СССР. Неслучайно, исследователи создания ядерной промышленности, как правило, более лояльно настроены по отношению к Сталину и его окружению, нежели исследователи аграрного развития страны.¹⁶⁶

О значимости ядерного проекта свидетельствует масштаб политических и научных деятелей, ответственных за его реализацию. Большинство членов комитета имели опыт создания промышленности в годы Великой Отечественной войны. Поэтому при организации работ использовались методы управления военного времени, была создана атмосфера абсолютной секретности. Непосредственное участие в руководстве созданием ядерного

¹⁶⁴ Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда. 1983. С. 19.

¹⁶⁵ Российская газета. 1994. 3 августа.

¹⁶⁶ В этом смысле весьма показательны докторские диссертации В.Ф. Зимы и В.Н. Новоселова. См: Зима В.Ф. Голод в СССР в 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. Диссер. д.и.н. М. 1996; Новоселов В.Н. Создание ядерной промышленности на Урале. Диссер. д.и.н. Челябинск. 1999.

оружия первых лиц государства стало еще одной причиной колоссальных размеров затрат. На самом высоком политическом уровне была осознана необходимость дать свободу творчества ученым в области физики и естественных наук. В целях экономии времени научный руководитель Уранового проекта И. Курчатов использовал практику проведения исследований одновременно несколькими организациями. В конечном итоге удалось достигнуть более высоких результатов в кратчайшие сроки. В своих воспоминаниях С. Берия отметил, что все ученые, задействованные в проекте, получили огромные материальные вознаграждения, автомобили, для них были построены дома.¹⁶⁷ В работе с людьми умело сочетались самые разнообразные методы — от поощрения, до прямого давления.

Значительно отставание от США в научно-практической разработке заставило пойти на рискованный шаг. Было принято решение совершенствовать технологию в условиях уже действующих предприятий. Фактически ядерное оружие было получено на экспериментальном промышленном уровне. Значительные задержки в развитии новой отрасли могли возникнуть в связи с отсутствием в СССР разведанных запасов урановой руды. Проблема была решена за счет использования шахт ближайших стран-союзниц по социалистическому лагерю. Лишь в 50-е годы оказалось возможным полностью перейти на отечественную руду.

Западные специалисты считали, что в условиях послевоенной разрухи СССР сможет создать свою атомную промышленность и наладить незначительное производство ядерного оружия не раньше, чем через 7-10 лет. Однако первая советская ядерная бомба прошла успешные испытания через 4 года после принятия решения о создании атомной промышленности. Исследователи объясняют это тем, что Урановый проект приобрел статус общенациональной программы в истории СССР.¹⁶⁸ Во многом такое положение вещей может быть объяснено личным отношением Сталина к ядерной проблеме. Осознав в первые годы войны реальную угрозу стране, а, значит, и своей власти, Председатель Совета Министров СССР делал все возможное для обеспечения государственной безопасности.

Для Советского Союза во второй половине 40-х годов существовало два пути разрядки международной напряженности. Это создание военно-промышленного (ядерного) паритета с капиталистическими странами, либо коррекция государственной идеологии. Поскольку второй путь был принципиально неприемлем для руководителей, воспитанных на идеалах революции и гражданской войны, послевоенное историческое развитие характеризовалось крайне жесткой социально-экономической политикой. Только такой курс мог обеспечить необходимые темпы роста ВПК. Гражданское строительство превратилось во второстепенную задачу.

В этих условиях для преодоления разрухи были оправданы самые разнообразные меры, вплоть до использования труда немецких военнопленных. Длительность их пребывания в стране как раз и объясняется экономической ситуацией, прежде всего нехваткой рабочей силы. Конечно, труд бывших солдат и офицеров Вермахта не мог даже приблизительно компенсировать потери в годы войны, однако не учитывать столь значительное число людей этой категории в восстановительном процессе на народно-хозяйственных объектах нельзя. По данным В. Б. Конасова, общий вклад военнопленных в возрождение промышленности за 1943–1949 гг. исчислялся 50 млрд. руб. Из них 38 млрд. приходилось на долю немцев.¹⁶⁹ Солдаты и офицеры Вермахта привнесли в отечественное производство в ряде отраслей новые навыки, методы и технологии, употреблявшиеся в Германии 30-40-х годов.

¹⁶⁷ Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М. 1994. — С. 283.

¹⁶⁸ Новоселов В.Н. Создание ядерной промышленности на Урале. Диссер. д.и.н. Челябинск. 1999. С. 256.

¹⁶⁹ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда. 1996. С. 153.

Производственный опыт передовой в техническом отношении страны Европы оказался полезен в период восстановления экономики.

В значительной мере идея использования труда немецких военнопленных принадлежала И. В. Сталину, который еще в 23 февраля 1942 года в приказе № 55 отметил следующее: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается».¹⁷⁰ Система лагерей для военнопленных начала создаваться еще в годы войны, но окончательно сложилась к 1946 году. Труд немецких солдат и офицеров в первую очередь использовался на погрузочно-разгрузочных работах, лесозаготовках, торфодобыче и возведении железных дорог. Наиболее квалифицированные специалисты привлекались к восстановлению и реконструкции промышленных объектов. Не оплачиваемый, либо низко оплачиваемый труд — одна из особенностей тоталитарных экономических систем. Он был характерен не только для немецких военнопленных и заключенных советских лагерей. Например, труд промышленных рабочих и колхозников стимулировался разнообразными идеологическими акциями, социалистическими соревнованиями и т. д.

Пропаганда сопровождала все значительные экономические события в жизни страны. В марте 1946 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.». Только в Москве 300 тыс. агитаторов разъясняли задачи трудящихся. Широкою пропаганду вела печать и радио. С калининским призывом «Новая пятилетка — наше родное, общенародное дело» выступила газета «Труд».¹⁷¹ Часто в агитационной работе использовалась военная тема и символика. Интересно, что, например, на плакатах художника В. Иванова рабочие были представлены в солдатской форме.

Подведение итогов хозяйственного и финансового развития так же превращалось в мощную пропагандистскую акцию. Например, перевод рубля на золотое обеспечение в 1950 г. преподносился как результат выполнения страной четвертого пятилетнего плана, хотя по сути, как отмечают современные исследователи, это была попытка покончить с финансовой зависимостью от Запада. Приняв свои внутренние правила, советская финансовая система отделилась от мировой.¹⁷² Реформа основывалась на постановлении Совмина СССР от 28 февраля 1950 г. «О переводе курса рубля на золотую базу и о повышении курса рубля в отношении иностранных валют». С 1 марта 1950 г. было прекращено определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара и установлено золотое его содержание. Одновременно устанавливалась покупная цена Госбанка СССР на золото в 4 руб. 45 коп. за 1 г драгоценного металла. Соответственно, курс рубля в отношении иностранных валют, исходя из золотого содержания рубля в 0,222 г, устанавливался в 4 руб. за 1 американский доллар вместо существовавших 5 руб. 30 коп. Подобный расчет действовал и в отношении к валютам других стран.¹⁷³ Реформа укрепила не только политические позиции руководства внутри страны, но и международное положение СССР, что собственно и являлось ее целью.

Отсутствие значительных политических изменений во второй половине 40-х годов

¹⁷⁰ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1948. С. 46.

¹⁷¹ Труд. 1946. 15 мая.

¹⁷² См.: Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М. 1996.

¹⁷³ Дерективы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. Т. 3. 1958. С. 483–484.

вовсе не означало консервацию системы, поскольку основные перемены в это время происходили на социально-психологическом уровне. Большинство из них было связано с формированием комплекса надежд и ожиданий после победоносного завершения войны. Неповторимое своеобразие, особый колорит общественных настроений послевоенных лет во многом определяли характер отношений между народом и государственной властью. Психологическая атмосфера послевоенного общества не могла не оказывать влияния на экономическое развитие страны. Коллективная жизнь, напряженный труд, взаимовыручка и взаимодействие, сохранившиеся с военных лет, стали характерными чертами советского социума на рубеже 40-50-х гг. Понимание общности трудностей и судеб, связи выполняемой работы с конечным продуктом и обостренное чувство долга требовали подчинения личных интересов и настроений — общим, что порой приводило к работе на пределе сил. Стремление к ускоренным темпам социалистического строительства было сильно не только в высшем партийно-государственном руководстве, но и в широких слоях общества.

Дух свободы и оптимистические ожидания, сохранившиеся после победы, в короткие сроки были подорваны условиями повсеместной нищеты и разрухи, сохранившейся карточной системой, введенной в начале войны. Потребление на душу населения за годы войны снизилось на 35–40 %. Сахар и кондитерские изделия по сравнению с 1940 г. в бюджете питания составляли лишь 22,4 %, мясо и мясопродукты — 59,5 %. Потребление колхозников снизилось в 1943 г. в сравнении с 1939 г. по мясу и салу на 66 %, по хлебопродуктам на 35 %.¹⁷⁴

К концу войны в Сибири на 6 месяцев приходилось на 1 крестьянскую семью 49 гр. сахара, 13,2 гр. чая и 2,3 кг. печного хлеба в месяц, 1 яйцо на 15 человек в день и 91 грамм мяса и сала на семью.¹⁷⁵ В этих тяжелейших условиях настроения, суждения и поведение людей не могли быть одномерными. Далеко не все, как утверждал генерал А. В. Горбатов «безропотно верили Сталину».¹⁷⁶ Известны многочисленные высказывания недовольства тяжелыми условиями. Именно этим советское общество конца 40-х годов принципиально отличалось от общества середины 30-х годов. Самое интересное, что антиправительственные настроения теперь сдерживались не только страхом за свою судьбу, но и верой в правильность выбранного курса развития. Война не только на словах объединила народ и правящую партию. Не случайно высказывания недовольства характеризовались как болтовня, нездоровые настроения, лживые, провокационные и антисоветские слухи, враждебные антисоветские настроения. Такая точка зрения была свойственна и партийной элите и простому народу. И все же власти не могли не учитывать массовых ожиданий, что оказывало известное влияние на экономическую политику государства. Зимой 1945 по городским нормам хлебом снабжалось 52,8 млн. человек, тогда как к осени 1946 г. их количество увеличилось до 58,8 млн.¹⁷⁷ Здесь важно отметить, что в основном учитывались настроения горожан, сельские жители оставались материально самой не защищенной категорией населения.

Психологическую атмосферу ожидания голода правительство успешно использовало для решения политических и экономических задач: укрепления вертикали власти и стимулирования развития базовых отраслей промышленности, не связанных с народным

¹⁷⁴ Зинич М.С. Будни военного лихолетья 1941–1945. М.: ИРИ РАН. 1994. С.75.

¹⁷⁵ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск. Институт истории РАН. 1993. С. 140–142.

¹⁷⁶ Горбатов А.В. Годы и войны. 2-е изд. М. 1980. С. 72.

¹⁷⁷ Народное хозяйство в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Статсборник. М. 1990. С. 202.

потреблением. Осенью 1946 года, когда в стране начал нарастать голод, нормы распределения хлеба среди рабочих зависели не от степени их профессионализма и квалификации, а от отрасли производства и характера выполняемого труда. Так, в легкой и текстильной промышленности суточная норма хлеба на одного рабочего не превышала 600 граммов, служащие оборонных предприятий получали до 700 граммов, тогда как наивысшая норма — до 1200 граммов — выдавалась труженикам предприятий министерства угольной промышленности, рабочим горячих и вредных цехов, подземных шахт и трубопрокатных заводов Минчермета.¹⁷⁸

Подобная неравномерность распределения хлеба в голодные послевоенные годы позволяла направить поток демобилизовавшихся из армии в 1945–1946 гг. в необходимые правительству сферы производства. Из докладной записки Л. Погребного В. Молотову от 20 марта 1946 г. следует, что с момента издания закона о демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Армии от 23 июня 1945 г. и Указа о демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии от 25 сентября 1945 г. в города и сельские местности прибыло 5. 314,7 тыс. человек демобилизованных (1. 771,5 тыс. — в города и 3. 543,2 тыс. — в сельские местности).¹⁷⁹ По словам Погребного, многие возвратившиеся из Красной Армии длительное время «от 3-х до 4-х месяцев не поступают на работу, мотивируя необходимостью устройства своих квартирных и домашних дел...».¹⁸⁰ Основными причинами, объясняющими это явление, были условия труда и его оплата. После окончания войны не все мирились с бытовой неустроенностью. Порой проявлялось открытое недовольство администрацией предприятий, люди требовали установить 8-ми часовой рабочий день. Крайне низкий уровень заработной платы привел к тому, что на январь 1946 года только 71,1 % демобилизованных приступил к труду,¹⁸¹ несмотря на решения правительства, обязывающие местные органы обеспечивать работой в первую очередь демобилизованных и инвалидов.

В 40-е годы поставки союзников лишь отчасти могли облегчить материальное положение населения, поскольку в военное время в них преобладали средства производства. По данным Первого отдела Госплана СССР, импорт и «ленд-лиз» обеспечили в валовом внутреннем продукте СССР в 1941–1945 гг. не менее 55 % потребления грузовых и легковых автомобилей, 20,6 % тракторов, 23,1 % металлорежущих станков, 42,1 % паровозов, 40,8 % алюминия, 19,3 % цинка, 25,3 % никеля, 37 % ртути, 99,3 % олова, 56,9 % кобальта, 67,1 % молибдена, 24,3 % нержавеющей стали, 18,1 % авиационного бензина, 100 % натурального каучука, 22,3 % этилового спирта, 38,2 % глицерина и т. д.¹⁸² Всего по «ленд-лизу» наша страна получила в 1941–1945 гг. из США готовой продукции и материалов на общую сумму \$ 10,6 миллиардов. При пересчете этой суммы по официальному курсу 1940 г. (1 доллар за 5,3 рубля), получается 56,1 млрд. руб., что, например, эквивалентно 18,9 % национального дохода СССР в 1944 г. в ценах 1940 г.

По официальным данным, опубликованным председателем Госплана Н. Вознесенским, поставки союзников никогда не превышали 4 % по отношению к отечественному

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2901. Л. 75–89.

¹⁷⁹ Там же. Оп. 49. Д. 3741. Л. 30–32.

¹⁸⁰ Там же. Л. 60.

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 122. Д. 145. Л. 193.

¹⁸² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 255. Л. 221.

производству.¹⁸³ Эту точку зрения не оспаривали и в США. В конце мая 1945 г., во время визита в Москву, Г. Гопкинс не только из дипломатической вежливости подчеркнул: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером».¹⁸⁴ Ситуация изменилась с началом «холодной войны». В вопросе о сотрудничестве с союзниками с этого времени (и вплоть до конца 80-х гг.) преобладала идеологическая, а не, собственно, объективная экономическая сторона.

Советские историки не стремились поднимать вопрос о материальном положении рабочих в послевоенное время. Лишь в 90-е годы появились публикации, освещающие уровень заработной платы, условия труда и быта работников предприятий и служащих. Имеющиеся данные говорят о крайне тяжелом положении городского населения. При этом послевоенная разруха и карточная система далеко не основные причины создавшейся ситуации. По мнению В. Попова, государству было выгодно такое состояние общества, в котором основные производители материальных благ были поставлены на грань выживания. Согласно его данным чуть меньше половины (43 %) рабочих и служащих имели такой фактический заработок в месяц, из которого половина и более всей суммы должна была пойти на оплату питания по самому необходимому для человека минимуму. Кроме этого власти регулярно практиковали задержку заработной платы. Так, за июль 1946 года полностью получили зарплату лишь 24 млн. рабочих и служащих страны, из 30,6 млн. рабочих и служащих, числящихся в 1946 году во всех отраслях народного хозяйства.¹⁸⁵ Подобная экономическая политика имела свои объяснения.

Как показали последние исследования, за годы войны накопилось несоответствие между натуральной и ценностной формами выражения стоимости внутреннего валового продукта и национального дохода. Это привело к тому, что план развития народного хозяйства СССР в 1945 г. составлялся с серьезными диспропорциями. Так, баланс средств производства формировался с дефицитом в 24 млрд. руб., а баланс предметов потребления — с дефицитом 20 млрд. руб.¹⁸⁶ При определении размеров национального дохода в 1945 г. Госплан СССР допустил ошибку. Сначала была названа цифра 518 млрд. руб., затем — 476 млрд. руб. Фактически национальный доход СССР в 1945 г. составил 441,4 млрд. рублей. Поскольку это было на 48,2 млрд. руб. меньше, чем в 1944 г., возникла острая необходимость сократить расходы союзного бюджета. Таким образом, последний год войны и начало первого года мирной жизни для экономики СССР ознаменовались глубоким кризисом, который, на самом деле, являлся продолжением общего экономического спада, обусловленного гигантскими экономическими потерями и военными затратами 1941–1945 гг. Сознвая это, руководство страны переложило основное бремя трудностей на плечи населения.

После войны заработная плата рабочих заводов снизилась в связи с сокращением трудовой недели и прекращением сверхурочных работ. Среднемесячная зарплата рабочих на заводах и предприятиях г. Москвы, составлявшая в мае 1945 г. 680 руб., снизилась до 480 руб. На отдельных предприятиях сокращение оплаты труда было еще больше, примерно в 1,5–2 раза. Заработки уборщиц, вахтеров, истопников и других не менялись с 1937 г. и были на уровне 200 руб. в месяц. Минимальная заработная плата, не облагавшаяся налогами,

¹⁸³ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период отечественной войны. М. 1948. С. 74.

¹⁸⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2-х т. Т. 2. М. 1958. С. 626.

¹⁸⁵ Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов. 2000. С. 59.

¹⁸⁶ Симонов Н.С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920–1950 гг.). Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление. М. 1999.

составляла 150 руб. Значительную часть зарплаты отнимали налоги и государственные займы. Так, из заработка в 200 руб. изымалось 67 руб.¹⁸⁷ На некоторых крупных заводах тяжелой промышленности средний размер зарплаты составлял за отдельные месяцы 65 % от начисленного заработка, а 35 % удерживалось по Госзайму. Крупных размеров достигали удержания из заработной платы за сделанный брак. Иногда рабочие в течение нескольких месяцев оставались должниками завода.

Парадоксальнее всего то, что самые значительные продовольственные трудности в послевоенный период испытывали основные производители хлеба — рабочие колхозов и совхозов. Оплата труда в сельском хозяйстве никогда не превышала среднемесячной зарплаты промышленного рабочего.¹⁸⁸ В зимние месяцы заработная плата у трактористов снижалась с 356 руб. до 256 руб., у комбайнеров — с 411 руб. до 305 руб. в месяц. Много меньше зарабатывали в совхозе скотники, доярки и телятницы. Работники всех категорий в 1947 г. получили за год на 1 тыс. руб. больше чем в 1946 г. главным образом за счет хлебных надбавок, но это не могло компенсировать роста цен. Маленькая зарплата была у сезонных и временных рабочих — 260–270 руб. Директора совхозов и их заместители получали примерно столько, сколько зарабатывали ударники труда — от 800 до 900 руб. в месяц.¹⁸⁹

Дело в том, что размеры заработной платы соответствовали принципам социальной политики руководства. Рабочие промышленных предприятий, как основная социальная опора власти, не зависимо от общих для всех послевоенных трудностей, получали более высокую зарплату, чем крестьяне. Поэтому заработки рабочих совхозов в 2,4 раза уступали заработкам рабочих МТС. К тому же выдача оплаты в совхозах нередко задерживалась. На 1 октября 1953 г. в совхозах союзного подчинения Министерства совхозов СССР задолженность по заработной плате составляла 11,4 млн. руб.¹⁹⁰

Тяжелое материальное положение людей усугублялось политикой государственных займов денежных средств у населения, которая в послевоенные годы приняла фактически принудительный характер. Только колхозники внесли наличными около 30 млн. руб. За время голода в СССР было выпущено два займа восстановления и развития народного хозяйства. Примечательно, что полученные от них 45 млрд. руб. составляли половину суммы 4-х военных займов 1942–1945 гг.¹⁹¹ Вопреки названию акции денежные средства шли не столько на восстановление хозяйства, сколько на развитие ВПК. Разумеется, последнее обстоятельство не отражалось в средствах массовой информации.

Если в трудные военные годы люди шли на жертвы сознательно, то теперь государству приходилось использовать мощные пропагандистские средства. В «Правде» публиковались призывы: «Ни одного трудящегося без облигаций нового займа. Подписка проводится под лозунгом «Трех-четырёх недельный заработок — займы государству».¹⁹² Нарком финансов А. Г. Зверев, давал соответствующие указания финансовым органам союзных и автономных республик: «Быстрые темпы размещения займа должны в полной мере сочетаться с высоким

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 2614. Л. 23.

¹⁸⁸ Антошин Ю.Г., Анисков В.Т. Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск. 1971. С. 146–148.

¹⁸⁹ Зеленин И.Е. Совхозы СССР (1941–1950). М. 1969. С. 320–323.

¹⁹⁰ Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951–1958. М. 1972. С. 63.

¹⁹¹ История социалистической экономики СССР. Т. 5. М. 1972. С. 502.

¹⁹² Правда. 1947. 5 мая.

уровнем массово-разъяснительной и организационной работы по займу». ¹⁹³

В условиях массового голода 1946–1947 гг. далеко не для всех убедительно звучала официально провозглашенная цель займа: привлечение средств населения на финансирование хозяйственного и культурного строительства. Поэтому мероприятие было организовано как социалистическое соревнование и проведено в предельно сжатые сроки. Официальные издания сообщали, что трудящиеся Москвы дали займы государству на 385 млн. руб. больше предусмотренной нормы. Перевыполнение плана по сбору денег «Правда» назвала «подлинным триумфом советских государственных займов». Утверждалось, что «Ни одно зарубежное государство не знало и не знает подобных примеров», ¹⁹⁴ что, впрочем, соответствовало действительности. Займы стали структурным компонентом целостной системы государственного обогащения любой ценой. Когда были исчерпаны источники изъятия денег у населения, а развитие военной промышленности требовало новых капиталовложений, активизировалась продажа за рубеж сырья и природных богатств.

Одной из отрицательных сторон сложившейся системы хозяйствования стало нерациональное отношение к сырьевым ресурсам, наиболее наглядно проявившееся в лесозаготовках. По прогнозам Госплана СССР рубка леса в 1946 году должна была составить 114 % от рубки 1940 года. ¹⁹⁵ Увеличение лесосеки официально объяснялось необходимостью быстрого восстановления народного хозяйства, прежде всего, промышленных предприятий, разрушенных войной. Однако значительная часть древесины шла на экспорт и расширение ВПК. Главлесохрана (т. Мотовилов) возразила против допущения сверх расчетной лесосеки, особенно в центральных областях России, где леса были «истощены рубками последних лет». ¹⁹⁶ Тем не менее, в марте 1946 г. решением СНК СССР Наркомтяжстрой были переданы лучшие лесосырьевые базы, располагавшиеся в непосредственной близости от железнодорожных и водных путей сообщения: Белорусской, Московско-Киевской и Свердловской железных дорог, бассейнах рек Днепр, Волга, Обь и Ветлуга. ¹⁹⁷ То есть, истощение легко доступных лесосырьевых баз сочеталось с перестоем древесины в отдаленных районах.

В отличие от промышленного сектора сельское хозяйство страны в большей степени ощутило на себе негативные стороны советской административно-командной системы. Тоталитарная экономика, как известно, предполагала наличие полного контроля власти над всеми формами производства. Поскольку крестьянство, как самая консервативная часть общества, всегда отличалось наименьшей вовлечённостью в государственную экономическую жизнь, его ожидали наиболее радикальные перемены. Объективный анализ показывает, что сталинская коллективизация в большей степени изменила историческое лицо России, нежели сама революция. Создание колхозов, сопровождавшееся раскулачиванием, уничтожило как раз те социальные и психологические структуры, которые труднее всего поддаются восстановлению.

Вся совокупность аграрных преобразований в годы правления Сталина, как представляется, может быть объяснена стремлением власти превратить крестьянский мир в

¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 424. Л. 10.

¹⁹⁴ Правда. 1947. 7 мая.

¹⁹⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 489. Л. 335.

¹⁹⁶ Там же. Л. 337.

¹⁹⁷ Там же. Л. 390.

часть государственной системы, поставить сельскохозяйственное производство под контроль бюрократического аппарата. Восприятие деревни не более как места производства съестных продуктов, присущее многим представителям правящей верхушки, отрицало самоценность традиционной крестьянской культуры, морально оправдывало ее уничтожение. Марксистское мышление партийных лидеров, считавших крестьянство мелкобуржуазным классом, порождало в социальной жизни неизбежную пролетаризацию всех слоев общества.

Стратегия демографической политики власти на селе как раз и заключалась в превращении крестьян в сельских рабочих, обрабатывавших обобществленные земельные фонды. В работе К. Мяло «Оборванная нить» показано, что катаклизмы, сотрясшие деревню на грани 20-30-х годов не были только экономической или политической акцией. По существу это было столкновение двух цивилизаций, принципиально несовместимых по духу: «...любой анализ судеб русского крестьянства в эту пору останется неполным, если забыть о том заряде ненависти, который уже в начале 20-х годов был обрушен на традиционно деревенский уклад жизни — хозяйствование, чувствования и мышление, быт. Кажется, что даже сам вид этих бород, лаптей, поясков и крестов — видимых знаков «темноты» и «бескультурья» — вызывал вспышки отвращения, острые и неконтролируемые, как это бывает при резко выраженной «психологической несовместимости».¹⁹⁸ Это одна из причин, по которой на протяжении всего советского периода сельское хозяйство оставалось донором в развитии остальных сфер экономики, прежде всего тяжелой индустрии. Лишним подтверждением этого являются послевоенные годы в истории советской деревни.

Колоссальные военные потери, особенно среди мужского населения, не могли не сказаться на развитии сельского хозяйства в первые годы после войны. Если в 1940 году соотношение мужчин и женщин в колхозах было примерно 1:1,1, то в 1945 году 1:2,7.¹⁹⁹ Выполнение женщинами тяжелых полевых работ стало обычным явлением. С учетом возвратившихся по демобилизации население колхозов в целом по стране, за годы войны сократилось на 15 %, а число трудоспособных на 32,5 %.²⁰⁰ По сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков» на оккупированной территории было разрушено 98 тыс. колхозов, 70 тыс. сел и деревень, 1876 совхозов, уничтожено 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. голов свиней, 27 млн. голов овец и коз. Общие убытки сельского хозяйства исчислялись суммой 181 млрд. рублей.²⁰¹ Все эти факторы, в сочетании со значительным сокращением посевных площадей, падением культуры агротехники привели к колоссальному падению продуктивности колхозного земледелия.

Тяжелое положение крестьян, кормившихся почти исключительно за счет своих личных подворий,²⁰² осложнялось действием правительственных постановлений, принятых за годы войны и до предела ужесточивших систему трудовой повинности колхозников государству. В 1942 году для крестьян была установлена норма обязательного минимума

¹⁹⁸ Мяло К. Оборванная нить // Новый мир. 1988. № 8.

¹⁹⁹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. 1963. С. 318.

²⁰⁰ Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 годах. М. 1972. С. 21.

²⁰¹ Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат. 1948.

²⁰² На рубеже 40-50-х годов доля личного хозяйства колхозников составляла до 70 % совокупного дохода двора, а некоторых регионах превышала 90 %. Подробнее см.: Безнин М.А. Крестьянское хозяйство в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда. 1990. С. 11.

работ в колхозе, закрепленная постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». С 13 апреля 1942 года их обязательная норма была повышена до 150 трудодней в хлопковых районах, до 100 в нечерноземной полосе и северных районах и до 120 трудодней в остальных регионах страны (ранее обязательный минимум составлял соответственно 100, 60 и 80 трудодней). Колхозники, не выполнявшие установленный государством минимум без уважительной причины, привлекались к судебной ответственности и приговаривались к исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев, с удержанием 25 % заработка в пользу колхоза. Если в годы войны чрезвычайные меры были понятны населению и не вызвали резкого осуждения, то их сохранение после победы часто становилось причиной общественного недовольства. Постановлением правительства от 31 мая 1947 г. практика военных лет, установившая повышенный минимум трудодней и судебную ответственность за его невыполнение, была сохранена и на последующие годы.

Не выполнение колхозниками минимума трудодней давало руководящим работникам основание полагать, что меры воздействия на крестьян не достаточно эффективны. Считалось, что основными причинами, препятствующими работе крестьян на колхозных полях, являются отходничество на заработки и труд на собственных приусадебных участках. Хотя и то, и другое не укладывалось в рамки «чистого социализма», власть была вынуждена мириться с этими явлениями. Именно они составляли основную часть дохода крестьянских семей. Кроме этого, приусадебные участки облагались значительными налогами, пополнявшими казну.

Вопрос о личных земельных наделах и отходничестве на правительственном уровне пытались решить на рубеже 40-50-х годов. В записке на имя Г. Маленкова свою точку зрения по этому поводу выразил заместитель министра земледелия С. Хоштария. По его мнению, лишить колхозников-отходников приусадебных участков невозможно, поскольку «в семье выбывших обычно остаются члены колхоза (престарелые, больные), не обязанные выполнять минимума, но сохранившие право пользования приусадебным участком».²⁰³ Государству было невыгодно исключать не выполнявших минимальную норму трудодней из колхозов. Прежде всего, потому, что эта часть рабочей силы переключала свое внимание на расширение личного хозяйства и торговлю. Хоштария предложил заменить административные меры наказания за не выработку трудодней санкциями экономического порядка. Например, увеличением налогов или отрезкой приусадебного участка.

Наиболее тяжелым для крестьян оказался первый послевоенный 1946 год, так как расчет с колхозниками по зерну в этом году был хуже, чем в военном 1943 г. — самом неблагоприятном для сельского хозяйства. В целом по СССР в 1946 г. 75,8 % колхозов выдавали на трудодень меньше 1 кг зерна, а 7,7 % вообще не производили оплату зерном,²⁰⁴ что в сочетании с летней засухой стало причиной голода. Засуха 1946 года охватила большинство зерновых областей страны — Украину, Молдавию, правобережье Средней и Нижней Волги, Центрально-Черноземную зону и значительные территории в Нечерноземье. Во многих районах дождей не было по 60–70 дней подряд, что не могло не сказаться на урожайности. По данным И. М. Волкова, в среднем по стране урожайность зерновых культур в 1946 году составила 4,6 ц с гектара,²⁰⁵ вдвое меньше, чем в 1940 г. и значительно меньше показателей 1945 г. В итоге во всех категориях хозяйств было собрано 39,6 млн. т. зерна, тогда как в 1940 г. — 95,6 млн. т., а в 1945 г. — 47,3 млн. тонн.

²⁰³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1062-а. Л. 84.

²⁰⁴ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М. 1992. С. 137.

²⁰⁵ Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 3–9.

Однако, по мнению многих историков не только потеря значительной части урожая стала причиной голода. Власти, стремясь не допустить сокращения государственного резерва хлеба, пошли по пути организации дополнительных хлебозаготовок, когда колхозы и совхозы в порядке обязательной разверстки уже после выполнения плана сдачи хлеба получили так называемую надбавку к плану. По сути, государство отбирало хлеб, предназначенный для распределения среди крестьян в форме натуроплаты за трудодни, что и стало причиной голода в деревне. «Относительно 1945 года, — считает, например, В. Ф. Зима, — сокращение валового сбора было в пределах допустимого и не давало никаких оснований для чрезвычайщины в проведении заготовительной кампании».²⁰⁶ Причины надбавки к плану хлебозаготовки становятся понятны, если учесть те задачи внешней политики, которые советское руководство решало в 1946 году.

Несмотря на продовольственные трудности в стране, Советский Союз оказывал значительную помощь хлебом Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии, то есть своим ближайшим геополитическим союзникам. В Польшу было отправлено 900 тыс. т. зерна, Чехословакию — 600 тыс. т. зерна, в целом же экспорт зерновых из СССР ровнялся 1,7 млн. т.,²⁰⁷ что составило 10 % от заготовленного в 1946 г. Министр внешней торговли А. И. Микоян подписал соглашение о поставке Франции 500 тыс. т. зерна в течение апреля-июля 1946 года. В сообщении о соглашении указывалось, что Советское правительство, «учитывая тяжелое продовольственное положение во Франции и просьбу французского правительства, решило пойти навстречу Франции как своему союзнику...».²⁰⁸ Таким образом, закрепление успехов на международной арене лидерам партии казалось более предпочтительной задачей, нежели сохранение приемлемого уровня жизни своего народа.

Стремясь предотвратить массовое «расхищение» зерна голодающими крестьянами, правительство пошло по пути усиления карательных мер. Наряду с действующим Законом от 7 марта 1932 г., прозванным в народе «законом о пяти колосках», были приняты решения о методах и сроках репрессий, чтобы «свести на нет эту преступность».²⁰⁹ В 1946 г. Совет министров СССР принял два постановления по охране хлеба. Примечательно, что первое из них — от 27 июня «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» — было принято еще летом, когда снижение урожая только прогнозировалось. Особой жесткостью отличалось второе постановление — «Об обеспечении сохранности государственного хлеба» — принятое 25 октября. Осенью, когда был осознан весь масштаб убытка от засухи, суды рассматривали дела о «хищении хлеба» в 10-дневный срок. К виновным применялись меры по Закону от 7 августа 1932 г. За хищение колхозного и кооперативного имущества допускался расстрел, с заменой, при смягчающих обстоятельствах, лишением свободы на срок не менее 10 лет.

Самое интересное, что усиление мер наказания за кражу отражала центральная пресса, что создавало эффект их общенародной и государственной значимости. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» был опубликован в «Правде».²¹⁰

²⁰⁶ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М. 1996. С. 20.

²⁰⁷ В течение 1946–1947 гг. экспорт зерна из СССР составил 2,5 млн. тонн. Подробнее см.: Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М. 1996. С. 149.

²⁰⁸ Внешняя торговля СССР (1919–1966 гг.): Сб. ст. М. 1967. С. 88–89.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 535. Л. 26.

²¹⁰ «Правда». 5 июня. 1947 г.

Строгость мер, как и в других случаях, объяснялась экономической необходимостью. Согласно Указу кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или другого общественного имущества карались заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет с конфискацией или без конфискации имущества. Строгость режима лишь незначительно смогла сдержать воровство хлеба, поскольку альтернативой ему для многих был голод. В одном из писем 1946 г., задержанных органами государственной безопасности, отмечалось: «Мне не страшна тюрьма, ибо там я могу получить кусок хлеба». ²¹¹

Факты говорят о катастрофическом продовольственном положении в деревне. В среднем по стране в 1946 г. было распределено на один трудодень 0,52 кг хлеба, на Украине 0,27 кг, в Белоруссии и Нечерноземье распределения хлеба по трудодням вообще не было или хлеб выдавался в счет 15 % заготовленного. ²¹² А поскольку заготовленного было мало, то выданного могло хватить лишь на 2–3 месяца. Уже поздней осенью и зимой 1946 г. министру госбезопасности СССР В. С. Абакумову из разных регионов страны стали поступать сообщения о фактах массового недовольства населения продовольственной политикой власти. Несмотря на то, что в большинстве случаев эти настроения толковались как антисоветские, ²¹³ лидеры государства вполне сознавали обоснованность народных требований. Положение дел в деревне не являлось для властей секретом, об этом крестьяне регулярно информировали вышестоящие инстанции в своих жалобах и письмах. Только в 1947–1950 гг. в Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР поступило 92795 жалоб от колхозников и было принято 3305 так называемых «ходоков», которые добивались личного приема у чиновников. ²¹⁴ В подавляющем большинстве случаев просьбы населения оставались без ответа. Данный факт говорит о том, что интересы крестьянства и правящей верхушки не только не пересекались, но были прямо противоположными. Справедливость подобного вывода подтверждает и государственная политика в области налогообложения.

В 1946 г. было принято решение о повышении налогов на личные крестьянские хозяйства, а в 1948 и 1952 гг. увеличивался главный налог с крестьян — сельскохозяйственный. Размер налога крестьянских хозяйств определялся на основании нормы доходности — с каждой головы скота и с каждой сотой гектара приусадебной земли. Нормы доходности устанавливались произвольно и далеко не всегда соответствовали реальному доходу крестьянской земли. Личные хозяйства сдавали зерновые и картофель соответственно площади сева, которая определялась государственным планом-минимумом для единоличников. Кроме этого действовали зональные нормы налогов по животноводческой продукции. Поскольку существовала сельскохозяйственная специализация районов, практиковалась сдача одних продуктов вместо других, или государство взимало их рыночную стоимость. Например, в Вологодской области в счет мясопоставок взимались овощи, молоко и яйца, в Алтайском крае — лук, молоко и шерсть, в Саратовской области — шерсть. ²¹⁵

²¹¹ РГАНИ. Ф. 89. П. 57. Д.20. Л. 12.

²¹² Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 11.

²¹³ См. например: Докладная записка министра госбезопасности Молдавской ССР Мордовца министру госбезопасности СССР В.С. Абакумову о последствиях голода в районах Молдавии. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 349. Л. 115–116.

²¹⁴ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 гг.). Сборник документов. М. 1993. С. 64.

²¹⁵ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1589. Л. 5-37; Д. 1609. Л. 1-36; Д. 1582. Л. 1-56.

Налоговая политика свидетельствовала, что власть, активно боровшаяся с «мелкобуржуазной» сущностью крестьянства, не была заинтересована в развитии личного животноводства. Именно из-за роста налогов во второй половине 40-х годов значительно сократилось количество голов скота в личном пользовании граждан. Попытки сокрытия скота от государственного учета пресекались переписью поголовья, как, например, в январе 1949 г. Не имея возможности рассчитаться с государством, крестьянам приходилось забивать скот. По данным В. Попова, в 1950 г. в личном пользовании граждан находилось 16 031 тыс. коров, а к поставкам молока было привлечено 18 248 тыс. индивидуальных хозяйств, то есть около 2 млн. дворов должны были платить налог с несуществующей коровы. В некоторых случаях несколько семей держало на паях одну корову, но налог платила каждая семья в отдельности.²¹⁶ Таким образом, в налоговой политике второй половины 40-х годов можно выявить две важнейшие тенденции: увеличение размеров обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству и увеличение количества индивидуальных хозяйств, привлеченных к этим поставкам. В письмах колхозников Пензенской и Рязанской областей родным, задержанных Военной цензурой МГБ в июне 1946 г., содержались такие суждения: «Кончилась война, думали, жить будем легче, а оказывается еще труднее — налоги наложили в двойном размере»; «...Налоги в этом году требуют вдвое больше, чем в прошлом».²¹⁷

Государственная налоговая политика решающим образом влияла на доходы колхозников. В послевоенные годы кроме сельскохозяйственного налога существовал налог на холостяков, одиноких и малосемейный граждан, рыболовный сбор, налог на лошадей единоличных крестьянских хозяйств. К местным налогам относились налог со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств, с владельцев скота. Кроме того, почти каждая семья в сельской местности платила самообложение, которое формально являлось добровольным сбором, а фактически неизбежным для каждого крестьянского двора. В 1948 г. постановлениями правительства размер сельскохозяйственного налога был увеличен на 30 %. В хозяйствах колхозников облагались налогом не только скот и посевы, но и фруктовые деревья. Причем, ставки обложения доходов ежегодно повышались. В 1953 г. были приняты еще два налоговых закона: «О сельскохозяйственном налоге» и «О подоходном налоге с колхозов». В очередной раз повысилась общая сумма налогов. К доходу личных хозяйств была установлена еще 10 % надбавка на прочие «источники прибыли» (от птицеводства, от выращивания молодняка скота, от сбора дикорастущих ягод, грибов и т. д.) вне зависимости от их размеров.²¹⁸ Таким образом, государство использовало любые возможности для перераспределения финансовых средств из сельского хозяйства в промышленность, прежде всего тяжелую индустрию и ВПК. В конечном итоге трактора и машины, созданные за счет налогоплательщиков, поступали в колхозное, то есть общественное, а не личное пользование. При этом уровень жизни сельского населения оставался крайне низким.

Экономический курс советского руководства в аграрном секторе в полной мере соответствовал задачам социальной государственной политики, основная сущность которой в послевоенный период сводилась к новому этапу раскрестьянивания. Жители села всегда воспринимались партийным руководством в качестве основного демографического ресурса на нужды индустриализации. Послевоенный период в этом отношении не являлся исключением, тем более что задачи экономического противостояния с развитыми

²¹⁶ Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов. 2000. С. 192.

²¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 547. Л. 5–6.

²¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 472–477; Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1948.

капиталистическими странами обязывали перегруппировать социальные слои общества в пользу промышленного пролетариата. Мощным ускорителем процесса бегства из деревни стал голод 1946–1947 гг. Под влиянием, в первую очередь, материальных условий жизни, миграция сельского населения в города продолжалась и в последующие годы. Так, только за 1949–1953 годы количество трудоспособных колхозников в колхозах уменьшилось на 3,3 млн. человек.²¹⁹

Однако политика раскрестьянивания заключалось не только в переселении сельских жителей в города и рабочие поселки. Власть стремилась создать и в самой деревне маргинальную по своей сути прослойку аграрной интеллигенции, способную неукоснительно реализовывать директивы партии в сельском хозяйстве. Как носитель советского мировоззрения, новый класс должен был стать связующим звеном между аппаратом власти и крестьянами.

В соответствии с этим замыслом принимались специальные экономические постановления. В октябре 1945 года по поручению ЦК ВКП (б) был подготовлен проект «О мерах по бытовому устройству агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей и землеустроителей, работающих в сельском хозяйстве и проживающих в сельской местности».²²⁰ Льготы, предоставленные этой категории населения, по сути, закрепили имущественную дифференциацию в деревне. Проект предусматривал для новой сельской элиты увеличение приусадебных участков с 0,15 га до 0,25 га, освобождение хозяйств этой категории от поставок картофеля государству, значительные надбавки в зарплате и специальное распределение промышленных товаров. Зоотехникам, ветеринарам и землеустроителям предоставлялись кредиты на строительство жилья и развитие хозяйства, им разрешалась покупка одной коровы по государственным закупочным ценам.²²¹ При общем низком уровне жизни колхозников, данное постановление стало одним из стимулов перехода наиболее молодых и активных крестьян в новую социальную прослойку.

В результате послевоенной демобилизации фронтовиков численность колхозного населения за 1945–1947 годы увеличилась на 1,9 млн. человек. Однако уже с середины 1948 года, согласно исследованиям О. М. Вербицкой, начинается его быстрое сокращение. В 1948 г. сокращение составило 0,5 млн. человек, за 1949–1950 гг. — 2,6 млн. человек. В результате к началу 1951 г. в колхозах России проживало на 1,2 млн. человек меньше, чем в конце 1945 г.²²² Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. Например, за период 1946–1959 годов колхозное население РСФСР уменьшилось на 9,2 млн. человек.²²³ Особенно в больших масштабах крестьянское население сокращалось в регионах, по которым прошла война и в областях, где преобладали экономически слабые колхозы.²²⁴ Прежде всего это Центрально-Черноземная зона.

Сокращение численности сельского населения шло в основном за счет молодежи,

²¹⁹ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. 2000. С. 67.

²²⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 740. Л. 91.

²²¹ Там же. Л. 91–92.

²²² Вербицкая О.М. Изменения численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946–1950). М. 1992. С. 83

²²³ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М. 1992. С. 85.

²²⁴ Волков И.М. Трудовой подвиг советского народа в послевоенные годы. М. 1972. С. 85.

особенно в возрасте 20–29 лет.²²⁵ Преимущественный отток наиболее трудоспособной части рабочей силы тормозил экономическое и социальное развитие села. Уход в города самых образованных и квалифицированных специалистов объясняется тем, что именно они могли рассчитывать на более успешную адаптацию, более высокие заработки и дальнейшее социальное продвижение. Более того, сложилась такая ситуация, что подготовка механизированных кадров на селе стала в какой-то мере формой подготовки переселения в город. Порой, для выселения из сельской местности приходилось прибегать к самым разнообразным уловкам, вплоть до фиктивных бракосочетаний.

Одной из причин миграции крестьян в послевоенный период было значительно лучшее снабжение городов продовольствием. В неопубликованном постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 27 сентября 1946 года «Об экономии в расходовании хлеба» предусматривались меры по сокращению контингента граждан сельской местности, получающих хлеб по карточкам. С пайкового учета была снята часть неработающих взрослых горожан и иждивенцев.²²⁶ В результате численность снабжаемого населения, проживающего на селе, сократилась с 27 млн. до 4 млн. человек, то есть на 23 млн. человек, тогда как в городах было снято с пайкового снабжения 3,5 млн. взрослых. Всего же расход хлеба по пайковому снабжению сократился на 30 %.²²⁷ Парадоксальность ситуации заключалась даже не в том, что основные производители сельскохозяйственной продукции сами остались без продовольствия, а в том, что по вине государственной системы распределения крестьянам приходилось порой добывать продовольствие в городах.

Закономерно, что многие стремились устроиться на предприятиях в промышленности и не возвращались в сельское хозяйство. Численность трудоспособных крестьян за 1949–1951 гг. уменьшилась по Куйбышевской области на 24,2 %, Сталинградской — на 23,4 %, Кировской — на 23,3 %, Калининской — на 22,2 %, Саратовской — на 21,3 %.²²⁸

Основным каналом исхода из деревни подростков от 12 до 16 лет являлся их уход на обучение в систему профессионального образования и фабрично-заводские школы. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР» колхозы должны были в порядке мобилизации выделять по 2 молодых человека мужского пола в возрасте 14–15 лет в ремесленные и железнодорожные училища. Кроме этого, ежегодно от колхозов в школы ФЗО направлялся один юноша в возрасте от 16 до 17 лет.²²⁹ Желание сельской молодежи послевоенных лет попасть в городские учебные заведения было так велико, что этот мобилизационный порядок в 1955 г. был отменен.²³⁰

Важным мотивом перехода в другую социальную категорию для колхозников было желание хотя бы частично снять с себя бремя налогов. Как известно, рабочие и служащие, проживавшие в сельской местности, в меньшей степени облагались налогами, нежели крестьяне. При этом за ними сохранялось право пользования приусадебными участками.

²²⁵ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980 гг. М. 1996. С. 140; Данилов В.П. Социальная структура советской деревни: по данным Всесоюзной переписи населения 1959 и 1970 гг. // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М. 1976. С. 277.

²²⁶ Попов В.П. Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 46.

²²⁷ История России. XX век. М. 1997. С. 488.

²²⁸ «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов). Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации В.П. Попова. // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 40.

²²⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 2. М. 1967. С. 775.

²³⁰ Там же. Т. 4. М. 1968. С. 197.

Интересно проследить, как государство регулировало процесс исхода из деревни. Осенью 1951 года вышло специальное постановление Совета министров «Об упорядочении проведения организационного набора рабочих».²³¹ Согласно этому документу, руководителям предприятий и строек запрещалось принимать на постоянную и сезонную работу колхозников без справки об отпуске из правления колхоза. По этой причине крестьянам для отходничества на заработки порой приходилось использовать фиктивные документы.

Как отмечают исследователи, с начала 1948 г. индустрия была с избытком насыщена рабочей силой, а приток людей из деревни не прекращался.²³² В сельской местности с начала 50-х годов часть уходившего из колхозов и совхозов населения была задействована в общесоюзной аграрной программе по созданию лесопосадок. Полосы леса должны были сохранять плодородные земли от суховеев. О масштабе замысла и объеме трудовых затрат можно судить по охвату регионов, задействованных в этой акции. Это Поволжье, Северный Кавказ, ряд Центрально-Черноземных областей. Трудом крестьян-отходников были созданы оросительные системы на юге Украины, в Крыму, Ростовской и Сталинградской областях.²³³ Перечисленные факты говорят о получении государством колоссальной выгоды от системы отходничества крестьян на приработки. Основой этой системы был крайне низкий уровень жизни колхозников, их неспособность обеспечить прожиточный минимум одним земледелием.

Необходимость реформирования сельского хозяйства на рубеже 40-50-х годов остро ощущалась на всех уровнях властной вертикали, проблема заключалась лишь в том, что для руководства сущность и конечная цель любой реформы должна была заключаться в еще большем подчинении экономики. В этом русле следует рассматривать политику по объединению мелких хозяйств, продиктованное скорее административной, нежели экономической целесообразностью, которое позволило еще больше укрепить вертикаль государственной власти, сконцентрировать наличные силы и средства производства. Руководство не смущали низкие результаты работы колхозов, объединенных без учета региональных особенностей (разбросанность населенных пунктов, чрезмерное многоземелье, пестрота производственной специализации) и часто против желания колхозников. Преимущества централизованного управления отодвигали на второй план экономические показатели развития сельского хозяйства. Многие объединившиеся колхозы представляли собой искусственные объединения трех-пяти и более мелких, по существу самостоятельных хозяйств, территориально разбросанных на расстоянии 7-10 и более километров, связанных плохими дорогами. Особенно это было характерно для Вологодской, Горьковской, Владимирской, Ярославской, Кировской и других областей Центральной России. В послевоенный период еще не были преодолены последствия хуторского расселения, во многих хозяйствах пашня состояла из отдельных мелких участков, порой в 1–3 га.

Удар по местному самоуправлению не мог не вызвать ответной реакции. Известны многочисленные факты, когда через 5–7 лет укрупненные колхозы делились на те же 3–5 колхозов, существовавших ранее самостоятельно. О мотивах разукрупнения свидетельствуют заявления колхозников, в которых они обычно их подробно излагали: территориальная разбросанность бригад и вызванные этим трудности в управлении хозяйствами, неодинаковый вклад бригад в общий труд коллектива, получение, несмотря на это, одинаковых доходов всеми бригадами, большая разбросанность земель.

²³¹ Там же. Т. 3. М. 1968. С. 674.

²³² Жлусов М.И. Развитие советской индустрии. 1946–1958. М. 1977. С. 102.

²³³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. В 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. М. 1968. С. 531, 648, 652.

Постановление ЦК ВКП (б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» обязывало партийные комитеты проводить укрупнение мелких колхозов, которые по размерам закрепленных за ними земель якобы не могли успешно развивать общественное хозяйство и принимать современную машинную технику. Как это часто практиковалось в советские годы, решение партии воплощалось в жизнь ударными методами и в задуманном масштабе было реализовано досрочно к 1951 г. При этом часто игнорировался тот факт, что постановление рекомендовало проводить широкую разъяснительную работу и соблюдать принцип добровольности путем решения данного вопроса на общих собраниях колхозников. По подсчетам И. М. Волкова, в 1949 г. в стране было 254 тыс. колхозов, а к концу 1950 г. уже 121 тыс.²³⁴ Таким образом, число колхозов за год сократилось более чем вдвое. Несмотря на отрицательные показатели, опыт укрупнения колхозов применили для объединения совхозов в начале 50-х годов, а затем в 1954–1958 гг. Идея централизации свидетельствовала о стремлении власти полностью контролировать ситуацию в сельском хозяйстве.

Идеология приоритета общественной собственности над частной, по сути, стала служанкой экономических интересов власти. Изъятие зерна в крупных коллективных хозяйствах проходило легче, чем в мелких. И значительно легче, чем в единоличных. Это основная причина, по которой за годы четвертой пятилетки значительно расширился государственный сектор сельского хозяйства. В период с 1946 г. по 1950 г. число совхозов в стране увеличилось с 4,2 до 5 тыс., а численность работников социалистических хозяйств, соответственно, с 1,4 до 1,7 млн. чел.²³⁵ Основным источником пополнения рабочих совхозов являлось колхозное крестьянство.

Во второй половине 40-х — начале 50-х годов работа на колхозных полях все больше напоминала трудовую повинность государству. В этом вопросе совпадают точки зрения большинства современных исследователей.²³⁶ Колхозы не могли обеспечить крестьян необходимым прожиточным минимумом продуктов, что заставляло людей усиливать затраты труда в личных хозяйствах. В то же время государство всячески препятствовало попыткам сельских жителей расширять производство на приусадебных участках, постоянно увеличивало натуральный налог. В соответствии с принципами марксизма труд на частной земле считался несоциалистической формой производства. Таким образом, именно идеология определяла фактически антинародный курс в экономической и социальной политике. В то же время для высших слоев управления она была удобным прикрытием колоссального государственного обогащения за счет основных слоев населения.

В официальных документах второй половины 40-х годов утверждалось, что благодаря «неустанной заботе партии» сельское хозяйство и промышленность уверенно набирают темпы роста. Видимыми проявлениями заботы должны были служить отмена карточной системы и ежегодное снижение цен на продовольственные товары. Однако, отдавая государству не только прибавочную, но и значительную часть необходимого продукта, деревня переживала самые трудные годы в своей истории. Производство почти не росло, происходил массовый уход сельских жителей, особенно молодежи, в города.

Несмотря на бедственное положение деревни, государство продолжало изымать у колхозов сельскохозяйственную продукцию по символическим ценам, составлявшим 5-10 %

²³⁴ Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М. 1972. С. 207.

²³⁵ Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941–1950 гг. М. 1969. С. 192–193.

²³⁶ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М. 1992; Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне. 1945–1960. Вологда. 1996; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов. 2000. С. 193.

от уровня себестоимости.²³⁷ Лишь критическое положение в аграрном секторе побудило Совет министров СССР в ноябре 1948 г. принять постановление о мерах помощи сельскому хозяйству. Предусматривалось не только обеспечение техникой МТС, но и продажа ее колхозам, для чего начали выделять кредиты. Одним из первых постановление ограничило с 1949 г. дальнейший набор рабочей силы из колхозов для работы в промышленности, а также призыв молодежи в школы ФЗО и ремесленные училища. В постановлении выражалось беспокойство за состояние дел в сельском хозяйстве, но, независимо от этого, изменения производственных отношений не предполагалось.

Основной причиной кризиса в сельском хозяйстве было отсутствие реальной оплаты труда крестьян, которые работали за символические трудовые. Личные подсобные хозяйства, которые были основным, а нередко и единственным источником жизнеобеспечения сельских жителей, облагались обременительными натуральными и денежными налогами. Крестьяне не имели паспортов, им не полагались отпуска, пенсии, листки нетрудоспособности и т. д. Объективным основанием подобной жесткости государства в социально-экономической политике была необходимость высвободить финансовые средства для противостояния с западными странами в «холодной войне». В этом и заключалась основная сущность экономического развития последнего этапа сталинской эпохи.

Глава 3

Идеологическая архитектура: Утверждение новых параметров

Обретение СССР статуса «сверхдержавы» не могло не оказать влияния на внутривнутриполитическую жизнь советского государства. С окончанием Великой Отечественной войны все функционирование общественного организма связано с осознанием новой геополитической роли Советского Союза в общемировом устройстве. Более того, планы руководства партии и, прежде всего, лично Сталина, концентрировались вокруг расширения советского влияния, экспансии большевистской гегемонии на Восток и Запад. Эти цели требовали серьезного обновления идеологических концепций, пропагандируемых и реализуемых режимом, адаптации их с учетом новых исторических условий. Данная задача хорошо осознавалась руководством страны, поэтому послевоенные годы характеризуются определенной коррекцией традиционной большевистской фундаменталистики, появлением и утверждением новых форматов в идеологическом обслуживании глобальной политики Кремля.

В первую очередь, сказанное относится к одной из центральных тем идеологии советской эпохи, имеющей основополагающее значение, — вопросу о коммунистическом строительстве. Именно здесь в обосновании движения к конечной цели общественного развития была заложена динамика политики КПСС. Этой «святой целью», в конечном счете, оправдывались реальные устои существовавшего режима — партийная монополия на власть внутри страны, жесткое поведение СССР на международной арене. Компартия предлагала себя в качестве особой политической силы, сумевшей выработать «научный» план восхождения к светлому будущему, и впервые в мире развернувшей его непосредственное строительство. Как известно, задача построения коммунизма была внесена в программу партии в 1961 году на XXII съезде КПСС, который провозгласил ее решение к 1980 году. С тех пор историческая наука и общественное мнение прочно связывают имя первого секретаря ЦК КПСС, Председателя правительства Н. С. Хрущева с оформлением курса на развернутое коммунистическое строительство. Однако, на самом деле, вопрос о том, кому принадлежит авторство «броска в коммунизм», не так однозначен, как представляется в общественном сознании. Здесь необходимы серьезные уточнения, которые помогут внести

²³⁷ Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М. 1964. С. 267.
К Главе № 3.

ясность в понимание многих узловых моментов отечественной истории.

Обращение к источникам дает основание утверждать, что идея «броска в коммунизм» появилась задолго до XXII съезда КПСС. Так, уже в 1939 году она безраздельно господствовала на XVIII партийном форуме. В контексте многих победных рапортов, прозвучавших на этом съезде, четко вырисовывалась концепция развернутого коммунистического строительства. Об этом наглядно свидетельствует вся атмосфера съезда. Из выступлений делегатов можно сделать вывод, что в партии складывалось единодушное мнение: осталось совсем немного, несколько ударных пятилеток для завершения «успешного процесса» созидания коммунизма. Устами своих ораторов XVIII съезд ВКП(б) говорил о нем не только как о стратегической цели, но и как о непосредственной практической задаче. Характерен пример Л. Кагановича, который пророчествовал: «Доклад товарища Сталина станет великой программой великих дел нашей славной партии на новый исторический период перехода от социализма к высшей фазе коммунизма».²³⁸ Более того, с трибуны форума назывались даже конкретные сроки: «Двадцать лет работы нашей партии на стройке социализма уже дали результаты — мы построили социалистическое общество. Еще двадцать лет работы дадут нам высшую фазу — коммунистическое общество».²³⁹ Данная мысль сформулирована А. Н. Поскребышевым — помощником И. Сталина, его ближайшим сподвижником, с 1935 года заведующим канцелярией «вождя».

Интересно отметить и еще одно обстоятельство. Наиболее рьяным поклонником идеи «броска в коммунизм» на XVIII съезде оказался 44-летний лидер компартии Украины Н. С. Хрущев. Он убеждал собравшихся в построении первой фазы, где «во всех отраслях нашего хозяйства полностью и безраздельно господствует социализм».²⁴⁰ Термином же «коммунизм» Никита Сергеевич так увлекся, что использовал его заметно чаще других ораторов, нередко вообще заменяя им слово «социализм», будто приближая желанную вторую стадию к текущему дню. Вот несколько выдержек из речи Н. Хрущева: «Из года в год все выше и выше мы поднимаемся к конечной вершине нашей борьбы — к коммунистическому обществу, к коммунистическому строю»; «Разрешите мне рассказать, каких успехов достиг украинский народ в борьбе за коммунизм»; «XVIII партийный съезд, историческое указание нашего великого Сталина вооружают трудящихся Советского Союза, как и трудящихся всего мира, могучим оружием в борьбе за коммунизм».²⁴¹

Можно не сомневаться: идеи и заряд XVIII съезда — «съезда, давшего локомотиву истории отправление на станцию «коммунизм»²⁴² — Н. Хрущев и вся советская элита бережно пронесли сквозь годы Великой Отечественной войны. Тема коммунистического строительства, отодвинутая в 1941-45 гг. в силу объективных причин на второй план, сразу же была реанимирована в послевоенных условиях, снова появившись в официальных выступлениях и публикациях. Уже в 1945 году в редакционной статье журнала «Большевик» — главного научно-теоретического органа партии — утверждалось, что «после победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ продолжает осуществлять величественную задачу завершения строительства бесклассового общества и

²³⁸ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. 1939. С. 269.

²³⁹ Там же. С. 187.

²⁴⁰ Там же. С. 169.

²⁴¹ Там же. С. 169, 170, 174.

²⁴² Там же. С. 639.

постепенного перехода от социализма к коммунизму».²⁴³ В марте 1946 года на сессии Верховного Совета СССР в докладе Председателя Госплана Н. А. Вознесенского о четырехлетнем плане это положение было объявлено руководящей партийной установкой.²⁴⁴

В последующие первые послевоенные годы тема строительства коммунизма прочно вошла в повседневную идеологическую практику. О ней стали рассуждать как об обыденном деле.²⁴⁵ Центральной звучала следующая мысль — Советский Союз еще в период принятия сталинской Конституции СССР, накануне XVIII съезда партии, вступил в новую полосу развития, связанную с завершением строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. На XI съезде ВЛКСМ, состоявшемся весной 1949 года, первый секретарь ЦК Н. Михайлов адресовал молодежной аудитории заявление, преисполненное оптимизма: «Великое счастье выпало на нашу долю. Наше поколение будет жить при коммунизме».²⁴⁶

Проработку курса коммунистического строительства можно отнести к периоду подготовки и проведения XIX съезда КПСС. Практическое выдвижение этой грандиозной задачи объективно требовало серьезной научно-теоретической разработки путей строительства коммунизма. Как известно, данная проблема слабо освещена в трудах классиков марксизма-ленинизма, что диктовало необходимость уточнения инструментария коммунистического строительства. Разъяснение этих сложных вопросов не заставило долго ждать. В октябре 1952 года была опубликована работа И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней «великий вождь и учитель» доказал возможность построения коммунизма в СССР даже в случае сохранения капиталистического окружения. Сталин сформулировал три основных предварительных условия выполнения этой масштабной задачи: 1) речь шла о необходимости обеспечить не только рациональную организацию производительных сил, но и непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным развитием производства средств производства, что дает возможность осуществить расширенное воспроизводство; 2) необходимо путем постепенных переходов поднять колхозную собственность до уровня общенародной, а товарное обращение тоже постепенно заменить системой продуктообмена с целью охвата им всей продукции общественного производства; 3) необходимо добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем его членам всестороннее развитие их физических и умственных способностей.²⁴⁷

Теоретические выкладки Сталина о путях строительства коммунизма незамедлительно были объявлены руководством к действиям, программой великого общественного преобразования. В концентрированном виде это произошло на XIX съезде КПСС,

²⁴³ Большевик. 1945. № 17. С. 3.

²⁴⁴ Правда. 1946. 16 марта.

²⁴⁵ См., например: По пути к коммунизму // Правда. 1949. 9 февраля; Советская женщина — активный строитель коммунизма // Правда. 1949. 17 февраля; Партия Ленина-Сталина ведет нас к коммунизму // Правда. 1949. 10 марта; К новым успехам в борьбе за коммунизм // Правда. 1951. 2 января и др.

²⁴⁶ XI съезд ВЛКСМ. 29 марта-7 апреля 1949 г. Стенографический отчет. М. 1949. С. 14.

²⁴⁷ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952. С. 66–67. Помимо теоретических рассуждений Сталин прибегал и к образному изображению пути в коммунизм. Например, в беседе по вопросам политэкономии, состоявшейся 15 февраля 1952 г., он говорил: «Никакого особого “вступления в коммунизм” не будет. Постепенно, сами не замечая, мы будем въезжать в коммунизм. Это не “вступление в город”, когда “ворота открыты — вступай” // РЦХИДНИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 111.

прошедшим под знаком развертывания коммунистического строительства. В отчетном докладе ЦК, сделанном Г. Маленковым, делался вывод: «Планы партии на будущее, определяющие перспективы и пути нашего движения вперед, опираются на знание экономических законов, опираются на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную товарищем Сталиным».²⁴⁸ Эта мысль так или иначе воспроизведена практически каждым выступавшим на съезде. Например, секретарь Ленинградского обкома партии Андрианов говорил: «Перспективы построения коммунистического общества, начертанные великим вождем и учителем товарищем Сталиным, освещают, как мощным прожектором, путь к коммунизму, вдохновляют партию, весь советский народ на новые подвиги во славу нашей великой Родины».²⁴⁹ Таким образом, доктрина «броска в коммунизм», поставленная на повестку дня еще в 1939 году XVIII съездом, через 13 лет получила свое полное логическое завершение. Была осуществлена теоретическая проработка вопроса, определен главный архитектор строительства коммунизма, принято решение о восхождении к высшей форме общественного развития. Вместо принятия новой партийной программы XIX съезд КПСС рекомендовал руководствоваться сталинской работой «Экономические проблемы социализма в СССР».

Разработка и принятие доктрины коммунистического строительства состоялись в 1945–1953 годах не только в практическом смысле. В этот период были произведены серьезные уточнения в содержании самой концепции построения коммунизма, уточнения, не просто отличающиеся от традиционных положений марксизма-ленинизма, но и даже прямо противоречащие выводам его классиков. Речь идет об учении о государстве, его роли в деле коммунистического строительства. Как известно, по всем этим вопросам, имеющим важное теоретическое значение, высказывались и Маркс, и Энгельс, и Ленин. В их произведениях сформулирован определенный взгляд на эту проблему, разделявшийся многочисленными последователями в разных странах, включая СССР. Одним из главных постулатов марксистского учения о государстве являлось положение о его отмирании по мере приближения к высшей фазе общественного развития. Основополагающей здесь признавалась широко известная мысль Ф. Энгельса, изложенная им в «Анти-Дюринге»: «Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилие, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собой... Государство не «отменяется», оно отмирает».²⁵⁰

Мы привели это высказывание Энгельса, так как именно оно являлось отправной точкой многих размышлений о судьбе государства после завершения социалистической революции. В частности, В. Ленин в своем труде «Государство и революция», рассматривая вопрос о перспективах государственной власти в новую историческую эпоху, также опирается именно на приведенную мысль своего предшественника, характеризуя ее

²⁴⁸ XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1. М. 1952. С. 105.

²⁴⁹ XIX съезд КПСС. Бюллетень № 3. М. 1952. С. 38.

²⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 291–292.

«действительным достоянием социалистической мысли».²⁵¹ Ленинский анализ теории государства находился в русле воззрений основоположников марксизма. Хотя при этом необходимо отметить, что вождь октябрьской революции, столкнувшись с практикой, высказывался об отмирании государства утвердительно, но с некоторыми оговорками типа «... мы вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет».²⁵² Тем не менее в отношении времени, когда должна произойти ликвидация государственной власти, Ленин выдвигал вполне определенный содержательный ориентир: полное отмирание государства произойдет при переходе от первой фазы общественного развития (переходного периода от социалистической революции) к высшей его фазе (коммунизму). Магистральным путем такого перехода определялось все более, а затем поголовное привлечение трудящихся к государственному управлению. В завершенном виде эта идея была озвучена Лениным перед делегатами VII съезда РКП(б): «Переход через Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством».²⁵³

Претворение в жизнь задач социалистического строительства, уничтожение частной собственности на средства производства, ликвидация эксплуататорских классов, происшедшие в СССР в 20-х — 30-х годах, коренным образом изменили лицо советского общества. Основываясь на этих достижениях, Сталин перевел в практическую плоскость теоретические рассуждения о строительстве высшей фазы общественного развития. Однако постановка этой цели и движение к ней объективно требовало прояснения вопроса о судьбе государства. Следование марксистско-ленинским канонам (создание основ социализма, формирование новых социальных параметров) логически подводило к воплощению в жизнь концепции отмирания государства, так как учение в неразрывной связи рассматривало процессы коммунизации общества и постепенного сведения на нет роли государства. Сталин же пошел совершенно другим путем, выдвинув прямо противоположное положение об усилении значения государственной власти в ходе построения коммунизма. Осуществляя такой неожиданный поворот, вождь вносил неизбежные и необходимые для этого уточнения. Он пояснял: «Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги («Государство и революция» — авт.) разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования Советской власти в нашей стране. Но смерть помешала ему выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики».²⁵⁴

Нетрудно догадаться, кого здесь имел в виду вождь и кто должен был завершить начатое Лениным. В сталинской «Краткой биографии» читаем: «Товарищ Сталин, опираясь на гигантский опыт более чем двадцатилетнего существования Советского социалистического государства в условиях капиталистического окружения, создал цельное и

²⁵¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. Л. 17.

²⁵² Там же. Т. 33. С. 96.

Особенно удачным Ленин признавал употребление самого термина «отмирание государства», считая, что он отражает суть процесса // Там же. Л. 90.

²⁵³ Там же. Т. 36. С. 74.

²⁵⁴ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. С. 604.

законченное учение о социалистическом государстве». ²⁵⁵ Приняв эстафету от классиков марксизма-ленинизма, Сталин, однако, ориентировался не на сбережение идейного наследия, а на собственные цели и нужды, важные для него, прежде всего, с прагматической точки зрения, с позиций сохранения и осуществления режима личной власти. В самом деле, трудно представить личность и деятельность вождя в условиях ослабления государства (не говоря уже о большем), без всеисилия карательных органов, без сохранения бесконтрольности аппарата. Под угрозой оказались бы и масштабные сталинские планы по расширению советской экспансии, установлению мировой гегемонии. В этом смысле любое покушение на доктрину государства в форме диктатуры пролетариата, дискуссии на тему его постепенного отмирания даже со ссылками на основателей марксистско-ленинского учения не могли быть приняты и тем более реализованы.

Именно поэтому, несмотря ни на что, Сталин твердо отстаивал свой взгляд на этот вопрос. Возникновение же ряда теоретических проблем он объяснял тем, что многие не разобрались в тех исторических условиях, в каких вырабатывались отдельные положения марксистского учения о государстве, в международной обстановке, в которой находится Советский Союз, не поняли и недооценили факта капиталистического окружения со всеми вытекающими из него последствиями вроде засылки в СССР шпионов и вредителей. Как разъяснял вождь, известная формула Энгельса о судьбе государства правильна, но не абсолютно, так как она применима лишь для того периода, когда последовательная победа социализма в отдельных странах приведет к победе большинства стран и когда создадутся необходимые условия для ее практической реализации. ²⁵⁶

Идеологические новшества Сталина, объявленные сокровищницей марксистско-ленинского учения, решительно внедрялись в общественное сознание послевоенных лет. Особенно преуспел на этом поприще ближайший соратник вождя, «известный» юрист и правовед А. Вышинский. В своих многочисленных публикациях он неизменно подчеркивал следующую мысль: «Сталинское учение о социалистическом государстве имеет тем большее значение, что оно кладет конец недооценке роли нашего государства, его механизма, его разведки, которые-де скоро придется сдать в музей древностей. В этой болтовне о том, что Советское государство придется сдать в музей древностей, слышатся отголоски вредительско-провокаторских «теорий» троцкистско-бухаринских изменников. Известно, что эти господа немало старались, по заданиям иностранных разведок, расшатать Советское государство, внушая тлетворные мысли о «растворении», «засыпании», «погружении в экономике» Советского государства, о том, что Советское государство существует лишь в психике людей, что советский закон и советское право — не что иное, как «юридическое барахло» и тому подобный провокационный вздор». ²⁵⁷

Официальная наука и пропаганда стояли на страже сталинских подходов учения о государстве, монтируя в них весь исследовательский процесс и требуя верноподданнических заклинаний. Отмечалось, что советские ученые-юристы в серьезном долгу перед партией и народом в освещении теории государства, крупным пробелом считалось отсутствие работ, посвященных характеристике основных этапов развития марксистско-ленинской теории государства. ²⁵⁸ В то же время любое несоответствие с обозначенными стандартами немедленно подвергалось критике и пресекалось. Так, с производства был снят учебник

²⁵⁵ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М. 1947. С. 171.

²⁵⁶ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. С. 603.

²⁵⁷ Вышинский А.Я. Учение Ленина-Сталина о пролетарской революции и государстве // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 17.

²⁵⁸ См.: Советское государство и право. 1948. № 10. С. 35.

Денисова «Теория государства и права», где автор счел нужным только упомянуть об обстоятельствах, «при которых Советское государство станет ненужным».²⁵⁹ В результате вместо серьезных исследований страницы научных изданий заполнялись громкими, но бессодержательными дифирамбами, как, например, такое: «... то, чего в вопросах государства не успел вследствие своей смерти сделать Ленин, сделал тов. Сталин. Умень смело учитывать новые жизненные явления, факты действительности, умень не цепляться за теоретические положения вчерашнего дня, а смело двигать вперед теорию марксизма-ленинизма представляют собой выдающиеся качества нашего великого учителя и вождя».²⁶⁰

Развитие концепции сохранения и усиления государства в ходе коммунистического строительства требовало уточнения его роли и функций. В этом смысле государственная власть определялась в качестве основного рычага в создании нового общества, важнейшим условием утверждения новых отношений. При этом особо выделялась хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная деятельность советского государства. Эти две стороны государственного функционирования рассматривались в теснейшей и все более возрастающей взаимосвязи. Как считалось, именно расширение и усложнение этих функций обуславливало возрастание роли государства. С точки зрения хозяйственного аспекта государство объявлялось «той решающей силой, которая способна направлять все развитие советского общества в соответствии в экономических законами социализма».²⁶¹

Главным инструментом в осуществлении этой задачи рассматривался государственный план, с помощью которого используется закон стоимости для учета необходимых пропорций в производстве и распределении общественного труда и продукта. Как подчеркивал Председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, «эта необходимость осуществляется Советским государством, которое определяет и обеспечивает выполнение определенных пропорций в распределении труда и материальных фондов в интересах укрепления социалистического строя и решения задач, поставленных государством для данного периода».²⁶²

Значительная роль советского государства признавалась и в дальнейшем укреплении колхозного строя. Считалось, что государство обеспечивает количественный и качественный рост производительных сил, индустриальной техники, используемой в колхозах через МТС. На этой основе происходит дальнейшее развитие социалистического экономического базиса в деревне. Ведь подавляющая часть машин, применяемых в колхозах, принадлежит государству, поэтому процессы механизации и электрификации села означали усиление ведущей роли государственной собственности во всех сферах колхозного производства, а это в свою очередь позволяло говорить об усилении организаторской роли государства в развитии колхозной экономики. В укрупнении колхозов, начавшемся в 1951 году, также виделась возможность дальнейшего повышения хозяйственной функции государства в отношении более эффективного использования трудовых ресурсов, земли и орудий производства.²⁶³ Такое же значение придавалось культурно-воспитательной деятельности госорганов. Научные издания того периода следующим образом раскрывают эту функцию:

²⁵⁹ См.: Советское государство и право. 1948. № 8. С. 10.

²⁶⁰ Вопросы философии. 1949. № 2. С. 28.

²⁶¹ Козлов Г. Краткий курс истории ВКП(б) и развитие экономической науки // Вопросы экономики. 1948. № 6. С. 14.

²⁶² Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. 1947. С. 146.

²⁶³ Гатовский Л. О хозяйственно-организаторской деятельности Советского государства в послевоенный период // Вопросы экономики. 1951. № 3. С. 18–20.

«Только Советское государство, как подлинно народное государство, оказалось способным решать совершенно новую, несвойственную государствам старого типа задачу политического воспитания народа. Оно подняло на небывалую высоту сознательность и понимание общегосударственных интересов, оно воспитало в народах СССР чувство уважения друг к другу, чувство взаимопонимания, чувство любви к социалистической Отчизне, заботы о судьбах Родины».²⁶⁴

Анализируя приведенный материал, можно сделать одно любопытное наблюдение. Рассуждения о роли и значении государства в экономическом строительстве, воспитании масс во многом воспроизводят и повторяют задачи партии в тех же самых сферах общественной жизни. Подробное знакомство с научной периодикой послевоенного периода укрепляет это впечатление. На ее страницах значительно реже упоминалось о руководящей и направляющей роли коммунистической партии, а приоритеты были явно смещены в пользу государства как решающей силы, способной направлять все развитие советской державы, силы, нуждающейся в постоянном и всестороннем укреплении. На наш взгляд, в этом состояло сталинское видение властного устройства в целом, где государство в лице возглавляемого им правительства сосредотачивало реальные рычаги управления, все оперативное руководство социально-экономической и культурной жизнью и выдвигалось на передовые позиции во властной иерархии. В этом заключалось своеобразие сталинского режима «культы личности», когда неразвитость, а порою и просто отсутствие институтов гражданского общества, фактическое сращивание партийного и государственного аппаратов делало нереальным существование иных путей функционирования общественного организма.

Не случайно, что после смерти Сталина, его развенчание как классика марксизма-ленинизма происходило на основе критики его учения об усилении роли государства в коммунистическом строительстве. Хрущев вернулся к традиционным марксистским взглядам, прогнозировавшим постепенное уменьшение значения государственной власти в общественной жизни. На этой теоретической базе в конце 50-х — начале 60-х годов в СССР состоялся масштабный эксперимент по частичной передаче функций госвласти различным общественным организациям. Тогда в этом виделся стратегический путь восхождения к коммунизму. При всей непродуманности, поспешности, а порою и наивности этих процессов положительным здесь следует признать изменение отношения к общественным организациям, их статусу и роли в жизни страны. Сам факт появления в СССР на рубеже 50-х — 60-х годов всевозможных и многочисленных общественных организаций и объединений имел позитивное значение в плане формирования первых ростков гражданского общества.

Другим важнейшим компонентом сталинской концепции коммунистического строительства являлось развертывание борьбы в пережитками капиталистического прошлого. Утверждение новых коммунистических отношений напрямую зависело от вытеснения идеологических представлений и морали «старого мира» из общественного сознания. После ликвидации эксплуататорских классов борьба с пережитками прошлого возводилась в ранг основной задачи советского государства. Например, научные консультанты главного теоретического органа партии — журнала «Большевик» — в ответах на письма читателей следующим образом разъясняли суть данного вопроса: исчезла ли совсем классовая борьба в нашем обществе с уничтожением эксплуататорских классов и групп, с возникновением новых движущих сил общественного развития? Нет, не исчезла. Она приняла лишь другие формы. В настоящее время важнейшей формой проявления этой классовой борьбы является огромная и разносторонняя работа нашей коммунистической партии по преодолению живучих пережитков капитализма в навыках, привычках, быту и сознании советских людей. Эти пережитки — главный тормоз для продвижения вперед. Поэтому именно сюда направляет партия свой удар. Борьба против пережитков в сознании

²⁶⁴ Советское государство и право. 1947. № 12. С. 12.

людей, борьба с проникающими в нашу страну буржуазными идеями, преодоление антинаучных взглядов на природу, предрассудков, старых привычек, борьба против индивидуализма и эгоизма — все это является борьбой за окончательное преодоление отставания сознания советских граждан, за дальнейший подъем каждого человека до уровня научного социализма, до уровня большевистской партии.²⁶⁵

Серьезной брешью в идеологической работе властей по решению этой задачи в послевоенный период стало участие большого количества простых граждан в освободительном походе против фашизма по странам Европы. Впервые, оказавшись в другом мире, советские люди получили возможность сопоставить жизненные реалии двух систем. Сравнение, как правило, оказывалось не в пользу Советского Союза. Данное обстоятельство хорошо понимали власти, рассматривая их как основу, где могли формироваться протестные процессы. Так, секретариат ЦК на заседании 27 мая 1946 года рассмотрел вопрос «О политической работе среди демобилизуемых из Вооруженных сил СССР». Выдвигалось требование особого внимания к воинам, местные партийные и советские органы были обязаны организовывать им по прибытии домой торжественные встречи, обеспечивать их жилплощадью, вовлекать в общественно-политическую жизнь, выделять бесплатную подписку на центральные газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др.²⁶⁶ На торжественном заседании по случаю 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции один из лидеров страны В. Молотов подчеркивал важное идеологическое значение этого вопроса: «Наемные буржуазные писаки за рубежом предсказывали во время войны, что советские люди, познакомившись в своих боевых походах с порядками и культурой на Западе и побывав во многих городах и столицах Европы, вернуться домой с желанием установить такие же порядки на Родине. А что вышло? Демобилизованные солдаты и офицеры, вернувшись на Родину, взялись с еще большим жаром укреплять, развивать социалистическое соревнование на фабриках и заводах, встав в передовых рядах советских патриотов».²⁶⁷

Главным оружием партии и государства в борьбе с пережитками прошлого и влиянием буржуазных идей объявлялся советский патриотизм, возведенный в ранг государственной политики Советского Союза. На языке официальной пропаганды тех лет означало, что воспитание и культивирование чувства патриотизма — это не что иное, как беспощадная борьба, прежде всего, против раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной и чуждого советскому народу буржуазного космополитизма. Выдвижение на первый план этой темы было не совсем традиционно с точки зрения марксистско-ленинского учения, которое гораздо больше внимания уделяло интернационалистическим мотивам. Как известно, лидеры большевистской партии начала 20-х годов вообще не рассматривали Россию в качестве локомотива ожидаемой мировой революции, а считали ее лишь плацдармом для установления коммунистической власти в развитых странах Западной Европы и, в первую очередь, в Германии. Сталинская доктрина строилась на иных подходах, с акцентом на советский патриотизм, на новый тип советского человека, находящегося на более высокой ступени развития, одухотворенного высокими идеалами большевизма. «Последний советский гражданин, — указывал Сталин, — свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства».²⁶⁸

²⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 5. Л. 49, 56–57.

²⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 607. Л. 196–197.

²⁶⁷ Правда. 1947. 7 ноября.

²⁶⁸ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11. С. 590.

Вне всякого сомнения, усилению патриотических акцентов во многом способствовала Великая Отечественная война, потребовавшая мобилизации всех нравственных и духовных сил народов Советского Союза. Однако принципиально новым моментом сталинской доктрины советского патриотизма стало сочетание таких двух компонентов, как любовь к Родине и строительство коммунизма. Это была крупная идеологическая находка. Подчеркивая величие русского народа и его истории, общественному сознанию внушалась мысль, что только у такой действительно великой нации мог появиться ленинизм.²⁶⁹ Развернутая аргументация этого тезиса сопровождалась любопытными высказываниями. Вот один из многочисленных примеров: «Впервые в истории пролетариат обрел настоящее Отечество. Впервые широкие народные массы увидели в государстве не орудие своих классовых противников, а орган власти народа, взявшего свою судьбу в собственные руки. В этих условиях и возник советский социалистический патриотизм как новое явление, принципиально более высокое, чем патриотизм, проявляющийся на предшествующих ступенях развития общества. В нашем патриотизме любовь к своему народу и к своей стране сливается безраздельно и полностью с любовью к своему государству, с пламенной преданностью советскому общественно-политическому строю, его основателям и вождям Ленину и Сталину».²⁷⁰ Таким образом, получалось, что патриотом мог считаться только тот, кто разделял коммунистические идеалы и политику советского государства. Все находящееся за этими четко обозначенными рамками объявлялось вражескими происками, граничащими с предательством и изменой Родине.

Новое пропагандистское изобретение — советский патриотизм — стало той сердцевиной, вокруг которой строилась вся идеологическая работа послевоенных лет. На одном из совещаний в ЦК ВКП(б) Жданов подчеркнул государственную важность задач в этой области: «Если взялись за пятилетку хозяйственную, давайте возьмемся за идеологическую и вытянем ее. Что, сил не хватит? Хватит. Есть преемственность, есть великая преемственность великолепных традиций...»²⁷¹ Надо признать, что на это сил хватало. В эти годы не было такой сферы человеческой деятельности, которая бы могла развиваться без оглядки на сталинские ориентиры охранительного патриотизма. Особенно зримо это затронуло литературу и искусство. Хорошо известна целая серия идеологических постановлений ЦК ВКП(б) второй половины 40-х годов: «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере Мурадели «Вечная дружба» и др. Они дали сигнал к публичной травле многих выдающихся деятелей культуры: А. Ахматовой, М. Зощенко, Э. Казакевича, Ю. Германа, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, Д. Шостаковича, С. Эйзенштейна и др.²⁷²

Проводником идеологии советского патриотизма в литературе являлась теория социалистического реализма. Концентрированно ее суть сформулировал А. Фадеев в своем выступлении на Всесоюзном совещании молодых писателей в марте 1947 года: показать нашего советского человека, как особого человека среди человечества, как носителя новой человеческой морали, показать его передовые, ведущие качества. Для достижения этого известный советский писатель требовал повернуть как молодых, так и крупных писателей к предприятиям, к колхозной деревне, к рядовой интеллигенции, ссылаясь на личный пример:

²⁶⁹ Вишневский В. Слово вождя о русском народе // Правда. 1950. 24 мая.

²⁷⁰ Власов И. О советском патриотизме // Пропагандист и агитатор Красной Армии. 1947. № 5. С. 15.

²⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 458. Л. 85.

²⁷² Подробнее см.: Громов Е. Сталин: власть и искусство. М. 1998. С. 369–456.

«... для меня само слово завод звучало как музыка... рабочая обстановка, сами запахи волновали меня. Я смотрел, как ловко управляют рабочие с орудиями труда, завидовал им. Ведь в этом есть величайшая поэзия, это величественные вещи».²⁷³ В качестве комментария к фадеевской мысли хочется заметить, что вряд ли его своеобразное отношение к производству могло искренне разделяться всеми без исключения советскими писателями и литераторами, но это однако никак не снижало качество их творчества.

Говоря о внедрении концепции советского патриотизма в литературу, необходимо отметить и другой важный момент — особое положение русской национальной литературы, которая определялась главенствующей среди литературного творчества всех народов Советского Союза. Русская литература рассматривалась как источник, обогащающий писателей других народов. Например, секретарь ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметов писал в «Правду», что казахские писатели и поэты учились у передовой русской классической и советской литературы, у основоположника социалистического реализма М. Горького, у лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи В. Маяковского и др. По мнению секретаря Казахской компартии, еще до революции казахские писатели положили начало учебе у русских коллег. Эта учеба стала замечательной традицией: нет ни одного казахского литератора, на творчество которого не оказывала бы своего влияния дружба с русскими писателями.²⁷⁴ Наряду с этим подходом велась борьба против любых проявлений национального самоутверждения в литературе. Кремлем пресекались попытки самостоятельного развития национальных литератур вне творчества и влияния русской. Особенно актуальным это было для крупных республик, входивших в состав СССР и России — Украины, Башкирии и др., которые постоянно находились в поле критики ЦК ВКП(б) за недостаточное следование идеологическим стандартам.²⁷⁵

О том, как само руководство страны на практике внедряло принцип советского патриотизма дает представление знакомство с постановлением секретариата ЦК (май 1946 г.) «О кинокартине «Адмирал Нахимов». Как отмечалось в постановлении, фильм, поставленный режиссером Пудовкиным, содержит серьезные недостатки, снижающие художественную ценность картины. В ней имело место пренебрежение к исторической правде. Сцена Синопского морского сражения, являющегося основной в фильме, не развернута и осталась незавершенной, не воспроизведен исторический факт пленения командующего турецким флотом и его штаба, защита Севастополя изображена схематично и недостаточно убедительно. ЦК поручил ввести сцену пленения турецкого адмирала и прикомандированных к нему английских офицеров, приведя при этом слова Нахимова о необходимости мира и дружбы между Россией и Турцией. Показать гуманное обращение российских военных с пленными турками и мирным населением г. Синоп. Дать более яркую и величественную картину возвращения победоносной эскадры в Севастополь. Включить дополнительный эпизод захвата в плен матросом Кошкой английского офицера, уже ранее отпущенного Нахимовым при Синопе в числе английских инструкторов турецкого флота. На переделку картины отводилось 4 месяца.²⁷⁶ Такова была внутренняя «кухня» советского патриотизма. Однако любопытно другое: заинтересованность и щепетильность в отношении идейной выдержанности партии сочеталось с невниманием и даже безразличием к материально-техническому состоянию студии «Мосфильм», основного производителя лент в

²⁷³ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 294. Л. 45–46.

²⁷⁴ Правда. 1949. 12 мая.

²⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 125. Л. 188; Ф. 17. Оп. 88. Д. 898. Л. 17; Оп. 121. Д. 572. Л. 142–143.

²⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 262. Л. 73–74.

те годы. Техническая база «Мосфильма» не менялась, не реконструировалась свыше четверти века, еще со времен немого кино, хронически недоставало метража кинолент.²⁷⁷

Функционирование сталинской концепции советского патриотизма с его бескомпромиссной борьбой против западничества и «иностранины» приводило к уродливым явлениям в повседневной жизни людей. Среди них можно назвать решение властей о запрещении браков с иностранцами, пытающиеся перекрыть каналы общения с западным миром. Под это нелепое и совершенно необъяснимое для цивилизованного человека решение подводилась соответствующая идеологическая база. К примеру, 15 и 18 июня 1948 года «Правда» опубликовала письма Н. Макушиной и Н. Головановой, которые, выйдя замуж за граждан Великобритании, решили вернуться на Родину, не вынеся «тягот и лишений заграничной жизни». В частности, Н. Макушина так объясняла свой поступок: «Я не могла дальше выносить все это и решила забрать сына и уехать из Англии. И для меня, и для мужа это расставание было очень тяжелым, но я была счастлива, что возвращаюсь на Родину, а мужу оставалось радоваться только тому, что сын его будет жить в стране, которая дает ему возможность получить образование и жить без хорошо знакомой его отцу тревоги за завтрашний день».²⁷⁸ Редакция газеты «Правда» получили более 500 откликов на эти откровения, преисполненные в основном верноподданническими мотивами и требованиями оградить людей от попадания в буржуазное рабство.²⁷⁹ На основе подобных просьб общественности Президиум Верховного Совета СССР принимал решение воспретить браки советских граждан с иностранцами.

Поиски врагов — носителей буржуазного космополитизма активно велись внутри страны. Здесь была найдена очень удобная мишень — еврейский народ. Попытки выставить евреев в качестве проводников буржуазной идеологии предпринимались в СССР сразу после окончания войны. К примеру, руководящие работники Управления кадров ЦК ВКП(б) в своем письме от 7 октября 1946 года на имя секретаря ЦК Кузнецова сообщали о националистических и религиозных тенденциях в еврейской литературе, пропагандирующей настроение безысходности, скорби и т. д. В записке предлагалось вынести вопрос о положении в советской еврейской литературе на заседании секретариата ЦК. Однако Жданов отклонил предложения рассматривать данную проблему на секретариате, сочтя ее неактуальной.²⁸⁰

Отношение к евреям стало меняться к худшему с 1948 года. К этому времени провалились попытки Сталина включить только что созданное государство Израиль в сферу своего влияния. К тому же возникновение самостоятельного национального образования оживило самосознание евреев. Так, в Верховный Совет СССР поступали письма от граждан еврейской национальности с просьбой разрешить выезд в Израиль для борьбы с оружием в руках за защиту еврейского народа.²⁸¹

Атмосфера гонений на евреев лучше всего передана в письмах, поступавших в редакции центральных газет. Вот выдержки из текстов: «Разве не может вызвать возмущение цивилизованного мира то, что на 30-м году существования советской власти у нас закрыты все еврейские школы. Еврейских детей в советских школах обижают, бьют, не дают прохода

²⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 458. Л. 36, 78.

²⁷⁸ Правда. 1948. 15 июня.

²⁷⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 718. Л. 40–50.

²⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 459. Л. 24–31, 32–34.

²⁸¹ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 40. Д. 25.

и обзывают «жидюками». В вузах установлена процентная норма при приеме. Евреям ограничен прием в научных учреждениях и институтах, а в некоторых вообще запрещен». (И. Абрамсон, Ленинград); «В очередях, в трамваях, на базарах все время слышно это шипение и угрозы, что вот пусть только начнется война, как мы покончим со всеми евреями... В очередях эти разговоры происходят в присутствии милиции, а они на это не обращают внимания».²⁸²

Хорошо понимая, к чему может привести подобная атмосфера, отдельные представители творческой интеллигенции стремились остановить этот маховик, набирающий обороты. Такую попытку предпринял И. Эренбург, добившийся публикации в «Правде» своей статьи «По поводу одного письма». В ней, пытаясь отвести угрозу, нависшую над целым народом, он писал: «Мракобесы издавна выдумывали небылицы, желая представить евреев какими-то особенными существами, непохожими на окружающих их людей. Мракобесы говорили, что евреи живут отдельной, обособленной жизнью, не разделяя радостей и горестей тех народов, среди которых они проживают; мракобесы уверяли, будто евреи — это люди, лишенные чувства родины, вечные перекаати-поле; мракобесы клялись, что евреи различных стран объединены между собой какими-то таинственными связями».²⁸³ Парадокс заключался в том, что Эренбург, взывая к разуму, обращался за защитой к тем, кто по сути и являлся главным организатором антисемитского похода конца 40-х — начала 50-х годов.

Существенная корректировка официальной идеологической доктрины, предпринятая Сталиным, оказала самое серьезное влияние на состояние общественных наук в послевоенный период. Им отводилась далеко не последняя роль в утверждении новых идеологических форматов. Отсюда жесткое давление на философские, исторические, экономические дисциплины, с целью приведения их базовой концепции в соответствие с нуждами правящей верхушки. Первой под ударом властей оказалась философия. Для этого была организована дискуссия по учебнику Г. Александрова «История западноевропейской философии», удостоившаяся в 1946 году присуждения сталинской премии. Главным действующим лицом здесь стал секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии Жданов, назвавший себя юнгой, «впервые вступившим на палубу философского корабля».²⁸⁴ Однако данное обстоятельство ничуть не помешало ему назидать и поучать аудиторию, состоящую из академиков и профессоров. Та часть его выступления, где содержатся высказывания о недооценке русской философии, критикуется чрезмерное увлечение автора различными философскими школами прошлого, сегодня хорошо известно исследователям. Менее освещены идеи, сформулированные Ждановым в качестве образца новейшей философской мысли. Речь идет о его размышлениях относительно источников и движущих сил развития советского общества. Вот как он раскрывал эту важную, актуальную проблему: «Если внутренним содержанием процесса развития, как учит нас диалектика, является борьба противоположностей, борьба между старым и новым... то наша советская философия должна указать, как действует этот закон диалектики в условиях социалистического общества... Вот где широчайшее поле для научного исследования, и это поле никем из наших философов не обработано. А между тем наша партия уже давно нашла и поставила на службу социализму ту особенную форму раскрытия и преодоления противоречий социалистического общества, ту особую форму борьбы между старым и новым, между

²⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 718. Л. 69.

²⁸³ Правда. 1948. 21 сентября.

²⁸⁴ Вопросы философии. 1947. № 1. С. 256.

отживающим и нарождающимся...», которая называется критикой и самокритикой». ²⁸⁵

Сразу обращает внимание решенность вопроса о движущих силах развития советского общества, причем об этом решении, сделанном партией, Жданов сообщал ученым, без участия которых на самом деле вряд ли была бы возможна разработка данной непростой проблемы. Жданов выступал практически перед всеми ведущими философами страны того времени и говорил им об уже проделанной партией работе, не уточняя, кто конкретно из научного мира участвовал в ней. Более парадоксальной ситуации придумать сложно. После этого ждановского откровения лучшие научно-философские силы страны должны были вступить на путь обоснования предложенного им вывода, причем это по сути дела комментаторство, а не исследовательский поиск, находилось под строгим и неусыпным контролем.

По существу же самого вывода о критике и самокритике как движущей силы развития советского общества напрашивается следующая мысль: перед нами не что иное, как попытка ухода от реальных проблем функционирования общества, где существовала одна форма собственности, одна политическая сила, один вождь. Данная конструкция могла обеспечивать только консервацию всей жизни, никак не способствуя его модернизационным задачам. Развитие критики и самокритики в условиях безальтернативности выборных механизмов, однопартийной системы без каких-либо реальных признаков коллегиальности можно квалифицировать как действия, инспирированные в угоду правящему режиму. То же самое можно сказать и о других источниках развития советского общества: морально-политическом единстве народа и советском патриотизме.

Состоявшаяся в мае 1947 года дискуссия по учебнику Г. Александрова задавала определенные оценочные параметры всей научно-философской деятельности. Власти жестко отслеживали появляющуюся научную продукцию, сверяя ее содержание с ориентирами официальной идеологии. Это можно проиллюстрировать на примере критического разбора в «Правде» третьей книжки журнала «Вопросы философии» за 1949 год. Кратко отметив некоторые улучшения, как-то разнообразие публикаций, актуальность тематики многих статей, «Правда» перешла к своему главному делу — критике и оценкам. Статья все того же Г. Александрова «Космополитизм — идеология империалистической буржуазии» вызвала негативную реакцию, потому как «чрезмерно много места уделяется разной дряни вроде мертворожденных писаний реакционных буржуазных профессоров, от которых за версту несет трупным смрадом». ²⁸⁶ Трудно сказать, считал ли главный пропагандистский рупор страны подобную тональность приемлемой для научных дискуссий, но Александрову адресовался упрек в бесстрастности повествования о космополитизме. Видимо, острая форма изложения, образец которой мы только что привели, уже сама по себе расценивалась как весомый научный аргумент. Статья В. Логинова «О переходной форме производственных отношений» признавалась ошибочной, так как в ней фигура мелкого собственника рассматривалась слишком идеализированно, а следовательно метафизически, без учета конкретных социально-экономических форм общества. Поэтому вывод о жизнеспособности мелкого хозяйства, сделанный ученым, перечеркивался и отбрасывался. ²⁸⁷

Не меньшее давление оказывалось и на историческую науку. Перед ней ставились конкретные задачи по реализации доктрины советского патриотизма в историческом контексте с акцентом на возвеличивание прошлого русского народа, его традиций. Одной из несущих конструкций доктрины стала разработка проблем образования централизованного

²⁸⁵ Там же. С. 270.

²⁸⁶ Правда. 1947. 7 сентября.

²⁸⁷ Там же.

русского государства. Данная тематика нашла широкое отображение на страницах научных изданий. Так, в 1945-46 годах журнал «Вопросы истории» провел обширную дискуссию о различных аспектах создания единой русской державы. В ходе ее были высказаны различные точки зрения, отмечалась недостаточная разработанность этих вопросов. В качестве основного вывода предлагалась мысль о неправомерности разбивать образование централизованного государства на два этапа, как это делалось историками довоенного периода: сначала национальное государство, а затем — многонациональное. Как считалось, более правильным будет говорить о едином процессе, тем самым, подчеркивая ведущую роль русского народа.²⁸⁸ В этом смысле вся дискуссия о формировании русского государства преследовала главную цель — демонстрацию превосходства русской истории над остальной, подчеркивание более высокого уровня развития русского государства по сравнению со странами Европы.

О том, насколько сильно продавливались именно такие подходы, убедительно свидетельствует следующий пример: «Вопросы истории» в апреле 1947 года опубликовали рецензию профессора М. Тихомирова на книгу Д. Лихачева «Москва и культурное развитие русского народа» (М. 1946). Рецензент высказывал несогласие с автором по поводу непомерного возвеличивания русской культуры того периода: «Очень неприятное впечатление производит постоянное стремление автора противопоставить русское искусство западноевропейскому... Уместно ли здесь ограниченное национальное самодовольство? Неужели любовь к родному обязательно должна связываться с охаиванием чужого?. Пусть автор хотя бы на минуту сопоставит богатые города средневековой Италии, хотя бы Флоренцию, с Москвой XIV–XV веков, чтобы не настаивать на превосходстве московской культуры над флорентийской в эту эпоху. Нужно ли для национального сознания такого великого народа, как русский, подкрашивание в розовый цвет его прошлого».²⁸⁹ Однако уже через пять месяцев позиции Тихомирова по этим вопросам кардинально изменились. В тех же «Вопросах истории» он пропагандирует иную точку зрения, говоря об удивлении образованных иностранцев, «внезапно увидевших на востоке Европы большое государство со своеобразной вековой культурой». Теперь ученый придерживался мнения о передовой московской архитектурной школе, оставившей далеко позади итальянцев во главе с А. Фиораванти, который сам попал под влияние русских художественных традиций.²⁹⁰ Нетрудно догадаться, под чьим давлением ученый был вынужден менять свои уже обнародованные взгляды.

Во второй половине 40-х годов практически все историческое полотно русской истории служило своеобразным подкреплением концепции советского патриотизма. По мнению властей, его корни должны подпитываться ярким российским прошлым, что выстраивало и обеспечивало своего рода преемственность великих дел и свершений русского народа как тогда, так и сегодня. Причем научно-историческая мысль была обязана реализовывать эту задачу безотносительно того или иного периода отечественной истории. Так, ученые занимались исследованием происхождения термина «Великая Русь», составляя обзоры древних иностранных источников, сообщающих, а главное признающих величие древней Руси. Подчеркивалось, что этот правильный термин выпал из поля зрения современной буржуазной науки. Много говорилось о фигуре Петра I, о его роли в укреплении русского государства, создании промышленности и армии, которая являлась образцом для европейских стран. Вообще тема армии и ее побед занимала особо почетное место в

²⁸⁸ Вопросы истории. 1946. № 12. С. 9–11.

²⁸⁹ Вопросы истории. 1947. № 4. С. 120.

²⁹⁰ Вопросы истории. 1947. № 9. С. 11, 13–14.

исторической науке послевоенного периода. Значительное внимание уделялось личности и взглядам Чернышевского, далекого от восторженного отношения к Западу и прогнозирувавшему разочарование тем, кто считал Западную Европу «земным раем».²⁹¹

Но власти считали все это недостаточным, требуя усиления борьбы с космополитизмом, большей приверженности доктрине советского патриотизма. Именно эту цель преследовали регулярные разносы, устраиваемые ЦК ВКП(б) историческим институтам, изданиям, ученым. В начале 1949 года буквальному разгрому подверглась школа, возглавляемая известными историками И. Минцем и И. Разгоном. Как отмечалось, они нанесли серьезный вред делу разработки истории советского общества. За 18 лет работы их коллектив выпустил только два тома «Истории гражданской войны», чем сорвал выполнение задания партии. Не меньший ущерб они нанесли, не подготовив и не выпустив в свет учебник по истории СССР советского периода, чем осложнили и затормозили выращивание кадров молодых историков.²⁹² Серьезной критике подверглись и специалисты, занимающиеся зарубежной историей нового и новейшего времени. От них требовалось решительно покончить с антинаучным способом изучения зарубежной истории, т. е. в отрыве от прошлого России и СССР. Ученые обязывались считать своей кровной задачей исследование огромного влияния передовой русской культуры, литературы, науки на другие страны и народы. Долг историков состоял в раскрытии многообразия этого влияния на общественную мысль в Европе, Америке, Азии.²⁹³

Среди общественных наук руководство партии и государства особое значение уделяло политэкономии. Предметом исследования данной отрасли являлось функционирование народного хозяйства страны, от чего напрямую зависело все состояние общественного организма. Тем не менее, разработанность вопросов социалистической экономики в послевоенный период надо признать крайне слабой. Фактически были нарушены традиции научной преемственности, уничтожены экономические школы, действовавшие в 20-х — 30-х годах, репрессированы их создатели и лидеры. Все это серьезно ослабило кадры экономистов, в особенности тех, кто специализировался на изучении экономических проблем социализма. Многие работы отличались низким профессиональным уровнем, а порою и просто безграмотностью и надуманностью. В этом смысле характерен пример одной из диссертаций, представленной к защите в Институте экономики АН СССР. Она содержала конкретное описание высшей фазы коммунизма, развивая идею огосударствления колхозов. По мнению автора, эти процессы должны начаться почему-то со Свердловской области, а затем распространиться на всю территорию страны. Автор точно по годам и районам планировал эти действия, причем пытаясь во всех деталях изобразить будущую коммунистическую деревню, где каждая семья будет иметь свой дом с садом, а необходимые продукты будут доставляться по специальным трубопроводам и т. д.²⁹⁴ Ценность подобных «научных» изысканий очевидна и в комментариях не нуждается.

²⁹¹ См.: Соловьева А. Великая, малая и белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 23–30; Лукьянова П. Роль Петра Великого в организации химического производства в России // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 72–85; Бескровный Л. Система обучения и воспитания армии Петра I // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1946. № 3. С. 44–52; Гурвич Д. М.В.Ломоносов и русская историческая наука // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 3–13; Сладкевич Н. К вопросу о полемике Н.Г.Чернышевского со славянофильской публицистикой // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 72 и др.

²⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1076. Л. 51.

²⁹³ Задачи советских историков в области новой и новейшей истории // Вопросы истории. 1949. № 3. С. 3–13.

²⁹⁴ См.: Вопросы экономики. 1948. № 9. С. 94.

Осознавая недостаточно высокий уровень экономической науки в стране, ЦК ВКП(б) принял решение активизировать эту отрасль общественного знания. В конце 1951 года в Центральном Комитете прошла дискуссия по проекту учебника политэкономии, где участвовало около 240 ученых, половине из которых было предоставлено слово в ходе 21 пленарного заседания.²⁹⁵ Вряд ли будет преувеличением сказать: дискуссия выглядела неординарным событием не только в отечественной научной жизни, но и в деятельности партии. По существу, это была одна из первых попыток разобраться в закономерностях того социального строя, который создавался в стране уже более 30 лет.²⁹⁶ Однако окончательные итоги дискуссии не вдохновили ее организаторов. В письме Сталину (22 декабря 1951 г.) секретари ЦК Маленков и Сулов докладывали: «В ходе дискуссии по проекту учебника политэкономии выяснилось неблагополучие в экономической науке. Это, прежде всего, выражается в отсутствии серьезных научных трудов и низком теоретическом уровне публикуемых экономических исследований. Советскими экономистами слабо разрабатываются важнейшие проблемы советской экономики и экономики стран народной демократии. Недопустимо отстает теоретическая разработка вопросов... общего кризиса капитализма и кризиса колониальной системы».²⁹⁷

Поскольку обращаться за решением перечисленных вопросов было просто не к кому, так как все лучшие научные силы задействовались в дискуссии, то фактически данное обращение к Сталину можно рассматривать как предложение высказаться, оказать помощь и тем самым внести ясность в эти проблемы. Слово вождя вскоре прозвучало: накануне XIX съезда партии в свет вышла одна из самых фундаментальных его работ — «Экономические проблемы социализма в СССР». Здесь излагался целый ряд теоретических новшеств. Сталин положил конец спорам о том, что все же можно считать основным экономическим законом социализма. Оставив в стороне рассуждения о законах стоимости, планировании народного хозяйства, он дал четкую формулировку сути социалистического способа производства: «... обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».²⁹⁸ Данная формулировка сразу стала хрестоматийной и присутствовала во всех учебниках и литературе по политэкономии вплоть до конца 80-х годов.

Как известно, в своем труде Сталин прояснял, также, пути построения коммунизма в одной отдельно взятой стране. В этом он прочно опирался на ряд казавшихся ему незыблемыми теоретические положения, и, прежде всего, на вывод 20-х годов о возможности социалистического строительства в отдельном государстве. Вытекавшая из него задача быстрого преодоления технико-экономической отсталости СССР не могла быть выполнена посредством присущего капитализму принципа экономической целесообразности, что объективно уменьшало сферу возможного применения товарно-денежных отношений. В том же самом ключе подошел Сталин и к вопросам строительства коммунизма, т. е. ограничения товарно-денежных отношений, уменьшения значимости личной собственности и т. д. Например, очень перспективным представлялось ему стремление некоторых крестьян освободиться от «оков домашнего хозяйства, передать скот в колхозы, чтобы получать мясные и молочные продукты от колхоза... Это лишь отдельные

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

²⁹⁶ Подробнее об этом см.: Опенкин. Л.А. И.В.Сталин: последний прогноз будущего // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 113–128.

²⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 60.

²⁹⁸ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952. С. 40.

факты, ростки будущего». ²⁹⁹ Сегодня хорошо известна цена этих пророчеств вождя. Между тем, руководство партии и государства находились в их плену не одно десятилетие, в принципе не сумев или не желая отказаться от них, несмотря на развенчание культа личности Сталина в хрущевские времена.

Слово Сталина рассматривалось как окончательное решение той или иной проблемы. На это была настроена вся система общественных дисциплин, все восприятие обществоведческой мысли. В условиях господства одной марксистско-ленинской теории и отсутствия реальной конкуренции исследовательских школ, вынужденных следовать трафаретам учения, такая ситуация была неизбежной и объективной. Однако вопросы функционирования системы, достижения сугубо прагматических целей требовали от Сталина адаптации марксистско-ленинских взглядов к задачам текущего момента. В этом смысле у него существовало два пути: отказаться от учения, что не выглядело оправданным, или встать в ряды классиков марксизма-ленинизма, заполучив монопольное право на развитие и толкование положений теории научного коммунизма. Это было необходимо еще и потому, что провозглашение доктрины советского патриотизма — патриотизма нового типа, — возвеличивание всего русского, требовало собственного и непогрешимого ориентира, с которым сверялась бы вся политическая деятельность. Таким ориентиром и был Сталин.

Встав вровень с Марксом, Энгельсом и Лениным, Сталин неплохо освоился с этой высокой ролью. Сегодня мы имеем немало свидетельств о его не слишком почтительном отношении к классикам, которое он открыто демонстрировал в послевоенные годы. Например, в своем ответе на письмо профессора Е. Разина Сталин заявил об отсутствии у Ленина компетенции в военных вопросах. ³⁰⁰ Чего, видимо, о нем после победы в Великой Отечественной войне сказать было невозможно. По воспоминаниям одного из югославских лидеров М. Джиласа, на одной из встреч Сталин говорил о Марксе и Энгельсе: «Да, они, без сомнения, основоположники. Но и у них есть недостатки. Не следует забывать, что на Маркса и Энгельса слишком сильно влияла немецкая классическая философия — в особенности Кант и Гегель». ³⁰¹ А вот еще одно любопытное замечание вождя, сделанное им в ходе экономической дискуссии 1951 года: «В учебнике использована схема Энгельса о дикости и варварстве. Это абсолютно ничего не дает. Чепуха какая-то! Энгельс здесь не хотел расходиться с Морганом, который тогда приближался к материализму. Но это дело Энгельса. А мы тут при чем? Скажут, что мы плохие марксисты, если не по Энгельсу излагаем вопрос? Ничего подобного!» ³⁰²

Сталин действовал без оглядки на марксистско-ленинские каноны не только в решении вопросов теоретического характера, но и в практических действиях. Яркое свидетельство тому — формирование в те же годы более терпимого отношения к царской России, воспроизведение многих внешних атрибутов ее власти, реабилитация некоторых общественных институтов дореволюционных времен. Такой поворот, немыслимый при старой большевистской гвардии, испытывавшей стойкую ненависть к царизму, обусловлен общим сталинским курсом на усиление державности в политике. Обращение к прошлому страны служило хорошим подкреплением и подспорьем в утверждении данной стратегической линии. После своего осеннего отпуска 1945 года Сталин предпринял

²⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

³⁰⁰ Вопросы истории. 1947. № 2. С. 7.

³⁰¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М. 1992. С. 138.

³⁰² РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

неординарный шаг по переименованию народных комиссариатов в министерства, как это было до революции. Обосновывая это новшество, вождь говорил на мартовском (1946 г.) Пленуме ЦК ВКП(б): «Народный комиссар или вообще комиссар — отражает период неустоявшегося строя, период гражданской войны, период революционной ломки и пр. Этот период прошел. Война показала, что наш общественный строй очень крепко сидит... Уместно перейти от названия — народный комиссар к названию министр. Это народ поймет хорошо, потому что комиссаров чертова гибель. Пугается народ. Бог его знает, кто выше, кругом комиссары, а тут министр, народ поймет. В этом отношении это целесообразно».³⁰³

Явно из практики дореволюционной армии был задействован такой орган, как «суды чести». Решение об их введении в министерствах и центральных ведомствах принято в марте 1947 года.³⁰⁴ На эти общественные образования возлагалось рассмотрение антипатриотических, антиобщественных поступков, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств и центральных ведомств. «Суды чести» являлись фактически инструментом давления на государственный аппарат с целью поддержания лояльности официальному идеологическому курсу.

Обращение к опыту дореволюционных времен было далеко не единичным случаем. Необходимо отметить, что такие действия зачастую вызывали удивление, непонимание актива, неподготовленного к подобным поворотам и привыкшему к совсем иному отношению к царской России. Вот один из таких эпизодов, происшедший на совещании по вопросам идеологической работы среди студенчества в ЦК ВЛКСМ (6–7 октября 1947 года). Один из выступавших поделился своими взглядами на состояние идеологической борьбы: «борьба против низкопоклонства перед буржуазной наукой должна быть борьбой и против поклонения перед русской буржуазной наукой, перед дворянской культурой». На что последовала реплика лидера советского комсомола Н. Михайлова — «Если мы начнем бороться против русской дворянской культуры, мы тут дров не наломаем?» Оратор пояснил: «Я хочу напомнить, что дворянство, развращенное до мозга костей влиянием французской буржуазной культуры, изменило русскому народу, изменило России и изменило русской науке, загнало ее в подполье». После этого выступления Михайлов дал следующие разъяснения: «... последний оплот империализма и первый враг Советского Союза — реакционные силы Америки и против них огонь из всех орудий! Милуков тоже не ахти подходящая для нас фигура, но я думаю, что сейчас не это главное».³⁰⁵ Трудно представить подобное в штабе комсомола в эпоху 20-х годов.

Но, пожалуй, самым удивительным зигзагом сталинской политики в послевоенный период стало изменение отношения к русской православной церкви. Прекращались гонения и притеснения, ей предоставлялась определенная свобода деятельности. Начало этого курса относится к годам Великой Отечественной войны. 4 сентября 1943 года состоялась историческая встреча Сталина, Молотова с патриаршим местоблюстителем Сергием и митрополитом Алексием, где был обсужден весь пласт проблем во взаимоотношениях церкви и государства, накопившийся за долгий период, и принято решение о возрождении института патриаршества. Потепление к церкви со стороны руководства режима во многом объяснялось той большой положительной ролью, которую сыграла РПЦ в освободительной войне против фашистской Германии. Хорошо известна ее деятельность по мобилизации духовных и нравственных сил людей на борьбу с фашизмом, проповедовавшим расовую ненависть. Слово духовенства в защиту Родины имело определяющее значение для

³⁰³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

³⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 32.

³⁰⁵ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 327. Л. 28.

миллионов и миллионов людей. Значителен был и материальный вклад церкви. За годы войны ею организован масштабный сбор средств для укрепления мощи советской армии. В общей сложности было собрано около 200 млн. рублей, направленных на строительство авиационной техники, танковых колонн и т. д. Например, духовенством и верующими Свердловской епархии сдано в фонд обороны страны более 3,6 млн. руб., во всецерковный фонд помощи семьям бойцов армии — около одного миллиона рублей.³⁰⁶

Осознавая значимость русской православной церкви в общественной жизни, Сталин начал рассматривать ее в качестве необходимого инструмента в осуществлении своих планов как внутри, так и вовне страны. Диалог между церковью и государством нарастал стремительно. Кульминацией признания роли и авторитета РПЦ стало проведение 31 января — 2 февраля в Москве поместного собора для решения неотложных задач церковной жизни: принятия Положения о русской православной церкви, избрания патриарха всея Руси (патриарх Сергей скончался в 1944 году). Без преувеличения можно сказать, что это было одно из самых масштабных и значимых мероприятий церковной истории за все годы существования советской власти. Поместный собор явился крупным событием не только во внутренне жизни Советского Союза, но и на международной арене. В его работе участвовали 41 архиепископ и епископ, 126 протоиереев приходного духовенства, а также делегации семи автокефальных церквей (не считая русской), которые впервые одновременно собрались в Москве, причем три церкви (александрийская, антиохийская, грузинская) были представлены непосредственно своими главами. Не удивительно, что такой состав присутствующих дал возможность проводить параллели со Вселенским собором, не созывавшимся несколько столетий.

Идея единения вокруг православной веры, русской церкви всего советского общества, да и не только его, явилась одной из центральных на московском Поместном Соборе. Вот как подавалась его атмосфера официальной церковной печатью: «плотной людской стеной окружены заседающие на Соборе. Среди этих посторонних есть и англичане, и американцы, и японцы. Известный русский искусствовед стоит рядом с приходским священником, модная дама рядом с прихожанкой в вязаном теплом платке. Кто-то сказал... одному из распорядителей на Соборе: «Надо бы навести порядок, предложить всем пройти на отведенные места, а то как-то неладно сгрудились. «Ничего, — ответил московский священник, — это Россия».³⁰⁷ Дифирамбы церкви адресовали представители советского режима. Так, в выступлении председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова подчеркивалось: «В церквях и монастырях зарождалась письменность и складывались первые летописи о жизни нашей страны, стены церквей и монастырей неоднократно выдерживали орды иноземных завоевателей...»³⁰⁸ О ходе работы Поместного Собора сообщалось в главном пропагандистском рупоре коммунистической партии — газете «Правда».³⁰⁹

Церковь отвечала властям тем же. Высокую оценку на Соборе получило «Положение об управлении русской православной церкви», которое сравнивалось с аналогичными документами времен царской России, внесенного в Думу в 1913 году. Этим сравнением как бы подчеркивалось, что Советское правительство проявляет не меньшую заботу о церкви, чем дореволюционные власти.³¹⁰ «Положение об управлении РПЦ» действительно имело

³⁰⁶ Журнал московской патриархии. 1945. № 1. С. 46; № 2. С. 41.

³⁰⁷ Журнал московской патриархии. 1945. № 2. С. 88.

³⁰⁸ Там же. С. 9.

³⁰⁹ См.: Правда. 1945. 5, 7 февраля.

³¹⁰ Журнал московской патриархии. 1945. № 2. С. 44.

важное значение для упорядочивания церковной жизни. Высшая ее власть закреплялась за Поместным Собором, в промежутках между собраниями которого церковь возглавлялась патриархом московским и всея Руси и управлялась совместно со священным Синодом. В «Положении» четко прописывались полномочия патриарха: обращаться с посланиями по церковным вопросам ко всей РПЦ, вести сношения с представителями других автокефальных православных церквей, награждать титулами и высшими церковными отличиями и т. д. Определялось понятие православной общины — группы верующих не менее 20 человек. Она получала от гражданских властей на основе особого договора в бесплатное пользование храм и церковную утварь. Тем самым церковные организации получали права юридического лица, которого были лишены последние десятилетия.³¹¹

Особым расположением властей в ходе работы Поместного Собора пользовались зарубежные делегации автокефальных церквей. Приехавшие гости были одарены дорогими подарками, взятыми из различных музеев: золотыми крестами с камнями, полными архиерейскими облачениями из золотой парчи, митрами и панегиями с драгоценными камнями, старинными иконами. Судя по описи, выявленной в архиве, все эти дорогостоящие дары были приняты, за исключением митрополита Эмесского Александра, который отказался от панегии с драгоценными камнями и облачения.

Для восточных патриархов и представителей других православных церквей проводилась обширная культурная программа. Они посетили исторический музей в Москве и его филиал в Коломенском, музей Красной Армии и Останкинский дворец, оставив там восторженные отзывы.³¹² По завершении работы Собора все они были приглашены на духовный концерт, состоявшийся 6 февраля 1945 года в Большом зале московской консерватории. Здесь, в присутствии всего высшего духовенства (около 1,5 тысяч человек), исполнялось различное церковное пение. В начале третьего отделения концерта собравшимся зачитали только что полученный по радио приказ Верховного Главнокомандующего Маршала И. Сталина, где сообщалось об очередных победах советской армии. После этого сразу последовало исполнение увертюры П. Чайковского «1812 год», которая начиналась мелодией известного церковного песнопения. Концерт произвел сильное впечатление на высоких зарубежных гостей Собора. Как заявил папа и патриарх Александрийский Христофор: «Сам факт организации в Большом концертном зале духовного концерта говорит за то, что церковь в Советском Союзе имеет полную свободу и сочувствие со стороны Правительства».³¹³

Проведение Поместного Собора, избравшего тринадцатого патриарха всея Руси Алексия I, существенно укрепило взаимоотношения государства и церкви. В этот период правительство принимает немало решений по сохранению, реставрации архитектурных комплексов и памятников, имеющих большое религиозное значение. Как, например, постановление СНК СССР от 8 апреля 1945 года «О мероприятиях по сохранению и реставрации памятников архитектуры во Владимирской области». В нем Владимирский облисполком, МВД СССР, Наркомат гражданского строительства РСФСР в течение 1946-47 годов обязывались произвести неотложные работы по ремонту наиболее ценных памятников: Дмитриевского собора XII века, собора княжнина монастыря, палат Суздальского кремля и др. (всего перечислено 68 объектов). Постановлением выделялась необходимая техника и квалифицированная рабочая сила. Чуть позже специальным решением союзного Совнаркома г. Суздаль превращался в исторический заповедник, город-

³¹¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 29. Л. 2-10.

³¹² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 32. Л. 176-177, 185.

³¹³ Там же, Л. 186; Журнал московской патриархии. 1945. № 3. С. 27-32.

музей, охраняющий неповторимые сокровища древней русской архитектуры.³¹⁴

Но все же главным в устоявшемся диалоге РПЦ и государства стала практика открытия многих храмов, тех самых, которые с энтузиазмом закрывали и усиленно уничтожали еще совсем недавно, в предвоенные годы. Эта политика осуществлялась непосредственно сверху. Председатель совета по делам РПЦ предлагал ЦК ВКП(б) окончательное решение об открытии храмов полностью передать в компетенцию возглавляемого им совета, а за местными органами оставить лишь право высказываться по тому или иному ходатайству верующих.³¹⁵ Такая процедура разрешения на открытие церквей снимала препятствия местного характера и облегчала проведение в жизнь политического курса высшего руководства страны в отношении РПЦ. О его результатах дают представление следующие данные: по состоянию на 1 января 1947 года в СССР функционировало 13813 православных храмов и молитвенных домов, что по сравнению с 1916 годом составляло 28 %. В городах действовало 1352 церкви и в рабочих поселках, селах, деревнях — 12461. Из всего этого количества до 1941 года существовало 3732 храма, немцами на оккупированной территории образовано 7000 церквей, открыто советскими властями в 1944-46 годах — 1084. Хотя заявлений от верующих на открытие храмов за этот период поступило гораздо больше — 5184, т. е. удовлетворялись далеко не все заявки, а примерно 20 % от полученных советом по делам РПЦ.³¹⁶ За этими сухими данными статистики скрываются глубокие чаяния и надежды многих миллионов верующих Советского Союза. Надо помнить, что каждое удовлетворенное ходатайство об открытии храма являлось крупным событием в жизни людей. Как, например, в Кировской области, где при открытии одной новой церкви собралось около 15 тысяч жителей из окрестностей в радиусе 90-100 км. Они лично хотели убедиться в факте открытия храма, что отвечало их внутренним устремлениям.³¹⁷ Данный случай являлся типичным для многих регионов страны.

Расширение деятельности церкви с особой актуальностью ставило вопрос о необходимом количестве священнослужителей. Ситуацию здесь для РПЦ можно охарактеризовать как кризисную. Многие священники были уничтожены или репрессированы, производить же кадровые пополнения в этой сфере по понятным причинам долгие годы не представлялось возможным. В результате в послевоенный период для обслуживания действующих церквей имелось лишь 9617 священников и дьяконов, что составляло только 8,1 % по отношению к 1916 году.³¹⁸ Очевидно: решение этой серьезной задачи требовало безотлагательного восстановления в стране системы духовного образования. Это произошло с 1946/47 учебного года. Все имеющиеся в ведении московской патриархии богословские курсы, училища, школы переименовывались в духовные семинарии, т. е. им возвращались прежние дореволюционные названия. Совет по делам РПЦ согласился с образованием духовных семинарий в Москве, Ленинграде, Киеве, Саратовской, Львовской, Одесской, Минской, Луцкой областях и Ставропольском крае с четырехгодичным сроком обучения. Кроме этого, формировалась и система духовных академий (в Москве, Ленинграде, Киеве).³¹⁹ Таким образом, в послевоенный период в

³¹⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 29. Л. 19–34; Журнал московской патриархии. 1945. № 11. С. 38–42.

³¹⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 57.

³¹⁶ Там же. Л. 81, 85.

³¹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 79. Л. 17 об.

³¹⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 82.

³¹⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 37. Л. 14, 24.

стране фактически была воссоздана система духовного образования, которая практически в неизменном виде просуществовала вплоть до конца 80-х годов. Все это способствовало началу восстановления церкви как важного института, имевшего авторитет и влияние в обществе. Данные тенденции явственно ощущались в послевоенные годы. В речи епископа Гермогена перед учащимися духовной семинарии и академии в начале 1948/49 учебного года ставился вопрос: «Не возникает ли в вашем сознании представление о ее былом величии и значении, не только для церкви, но и для всего Российского государства?»³²⁰

Нужно заметить, что такой вопрос возникал не только у епископа Гермогена и его подопечных, но и в сознании партийного аппарата, выражавшего все большую озабоченность деятельностью русской православной церкви. На собраниях и активах областных партийных организаций в различных регионах страны все чаще звучали слова обеспокоенности создавшимся положением. Так, на партконференции Великолужского обкома (1948 г.) с тревогой констатировалось оживление религиозных настроений, роста случаев крещения новорожденных и детей школьного возраста, обряды венчания производились повсеместно, даже среди некоторых партийных и комсомольских работников. На Закарпатской областной конференции ВКП(б) в 1948 году один из активистов прямо заявил: «Мы не боремся с религией, а защищаемся от нее. Эта наша защита привела к тому, что слово попа стало более авторитетным, чем прежде».³²¹ На семинарах сети политпросвещения Кировской области пропагандисты требовали следующих разъяснений: «Из какой необходимости исходило правительство при разрешении вопроса об открытии церквей, а также об учреждении в нашей стране духовных учебных заведений?», «Является ли до некоторой степени ошибкой политика государства в первые годы его существования в вопросе закрытия церквей и монастырей, если в период войны снова было разрешено их открыть?»³²² и др.

Однако недовольство партийного аппарата не являлось определяющим для Сталина в выработке взаимоотношений в русской православной церковью. Концепция державности как основы его послевоенного политического курса отводила РПЦ определенную роль. Вождь делал ставку на международные связи православия, пытался эксплуатировать возможности русской церкви в своих интересах. Именно этим фактором объясняется подчеркнуто благожелательное отношение властей к зарубежным гостям Поместного Собора 1945 года. РПЦ была включена в сталинскую конструкцию противостояния СССР и Запада, воздвигнутую сразу после завершения Великой Отечественной войны. Ее антиподом определялся Ватикан и поддерживающие его прозападные силы. На протяжении всех послевоенных лет критика католического центра в Риме составляла основополагающую сторону функционирования РПЦ. Ватикан изображался исключительно как организация, оказывавшая услуги американской дипломатии и вознаграждавшаяся за это «пакетами акций от крупных американских компаний».³²³ Православная же церковь, вдвое уступавшая католической по численности верующих и во много раз по богатству своих материальных ресурсов, по своей внутренней устроенности и по просветительско-миссионерской деятельности, рассматривалась как незапятнанная себя никакими интригами, сохранившая православие от каких-либо новых догматов.

В русле противостояния двух церквей следовала политика Сталина по укреплению

³²⁰ Журнал московской патриархии. 1948. № 12. С. 16.

³²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 898. Л. 23, 164.

³²² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 748. Л. 103–104.

³²³ Журнал московской патриархии. 1947. № 12. С. 13.

московской патриархии как религиозного центра православного мира. Данная политика основывалась на следующем историческом выводе: «С отступлением Рима от православия и падением Константинополя, с порабощением православного Востока турками, центром и оплотом Православия становится Москва, столица православного русского государства».³²⁴ Попытки утверждения новой роли русской церкви на международной арене начали осуществляться сразу после помпезного проведения Поместного Собора. Внешнеполитические приоритеты деятельности РПЦ были согласованы и утверждены на встрече Сталина с патриархом Алексием, состоявшейся 10 апреля 1945 года. В течение 1945–46 годов Московская патриархия направила свои делегации в 17 стран Европы, Ближнего Востока и представительные делегации 13 государств приняла у себя. Только за 1945 год под юрисдикцию русской церкви из числа архиереев, находящихся за границей и не признававших ранее московскую патриархию, перешли три митрополита, 17 архиепископов и епископов. Государство снабжало РПЦ значительными суммами в валюте для передачи главам зарубежных автокефальных церквей.³²⁵ Все эти действия преследовали одну конкретную цель — созыв в Москве Вселенского собора, не собиравшегося несколько столетий, для решения вопроса о присвоении Московской патриархии титула Вселенской. Его планировалось провести в 1948 году в ходе торжеств, посвященных 500-летию автокефалии русской православной церкви. Однако этим планам не суждено было сбыться. Не многие главы церквей выразили желание участвовать в деле, вдохновляемом советскими властями.³²⁶

Ровные отношения между церковью и государством сохранялись вплоть до смерти Сталина. Власть продолжала использовать (хотя и с меньшей эффективностью) налаженный инструмент в своей внешнеполитической деятельности. Перемены по отношению к РПЦ произошли только во второй половине 50-х годов, когда новое руководство сменило ориентиры прежней политики. Диалог с церковью оказался не нужным, его вновь сменил жесткий курс на гонения и притеснения.

Период 1945–1953 годов характеризовался и формированием вещей, ставших неотъемлемой частью советского образа жизни в последующее время. Речь идет о создании в послевоенные годы массовой системы партийно-политического просвещения, просуществовавшей вплоть до конца 80-х годов. Именно в послевоенный период был заложен каркас массовой пропаганды и агитации среди коммунистов и населения, выстроена четкая работа в этом направлении. Система партийно-политического просвещения являлась своего рода инструментом, с помощью которого трансформировалась и тиражировалась в массы официальная политика властей. Конструирование механизмов этой системы началось буквально сразу после окончания Великой Отечественной войны. На это имелись веские причины, и, в первую очередь, бурный рост численности ВКП(б), прошедший в ходе войны. На 1 января 1946 года партийные ряды насчитывали 4599 тыс. членов и 1427 тыс. кандидатов в члены партии, т. е. всего 6026 тыс. коммунистов, причем 2/3 из них составляли вступившие в партию на фронте.³²⁷ Такого бурного роста коммунистической партии ранее не наблюдалось. Однако здесь имелись и свои отрицательные моменты. У большинства из потока вступивших отсутствовали сколько-нибудь серьезные образовательная подготовка и знания. Достаточно сказать, что из всего количества членов и кандидатов в члены ВКП(б)

³²⁴ Журнал московской патриархии. 1947. № 4. С. 13.

³²⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 98, 110; Д. 80. Л. 128.

³²⁶ Подробнее см.: Шкаровский. М.В. Последняя атака на русскую православную церковь // В кн.: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М. 1997. С. 340–343.

³²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 271. Л. 5–6; Вопросы истории КПСС. 1958. № 2. С. 61.

различные высшие учебные заведения закончили только 450 тыс. человек или всего около 8 %, а 1 млн. 350 тыс. (22 %) имело среднее образование, остальная же, подавляющая часть ограничивалась лишь начальными классами.³²⁸ Такая ситуация вызывала серьезную озабоченность в ЦК ВКП(б). На одном из совещаний в Центральном Комитете начальник управления пропаганды и агитации Г. Александров прямо указывал на политическую неподготовленность и безграмотность 70–80 % коммунистов.³²⁹

На ниву политического просвещения направлялись мощные отряды идеологических работников и пропагандистов. Их характеристика изложена в воспоминаниях Д. Шепилова: «Принципов и убеждений у них не было никаких, поэтому они с готовностью прославляли любого, кого им предписывалось прославлять в данное время, и предавали анафеме также любого, на кого им указывалось. Такой набор и расстановка кадров как нельзя лучше соответствовали сталинской подозрительности ко всем старым ленинским идеологическим кадрам и сталинской линии на широкую замену их послушными людьми, готовыми изобретать и внедрять любые концепции истории партии, гражданской войны, социалистического строительства».³³⁰

В 1946–1953 годах был создан фундамент системы партийного просвещения. Именно по этому архитектурному плану строились и воздвигались новые этажи советского идеологического здания вплоть до конца 80-х годов. В результате всеми формами политического обучения охватывался практически весь списочный состав ВКП(б). На той же Украине в систему было вовлечено 94,6 % республиканской партийной организации, в Молдавии, где идеологической работой заведовал будущий лидер партии К. Черненко — 92,3 % членов компартии.³³¹ То же самое происходило и в ВЛКСМ, где были образованы свыше 237 тысяч политкружков, в которых занимались более четырех миллионов комсомольцев.³³²

Несмотря на астрономические цифры охваченных всеми формами политпросвещения, уровень занятий оставался невысоким, само преподавание велось во многом формально, значительная часть слушателей просто игнорировала учебу, не посещала ее, не выполняла требований преподавателей. «Правда» постоянно предостерегала от методов, «при которых на первый план выдвигались статистические сведения об «охвате» учебой, о посещаемости занятий, кружков и школ, и отодвигались на второй план главные вопросы — теоретический уровень занятий, идейная направленность этих занятий...»³³³ Тем не менее, о слабом и упрощенном освещении различных вопросов теории и истории большевистской партии говорят многочисленные свидетельства. К примеру, в Черновицкой областной газете (Украинская ССР) в помощь пропагандистам была опубликована статья «Краткий курс истории ВКП(б) — научная история большевизма», где утверждалось, что в «Кратком курсе» еще задолго до начала войны с Германией и Японией «начертан смелый план разгрома фашистских агрессоров и теперь этот план с честью выполнен советским народом,

³²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 572. Л. 107.

³²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 493. Л. 5.

³³⁰ Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 3–4.

³³¹ Правда Украины. 1949. 16 июня; Советская Молдавия. 1949. 7 февраля.

³³² XI съезд ВЛКСМ. 29 марта — 7 апреля 1949 г. Стенографический отчет. М. 1949. С. 27.

³³³ Правда. 1953. 8 января.

его Красной Армией». ³³⁴

Отсутствие интереса к изучению общественно-политических дисциплин особенно зримо прослеживалось у молодого поколения. Свое формальное, а порою пренебрежительное отношение к изучению основ научного коммунизма молодежь мотивировала ненужностью данных знаний в их профессиональной и повседневной деятельности. Как отмечалось в ЦК ВЛКСМ, наибольшее количество недостатков в изучении общественных наук существовало в вузах, готовящих кадры работников искусства театра, музыки, кинематографии: «Здесь еще больше гнилых рассуждений о том, что марксизм-ленинизм — «второсортная» наука. Некоторые студенты Московского художественного института пытаются утверждать, что все великие художники прошлого не знали марксизма-ленинизма. Все посредственные художники сейчас его знают, и потому для того, чтобы быть большим художником, не обязательно нужно знать марксистско-ленинскую теорию». ³³⁵ Подавляющее большинство молодежи не увлекалось чтением советских газет и журналов. Так, из опроса 49 студентов Киевского педагогического института выявлялась такая картина: регулярно читали газеты лишь 7 человек, нерегулярно — 13, а совершенно не читали 29. В Свердловском сельскохозяйственном институте из двух тысяч учащихся прессу выписывали только 100 человек, в Свердловском медицинском институте из 2 200 студентов и 300 преподавателей газеты получали 120. Из 36 опрошенных комсомольцев Московского института востоковедения передовиц газеты «Правда» не смотрел никто. В свете этих фактов уже не очень большое удивление вызывает такой эпизод: в Ленинградском государственном университете студентка IV курса биологического факультета, член ВЛКСМ Лукьянова не могла ответить на вопрос — кто является Председателем Совета Министров СССР. ³³⁶ Заметим, что речь здесь идет о студенчестве, которое всегда являлось продвинутой частью общества. В этом смысле нетрудно представить ситуацию в других общественных слоях и возрастных категориях.

Создание в лице системы партийно-политического просвещения разветвленной и мощной пропагандистской машины не решало всех проблем идеологического воздействия на массы, не достигая нужных властям результатов. Несмотря на постоянное действие сильного идеологического пресса, недовольство реальной жизнью накапливалось, что не было секретом для власти. В ЦК ВКП(б) постоянно поступали сигналы с мест о негативных высказываниях и настроениях в отношении советской власти и существующего строя. Например, в г. Струнино (Владимирская обл.) на одном из партсобраний прозвучала следующая мысль: «Мы видим собственными глазами, что в нашей стране построено много заводов и фабрик. Все это верно, но мы старики, что от этого получили? Что нам дала Конституция? 250 граммов хлеба и больше ничего». В Ленинградской области на выборах в Верховный Совет РСФСР на некоторых бюллетенях сделаны надписи: «Долой принудительный труд», «Да здравствует свобода слова и печати», «Долой крепостное право коммунистов». В Молдавской ССР агитаторов спрашивали: «Когда у нас будет много хлеба, жиров, сахара и других продуктов», «Когда народ будут кормить досыта?» и т. д. ³³⁷ Развивать эти темы, отвечая на заданные вопросы, официальной пропаганде было неудобно и трудно. Поэтому полемика большей частью ограничивалась штампами типа: «Жить еще нелегко. Но советские люди знают, что наши трудности носят временный характер, что они

³³⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 125. Л. 196.

³³⁵ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 46. Д. 63. Л. 36–37.

³³⁶ Там же. Л. 5–6; Д. 101. Л. 44–45.

³³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 494. Л. 7; Оп. 122. Д. 253. Л. 11; Правда. 1947. 5 мая. К Главе № 4.

безусловно преодолимы, и что высокие большевистские темпы хозяйственного строительства являются залогом быстрейшего преодоления трудностей».

Глава 4 Конфигурация и функционирование власти

Политика большого террора 1937-38 годов привела к практически полному уничтожению правящей элиты Советского Союза. Репрессиям были подвергнуты партийно-государственные кадры, высший состав военного командования, хозяйственные руководители. Масштабы трагедии, происшедшей в конце 30-х, еще долго будут оставаться предметом изучения со стороны специалистов по истории советского общества. Для нашего же исследования важно другое: оборотной стороной репрессивной политики, проводимой Сталиным, стало выдвижение и появление на вершине партийно-государственной иерархии новой плеяды руководителей. Это молодое поколение в силу своего возраста не имело непосредственно революционных заслуг, не принимало активного участия в военных событиях 1917–1920 годов. Главной его чертой являлась полная и безоговорочная преданность Сталину, которому они были обязаны своим внезапным и стремительным возвышением.

Перед началом Великой Отечественной войны в высших органах власти страны — Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнарком — появляется ряд выдвиженцев Сталина — А. Жданов, Л. Берия, Г. Маленков, Н. Вознесенский. Именно они занимают ведущие позиции в окружении вождя. Жданову и Маленкову поручалось руководство партийным аппаратом и кадрами, при этом их постоянно привлекали к решению различных государственных вопросов. Первым заместителем Сталина в СНК и его заместителем по военным и военно-морским делам стал Вознесенский, потеснивший в правительственной иерархии В. Молотова и А. Микояна. Л. Берия, находясь с 1938 года на посту наркома внутренних дел, курировал как заместитель председателя Совнаркома ряд ключевых ведомств — вновь созданный наркомат государственной безопасности, наркоматы лесной промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота. Все эти лица стали не только членами Центрального Комитета ВКП(б), избранными XVIII съездом партии, но и кандидатами в политбюро ЦК (Жданов являлся членом политбюро с 1939 года). Очевидно, что за этими кадровыми перестановками среди высшего руководства, срежессированными Сталиным, просматривалась конкретная цель — отеснение «старой гвардии» посредством противопоставления ей новых активных выдвиженцев.

В годы Великой Отечественной войны этот сталинский подход получил дальнейшее развитие. «Молодые кадры» заметно укрепились в руководстве страны. Маленков, Вознесенский, Берия вошли в состав чрезвычайного органа власти, действовавшего в военный период — Государственного комитета обороны, где отвечали за жизненно важные направления функционирования экономики в военных условиях. Маленков курировал авиационную промышленность, Вознесенский занимался металлургическим, нефтяным и химическим комплексами, Берия обеспечивал производство вооружения и боеприпасов, а с мая 1944 года сменил Молотова на посту заместителя Председателя ГКО. Главенствующая роль «молодых кадров» в годы войны прослеживается и по журналам посетителей кабинета Сталина за 1941-45 гг. Весь этот период Маленков, Берия вместе с Молотовым неизменно входили в тройку руководителей, наиболее часто посещавших вождя.³³⁸ В этом смысле важно подчеркнуть, что одним из заметных итогов внутреннего соперничества на вершине власти в те годы стало формирование связки Берия-Маленков. Их союз представлял мощнейшую аппаратную силу, контролирующую многие рычаги государственно-партийного управления в стране и серьезно противостоящую «старой группировке».

³³⁸ См.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 29–30, 113–114, 127.

Изменения, произошедшие на вершине власти в годы войны, вызвали у Сталина потребность «прощупать» ближайших соратников на предмет их возможных политических планов. Как вспоминал позднее Молотов, «после войны Сталин собрался уходить на пенсию и за столом сказал: «Пусть Вячеслав (Молотов) теперь поработает. Он помоложе». Разговор такой у него был на даче, в узком кругу. Он сказал без всякого тоста».³³⁹ Характерно, что именно после таких разговоров, по мнению Молотова, более отчетливо проявлялось недоверие Сталина к нему и возрастало доверие к другим членам партийного руководства,³⁴⁰ игравшим на подозрительности вождя.

Осенью 1945 года произошли события, до недавнего времени неизвестные даже узкому кругу специалистов-историков. Почти сразу после окончания второй мировой войны у Сталина случился инсульт, спутавший планы и расчеты многих его ближайших соратников. Решением Политбюро он был в октябре отправлен в отпуск, где пробыл более двух месяцев. Сохранилась переписка Сталина с членами оставшегося в Москве высшего руководства, проливающая свет на причины многих последующих событий.

Формальным руководителем в отсутствие Сталина остался Молотов. Но никаких принципиальных решений он не мог принять не только без согласования со Сталиным, но и без поддержки Маленкова, Берии и Микояна. Ответственность же за все принимавшиеся этой «четверкой» решения нес именно Молотов. Есть основания полагать, что именно этим и попытались воспользоваться Маленков и Берия с целью дискредитации Молотова в глазах Сталина во время его отсутствия в столице.

Камнем преткновения стали робкие изменения в информационной политике, проведенные с разрешения Молотова. В начале ноября 1945 года центральная советская печать поместила выдержки из речи У. Черчилля, где он весьма лестно отзывался о вкладе СССР в разгром общего врага и давал высокую оценку Сталину на посту Верховного Главнокомандующего в годы войны. Казалось, это не могло не понравиться вождю. Однако вышло иначе. 10 ноября Сталин направляет «четверке» телеграмму, в которой подвергает критике ее действия. «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалениями России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР... Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу... Советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня».³⁴¹

Судя по тональности телеграммы, она еще не предвещала грозы. Правда, за неназванными «ответственными работниками» отчетливо просматривалась фигура наркоминдела Молотова. Сталин лишь предупреждал о том, что даже в таких мелочах следует советоваться лично с ним. Это понял Молотов, направивший Сталину следующий ответ: «Опубликование сокращенной речи Черчилля было разрешено мною. Считаю это ошибкой... Во всяком случае, ее нельзя было публиковать без твоего согласия».³⁴²

³³⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. М... 1991. С. 271

³⁴⁰ Коллекция документов АПРФ.

³⁴¹ Там же

³⁴² Там же

Однако ситуация не разрядилась, а, наоборот, продолжала осложняться. К этому времени Молотов совершил еще одну ошибку (возможно по «подсказке» товарищей по «четверке»). На приеме в НКВДе по случаю годовщины Октябрьской революции он внезапно дал согласие западным корреспондентам на снятие цензурных ограничений на отправляемые ими из Москвы корреспонденции (раньше это было невозможно сделать без визы отдела печати НКВД). Правда, он сказал им при этом об ожидаемой «взаимности» в этом вопросе со стороны западных стран. Удивление вызывает другое. Еще 1 ноября Молотов в присущей ему жесткой форме отреагировал на коллективный протест, подписанный западными корреспондентами в Москве. Изменение позиции можно было объяснить либо согласием Сталина, либо мнением «четверки». Однако, судя по последующей реакции Сталина, с ним никто не советовался по этому довольно важному вопросу. Остается предположить, что Молотов изменил свою позицию в связи с мнением коллег по «четверке».

Последствия снятия цензуры не заставили себя долго ждать. Английские и американские корреспонденты 8 и 9 ноября выдали на Запад свое видение ситуации в Москве. Агентство «Рейтер» на основе этой информации уже через несколько дней передало следующее сообщение: «Цензура в Советском Союзе ослаблена теперь до такой степени, что она является только формальностью, поскольку корреспонденты освещают события правильно и объективно. Политические обозреватели в Лондоне и Москве склонны связывать это событие с проявившимися в последнее время симптомами готовности Советского Союза поднять «железный занавес», разделяющий Восток и Запад...».³⁴³ В качестве примера такой «открытости» называлось, в частности, увеличение числа советских делегаций на международных конференциях, большая свобода в деятельности политических партий и печати стран Восточной Европы, прозвучавший в эти же дни призыв М. И. Калинина к советской молодежи изучать иностранные государства и т. п.

Данную тему продолжила газета «Дейли геральд», которая 1 декабря 1945 г. сообщала о возможном оставлении Сталиным поста главы советского правительства (напоминая читателям, что председателем СНК он стал перед войной, которая теперь закончилась) и возможности назначения на этот пост Молотова. «На сегодняшний день политическое руководство Советским Союзом находится в руках Молотова» — подчеркивалось в корреспонденции.³⁴⁴

В тот же день в «Нью-Йорк Таймс» отмечалось, что «Политбюро отправило Сталина в отпуск через 5 дней после возвращения Молотова из Лондона» и подчеркивала самостоятельный характер принимаемых без Сталина решений высшего руководства СССР.³⁴⁵

Еще раньше американская «Чикаго трибюн» отмечала, что «в Москве происходит ожесточенная закулисная борьба за власть между маршалом Жуковым и министром иностранных дел Молотовым, которые пытаются занять диктаторское место Сталина».³⁴⁶ Само же состояние здоровья вождя оценивалось с каждым днем во все более мрачных красках. Швейцарская «Базлер нахрихтен» со ссылкой на турецкие дипломатические источники сообщила даже о его смерти. Сам Сталин прочел сводку об этом в тот же день. Интересен заголовок тассовцев на этом сообщении: «Инсинуация турецких мерзавцев в

³⁴³ Цит. по: Коллекция документов АПРФ

³⁴⁴ Там же

³⁴⁵ Там же

³⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 97. Л. 35

швейцарской газете». ³⁴⁷

Не давая никаких комментариев по поводу всей этой волны домыслов, Сталин делал лишь небольшие пометки в тассовской информации, выделяя наиболее интересные, с его точки зрения, моменты. К примеру, он отметил посланную ему информацию о том, что «в Вашингтоне ожидают официального опровержения сообщения, согласно которому состояние здоровья генералиссимуса Сталина вызывает опасения». ³⁴⁸ Такая информация, без сомнения, была бы выгодна и самому Сталину. Однако это не соответствовало советской традиции освещения состояния здоровья и личной жизни руководителей и потому подобное сообщение так и не появилось.

Сейчас трудно судить о том, из какого источника западным корреспондентам стало известно об информации, закрытой даже для большинства советских руководителей. Однако более правдоподобной кажется спланированная «утечка» по линии ведомства Берия. Не случайно и прямое упоминание Молотова как возможного преемника Сталина на посту главы правительства. Расчет был явно на то, чтобы опрокинуть сталинского заместителя и освободить место официального преемника для другого. По линии Берия же Сталину был направлен и обзор зарубежной печати. Не менее важным здесь является и упоминание Г. К. Жукова, авторитет которого, без сомнения, мешал Берия в начавшейся борьбе за власть. Хрущев в своих воспоминаниях позже отмечал, что инициатива начавшихся гонений (и даже предполагавшегося ареста) Жукова принадлежала именно Берия.

Американская печать вначале сообщила о готовящемся до конца года визите Жукова в Вашингтон, а затем — об отсрочке его на неопределенный срок по распоряжению Сталина. ³⁴⁹ Затем появились фамилии Жданова и Булганина, как возможных преемников. Однако фамилии ни Берия, ни Маленкова не упоминались в этой связи ни разу, хотя именно им принадлежали многие рычаги реальной власти в Кремле.

Реакция вождя не заставила долго ждать. 5 декабря 1945 г. он направляет «четверке» гневную телеграмму, в которой пишет: «Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию «Дейли геральд» из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина...». ³⁵⁰ В связи с новой публикацией, теперь в «Нью-Йорк Таймс», он потребовал наказать виновных — Молотова или отдел печати НКВД.

В ответ «четверка» ограничилась сообщением о том, что начальник отдела печати НКВД Горохов снят с работы. О других последствиях вождю не сообщалось. Удовлетворить его это никак не могло. Свою новую телеграмму (от 6 декабря) он адресует уже «тройке» (Маленкову, Микояну, Берии): «Вашу шифровку получил. Считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, то есть Молотова, с другой стороны... Присылая мне шифровку, Вы рассчитывали должно быть замазать вопрос, дать по щекам стрелочнику Горохову и на этом кончить дело. Но Вы ошиблись так же, как в истории всегда ошибались люди, старавшиеся замазать вопрос и добивавшиеся обычно обратных результатов. До Вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит

³⁴⁷ Там же. Л. 70-71

³⁴⁸ Там же. Л. 118

³⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 97. Л. 117, 127

³⁵⁰ Коллекция документов АПРФ

интересами государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем. Эту шифровку я посылаю только Вам троим. Я ее не послал Молотову, так как я не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я Вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, но копии ему не передавать». ³⁵¹

Замысел противников Молотова, казалось, удался. «Тройка» пригласила к себе Молотова, не знавшего о содержании нового послания вождя и зачитала ему письмо. «Преемник» растерялся и испугался. Более того, с него слагались полномочия заместителя Сталина и он лишался его политического доверия, что в прежние годы было предвестием ареста и гибели. В срочной телеграмме на Юг, отправленной 7 декабря, Молотов обращается к Сталину на «ты» и кается: «Сознаю, что мною допущены серьезные политические ошибки... Твоя шифровка проникнута глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже моей жизни». ³⁵²

Одновременно свою позицию высказали и члены «тройки»: «Вашу информацию получили. Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью. Молотов, после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился. Мы со своей стороны сказали Молотову об его ошибках... Может быть, нами не все... доделано, но не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны». ³⁵³

О данном эпизоде Сталин счел нужным упомянуть через некоторое время (апрель 1947 г.) в беседе с деятелем республиканской партии США Г. Стассеном: «В СССР трудно обойтись без цензуры. Всякий раз, когда советское правительство отменяло цензуру, ему приходилось в этом раскаиваться и снова ее вводить... Осенью позапрошлого года цензура в СССР была отменена. Он, И. В. Сталин, был в отпуске, и корреспонденты начали писать о том, что Молотов заставил Сталина уйти в отпуск, а потом они стали писать, что он, И. В. Сталин, вернется и выгонит Молотова. Таким образом, эти корреспонденты изображали Советское правительство в виде, своего рода, зверинца. Конечно, советские люди были возмущены и снова должны были ввести цензуру». ³⁵⁴

Следствием этого случая, так взволновавшего Сталина, стало принятие специального постановления политбюро ЦК ВКП(б) «О цензорском контроле над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами». Им предусматривалось изъятие из ведения отдела печати наркомата иностранных дел контроля за иностранными корпунктами и возложение его на уполномоченного Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн, в помощь которому откомандировывались три сотрудника НКГБ, свободно владеющих иностранными языками. В инструкции о цензорском контроле, прилагаемой к постановлению политбюро, особо подчеркивалась обязательность изъятия тех мест в сообщениях, где содержались сведения военного или экономического характера, составляющие государственную тайну, а также выпады против Советского Союза,

³⁵¹ Там же

³⁵² Там же

³⁵³ Там же

³⁵⁴ Правда. 1947. 8 мая.

измышления в адрес руководителей страны, извращающие советскую политику и жизнь СССР. Причем цензоры были не обязаны оповещать корреспондентов об изъятии тех или иных мест в их сообщениях. Лишь в случае наложения «вето» на передачу всего текста, журналисты получали соответствующее уведомление.³⁵⁵

Данный эпизод оказал сильное влияние на Сталина и выводы из создавшейся ситуации он сделал с дальним прицелом. Они касались не только Молотова (который, действительно, был подавлен), на что рассчитывали Маленков и Берия. И без того мнительный Сталин лишил своего доверия, наряду с ним, и всю «четверку», которой с этого времени перестал доверять.

Как все это отразилось на обстановке в Политбюро?

Через неделю после этой переписки Сталин возвратился в Москву, а 29 декабря созвал заседание Политбюро. После краткого сообщения Маленкова о кандидатах в депутаты Верховного Совета СССР был рассмотрен целый ряд организационных и кадровых вопросов. На нем, стремясь ослабить роль Молотова во внешнеполитических делах, Сталин предлагает «создать при Политбюро группу руководящих работников примерно 60 человек из состава руководящих работников областей и центральных учреждений для подготовки их в качестве крупных политработников в области внешних сношений».³⁵⁶ По существу, эти новые выдвиженцы смогли бы уже через некоторое время занять те места, на которых находились кадры, подобранные Молотовым. Однако не эта часть решения по внешней политике была главной. Основным, как показывает протокол, был пункт о расширении «пятерки» — теперь в ее состав вводился также А. А. Жданов, в срочном порядке отозванный из Союзного Контрольного Совета по Финляндии, который он возглавлял в Хельсинки с сентября 1944 года.

Не менее значимыми были и другие решения. Члены Политбюро поддержали предложение Сталина «удовлетворить просьбу тов. Берии об освобождении его от обязанностей Наркома внутренних дел СССР ввиду перегруженности его другой центральной работой» (последняя часть фразы дописана Сталиным в машинописный текст постановления Политбюро³⁵⁷) и назначении на этот пост С. Н. Круглова.³⁵⁸ В апреле 1946 года был изменен состав коллегии возглавлявшегося им прежде МВД. Заместителями министра были назначены В. С. Рясной (первый зам., работавший до этого министром МВД Украины), В. В. Чернышов, А. Н. Аполлонов, И. А. Серов, А. П. Завенягин, Б. П. Обручников и С. С. Мамулов. Из всего этого состава близким Берии человеком был лишь Мамулов — бывший начальник его Секретариата. В мае 1946 г. Берия был назначен председателем комиссии по передаче дел от смещенного Меркулова — новому министру МГБ Абакумову. Итогом этой работы стало принятое опросом членов ЦК 23 августа 1946 г. решение Пленума «О т. Меркулове». В нем отмечалось, что «из акта приемки и сдачи дел Министерства Госбезопасности устанавливается, что чекистская работа в Министерстве велась неудовлетворительно, что бывший министр Госбезопасности т. Меркулов скрывал от Цека факты о крупнейших недочетах в работе Министерства и о том, что в ряде иностранных государств разведывательная работа Министерства оказалась проваленной». В связи с этим Меркулов был переведен из членов в кандидаты в члены ЦК. Эти недостатки были отмечены не Берией, а входившими в состав возглавляемой им комиссии А. А. Кузнецовым и самим Абакумовым. Ответственность за эти недостатки (как и в аналогичном

³⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1056. Л. 53–54.

³⁵⁶ Там же

³⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1471. Л. 5

³⁵⁸ РГАСПИ, ф. 17. Оп. 3. Д. 1054. Л. 3

случае с комиссией Маленкова по Шахурину) мог в любое время понести Берия, курировавший в Политбюро эти вопросы.

Вслед за Берией происходит нагнетание обстановки вокруг Маленкова. Его отставка с должности секретаря ЦК готовилась тщательно. Для этой цели было использовано т. н. «дело авиаторов», касающееся выпуска предприятиями наркомата авиационной промышленности СССР самолетов со значительными дефектами. Архивные документы позволяют проследить ход развития события. Буквально с первых дней 1946 года начинается давление на наркома авиапромышленности А. Шахурина, тесно связанного с Маленковым, отвечавшим в ГКО за производство этого вида вооружений. В январе на секретариате ЦК был поднят вопрос о личной нескромности наркома, имевшего в своем личном пользовании 8 легковых автомашин. Шахурин обвинялся в серьезном злоупотреблении служебным положением в личных целях. Ему был объявлен выговор с занесением в учетную партийную карточку, а машины передавались в резервный фонд Совнаркома.³⁵⁹ Через 10 дней атаку на наркомат авиапрома продолжило уже политбюро ЦК. Причем обвинения трансформировались из бытовой в профессиональную сферу. От своих должностей были освобождены пятеро заместителей Шахурина, отвечающих за различные производственные циклы. Для дальнейшего изучения этих вопросов создавалась специальная комиссия.³⁶⁰ Спустя полтора месяца, 4 марта 1946 года, политбюро вновь вернулось к данной теме. Теперь серьезные претензии были предъявлены к ответственным работникам более высокого ранга. Своих постов лишились руководители отдела ЦК ВКП(б), курировавшие авиацию, Будников и Григорьян, которые, по мнению политбюро, «несли ответственность за неустройства в наркомате авиации».³⁶¹

Нетрудно убедиться, что логика заданного сценария неизбежно вела к Маленкову. Однако внешне это еще никак не проявлялось. Высокий статус Маленкова был подтвержден мартовским (1946 г.) пленумом ЦК ВКП(б), где он в качестве секретаря Центрального Комитета вошел во все руководящие органы, сформированные пленумом: политбюро, оргбюро, секретариат. Именно ему, как главному куратору авиапромышленности, получившему за это звание Героя социалистического труда, поручалось разобраться с создавшейся ситуацией. 25 апреля 1946 года Маленков выступил на собрании актива работников авиапрома, где признал доказанными факты сдачи дефектной техники. Он охарактеризовал свое присутствие здесь как предупреждение всем собравшимся, предложив «вытравливать каленым железом практику надувательства». В заключении Маленков подчеркнул: «Знайте, что не все вопросы решаются на совещаниях. Не всегда мы будем собираться так, как сейчас, и таким образом решать вопросы... Правительство предупреждает, что дальше терпеть такое положение нельзя».³⁶² В каком-то смысле эти слова оказались для Маленкова пророческими. Вскоре после совещания опросом членов ЦК ВКП(б) от 4–6 мая 1946 г. он был лишен поста секретаря ЦК и выведен из состава секретариата Центрального Комитета партии. Мотивировка его отставки сводилась к следующему: «установлено, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них

³⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 244. Л. 6; Оп. 117. Д. 575. Л. 27–28.

³⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1055. Л. 71.

³⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1056. Л. 24.

³⁶² РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–3, 9.

в ЦК ВКП(б)». ³⁶³

11 мая 1946 г. Шахурин был осужден решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР, а 18 мая лишен воинского звания и всех правительственных наград (включая звание Героя Социалистического Труда). ³⁶⁴ Вслед за этим Маленков был направлен в ссылку в Среднюю Азию. Правда, журнал посетителей кабинета Сталина не дает возможности увидеть, когда именно это произошло и выезжал ли в действительности Маленков за пределы Москвы, так как в числе других членов руководства он продолжал регулярно посещать Сталина и участвовать в выработке внешней и внутренней политики. Однако протоколы заседаний Секретариата и Оргбюро ЦК позволяют сделать вывод о том, что после 18 мая 1946 г. Маленков не участвует в работе этих органов и появляется на заседании Оргбюро лишь 17 июля 1946 года. Протоколы подписывает Жданов, сменивший его на посту фактического руководителя Секретариата и Оргбюро.

Однако отстранение Берии и Маленкова от высоких постов, которые они занимали еще с довоенных времен, нельзя однозначно квалифицировать как опалу. Ведь Берия продолжал возглавлять Спецкомитет № 1 (атомная проблема), а Маленков 13 мая 1946 года постановлением СМ СССР назначался председателем Спецкомитета № 2 (производство реактивного вооружения и техники). ³⁶⁵ Эти структуры обладали чрезвычайными полномочиями по мобилизации любых материальных и людских ресурсов страны и являлись своего рода «суперминистерствами» — главными «детищами» Сталина в обеспечении его масштабных планов. Поэтому перемещение ближайших сталинских соратников именно на эти важнейшие для вождя участки работы, на наш взгляд, никак не может свидетельствовать о его желании избавиться от них. Скорее тут следует говорить об ограничении сферы влияния Берии — Маленкова. Понимая какую огромную власть получают председатели этих комитетов, Сталин не считал возможным по-прежнему оставлять их на ключевых постах министра НКВД и секретаря ЦК ВКП(б). Сохранение такого положения фактически означало бы безраздельное господство в его «хозяйстве» одной группировки, что было не в правилах и традициях вождя.

Ущемление позиций Берии и Маленкова воспринималось ими болезненно, с тревогой. В июне 1953 года после своего ареста Берия в письме, адресованном Маленкову, вспоминал именно эти запомнившиеся ему послевоенные события: «Почти одновременно освободили тебя из ЦК, а меня из МВД и стали работать в Совнарком... Своей работой, своей преданностью своему ЦК и своему Правительству мы убедили тов. Сталина, что он был не прав в отношении нас». ³⁶⁶ Их тревогу вызывало не только собственное пошатнувшееся положение, но и шаги Сталина по формированию нового центра власти, предпринятые в начале 1946 года. Речь идет о группе руководителей — выходцев из крупного региона страны г. Ленинграда. Их возвышение было частью сталинского плана по созданию действенного противовеса Берии-Маленкову. Действенного в том смысле, что Сталин уже не рассматривал в качестве такого «старую гвардию», все менее ориентировался на нее в проведении реальной политики.

³⁶³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 190. Протокол № 263 решений секретариата ЦК от 16.05–27.05.1946 г. впервые подписан Ждановым // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 263.

³⁶⁴ РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 10

³⁶⁵ В начале августа 1946 г. Маленков утверждается заместителем Председателя СМ СССР и вводится в состав Бюро Совмина ответственным за работу тех ведомств, которые тесно соприкасались с деятельностью возглавляемого им Комитета № 2- министерства электропромышленности, министерства промышленности средств связи и др. (проект постановления написан рукой Сталина) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 98.

³⁶⁶ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1999. С. 75.

В марте 1946 года был созван первый после окончания войны Пленум ЦК, где обсуждался целый ряд важных кадровых и организационных вопросов. Прежде всего, было принято решение о переименовании наркоматов в министерства. Интересно, что в проекте повестки дня состоявшейся вслед за Пленумом сессии Верховного Совета СССР, был обозначен как особый пункт повестки дня вопрос «О Премьер-Министре СССР». Однако в последний момент глава правительства стал именоваться Председателем Совета Министров. Был расширен состав Оргбюро. В него теперь входили кроме Маленкова, А. А. Кузнецов, Булганин, Михайлов, Мехлис, Патоличев, Андрианов, Александров, Шаталин, Родионов, Суслов. Вскоре заседания стал вести Жданов. Все эти меры лишали Маленкова прежнего положения руководителя Секретариата ЦК.

13 апреля 1946 г. Политбюро утвердило распределение обязанностей между новым составом секретарей ЦК. Маленков отвечал теперь за вопросы руководства работой ЦК компартий союзных республик. Правда, пока еще он председательствовал на Оргбюро. На Жданова возлагалось руководство Управлением пропаганды ЦК и работой партийных и советских организаций в области пропаганды и агитации, а также руководство отделом внешней политики ЦК (что было явным контролем за Молотовым). Кузнецов становился руководителем Управления кадров, а также председательствующим на заседаниях Секретариата ЦК. Он отвечал также за работу обкомов партии областей, входящих в состав РСФСР.³⁶⁷ Лишь обязанности Попова ограничивались участием в работе Секретариата и Оргбюро ЦК.

Сфера деятельности Жданова заметно расширялась. Он стал практически незаменимым помощником для Сталина. В отличие от других членов «шестерки», он занимался не каким-то узким участком работы, а в течение 1946 г. стал практически первым заместителем Сталина в высшем руководстве. Сталин подчеркивал растущую с каждым днем роль Жданова. 25 февраля 1946 г. новый фаворит был награжден орденом Ленина.³⁶⁸ Наряду со Сталиным он стал подписывать совместные постановления ЦК и Совета Министров. Круг его обязанностей охватывал внешнеполитические вопросы, идеологию, организационно-партийную работу, кадры и т. п. С ним согласовывались практически все решения, принимавшиеся Политбюро, Секретариатом и Оргбюро ЦК. В таком объеме полномочия имел лишь сам Сталин. Жданов возглавил все мыслимые и немыслимые комиссии и комитеты, в которых были серьезно потеснены позиции сторонников Маленкова. Как отмечал позже Молотов, «Сталин Жданова больше всех ценил».³⁶⁹

С подачи Жданова Сталин согласился на изменение функций уставных партийных органов — Секретариата и Оргбюро. Этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро 5 мая 1946 г. В решении по нему отмечалось, что «Оргбюро является директивным органом ЦК ВКП (б) по партийной и партийно-организационной работе».³⁷⁰ Его главной задачей была объявлена проверка работы местных партийных организаций, а также выработка «руководящих указаний по вопросам партийно-организационной и партийно-воспитательной работы».³⁷¹ Секретариат ЦК (на тот момент возглавлявшийся Маленковым) стал играть

³⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1057. Л. 2

³⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1054. Л. 24

³⁶⁹ Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 322

³⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 95 (характерно, что именно эта фраза была выделена в экземпляре проекта постановления, направленном Вознесенскому)

³⁷¹ Там же

подчиненную роль по отношению не только к Политбюро, но и к Оргбюро, где ведущие позиции Жданова уже были закреплены. В решении Политбюро отмечалось, что Секретариат является «постоянно действующим рабочим органом ЦК», а его главной задачей была названа всего лишь «подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению Оргбюро и Оргбюро ЦК». ³⁷² Более того, было изменено решение Политбюро от 13 апреля 1946 г. о регулярных еженедельных заседаниях Секретариата. В новом решении говорилось, что «в соответствии с изложенным характером работы Секретариат не имеет регулярных заседаний и собирается по мере необходимости» (какой именно и кто ее определяет, в документе не указывалось). ³⁷³ Более того, отмечалось, что теперь Секретариат ЦК «не имеет своего плана работы, а руководствуется планом работы Оргбюро и решениями Политбюро». ³⁷⁴ Это означало лишение Маленкова всех реальных рычагов управления партийным аппаратом.

Явно «антималенковским» шагом можно считать и снятие с высоких военных постов и исключение из членов ЦК Г. К. Жукова, которого в годы войны чаще других поддерживал Маленков. На это указывал позже Молотов. ³⁷⁵

На первом же заседании Оргбюро, состоявшемся 18 мая под председательством Жданова были решены два серьезных политических вопроса: сменено руководство «Правдой» (ее новым главным редактором стал по предложению Жданова П. Н. Поспелов) и принято решение о создании комиссии во главе с А. А. Кузнецовым и Ждановым с целью «разработать вопрос о теоретической подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». ³⁷⁶ За внешне безликой формулировкой стояло совсем небезобидное для прежней «четверки» обновление кадров на всех уровнях. Протоколы заседаний Оргбюро и Политбюро в течение всего 1946 г. показывают, что началась массированная кампания замены кадров дипломатических работников, местных партийных руководителей, членов коллегий и управлений силовых структур, послов и т. п.

В октябре 1946 г. Сталин, находясь в очередном отпуске на юге, направил телеграмму членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б). В ней отмечалось: «Опыт показал, что образованная Политбюро ЦК ВКП(б) шестерка для разрешения проблем внешнеполитического характера не может ограничиться вопросами внешней политики, а вынуждена в силу вещей заниматься также вопросами внутренней политики. Это особенно подтверждается практикой последних месяцев, когда шестерке пришлось заняться вопросами о ценах, о хлебных ресурсах, о продовольственном снабжении населения, о пайках». ³⁷⁷ Здесь же Сталин подверг серьезной критике и последнего из членов прежней

³⁷² Там же

³⁷³ Там же

³⁷⁴ Там же

³⁷⁵ Сто сорок бесед с Молотовым, С. 330.

Смещение Жукова было предопределенно уже тогда, когда западная пресса в конце 1945 года назвала его наряду с Молотовым возможным преемником вождя. Вопрос о низком моральном поведении популярнейшего советского полководца заслушивался на политбюро (апрель 1947 г.), где ему поставили в вину приказ о награждении артистки Руслановой орденом Отечественной войны 1-й степени. Он был переведен в командующие Одесским военным округом. В январе 1948 года политбюро заслушало вновь вопрос о недостойном поведении и личной нескромности Жукова и рекомендовало назначить его командующим меньшим военным округом // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.3. Д. 1065. Л. 44–45; Д. 1068. Л. 28–29.

³⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 261. Л. 3, 10

³⁷⁷ Коллекция документов АПРФ

«пятерки» — Микояна: «Как выяснилось, тов. Микоян, ведущий наблюдение за министерствами, занятыми этими вопросами, оказался совершенно неподготовленным не только к решению этих вопросов, но даже и к их пониманию и постановке на обсуждение».³⁷⁸ Сталин предлагал: «1. Поручить шестерке заниматься впредь наряду с вопросами внешнеполитического характера — также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики; 2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой».³⁷⁹ «Ленинградская группа», таким образом, еще более усилилась. Теперь Вознесенский председательствовал на заседаниях Совета Министров СССР.³⁸⁰ А Кузнецов стал новым куратором органов государственной безопасности и начал чистку «бериевцев» в этих структурах.³⁸¹

В феврале-марте 1947 г. по инициативе Сталина были оформлены решения ЦК: о пополнении состава Политбюро Н. А. Вознесенским; об освобождении Сталина от обязанностей министра вооруженных сил и назначении на эту должность Н. А. Булганина; о создании Уставной комиссии ВКП (б) под председательством А. А. Жданова. Это означало серьезное расширение «руководящей группы» членов Политбюро за счет новых лиц. Важно отметить, что прежние «фавориты» (даже и не входившие в состав Политбюро) оказались устранены с прежних позиций. К примеру, легендарный герой гражданской войны Маршал Советского Союза С. М. Буденный был назначен заместителем министра сельского хозяйства по коневодству.³⁸² Более того, перераспределялся и круг вопросов, за которые прежде отвечали члены сталинской «пятерки». За вопросы вооруженных сил и безопасности теперь наряду с Берией отвечал и Булганин. Вознесенский, наряду с Микояном, курировал экономические вопросы. Наконец, статус «заместителя по партии» теперь и формально был закреплен за Ждановым.

В феврале 1947 г. это предложение Сталина было дополнено решением Пленума ЦК об избрании Вознесенского членом Политбюро. Правда, будучи мастером создания системы сдержек и противовесов, Сталин еще раньше перевел из кандидатов в члены Политбюро Маленкова и Берию.

С этого времени начала набирать силу «ленинградская группа» в составе Политбюро — Жданов (ставший, по сути, вторым секретарем ЦК), Вознесенский, А. А. Кузнецов (ставший в 1946 г. секретарем ЦК и получивший в ЦК после временного падения Маленкова контроль над кадрами и органами безопасности), А. Н. Косыгин (заместитель председателя Совета Министров СССР, избранный в 1946 г. кандидатом в члены Политбюро). Эта группа быстро набирала политический вес и вскоре заняла ключевые позиции в партийном и государственном руководстве.

Новая расстановка сил, сложившаяся в руководстве страны после войны, описана и в воспоминаниях Хрущева: «Тогда считалось, что вот тройка молодых — Вознесенский, Кузнецов и Косыгин. Они идут нам на смену. Сталин стал их продвигать. Кузнецов должен был заменить Маленкова. Вознесенского он сделал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, то есть своим первым заместителем, и поручил ему

378 Там же

379 Там же

380 Сто сорок бесед с Молотовым, С. 271

381 Там же, С. 330

382 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 5

председательствовать на заседаниях Совмина. Косыгин занимался проблемами легкой промышленности и финансов». ³⁸³

Заняв прочные позиции и получив в свое распоряжение многие рычаги партийно-государственного управления, лидеры группы могли оказывать определенное влияние на Сталина, а следовательно и на выработку конкретного политического курса. В 1946–1949 годах ленинградской командой предлагались решения крупных вопросов социально-экономического, идеологического характера, затрагивавшие функционирование всего общественного организма и определявшие пути модернизации страны. Одной из главных тем, реализуемых лидерами группы, стал вопрос о соотношениях промышленного производства: группы «А» (средств производства для тяжелой индустрии) и группы «Б» (средства производства для легкой промышленности). От формирования этих пропорций напрямую зависело экономическое состояние общества, его хозяйственные характеристики. Как известно, именно группа «А» составляла основу советской экономики, что имело незыблемый характер.

Попытки обсуждения вопроса об изменении пропорций хозяйственного строительства наблюдались в 30-е годы, но война по объективным причинам отодвинула подобные дискуссии на задний план. Поэтому наиболее развернуто идеи смещения акцентов промышленного развития страны были озвучены в первые послевоенные годы. В их формировании главную роль играл заместитель Председателя Правительства СССР, Председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский. После войны курс на развитие производства товаров народного потребления, на повышение материального благосостояния людей имел особую актуальность. Советские люди, устав от постоянного перенапряжения и тягот военного времени, заслужили право на лучшую жизнь. Многие из них стали участниками европейского освободительного похода против фашистской Германии. Впервые огромное количество советских граждан побывало в Европе, своими глазами они увидели жизнь зарубежных стран и получили возможность самостоятельно без пропагандистской помощи сравнить жизненные реалии двух систем. К тому же задачи восстановления гигантских разрушений, нанесенных войной народному хозяйству, предполагали и допускали использование иных рычагов воздействия на экономику, несколько выходящих за рамки сугубо административно-хозяйственных методов. Вне всякого сомнения, такой крупный ученый-экономист, каким был Н. Вознесенский, не мог игнорировать практику новой экономической политики 20-х годов, которая помогла преодолеть хозяйственную разруху после гражданской войны. Стремление применить некоторый опыт нэпа в схожих восстановительных условиях представлялось не лишним смыслом. В комплексе все это проясняет возникновение на самом высоком уровне вопроса об изменениях пропорций промышленного развития.

Естественно, в общественной обстановке тех лет любой политический поворот требовал освящения со стороны великого «вождя и учителя». Такое благословение касательно названной темы прозвучало в сталинском предвыборном выступлении 9 февраля 1946 года. Советский лидер признал очень важным повышение материального уровня жизни народа и указал путь достижения этой цели через широкое развертывание производства товаров народного потребления, развитие всех отраслей, имеющих к этому отношение. Данная установка оформлялась несколькими постановлениями Правительства СССР за 1946–48 гг.: «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» (9. 11. 1946 г.), «О мероприятиях по ускорению подъема государственной легкой промышленности, производящей предметы широкого потребления» (23. 12. 1946 г.), «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих поселках» (21. 07. 1948 г.), «О

³⁸³ Хрущев Н.С. Воспоминания. М. 1997. С. 217.

мероприятиях по улучшению торговли» (20. 11. 1948 г.).³⁸⁴ Смысл этих документов сводился к следующим положениям: государство требовало значительного увеличения товарооборота, расширения объемов торговли между городом и деревней, пересмотра роли потребительской кооперации, которая не располагала устойчивыми связями с потребителем, ограничивала свои функции распределением товаров, получаемых от государства. Разрешалась торговля в городах и рабочих поселках продовольствием и товарами широкого потребления, ставилась задача повсеместного расширения сети магазинов и лавок.

В концептуальном плане эти идеи нес журнал «Плановое хозяйство» (орган Госплана СССР). На его страницах прослеживается стремление пропагандировать в хозяйственной практике категории экономической целесообразности. К примеру, в одной из статей подчеркивалось: «переход к мирной экономике... требует перестройки планирования и укрепления экономических рычагов организации производства и распределения — денег, цены, кредита, прибыли, премии».³⁸⁵ В другой обосновывалась необходимость конкурентных отношений в торговой системе. В связи с чем приветствовалось устранение монопольного положения государственной торговли, развитие здоровой конкуренции между ней и кооперацией.³⁸⁶ Обращает на себя внимание частое использование в понятийном аппарате статьи термина «конкуренция», что не совсем традиционно для советских идеологических стандартов тех лет. Такие же мотивы преобладали и в главном пропагандистском рупоре — газете «Правда». В передовой центрального партийного органа от 6 января 1947 года говорилось: «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом..., а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Чем шире будет развернут товарооборот, тем быстрее поднимется благосостояние советских людей, тем лучше будут удовлетворены их насущные нужды». Заметим, что эти мысли излагались в 1947 году в период наибольшего расцвета культа личности Сталина. Еще более примечательно и само название редакционной статьи: «Советская торговля — наше родное большевистское дело».

Страницы центральной, республиканской печати заполнились публикациями о ходе развертывания торговли в разных регионах страны. К примеру, «Правда Украины» рапортовала, что с середины 1946 и 1947 годы в республике открыто около 7 тыс. новых магазинов, ларьков, число пайщиков возросло на 1,5 млн. человек. Планировалось открытие еще 15 тыс. торговых точек.³⁸⁷ Масштабы кооперативной торговли в СССР заметно возросли: ее розничный оборот в марте 1947 г. увеличился по сравнению с декабрем 1946 г. почти в три раза, а до конца 1947 г. поднялся еще в два раза.³⁸⁸ За 1947 год в целом по стране кооперативными организациями было закуплено более 180 тыс. тонн мяса, свыше 9 тыс. тонн жиров, 83 млн. литров молока, около 200 тыс. тонн картофеля, 195 тыс. тонн овощей, 126 тыс. ящиков яиц и т. д.³⁸⁹ Сопровождая многочисленные информационные

³⁸⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М. 1968. С. 350–362, 362–368, 505–511, 549–560.

³⁸⁵ Плановое хозяйство. 1947. № 1. С. 35.

³⁸⁶ Плановое хозяйство. 1948. № 1. С. 47.

³⁸⁷ Правда Украины. 1948. 8 апреля.

³⁸⁸ Плановое хозяйство. 1947. № 2. С. 9; 1948. № 1. С. 19.

³⁸⁹ Большевик. 1948. № 15. С. 40–41.

сообщения о важности развития торговли для населения, «Правда» указывала: «все мелочи торгового дела должны быть предусмотрены, ибо речь идет не о какой-то временной кампании, не о проведении эпизодической ярмарки, а о торговле всерьез и надолго».³⁹⁰

Меры по расширению товарооборота и оживлению торговли объективно требовали и укрепления денежной системы, отмены карточек на приобретение товаров. В ходе военных действий инфляционные процессы значительно усилились: цены по сравнению с довоенными выросли в 10–15 раз. Денежная реформа декабря 1947 года была призвана ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, восстановить полноценный рубль и облегчить переход к торговле по единым ценам без карточек. В постановлении Правительства СССР и ЦК ВКП(б), посвященном этим вопросам, давалась прямая ссылка на опыт аналогичной реформы 1922 года, когда фактически были созданы новые деньги, оживившие экономику начала 20-х годов.³⁹¹ Проведение реформы сказалось на некотором улучшении общей ситуации в товарно-денежной системе. Такие тенденции зафиксированы во многих отчетах местных властей для ЦК ВКП(б).³⁹²

Отмене карточной системы и денежной реформе сопутствовала мощная пропагандистская кампания об успехах советской экономики колхозного строя, обеспечивавших быстрое преодоление последствий войны. Однако за фасадом этой кампании остался конфискационный характер реформ. Государство фактически сняло с себя всякие обязательства по гарантированному, карточному снабжению городского населения и рабочих, а новые цены, установленные государством, в большинстве своем были выше коммерческих, утвержденных после войны.

Таким образом, первые послевоенные годы характеризовались попытками формирования политического курса, связанного с коррекцией приоритетов хозяйственного развития в сторону производства товаров народного потребления и попытками укрепления денежной системы. В этой связи мы полностью разделяем вывод российского ученого Р. Пихоя о первых годах послевоенного периода: «нельзя не отметить, что команда Жданова-Вознесенского смогла добиться и определенных положительных результатов в экономической области, среди которых считаем необходимым отметить прежде всего отмену карточной системы, проведение денежной реформы и вызванное этим некоторое усиление товарно-денежных отношений в стране».³⁹³ Следует сказать, что только в последнее время исследователи, обращаясь к послевоенному периоду, стали различать и выделять его политические зигзаги, отходя от идеологических (как положительных, так и отрицательных) штампов в отношении многогранного исторического процесса. Недостаточное внимание историков к этим новациям ленинградской группы связаны во многом с тем, что они не утвердились в общественной практике как преобладающие.³⁹⁴

³⁹⁰ Правда. 1946. 28 ноября.

³⁹¹ Постановление Правительства СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» // КПСС в резолюциях... Т. 8. М. 1985. С. 160.

³⁹² См.: например, отчет Вологодского обкома ВКП(б) за 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 202. Л. 43–44.

³⁹³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 гг. М. 1998. С. 62.

³⁹⁴ Здесь важно заметить: главное стало не то, что данный политический курс ленинградской группы не стал определяющим при жизни Сталина, а то, что попытки его утверждения в жизнь явились основой более масштабной реализации этого подхода в новых исторических условиях 1953–54 годов после смерти вождя. В этом проявился один из парадоксов истории. Ведь свертывание политики «ленинградской команды» по развитию отраслей группы «Б» было подавлено соперничающим с ней кланом Г.Маленкова, выступившего затем в качестве автора той же идеи. В августе 1953 года с именем Г.Маленкова — нового председателя Совета

Другим масштабным делом ленинградской группы стала разработка проекта новой программы ВКП(б). Ее подготовка была возобновлена после войны и велась в рамках специальной комиссии, созданной в 1947 году решением политбюро ЦК, где главенствующую роль играли Жданов и Вознесенский. В своей работе комиссия стремилась определить основные задачи развития страны на ближайшие 20–30 лет.³⁹⁵ В проекте нашли отражение многие идеи, сформированные лидерами ленинградской команды. Отличительной чертой готовившейся программы стала ее социальная ориентированность. Авторы считали необходимым, сохраняя ведущую роль отраслей, производящих средства производства, резко усилить объем и повысить удельный вес в экономике отраслей, производящих предметы потребления. Как показывает знакомство с текстом, социальные аспекты в проекте поданы привлекательно, с размахом. Так, выдвигалась задача до конца ликвидировать жилищную нужду, развернуть в больших масштабах жилищное строительство с целью обеспечить каждому трудящемуся благоустроенную отдельную комнату, а каждой семье — отдельную квартиру, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам. Любопытна и еще одна деталь: предлагалось уделить особенное значение массовому производству автомобилей для населения, имея в виду предоставить каждому гражданину пользование легковым автомобильным транспортом.³⁹⁶ В этом же контексте звучали идеи бесплатного снабжения населения продуктами питания (хлебом, мясом и др.), а так же подготовка к бесплатному обслуживанию граждан «первоклассно поставленными по всем правилам техники и культуры столовыми, прачечными и другими культурно-бытовыми учреждениями»,³⁹⁷ т. е. в сфере услуг.

Одним из самых примечательных, содержательных моментов проекта программы партии образца 1947 года являлись идеи о путях развития советского государства. Вот выдержка из этого документа: «Развитие социалистической демократии на основе завершения построения бесклассового социалистического общества будет все больше превращать пролетарскую диктатуру в диктатуру советского народа. По мере вовлечения в повседневное управление делами государства поголовно всего населения, роста его

Министров СССР — ассоциировалась политика, отвергавшаяся им же четырьмя годами ранее. Интересно и другое: именно за стремление изменить приоритеты хозяйственного строительства в пользу группы «Б» пострадал сам Маленков, когда в 1955 году был смещен с высшего правительственного поста. Инициатор этого — первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев использовал аргументацию, с помощью которой Маленков когда-то громил группу Жданова-Вознесенского.

Затем вся эта история повторилась в конце 50-х годов с той лишь разницей, что в роли Маленкова образца 1953-54 гг. выступал Хрущев, уже активно ратовавший за социальную направленность экономики и позабывший свои обвинения в адрес Маленкова, пытавшегося в свое время делать то же самое. Чем объяснить подобные повороты политической жизни? На наш взгляд, определяющим здесь было желание того или иного лидера использовать популярный политический курс для закрепления своей главенствующей роли в руководстве партии и правительства, подкрепить свои позиции народными симпатиями. Этим же объясняется и активное противодействие тем, кто выдвигал данный курс со стороны конкурирующих группировок. Переориентация советской экономики с ее ярко выраженным военизированным характером, придание динамики ее развития социальной направленности не могла не быть привлекательной в условиях хронического товарного дефицита. Очевидно, что объективно советская экономика должна была развиваться именно таким образом. Это хорошо осознавало высшее руководство страны, о чем и свидетельствует неизменное возвращение новых лидеров к попыткам утвердить социальную направленность в хозяйственной практике, происходившее во второй половине 40-х — 60-х годах. Между тем в этот период на Западе полным ходом шло формирование т. н. общества массового потребления, где удовлетворение потребностей людей являлось не пропагандистской целью, а главным смыслом экономического функционирования.

³⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 13.

³⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 144, 46, 39.

³⁹⁷ Там же. Л. 45.

коммунистической сознательности и культурности, развития социалистической демократии будет вести к все большему отмиранию принудительных форм диктатуры советского народа, все большей замене мер принуждения воздействием общественного мнения, к все большему сужению политических функций государства, к превращению его по преимуществу в орган управления хозяйственной жизнью общества».³⁹⁸ Нетрудно заметить, что здесь фактически сформулирована доктрина перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство. Следует напомнить: впоследствии данная тема, наряду с вопросом о «культе личности», составила идеологическую основу «хрущевской оттепели». Однако в конце 40-х годов это положение еще находилось в плотной оболочке традиционных сталинских постулатов — о дальнейшем усилении мощи государства пролетарской диктатуры, неустанном укреплении органов НКВД в деле разоблачения, раскрытия и пресечения подрывной работы классового врага и т. д.³⁹⁹

В проекте 1947 года формулировался и ряд других моментов принципиального характера, предлагаемых ленинградской группой. В частности, речь шла о развертывании демократизации советского строя. В этом плане признавалось необходимым поголовное вовлечение трудящихся в управление государством, в повседневную активную государственную и общественную деятельность на основе неуклонного развития культурного уровня масс и максимального упрощения функций государственного управления. Предлагалось на практике приступить к соединению производственной работы с участием в управлении государственными делами с переходом на поочередное выполнение всеми трудящимися функций управления. Высказывалась, также, идея о введении прямого народного законодательства, для чего считалось обязательным:

а) проводить всенародное голосование и принятие решений по большинству важнейших вопросов государственной жизни как общеполитического, хозяйственного порядка, так и по вопросам быта и культурного строительства;

б) широко развернуть законодательную инициативу снизу путем предоставления общественным организациям права вносить в Верховный Совет СССР предложение о новых законопроектах;

в) утвердить право граждан, общественных организаций непосредственно вносить запросы в Верховный Совет по важнейшим вопросам международной и внутренней политики.

Не был обойден вниманием и принцип выборности руководителей. В проекте программы ВКП(б) ставилась задача по мере продвижения к коммунизму осуществлять принцип выборности всех должностных лиц государственного аппарата, изменения в функционировании ряда госорганов в сторону все большего превращения их в учреждения, занимающиеся учетом и контролем общенародного хозяйства. Представлялось важным максимальное развитие самостоятельных добровольных организаций. Обращалось внимание на усиление значимости общественного мнения в коммунистической перестройке сознания людей, воспитания на основе социалистической демократии в широких народных массах начала социалистической гражданственности, трудового героизма, красноармейской доблести, поднимая весь народ до уровня знатных людей советской страны.⁴⁰⁰

Однако все эти мысли не стали тогда предметом достояния широкой общественности, оставшись известными лишь узкому кругу правящей элиты. Это произошло из-за того, что в конце 40-х так и не состоялся съезд ВКП(б), где должен был быть представлен проект партийной

³⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 90.

³⁹⁹ Там же. Л. 89, 93.

⁴⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 25–28.

программы. Хотя подготовка к высшему форуму партии велась, о чем определенно свидетельствуют документы. На февральском (1947 г.) пленуме ЦК А. Жданов, докладывая о работе возглавлявшейся им программной комиссии, говорил о решении собрать очередной XIX съезд ВКП(б) в конце 1947 г. или во всяком случае в 1948 году. Кроме этого, в целях оживления внутривнутрипартийной жизни, он предложил принять упрощенный порядок созыва партийных конференций, проводя их ежегодно с обязательным обновлением по их итогам состава пленума ЦК не менее чем на 1/6.⁴⁰¹

Как известно, не только съезд, но и готовившаяся XIX Всесоюзная партийная конференция также не состоялась, несмотря на то, что в конце марта 1948 года Сталину уже был представлен проект постановления ЦК ВКП(б) «О порядке представительства и порядке выборов на XIX Всесоюзную конференцию ВКП(б)». На конференции в качестве основной темы планировалось рассмотреть вопрос «О мерах подъема животноводства». Проект резолюции конференции с аналогичным названием находится на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории. В нем продолжался разговор, начатый на февральском (1947 г.) пленуме ЦК, о проблемах сельского хозяйства применительно к другой его отрасли — животноводству. Проект резолюции начинался откровенным признанием об отсталости и кризисе этой отрасли. Затем формулировались конкретные меры решения данной острой проблемы. Среди их привычного набора содержались и некоторые нетрадиционные моменты. В частности, в целях развития кормовой базы для животноводческих ферм, допускалось их полное освобождение от государственных заготовок зерна, сена и другой продукции полеводства. Обещалась государственная поддержка кредитом, кормами, пастбищами поголовья, содержащегося в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих. При этом оговаривались специальные условия для районов страны (Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Западная Украина), где много скота находилось в хозяйствах единоличников⁴⁰² и т. д.

Многие наработки резолюции несостоявшейся конференции затем были использованы в «Трехлетнем плане развития общественного и совхозного продуктивного животноводства (1949–1951 гг.)».⁴⁰³ Эта программа, оформленная постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), во многом повторяя проект резолюции, тем не менее имела некоторые отличия. Здесь уже не говорилось о послаблениях в поставках государству зерна и кормов, не предусматривались особые условия для районов, вошедших в СССР после войны, делался больший акцент на моральное стимулирование сельского труда (подробно прописывались правила награждения орденами, медалями, званиями заслуженных работников). Иными словами, «Трехлетний план» в вопросах осознания проблем села не продвигался вперед, оставаясь на уровне представлений февральского (1947 г.) пленума ЦК. Предлагаемые механизмы функционирования сельского хозяйства не давали эффективности. В результате сталинский план развития животноводства 1949–1951 годов, оказавшись фактически проваленным, был свернут и предан забвению в ходе следующей массовой кампании по укрупнению колхозов, начавшейся в начале 1950 годов.

Приведенные материалы дают представление о практической деятельности ленинградской группы в 1946–48 годах, путях общественной модернизации, предлагаемых ее лидерами. Однако анализ функционирования этой силы в руководстве партии и государства был бы неполным без учета той обстановки внутреннего соперничества, которая складывалась в этот период. Ущемление позиций Берии-Маленкова привело к усилению их

⁴⁰¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 21, 26–27.

⁴⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 633. Л. 27–109.

⁴⁰³ Там же. Л. 27–29.

противостояния с появившимися конкурентами в борьбе за власть и влияние на вождя. Для этого они располагали необходимыми возможностями. Они по-прежнему находились в руководстве Совета Министров СССР. Это подтвердили итоги реорганизации правительства, происшедшие в начале февраля 1947 года. В структуре Совмина образовались восемь отраслевых бюро, возглавляемых заместителями председателя СМ. Распределение обязанностей между ними в соответствии с новым построением правительства зафиксировало следующий расклад сил: Бюро по сельскому хозяйству возглавил Маленков, оно курировало 6 министерств и ведомств; Бюро по металлургии и химии закреплялось за Вознесенским, в подчинении которого находилось 7 министерств и ведомств; Бюро по машиностроению — за Сабуровым, только назначенным заместителем председателя СМ, здесь числилось 11 профильных министерств; Бюро по топливу и электростанциям — Берия (7); Бюро по торговле и легкой промышленности — Косыгин (5); Бюро по пищевой промышленности — Микоян (5); Бюро по транспорту и связи — Кагалович (8); Бюро по культуре и здравоохранению — Ворошилов (19 министерств и ведомств).⁴⁰⁴

Сохранив влияние во власти, тандем Берия-Маленков развернул активную деятельность по дискредитации лидеров недружественной политической силы. Обиженные сталинские фавориты очень скоро нащупали эффективные пути противостояния ленинградцам, выработав действенную аппаратную тактику борьбы с ними. Знаковой вехой в этом стал август 1946 года, когда было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Данное постановление хорошо знакомо исследователям и вовлечено в научный оборот как документ, прежде всего, характеризующий политику властей по отношению к творческой интеллигенции. Однако значение этого постановления, причем не столько в идеологической сфере, намного серьезнее и глубже. По существу, на основе этого казалось бы сугубо идейно-политического решения Центрального Комитета был отработан формат атаки на ленинградскую группу, а точнее на ленинградскую партийную организацию, выходцы из которой занимали теперь ведущие посты в партии и государстве.⁴⁰⁵ В этом же плане ключевой смысл документа видится в следующих строках: «Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства ими и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зоценко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах... Более того, зная отношение партии к Зоценко и его «творчеству», Ленинградский ГК, не имея на то права, утвердил решением от 26 июня 1946 года новый состав редколлегии журнала «Звезда», в который был введен Зоценко. Тем самым Ленинградский ГК допустил грубую политическую ошибку. «Ленинградская правда» допустила ошибку, поместив хвалебную рецензию о творчестве Зоценко... Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) не обеспечило надлежащего контроля за работой ленинградских журналов».⁴⁰⁶ Из всего этого следовал один простой вывод — подопечные Жданову «ленинградцы» игнорируют центр. Данное заключение было услужливо преподнесено Сталину Маленковым на заседании Оргбюро ЦК 9 августа 1946 года. Обращает на себя внимание и тот факт, что это было единственное заседание Оргбюро за весь послевоенный период, где в списке присутствовавших значился Сталин.⁴⁰⁷ Это свидетельствует о том, для кого и каких целей

⁴⁰⁴ РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 3. Д. 1063. Л. 32–35.

⁴⁰⁵ Одним из первых такую интерпретацию этого документа предпринял отечественный исследователь Костырченко Г.В. // См.: Костырченко Г.В. Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов. В кн.: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М. 1997. С. 97–98.

⁴⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 274. Л. 10.

⁴⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 272. Л. 1–2.

готовился этот, на первый взгляд, сугубо идеологический вопрос.

Использование ленинградской темы во внутривластной борьбе с этого момента становится постоянной. Общеизвестно, что вождь недолго любил Ленинград, с недоверием относясь к «колыбели революции», где он не занимал ведущих позиций. Нащупав «слабое место», Берия-Маленков с настойчивостью начали эксплуатировать данную тематику, используя для этого имеющиеся у них аппаратные ресурсы. Поэтому не случайно, что многие крупные недостатки в тех или иных сферах работы рассматривались и обобщались именно на материалах г. Ленинграда, ленинградской партийной организации. Архивные материалы содержат немало подобных свидетельств. Так, например, г. Ленинград оказался в центре внимания Центрального комитета при разборе нарушений в ходе проведения денежной реформы. В Комитет партийного контроля поступило заявление коммуниста Трофимова об антигосударственных проступках некоторых руководящих работников г. Ленинграда и области при проведении реформы. Назначенная по данному сигналу проверка установила, что действительно ряд руководящих лиц, используя служебное положение и нарушив закон, внесли вклады в сберкассы деньгами старого образца после прекращения операций. На 28 декабря 1947 года по Ленинграду и области с подлогом документов было внесено вкладов на сумму свыше 900 тыс. рублей, но Ленинградский горком отрицал эти факты, заявляя, что ему неизвестно о случаях злоупотреблений со стороны руководящих работников.⁴⁰⁸ Вне всякого сомнения, такие нарушения имели повсеместный характер, их без труда можно было обнаружить в любом без исключения регионе страны. Тем не менее, развитие получила тема нарушений именно в Ленинграде, что и стало предметом разбирательства со стороны секретариата ЦК, получив соответствующую огласку во всех структурах аппарата. То же самое можно отнести и к, инспирированному сверху, постановлению ЦК ВЛКСМ (25 июня 1948 г.) «О недостатках в работе Ленинградской организации ВЛКСМ по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи». Здесь осуждалась слабость идеологической работы в высших учебных заведениях, перечислялись типичные для того времени недостатки в воспитании студенческой молодежи,⁴⁰⁹ хотя весь негатив, вскрытый на примере ленинградских институтов, в полном объеме присутствовал в любом другом крупном вузовском центре СССР.

Атака на ленинградскую группу происходила не только по линии дискредитации Ленинграда как их «стартовой площадки» во власть. Под жестким прессингом находилась и конкретная политика, вырабатываемая и реализуемая этой группой. Так, постоянным нападкам со стороны правоохранительных структур, где было немало сторонников Берии, подвергался курс на развертывание торговли, развитие потребительской кооперации. К примеру, прокуратура РСФСР настойчиво привлекала внимание ЦК ВКП(б) к фактам проникновения спекулянтов в систему торговли, местной промышленности и кооперации. В своих письмах руководство прокуратуры России информировало секретариат ЦК о существовании значительного числа дельцов и спекулянтов, открыто занимающихся частнопредпринимательской деятельностью и обогащающихся за счет государства, кооперации и населения. Как отмечалось, эти лица под вывеской государственной и кооперативной торговли открывают собственные магазины и ларьки, через которые реализуют товары широкого потребления. Местные руководящие работники не реагируют на частнопредпринимательскую деятельность, не выявляют и не устраняют условий для ее возникновения. Наиболее негативным следствием развития советской торговли называлось

⁴⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 991. Л. 175–178, 179–180.

⁴⁰⁹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 552. Л. 4-10; Д. 553. Л. 17–25.

сращивание ее работников со спекулятивными элементами.⁴¹⁰ После прочтения таких официальных писем создавалось впечатление, что проводимый курс на развертывание торговли и кооперации является крайне опасным для государства, порождающим вал хозяйственных преступлений и подрывающим экономику страны.

Явно не улучшило позиций ленинградской группы предложение по созданию Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Эта инициатива излагалась в письме Председателя Совета Министров РСФСР М. Родионова от 27 сентября 1947 года, адресованному Сталину. Учреждение такого специального органа мотивировалось необходимостью предварительного рассмотрения вопросов Российской Федерации, вносимых в союзные инстанции, привлечением большего внимания к использованию местных возможностей для выполнения пятилетнего плана, а также решения различных вопросов хозяйственного и культурного строительства. Не составляет труда понять насколько удачно этот эпизод развивал тему противопоставления Ленинграда центру. В конечном счете, данный мотив, активно разыгрываемый противниками ленинградской группы, стал не последним аргументом, приведшим ее к поражению.

Усилия союза Берии-Маленкова по дискредитации ленинградской группы получили серьезную отдачу летом 1948 года, когда удалось эффективно использовать конфликт между главным «агрономом» страны Т. Лысенко и сыном Жданова — Юрием Ждановым, возглавлявшим с декабря 1947 г. отдел науки Управления пропаганды и агитации ЦК.⁴¹¹ Молодой и энергичный руководитель отдела атаковал «научное творчество» Лысенко на семинаре лекторов обкомов партии 10 апреля 1948 года, где выступил с докладом «Спорные вопросы современного дарвинизма». Вот некоторые выдержки из выступления Ю. Жданова: «Т. Д. Лысенко напрасно берет на себя роль монополиста мичуринского учения, единственного продолжателя дела Мичурина», «Лысенко — представитель лишь одной ветви в биологической науке, лишь одного направления в школе великого Мичурина. Попытка подавить другие направления, опорочить ученых, работающих другими методами, ничего общего с новаторством не имеет», «Мы скажем нашим биологам, которые воюют сейчас с Трофимом Денисовичем — смелее в практику, смелее в жизнь».⁴¹² Прямой вызов сталинскому фавориту в науке не мог остаться без внимания такого опытного аппаратчика, каковым являлся Маленков. Он начал проработку этого перспективного для него вопроса: доклад Ю. Жданова, полученный им, был изучен самым внимательным образом, о чем свидетельствуют многочисленные пометки, сделанные рукой Маленкова. В мае 1948 года уже сам Лысенко передал Маленкову собственные замечания по докладу начальника отдела науки аппарата ЦК, которые представляли собой 24 выписки с комментариями и разъяснениями.⁴¹³

Подготовленность Маленкова, сумевшего в своих интересах представить этот конфликт, как известно, оказала влияние на Сталина, и стало той критической точкой, за которой последовало охлаждение его отношений со Ждановым-старшим. Подробности данного эпизода, в конечном счете, приведшие к смерти А. Жданова, сегодня подробно описаны в литературе. Больше всего удивляет стремительность разрешения конфликта Жданова-Маленкова, стремительность, проявленная Сталиным в удалении первого и возвышении второго. 1 июля 1948 г. Маленков опросом членов ЦК ВКП(б) вновь избирается

⁴¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 1001. Л. 218–219.

⁴¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 330. Л. 69.

⁴¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 620. Л. 43, 44, 45.

⁴¹³ Там же. Л. 105–132. Подробно об этом конфликте см.: Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко (1926–1966 г.г.) М. 1993.

секретарем ЦК и возвращается в секретариат (вместе с Пономаренко),⁴¹⁴ а 6 июля политбюро принимает решение об отпуске Жданова на два месяца.⁴¹⁵ В журнале приема Сталиным фамилия Жданова значится 12 июля, причем она обведена рамкой красным карандашом, потому что упомянута последний раз.⁴¹⁶ Как известно, А. Жданов не вышел из этого вынужденного отпуска, скончавшись на Валдае 30 августа 1948 года. Его смерть оставила немало неясностей, породила много слухов и догадок.

Вернув позиции, утраченные двумя годами ранее, взяв в руки рычаги управления Центральным Комитетом ВКП(б), Маленков сразу же приступил к реорганизации аппарата. Через десять дней после его утверждения в должности секретаря ЦК, на политбюро уже был вынесен вопрос о реорганизации. Ее суть состояла в упразднении громоздких Управлений ЦК и замене их отделами, основанными на отраслевом принципе. Были образованы: 1) отдел пропаганды и агитации (300 штатных единиц), 2) отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов (300 шт. ед.), 3) отдел внешних сношений (150 шт. ед.), 4) отдел тяжелой промышленности (80 шт. ед.), 5) отдел легкой промышленности (60 шт. ед.), 6) отдел машиностроения (17 шт. ед.), 7) отдел транспорта (50 шт. ед.), 8) отдел сельского хозяйства (80 шт. ед.), 9) планово-финансовый отдел (43 шт. ед.), 10) отдел административных органов. Основной задачей отделов определялся подбор кадров по соответствующим отраслям и проверка исполнения решений ЦК и Правительства. Управление кадров ЦК, которое планировалось укреплять при Жданове, расформировывалось. Этим же решением политбюро утверждалось и новое распределение обязанностей между секретарями ЦК по руководству отделами: Жданов — отдел пропаганды и агитации, Маленков — отделы партийных, профсоюзных и комсомольских организаций и сельского хозяйства, Сулов — внешних сношений, Кузнецов — машиностроения и административных органов, Пономаренко — транспортный и планово-финансовый отделы.⁴¹⁷

Уточнялись функции оргбюро и секретариата Центрального Комитета ВКП(б). Главной задачей оргбюро, как директивного органа ЦК, определялась проверка работы партийных организаций, заслушивание отчетов обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик и принятие необходимых мер по улучшению деятельности местных парторганов. Оргбюро рассматривало и утверждало руководящие указания по вопросам организационной и воспитательной работы. Заседания оргбюро созывались не реже одного раза в неделю. Секретариат ЦК определялся в качестве постоянно действующего рабочего органа ЦК. Его основная функция — подготовка вопросов к рассмотрению на оргбюро и проверка исполнения решений. Секретариат формировал повестку дня оргбюро, предварительно рассматривал проекты решений. Он не имел четкого графика заседаний, а собирался по мере необходимости, не располагал своим планом работы, а руководствовался планом оргбюро и решениями политбюро ЦК. Следует заметить, что значение оргбюро и секретариата ЦК в этот период было особенно важно, так как не собирались пленумы ЦК, практически не функционировало политбюро.⁴¹⁸ В этих условиях реальная жизнь аппарата

⁴¹⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

⁴¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 25.

⁴¹⁶ Исторический архив. 1996. № 5–6. Л. 40.

⁴¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 28–29; Оп. 116. Д. 365. Л. 21–30.

⁴¹⁸ Обстановка на вершине власти в то время воспроизведена в мемуарах Н.Хрущева: «В нашем государстве полагается, чтобы серьезные вопросы обсуждались на Политбюро или в Совете Министров... Но этого не было и в помине. Никаких заседаний не созывалось. Собирались у Сталина члены Политбюро, выслушивали его, а он на ходу давал директивы. Иной раз и он заслушивал, если ему нравились их мнения, или же рычал на них и тут

сосредотачивалась в этих структурах, а тот, кто занимал в них главенствующую позицию, по существу контролировал всю многоплановую деятельность Центрального Комитета.

Поэтому не случайно, что именно с реорганизации аппарата Маленков возобновил свою деятельность в качестве секретаря ЦК. Изменение структуры, перетасовка кадров, перераспределение полномочий — все это можно квалифицировать как подготовку к тотальному выдавливанию из руководства страной ленинградской группы, оставшейся без покровительства Жданова. Начало наступления можно отнести к заседанию оргбюро ЦК от 20 ноября 1948 года, где теперь председательствовал Маленков. На нем был обсужден вопрос «Об улучшении преподавания биологических наук в школах и педагогических учебных заведениях». Уничтожительной критике подвергалось Министерство просвещения РСФСР, которое возглавлял родной брат Н. Вознесенского — А. Вознесенский. Министерство обвинили в неудовлетворительном преподавании биологических наук, отрыве от передовой мичуринской материалистической биологии, в отсутствии учебных книг о Мичурине и Лысенко. А. Вознесенскому поручили устранить отмеченные недостатки,⁴¹⁹ но возможности, а главное времени ему предоставлено на это не было.

Наступал 1949 год. С самого его начала стало ясно, что судьба ленинградской группы предрешена. Секретарь ЦК Кузнецов 24 января последний раз присутствовал на заседании оргбюро, а спустя четыре дня был лишен своего поста в связи с назначением руководителем Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б), где пробыл непродолжительное до ареста время. 7 марта Вознесенский был освобожден от обязанностей заместителя председателя Совета Министров и председателя Бюро СМ по металлургии и химии, выведен из состава политбюро и отправлен в отпуск для лечения.⁴²⁰ Находясь в отпуске, отстраненный от всех дел, он использовал последние месяцы своей жизни для подготовки капитального теоретического исследования «Политическая экономия коммунизма» объемом свыше 800 страниц, так и не вышедший в свет,⁴²¹

Претензии, адресованные Вознесенскому, касались пропажи документов в вверенном ему Госплане СССР. Как установила проверка, за 1944–48 гг. исчезло более 200 секретных документов, в том числе 9 из личного секретариата председателя. В числе их: записка о мерах по развитию нефтяной и угольной промышленности в 1947 г., материалы о восстановлении черной металлургии Юга, записка об основных показателях плана производства цветных металлов в СССР, мероприятия об организации производства радиолокационных станций и т. д. Были и другие более серьезные обвинения. В решении политбюро ЦК говорилось, что Госплан допускал необъективный и нечестный подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, занимался подгонкой цифр с целью замазать действительное положение вещей, указывалось на смыкание Госплана с отдельными министерствами и ведомствами для занижения хозяйственных планов.⁴²²

Расширение т. н. «ленинградского дела» коснулось и руководителя московской партийной организации, секретаря ЦК Г. Попова — выдвиженца и союзника поверженной группировки. В декабре 1949 года он был смещен со своих постов и заменен вызванным из

же, никого не спрашивая, сам формулировал текст постановления либо решения ЦК или Совета Министров СССР, после чего оно выходило в свет. Это уже сугубо личное управление, это произвол. Не знаю, как и назвать это, но это факт”. // Хрущев Н.С. Воспоминания. М. 1997. С. 224–225.

⁴¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 378. Л. 13–16.

⁴²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 35–36, 60; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

⁴²¹ Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 16.

⁴²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 108; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

Украины Н. Хрущевым. Причина отставки Попова сводилась к неправильной политике в отношении союзных министерств и министров. Как отмечалось в постановлении, глава столицы пытался командовать ими, подменяя на практике правительство и ЦК. Бюро МК и МГК ВКП(б) в своей работе проявляло антигосударственные действия, требуя от министров подчинения по вопросам, связанным с предприятиями союзного назначения, расположенными в Москве и Московской области, препятствовало их несогласованному с бюро обращению в правительство.⁴²³

Всего по «ленинградскому делу» арестовано по разным оценкам от двух до десяти тысяч человек, что дает основание говорить о нем как о самой крупной репрессивной волне среди высшего руководства страны в послевоенный период. Однако следует подчеркнуть, что в то время оно не было предано огласке, в средствах массовой информации о нем ничего не сообщалось. Даже руководящие сотрудники, приближенные к центрам власти, не представляли не только масштабы, но и сам факт происходящего. Например, работник госбезопасности М. Докучаев в своих воспоминаниях пишет: «О «ленинградском деле» в то время никто ничего не знал. Ходили слухи и разговоры об арестах и расстрелах, высказывались догадки, и только на XX съезде КПСС о нем стало более или менее известно». То же самое подтверждает высокопоставленный генерал МГБ П. Судоплатов, который по секрету узнал об арестах от одной сотрудницы аппарата Маленкова.⁴²⁴ Любопытна такая деталь: в самый разгар арестов и репрессий ленинградцев «Правда» помещала на своих страницах письма Сталину от трудовых коллективов г. Ленинграда и области, которые сообщали о патриотических починах, клялись вождю в новых трудовых свершениях.⁴²⁵ Полный информационный вакуум отличает «ленинградское дело» от аналогичных процессов второй половины 30-х годов, когда большая часть общества, настроенная против очередной партии «врагов», требовала немедленной и самой суровой расправы.

Сегодня о «ленинградском деле» написано немало. Со значительной долей достоверности установлен хронологический ряд событий, прояснены многие детали, но при этом меньше сделано в осмыслении причин случившейся трагедии. Многие исследователи в их объяснении делают акцент на неприязнь Сталина к Ленинграду, ленинградской парторганизации, где он постоянно еще со времен Зиновьева ощущал настроения оппозиционности своей личной власти, и что именно данную струну сталинской психологии сумел настроить на нужный лад тандем Берии-Маленкова. Конечно, учитывая циничность, коварство последних, а также патологическую подозрительность вождя, все это представляется объективным и справедливым. И все же снова зададимся вопросом — почему Сталин отрекся от ленинградской группы и вновь сделал своей опорой потесненных ранее фаворитов? По нашему мнению, ответ заключается не только в специфике личных качеств вождя и продуманности интриг Берии и Маленкова. Не нужно забывать, что те же Жданов, Кузнецов, Вознесенский являлись не менее подготовленными людьми для ведения сложных интриг и многоходовых аппаратных комбинаций. Непонятно другое и, пожалуй, самое главное — зачем Сталин, испытывая стойкую ненависть к северной столице, пошел на формирование ленинградской группы, доверив им высшие посты в партийно-государственной иерархии? Получается, что весной 1946 года его не беспокоили (или он просто не замечал) те возможные проблемы от ленинградских выдвиженцев, которые заставили его спустя всего три года принять решение об их устранении. Зная дальновидность

⁴²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 4–5.

⁴²⁴ Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М. 1995. С. 126; Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 гг. М. 1997. С. 515.

⁴²⁵ См.: Правда. 1949. 2 апреля; 28 июня.

и расчетливость Сталина, вряд ли можно это допустить.

Здесь мы подходим к одному принципиальному моменту: причины разрешения Сталиным конфликта между Берией-Маленковым с одной стороны и ленинградской группой — с другой, в пользу первых становятся более понятными если исходить, прежде всего, из характера и сферы деятельности этих двух основных кланов. Вспомним, чем занимались Жданов, Вознесенский, Косыгин — пропагандой и агитацией, культурой, государственным планированием, металлургией, легкой и текстильной промышленностью. Они выступали за смещение приоритетов хозяйственного развития в сторону группы «Б», разрабатывали новую программу партии, готовили XIX съезд, затем XIX Всесоюзную партийную конференцию и т. д. Совершенно разные направления работы и дела, зачастую очень далекие друг от друга. Вместе с тем, здесь есть и одно обстоятельство, сводящее все выше перечисленное к одному общему знаменателю — все это сугубо гражданская деятельность, связанная исключительно с гражданской жизнью советского общества. Но у Сталина в послевоенный период существовали иные приоритеты. Он был одержим идеей мирового господства, путях его достижения. Поэтому развитие военно-промышленного комплекса как главного условия в этой борьбе становится для планов «вождя всех времен и народов» все более и более жизненной задачей. Хорошо известно, что его правой рукой в этом деле являлся Берия. Именно он курировал комитеты № 1, № 2, № 3 (по созданию атомной бомбы, реактивных ракет, радиолокационных систем) на базе которых затем будут сформированы основные министерства отечественного ВПК. За Берией в эти годы стояли главные действующие организаторы, руководители «оборонки» и он выражал интересы этого «монстра», растущего не по дням, а по часам. Стратегическим союзником Берии по аппарату ЦК и Совмину являлся Маленков. Иными словами, этот тандем в 1948-49 годах занимался и обеспечивал то, что тогда более всего отвечало устремлениям и замыслам вождя. Тот, кто отвечал за ВПК, а фактически за инструмент достижения его амбициозных идей, оказался намного нужнее готовивших съезды, конференции, программы. Вот именно на этой основе разворачивались интриги Берии-Маленкова по дискредитации ленинградской группы в глазах Сталина, разыгрывалась карта оппозиционности Ленинграда центру, ненадежность его кадров, но это уже было вторичным.

Падение ленинградской группы существенно изменило расклад сил на вершине партийно-государственной иерархии. В этом смысле можно говорить и об еще одном важном последствии разрешения этого конфликта. Речь идет о начавшемся отстранении «старой гвардии» от реальных властных рычагов. Именно с 1949 года ветераны политбюро, на которых все меньше опирался Сталин, все больше оказываются не у дел, на второстепенных ролях. Эти процессы, вызревавшие давно, набрали силу именно в ходе падения ленинградской группы. Здесь важно подчеркнуть, что Молотов, Микоян, Андреев ориентировались на нее, выступая союзниками по многим вопросам. Молотовым было установлено тесное сотрудничество с Вознесенским, который даже замещал его в Совете Министров во время зарубежных командировок. Микояна связывали родственные отношения с Кузнецовым.

Ослабление ленинградской группы сразу же отразилось на позициях «старой гвардии». Особенно заметно это сказалось на положении Молотова как наиболее значимой фигуры ближайшего сталинского окружения, долгожителя политбюро. Уже к концу 1948 года между ним и вождем чувствовалось напряжение.⁴²⁶ Как известно, в этот период был дан ход делу П. Жемчужиной — жены Молотова, которую обвинили в поддержании длительных и близких отношений с еврейскими националистами, подозреваемыми в шпионаже, участии в похоронах Михоэлса, посещении московской синагоги и т. д. 4 марта 1949 года, одновременно с Вознесенским, Молотов освобождается от обязанностей министра

⁴²⁶ См.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М. 1992. С. 109.

иностранных дел,⁴²⁷ после чего его положение во власти можно квалифицировать как более чем странное. Оставив его в должности заместителя председателя Совета Министров, Сталин поручил ему заниматься совершенно отличным от внешней политики делом. 6 апреля политбюро утверждает Молотова председателем Бюро по металлургии и геологии при СМ, но уже в июле его освобождают от этой работы, обязав наблюдать за МИДом, где на посту министра находился Вышинский, абсолютно не нуждавшийся в Молотове. 13 февраля 1953 года произошло еще одно неожиданное назначение: Молотов возглавил только что сформированное Бюро по транспорту и связи при СМ, которое ведало министерствами путей сообщения, морфлота, речфлота и связи.⁴²⁸ С июля 1949 года Молотов все реже значится среди посетителей кремлевского кабинета Сталина.⁴²⁹

Оттеснение от властных рычагов других ветеранов, в отличие от Молотова, считавшегося вторым человеком после Сталина, происходило более спокойно, без резкостей, однако от этого не стало менее реальным. Микояна освободили от обязанностей министра внешней торговли СССР. Такой сугубо военный человек как Ворошилов находился на должности председателя Бюро по культуре и здравоохранению при СМ и, видимо в качестве компенсации, курировал добровольное общество содействия армии, авиации и флоту. Каганович занимал далеко не самый важный пост председателя Госснаба СССР. Председатель Совета по делам колхозов при СМ Андреев вообще практически был забыт Сталиным, который не принимал его с февраля 1947 года, т. е. с момента проведения пленума ЦК ВКП(б) по вопросам сельского хозяйства, где с главным докладом выступал Андреев.

Падение ленинградской группы и ослабление ветеранов открыло дорогу на вершину власти руководителю Компартии Украины Н. Хрущеву. После празднования 70-летнего юбилея Сталина, Хрущев утверждается секретарем ЦК ВКП(б) и одновременно секретарем московской парторганизации. Решение Сталина о его переводе в столицу не в последнюю очередь обусловлено стараниями Маленкова, укреплявшего после чистки центральные органы своими людьми. В этом смысле он имел основания считать руководителя Украины своим сторонником. Маленков как секретарь ЦК до мая 1946 года курировал республиканские организации и не мог не соприкоснуться с Хрущевым. Затем в 1947 году уже в качестве председателя Бюро по сельскому хозяйству при Совете Министров он тесно контактировал с крупным «знатоком» сельской экономики. Данные утверждения подкрепляются и хрущевскими мемуарами, где содержатся многочисленные свидетельства их взаимоотношений по самым различным вопросам. Хотя хрущевская интерпретация всех этих моментов «задним числом» резко отрицательная: он демонстрирует расположенность к Жданову и Вознесенскому и выражает осуждение деятельности не только Берии, но и Маленкова.

Тем не менее близость Хрущева именно к этой группе подтверждают эпизоды внутривнутрипартийной борьбы тех лет. В частности, конфликт Хрущева и секретаря Курского обкома партии П. Доронина. Последний, пользуясь поддержкой лидеров ленинградской группы, начал активно пропагандировать такую форму организации труда в колхозах, как звено. Для пропаганды своих взглядов Доронину одному из первых предоставлялось слово на февральском (1947 г.) пленуме ЦК, в его распоряжении находились страницы центральной партийной печати.⁴³⁰ Соперничество Хрущева с Дорониным приобрело острый

⁴²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп.3. Д. 1074. Л. 59.

⁴²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1075. Л. 29; Д. 1076. Л. 46–47; Д. 1080. Л. 3.

⁴²⁹ См.: Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 49–53.

⁴³⁰ См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–13; Доронин П. Вопросы организации труда в колхозах // Партийная

характер на пленуме ЦК в феврале 1947 года, где украинский лидер, подвергнув критике взгляды курского коллеги, публично вызвал его на соревнование.⁴³¹ В содержательном плане суть разногласий заключалась в следующем: Хрущев считал оптимальной формой организации труда на селе бригаду. По его мнению, она как более крупное подразделение лучше состыковывалась с процессами механизации сельского хозяйства. Доронин же был убежден в эффективности звена как более мобильной структуры, позволяющей наиболее полно учитывать принцип заинтересованности, справедливости в оплате труда. В конечном счете, конфликт разрешился не на идейной основе. Падение ленинградской группы предопределило поражение Доронина, который лишился своего поста, а утверждение Хрущева секретарем ЦК поставило точку в содержательной части конфликта. В феврале 1950 года Оргбюро ЦК заслушало вопрос «О работе Курского обкома ВКП(б)», где подчеркнуло неудовлетворительное руководство сельским хозяйством, извращения в вопросах организации колхозного труда. Звучала критика Доронина и сменившего его на посту секретаря обкома Голубева за действия, направленные на ослабление колхозного строя. Среди их покровителей назывался еще функционировавший Андреев, на которого также возлагалась вина за вскрытые недостатки.⁴³² Разгром Курского обкома ВКП(б) стал первым результатом пребывания Хрущева в Москве в новом качестве.

Говоря о фигуре Хрущева, необходимо заметить, что его деятельность в последние годы сталинского правления по-прежнему остается недостаточно освещенной в литературе. Однако данный вопрос представляется крайне важным с точки зрения выяснения позиций Хрущева в руководстве страны, определения его политических устремлений как будущего лидера СССР. Выявленные материалы свидетельствуют о неоднозначности политического лица Хрущева, во многом не совпадающим с имиджем будущего архитектора «оттепели». Именно так можно охарактеризовать его инициативу о выселении крестьян из Украинской ССР. В письме к Сталину в январе 1948 года будущий реформатор излагал наиболее болезненное: «Отдельные паразитические и преступные элементы присосались к колхозам, пользуются льготами, предоставленными колхозникам, но никакого участия в работе колхозов не принимают. Подобные элементы, используя колхозы как ширму, занимаются спекуляцией, воровством, самогоноварением и совершают другие преступления».⁴³³ К письму прилагался проект постановления (вскоре принятого), где предлагалось предоставить собраниям колхозников право высылки «нежелательных элементов» на срок до 8 лет. Что из этого вышло на практике, хорошо видно из сообщения Генерального прокурора СССР Г. Сазонова секретарю ЦК Кузнецову. В письме приводились факты многочисленных нарушений в применении постановления: выселение лиц пенсионного возраста, семей, в которых были неработающие.⁴³⁴ Но эти мелочи несколько не смущали автора инициативы. На пленуме ЦК КП(б) Украины (25 мая 1948 г.) Хрущев заявлял: «Борьба за укрепление трудовой дисциплины в колхозах, за образцовую организацию труда должны все время находиться в центре внимания парторганизаций. Борясь с лодырями, со злостными нарушителями дисциплины, с паразитическими элементами, сельские коммунисты... расчищают путь для

жизнь. 1948. № 1. 15–23.

⁴³¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 21–47.

⁴³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 475. Л. 1; Д. 490. Л. 2–3.

⁴³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 673. Л. 3.

⁴³⁴ Там же.

еще более успешного продвижения вперед по пути к коммунизму». ⁴³⁵ Начинание Хрущева по выселению крестьянства приобрело и всесоюзный размах. Украинский опыт решено использовать для укрепления трудовой дисциплины повсеместно: 2 июня 1948 года президиум Верховного Совета СССР принял указ, предусматривающий аналогичные действия в масштабах всей страны. ⁴³⁶

Вообще, в поступках Хрущева в эти годы просматриваются те черты, которые станут неотъемлемыми характеристиками его политической природы в послесталинскую эпоху. Прежде всего, речь идет о таких качествах, как поспешность в выдвигании всевозможных инициатив, скоропалительность в решении крупных хозяйственных дел, требующих тщательной проработки. Например, еще находясь на Украине, он организовал почин трудящихся Шполянского района Киевской области по выполнению «трехлетнего плана развития животноводства 1949–1951 гг. «за один год под девизом «шполянцы подчиняют себе время». ⁴³⁷ Комментарии здесь излишни.

Будучи на работе в Москве, Хрущев выдвинул глобальную идею укрупнения колхозов и создания т. н. «агрогородов». Ее корни уходили еще в период его работы на Украине, где в Киевской области была предпринята одна из первых попыток создания колхозного города. В конце 1949 года в селении Леськи прошел торжественный митинг, посвященный закладке такого города. Был установлен обелиск с надписью: «Вместо старых сел — Леськи, Талдыни, Худяки и Ломовате, которые отжили свой век, тут будет сооружен колхозный агрогород им. Сталина». ⁴³⁸ Увлеченный этой инициативой, Хрущев сформулировал планы создания «агрогородов» в масштабах всей страны. Свои мысли он изложил в статье, опубликованной «Правдой» 4 марта 1951 года. Они сводились к нецелесообразности существования мелких колхозов и деревень и необходимости их резкого укрупнения. На практике такие действия означали был насильственное переселение огромного количества людей в новые искусственно созданные образования, разрушение всей ткани деревенской жизни, и, в конечном счете, физическое уничтожение крестьянства как класса. Непродуманность последствий и авантюристичность этих мер были настолько очевидны, что уже 2 апреля 1951 года появилось закрытое письмо ЦК ВКП(б), осуждающее хрущевское новаторство. Сам автор направил покаянное письмо Сталину, где признавал ошибочность своих взглядов. ⁴³⁹

Несмотря на этот промах, позиции Хрущева в руководстве партии в 1950–53 годах постепенно укреплялись. Конечно, в начале этого отрезка времени его влияние было несопоставимо с возможностями Берии или того же Маленкова, но сфера его деятельности расширялась и «вширь» и «вглубь», оставаясь, правда, в рамках партийного аппарата. В

⁴³⁵ Правда Украины. 1948. 28 мая.

⁴³⁶ См.: Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 31–38.

⁴³⁷ Правда Украины. 1949. 5 октября.

⁴³⁸ Правда. 1950. 11 апреля.

⁴³⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–7; Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 43–44.

На XIX съезде КПСС Маленков вспоминал об этом случае: «...отдельные наши руководящие работники... допускали неправильный, потребительский подход к вопросам колхозного строительства. Они предлагали форсированно осуществить массовое селение деревень в крупные колхозные поселки... и создать на новых местах «колхозные города», «агрогорода»... Ошибка этих товарищей состоит в том, что они забыли о главных производственных задачах колхозов и выдвигали на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах... Партия своевременно приняла меры по преодолению этих неправильных тенденций в области колхозного строительства» // XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1. С. 60–61.

январе 1951 года Хрущев, будучи занятым в качестве руководителя Московской парторганизации, решением политбюро получает полномочия по наблюдению за «родным» ЦК КП(б) Украины. Здесь следует отметить, что параллельно происходило укрепление позиций Булганина, на котором никак не отразилось падение ленинградской группы. В феврале 1947 года он становится заместителем председателя СМ СССР, примерно через год выносится предложение о его переводе из состава кандидатов в члены политбюро. В феврале 1951 года Булганин утверждается председателем Бюро по военно-промышленным и военным вопросам при СМ, куда вошли крупнейшие организаторы советского ВПК и военачальники — Хруничев, Устинов, Юмашев, Василевский и др. фактически это означало серьезное ущемление положения Берии, впервые после устранения ленинградской группы. К тому же, утвержденный Сталиным порядок председательствования на президиуме Совмина, предусматривал следующую очередность — Булганин, Берия, Маленков, тогда как ранее в сентябре 1949 года порядок очередности был несколько иным — Берия, Булганин, Маленков, а также Каганович и Сабуров.⁴⁴⁰ В результате в конфигурации власти в 1951-53 гг. начал зримо вырисовываться новый дуэт Булганина-Хрущева, которые состояли в хороших личных отношениях еще со времен довоенной работы в Москве (соответственно на постах председателя Моссовета и секретаря парторганизации). Нельзя не заметить, что по своему расположению в партийно-государственной иерархии этот союз во многом напоминал тандем Берии-Маленкова. Булганин становился одним из главных действующих лиц ВПК, Хрущев же приобретал сильные позиции в аппарате Центрального Комитета.

Интересы Берии и Маленкова (хотя он и председательствовал на оргбюро ЦК) в эти годы концентрировались главным образом в Правительстве СССР. Их позиции оставались прочными. Во всяком случае, усиление централизации в работе Совмина никак не отразилось на положении ближайших сталинских фаворитов. 7 апреля 1950 года образуется Бюро президиума СМ для сосредоточения в нем наиболее важных вопросов социально-экономической жизни. И уже через неделю после этого решения (15. 04. 1950 г.) Маленков входит в состав Бюро.⁴⁴¹ В марте 1951 года происходит ликвидация отраслевых Бюро Совмина: по топливной промышленности, по сельскому хозяйству и заготовкам, по транспорту и связи, по металлургии и геологии, по культуре. Все их функции переходили в Бюро президиума СМ, но при этом за Берией по-прежнему оставалось руководство спецкомитетами № 1, № 2, № 3, на что ему обязывалось «отдавать половину своего рабочего времени».⁴⁴²

Направленность интересов Берии и Маленкова на правительство далеко не случайность. Роль Совета Министров СССР в общей системе власти после войны была необычайно высока. Именно здесь сосредотачивалось все реальное и оперативное управление экономикой, хозяйством страны, социальной сферой. В этом состояло сталинское видение властного устройства. Как свидетельствует венгерский лидер послевоенных лет М. Ракоши, Сталин подчеркивал: «Товарищи забывают, что коммунистическая партия, какой бы она ни была популярной, является лишь маленькой частичкой народа. Подавляющее большинство населения, народ считает своим представительным органом правительство, поскольку оно избрано депутатами, за которых голосовал народ».⁴⁴³ Политбюро, как уже говорилось, не отличалось в те годы

⁴⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 11; Д. 1087. Л. 56.

⁴⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080. Л. 93.

⁴⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1088. Л. 2.

⁴⁴³ Из воспоминаний М.Ракоши. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 17.

оперативностью работы, практически не собиралось. Его заменили различного рода совещания, встречи у Сталина тех или иных членов высшего руководства страны. Впоследствии Хрущев с возмущением говорил о второстепенной роли партии в послевоенной властной иерархии, когда практически вся работа партийных комитетов сводилась к поддержке и проведению в жизнь распоряжений Совмина и министерств. Хрущев подчеркивал: «...13 лет съезд партии не собирали, 8 лет пленум не собирали и как могли 20 лет политбюро не собирать? Мы-то члены политбюро знаем, как оно работало, нам-то известно. В два часа ночи поднимали и говорили, что вот такие-то вопросы надо решить. Приезжали, нас спрашивали: покушать хотите? А какая еда в два часа ночи. Ну поели, теперь расходитесь. Это было заседание политбюро. Вот как было».⁴⁴⁴

Принятие решения о проведении XIX съезда партии знаменовало собой новый этап в жизни правящей элиты, отличающейся своим внутренним содержанием и своей логикой.⁴⁴⁵ В партийно-государственной политике в 1952 году утверждались и выходили на первый план новые акценты. Они связаны с формированием и повсеместным внедрением в практику цельной концепции развертывания критики и самокритики. Данная тема всегда неизменно присутствовала в официальном лексиконе советской пропаганды, давно став во многом ритуальной, но в преддверии XIX съезда эти вопросы приобрели необычайную остроту, превратившись в самую главную повседневную задачу всей партии и всего общества. Для начала этой широкомасштабной кампании Сталиным была выбрана компартия Грузии, что уже само по себе не могло не вызвать значительной доли удивления. В ноябре 1951 года в Грузии прошло разоблачение антипартийной группы Баремия. Как сообщалось, она намеревалась захватить власть в республике и подготовить ликвидацию советского строя, рассчитывая при этом на помощь зарубежных империалистов. Однако ликвидация этой группы еще не ставила точку в данном деле. Политбюро было обеспокоено медленным исправлением ошибок по нейтрализации последствий вражеских действий, сохранением на руководящих постах в грузинской парторганизации сторонников разоблаченной группы.

В силу этих причин политбюро ЦК посчитало нужным внести на повестку дня вопрос «О положении дел в компартии Грузии», для чего члены бюро ЦК КП(б) Грузии вызывались в Москву. Состоявшаяся на заседании дискуссия следующим образом определяла и раскрывала сложившуюся ситуацию: «В Грузии продолжает оставаться неблагоприятное положение дел с внутрипартийной демократией. Самокритика в грузинской парторганизации, как и критика снизу со стороны рядовых членов партии, как правило, не практикуется и не пользуется почетом... Более того, в Грузии имеют место факты гонения на людей, вскрывающих недостатки в работе ЦК КП Грузии, господствует обстановка благодушия и парадного благополучия, имеет место упоение хозяйственными успехами и забвение того, что хозяйственные успехи имеют и теневую сторону, влекут за собою не критическое отношение к недостаткам в работе, вносят обывательскую успокоенность и порождают политическую слепоту. Кроме того, ЦК КП Грузии плохо связан с местами, с массами рабочих и крестьян. Руководители ЦК и СМ республики мало бывают в местных организациях, на предприятиях, колхозах, а если и бывают, то проездом. Выяснилось также, что в ЦК КП Грузии, по вине бюро ЦК и прежде всего т. Чарквиани, предано забвению важнейшее указание Ленина о том, что основу организации большевистского руководства составляет правильный подбор кадров и проверка исполнения решений... Выяснилось даже,

⁴⁴⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 278. Л. 110, 144.

О такой характере заседаний ПБ в послевоенный период сообщает в своих мемуарах и М.Ракоши: “Месяцев за 8 до своей смерти Сталин на одном из обедов в Президиуме ЦК КПСС, что при тогдашних условиях, очевидно, означало и заседание Президиума, либо заменяло его, объяснял мне, что нужно активнее выдвигать на передний план значение государственной власти” // Исторический архив. 1998. № 3. С. 16.

⁴⁴⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.

что ЦК КП Грузии редко созывает пленумы ЦК, плохо организует работу ЦК Грузии, не рассылает членам ЦК протоколов бюро ЦК, вследствие чего члены ЦК оказываются даже неосведомленными о партийных решениях по важнейшим вопросам, что является совершенно ненормальным».⁴⁴⁶

Мы специально подробно остановились на этом документе, так как здесь фактически в полном объеме сформулирован формат кампании по развертыванию критики и самокритики, внутрипартийной демократии, которая в мае-октябре 1952 год станет доминантой в жизни всей партии и общества в целом. Концентрировано здесь определены и названы конкретные направления предстоящей широкомасштабной кампании — борьба с зажимом критики, с обстановкой успокоенности, укрепление связей с массами, проверка исполнения. Все эти взаимозависимые вещи подводились к главной задаче — подбору кадров. Иными словами, речь шла о формировании механизма осуществления кадровой политики, основанной на постоянном и тотальном давлении на партийно-государственный аппарат, когда ответственный работник любого уровня не мог быть застрахован от обвинений и нападок. Важно подчеркнуть и другое: от грузинской парторганизации требовалось то, чего уже давно не наблюдалось в деятельности самих центральных органов, где не созывались пленумы, бездействовало политбюро ЦК. Не случайно для старта масштабной кампании была выбрана именно грузинская компартия и ее лидер Чарквиани — ближайший соратник Берии, находившийся под его покровительством и считавшийся «неприкасаемым». Решением политбюро ЦК за все вышеперечисленные недостатки Чарквиани был снят со своего поста, который он принял из рук Берии в конце 1938 года. Тем самым сразу задавалась высокая планка намечаемой кампании, при этом бросалась тень и на могущественного Берия. Лидером грузинской компартии становился его давний недоброжелатель, руководитель Кутаисской организации Мгеладзе.⁴⁴⁷

Апробированная на грузинской почве, кампания по развитию внутрипартийной демократии стартовала по всей стране, трансформируя звучавшие ранее ритуальные заклинания о пользе критики и самокритики в реальную политическую силу. Развернутая кампания затронула все без исключения регионы Советского Союза. Об этом со всей определенностью свидетельствуют материалы, публикуемые газетой «Правда». Главный пропагандистский рупор из номера в номер ратовал за принципы демократического централизма, за борьбу с бюрократизмом, необходимость критического отношения к работе. Требовал со всей строгостью наказывать лиц, виновных в зажиме критики и преследующих коммунистов, сигнализирующих о недостатках. И это были не просто слова: многие руководящие работники лишились своих постов в ходе развернувшейся кампании. К примеру, 26 июля 1952 года секретариат ЦК принял постановление «О фактах зажима критики в партийной организации Железнодорожного района г. Ростова». За антипартийную деятельность, выразившуюся в преследовании за критику и провокациях в целях обмана партии, руководство районной парторганизации (четыре человека) было исключено из рядов ВКП(б). Прокуратуре СССР поручалось привлечь их к судебной ответственности, а секретарю Ростовского обкома объявлялся строгий выговор.⁴⁴⁸ В той же Грузии, откуда кампания брала свое начало, в течение 1952 года было заменено 427 секретарей горкомов, райкомов, заведующих отделами.⁴⁴⁹ Под шквалом критики оказались не только партийные

⁴⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1093. Л. 36–39.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 680. Л. 2–3.

⁴⁴⁹ Правда. 1953. 20 января.

структуры, но и государственные органы: только за август 1952 года Секретариат ЦК рассмотрел вопрос «О недостатках в деле подбора, расстановки и воспитания кадров» применительно к четырем общесоюзным ведомствам — Министерству вооружений, авиационной промышленности, судостроительной промышленности и связи. Здесь также в полном объеме воспроизводились обвинения в бюрократическом стиле работы, плохой проверке исполнения решений со стороны руководителей министерств.⁴⁵⁰

С опубликованием проекта нового Устава партии дискуссии о развертывании демократических принципов перешли в русло его обсуждения. С этой целью «Правда» открыла постоянную рубрику, где помещались поступившие отклики на текст Устава. Коммунистами высказывалось немало замечаний, направленных на демократизацию внутри партийной жизни. Предлагалось сделать открытыми для всех членов партии данного города или района собрания актива, привлекать к ответственности вплоть до исключения из партии за преследование работников печати (т. е. журналистов), не выдвигать секретарями крайкома, обкома, горкома и райкома тех, кто на выборах парткомитетов в ходе собраний или конференций не получил 2/3 голосов.⁴⁵¹ Сильные возражения при обсуждении проекта Устава вызвало изменение названия партии из Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) в Коммунистическую партию Советского Союза. Многих не удовлетворила предложенная мотивировка о том, что наименование КПСС является более точным, так как находится в большем соответствии в наименованием государственных органов СССР. В Центральный Комитет поступали письма в резком несогласии против данного положения Устава. Так, Павлов (г. Москва) писал: «Категорически возражаю против наименования — Коммунистическая партия Советского Союза. Причина: в жизни мы не называли нашу партию полным наименованием... По этой традиции и новое наименование будем называть сокращенно КПСС. Одно звучание эс-эс противно каждому советскому человеку, как напоминающее о немецкой фашистской организации «СС», а сокращенное КП — на военном языке означает командный пункт».⁴⁵² Были и другие, менее эмоциональные, но более содержательные аргументы, как, например, письмо Владыкина (Удмуртская АССР), где подчеркивалось: «Слово большевик я прошу сохранить из-за того, что оно сразу как-то напоминает об исторических моментах борьбы и работы нашей партии, воодушевляет коммуниста, как-то морально и психологически действует... Кроме всего этого я считаю, что наша коммунистическая партия большевиков есть ведущая партия во всем мире и вот эту ведущую роль чем-то надо оттенить и мне кажется, вот это-то слово большевик сразу выделяет нашу партию от остальных коммунистических партий мира, к тому же слово большевик имело бы большое значение для молодежи и для вступающих».⁴⁵³

Масштабная кампания по оживлению внутрипартийной жизни достигла своего апогея на XIX съезде КПСС. Буквально все ораторы партийного форума делали основой своих выступлений данную тему. Сменяя один другого, делегаты съезда повторяли как заклинание — развернуть решительную борьбу с теми, кто тормозит развитие критики и самокритики, не право, а обязанность коммуниста сообщать в вышестоящие инстанции о недостатках в работе и т. д. В этом смысле интересные наблюдения сделал Поскребышев: «Критику и самокритику не уважают лишь люди с нечистой совестью, это либо нарушители партийной и государственной дисциплины, либо презренные трусы, либо жалкие обыватели, недостойные

⁴⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 684. Л. 2–4; Д. 686. Л. 9; Д. 687. Л. 1; Д. 690. Л. 2.

⁴⁵¹ Правда. 1952. 27 сентября.

⁴⁵² РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 27. Л. 65.

⁴⁵³ Там же. Л. 18–19.

носить высокое звание члена партии».454

Удивительно, но факт — самым не критичным человеком, присутствующим на XIX съезде КПСС, был... сам Сталин. К такому выводу приводит сделанная им накануне съезда правка проекта Отчетного доклада ЦК, озвученного Маленковым. Изучение архивных документов показало, что Сталин, редактируя отчетный доклад, всячески пытался смягчить в тексте многие места, ослабить некоторые формулировки, снять острые моменты. Вот несколько выдержек из документов (текст дается по проекту доклада Маленкова, в скобках указана правка Сталина):455

«министерства недополучают большое (Ст. — известное) количество продукции».

«...имеют место многочисленные (вычеркнуто) факты поставки потребителю недоброкачественных изделий и товаров».

«нельзя мириться с такими крупными (вычеркнуто) недостатками в работе промышленности».

«на предприятиях и особенно на стройках все еще велика (Ст. — имеется) текучесть рабочих».

«Далее, надо признать, что все еще имеют место факты преступного расхищения и растаскивания (Ст. — разбазаривания) колхозного добра, захвата колхозных земель (вычеркнуто).

«появилось много (Ст. — немало) работников, которые забывают...»

Изучение документа выявило вещи более серьезные, чем просто техническая правка. Сталин произвел в докладе Маленкова вставки принципиального характера. Например, им вписано известное заявление Маленкова о решении в СССР зерновой проблемы. Вот оно: «Таким образом, зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьезной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно».456

Но все эти детали не были известны тогда делегатам съезда, которые в течение его работы с нетерпением ждали выступления вождя. Как известно, он выступил с краткой речью, сказав по сути несколько общих фраз жаждавшей его слышать аудитории. Это хорошо передано в воспоминаниях Шепилова: «Весь зал поднялся как наэлектризованный. Громовые овации сотрясали здание дворца. Стоя на трибуне, Сталин внешне безучастно смотрел в пространство. По его лицу нельзя было определить, какие чувства испытывал в этот момент диктатор... Пару раз он поднимал руку, как бы прося аудиторию позволить ему начать говорить. В эти моменты овации удесятерились».457

На XIX съезде КПСС было принято решение о значительном увеличении состава Политбюро, преобразованного теперь в Президиум ЦК. В его состав, избранный съездом, вошли 25 членов и 11 кандидатов. Такого большого количества Политбюро не насчитывало

454 XIX съезд КПСС. Бюллетень № 10. М. 1952. С. 59.

455 См.: РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 6. Л. 26, 27, 30, 40, 63; XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1. М. 1951. С. 25, 31, 32, 34, 47.

456 См.: Там же. Л. 35об-36; С. 54.

Заявление о решении зерновой проблемы впоследствии так комментировалось Хрущевым: «На XIX съезде партии Маленков заявил о полном и окончательном разрешении зерновой проблемы в нашей стране. На самом деле валовой сбор зерновых культур по всем категориям хозяйств в среднем за 1949-53 гг. составил 4,9 млрд. пудов. После съезда в ЦК партии стали поступать письма, в которых люди спрашивали: если зерновая проблема решена и зерна в стране достаточно, то почему хлеб продается с примесями? Тогда Сталин созвал заседание президиума ЦК и грозно обвинял многих работников чуть ли не во вредительстве, потребовал ответить, почему мало хлеба. Будучи оторванным от народа, он не знал, что продавать больше нечего, что тот хлеб, — это суррогат // Пленум ЦК КПСС. 5-9 марта 1962 г. Стенографический отчет. М. 1962. С. 18.

457 Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 27.

еще никогда. Вскоре Сталин образовал неуставной орган — Бюро Президиума ЦК (во многом, по аналогии с Бюро Президиума Совмина), в который не включил Молотова и Микояна. Вспоминая об этих переменах, Хрущев отмечал, что «Президиум фактически не собирался, все вопросы решало Бюро». ⁴⁵⁸

Немало вопросов вызывает согласование кандидатур для включения в состав Президиума и Бюро. Среди них было немало новых людей, что, вне всякого сомнения, отражало серьезные намерения Сталина по кардинальному обновлению правящей верхушки. Как отмечал в своих мемуарах Хрущев: «Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и с кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю». ⁴⁵⁹ Утверждение Хрущева о том, что Сталин не знал этих людей, верно лишь отчасти. Сопоставление списочного состава нового президиума с данными журналов посетителей кремлевского кабинета вождя позволяет установить: Сталин действительно плохо знал только 12 человек (т. е. ровно 1/3 президиума), которых принимал всего 2–3 раза в жизни или до XIX съезда не видел вообще (как А. Аристов, Л. Мельникова, Д. Чеснокова, Л. Брежнева, Н. Игнатова, А. Пузанова). Все остальные, судя по журналам приема, должны быть ему хорошо известны или, по крайней мере, знакомы. ⁴⁶⁰

В фонде Маленкова имеется черновой набросок состава высших органов партии, которые предполагалось создать в ходе работы съезда. В списке намеченных кандидатур в состав ЦК знак вопроса был поставлен (безусловно, по инициативе Сталина) напротив фамилий А. Н. Косыгина, П. К. Пономаренко, М. А. Сулова, а также В. М. Андрианова, А. Б. Аристов, Л. И. Брежнева, А. Я. Вышинского, С. Д. Игнатьева, В. В. Кузнецова, Н. А. Михайлова, Н. С. Патоличева. Вычеркнуты были две фамилии — Микоян и Молотов. ⁴⁶¹

В другом документе из этого фонда приводятся наметки персонального состава Президиума ЦК. Знаком «+» здесь были отмечены фамилии, которые либо не вызывали никаких дополнительных вопросов у Сталина, либо должны были составить в будущем «руководящую группу» членов Президиума: Сталин, Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Хрущев и Сабуров. ⁴⁶² Все секретари ЦК должны были являться членами или кандидатами в члены Президиума ЦК.

Весьма интересно и распределение обязанностей между членами Президиума ЦК, утвержденное на его заседании 18 октября 1952 г. Были созданы три постоянные комиссии при Президиуме.

Комиссию по внешним делам возглавил Маленков, а в ее состав были включены Брежнев, Вышинский, Игнатьев С. Д., Каганович, Кузнецов В. В., Кумыкин, Куусинен, Михайлов Н. А., Молотов, Павлов В. Н. (ему отводилась роль секретаря комиссии), Первухин, Пономарев, Поскребышев и Сулов.

Во главе комиссии по вопросам обороны был поставлен Булганин, а в ее состав вошли Берия, Василевский, Ворошилов, Громов Г. П. (предполагавшийся секретарем комиссии), Захаров С. Е., Каганович, Кузнецов Н. Г., Малышев В. А., Первухин М. Г., сабуров М. З.

Комиссию по идеологическим вопросам возглавил Д. Т. Шепилов. В ее состав были

⁴⁵⁸ Хрущев Н.С. Воспоминания. М. 1997. С. 262

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ См.: Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина. Алфавитный указатель // Исторический архив. 1998. № 4.

⁴⁶¹ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2. Л. 202-207

⁴⁶² Там же. Л. 208

включены Румянцев А. М., Суслов М. А., Чесноков Д. И., Юдин П. Ф. (для которого Маленковым было дано специальное поручение по осуществлению контроля за работой идеологических журналов).⁴⁶³

На этом же заседании были еще более ослаблены позиции Молотова, Микояна и Булганина. Молотов был освобожден «от наблюдения за работой МИД СССР», а это наблюдение было передано теперь постоянной комиссии по внешним делам (которую, напомним, теперь возглавлял Маленков). Микоян был лишен обязанностей куратора министерства внешней торговли и министерства торговли СССР (этот участок также переходил теперь к Маленкову как председателю комиссии по внешним делам). Булганин же был лишен контроля над работой военного и военно-морского министерств, так как контроль над этим участком переходил к комиссии, где он хоть и был председателем, но вряд ли мог решить что-либо без одобрения Берии.⁴⁶⁴

Одновременно, по инициативе Маленкова, был создан «единый орган по изучению и распределению партийных и советских кадров» при Секретариате ЦК, где главную роль играл он сам. Это давало ему в руки контроль над кадрами не только партии, но и государства.

Между секретарями ЦК обязанности оказались теперь распределены следующим образом: Н. М. Пегов отвечал за работу с кадрами; А. Б. Аристов — осуществлял контроль за работой ЦК КП союзных республик, обкомов и крайкомов партии; Н. А. Михайлову было поручено руководство работой в области пропаганды и агитации; Л. И. Брежневу — наблюдение за деятельностью Главных политуправлений военного и военно-морского министерств; М. А. Суслов, Н. Г. Игнатов, П. К. Пономаренко оставались «разъездными» секретарями ЦК, выезжавшими по поручению руководства в регионы (а, по сути, не имевшие никаких непосредственных обязанностей).⁴⁶⁵

Кроме того, был создан Секретариат Президиума ЦК КПСС во главе с А. Н. Поскребышевым, который непосредственно уже тогда замыкался на Маленкова. Пункт четвертый соответствующего постановления обязывал Секретариат ежедневно докладывать Сталину *или Маленкову* о важнейших вопросах, поднятых в письмах, направленных в ЦК. В составе Секретариата предполагалось иметь шесть секторов: 1-й — общий; 2-й — архив Сталина и Президиума ЦК; 3-й — бывший архив Коминтерна; 4-й — шифровальный; 5-й — письма на имя Сталина; 6-й — хозяйственный. Фактически это было «государство в государстве», имевшее возможность реально управлять всем аппаратом ЦК.⁴⁶⁶

Завершив организационные вопросы, Сталин вновь через два дня (20 октября) собрал членов нового президиума. На этот раз он выступил перед ними с содержательной речью, где озвучил немало интересных моментов. Их смысл представляется возможным воспроизвести в самых общих чертах по записям Шепилова. Сталин выразил неудовлетворение уровнем и качеством партийно-государственной работы, узким кругозором и недостаточной квалификацией имеющих кадров. Он потребовал серьезного изучения международных

⁴⁶³ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 71

⁴⁶⁴ Там же. Л. 72

⁴⁶⁵ Там же

⁴⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 75–76. Попутно заметим, что этот важнейший рычаг управления партийными делами сохранялся в руках Маленкова вплоть до осени 1954 г., когда ему на смену пришел созданный Хрущевым Общий отдел ЦК. Добавим также, что по ленинской традиции председательствующим на заседаниях Политбюро (Президиума) ЦК являлся руководитель правительства. Ему, по сути, и должен был подчиняться Секретариат. Таким образом, сосредоточение в руках Маленкова рычагов партийной власти создавало для него и некий трамплин для последующего наследования поста главы правительства.

проблем, истории развития мировой экономики и сельского хозяйства в частности, для чего необходимо иметь образованных людей со знанием основных мировых языков. Смелее обращаться к вопросам внешней политики, помня, что СССР является мировой державой, не ждать указаний сверху. Сталин потребовал серьезно поднять идеологическую работу, усилить состав редколлегии журнала «Большевик», оказать помощь журналам «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Вопросы экономики», покончив с практикой перепечатки в них постановлений партии и правительства и их пустым комментаторством. Все эти мысли произвели сильное впечатление на участников встречи.⁴⁶⁷

Ситуация стала еще более стремительно развиваться после 1 декабря 1952 г., когда состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС (иногда его называют Пленумом ЦК). В настоящее время в архивах (включая и АПРФ) не обнаружены документы с материалами этого заседания. О них лишь упоминает в своих дневниках В. А. Малышев, который пишет о том, что речь Сталина на заседании носила программный характер. Он не просто обрушился с резкой критикой на «американский империализм» и его «сионистских пособников», но и потребовал очередной перестройки органов государственной безопасности, на которые возложил ответственность за негативные стороны жизни общества. Были вновь заклеены Молотов и Микоян.

О характере принятых на заседании решений известно также из составленной по итогам его работы Записки (от 4 декабря 1952 г.).⁴⁶⁸ В документе отмечалось, что партия «слишком доверяла и плохо контролировала работу Министерства госбезопасности и его органов». Особый акцент делался на то, что «обкомы, крайкомы партии и ЦК компартий союзных республик неправильно считают себя свободными от контроля за работой органов государственной безопасности и не вникают глубоко в существо работы этих органов».⁴⁶⁹ Весьма знаменательным фактом было и то, что авторы документа критиковали партийные организации системы МГБ как в центре, так и на местах за то, что они «не вскрывают недостатков в работе органов МГБ, зачастую поют дифирамбы руководству».⁴⁷⁰ Такая постановка вопроса прямо вела к усилению доносительства и новой волне репрессий в самих органах МГБ, так как в постановлении требовалось «обеспечить развертывание критики и самокритики в организациях, своевременно сообщать руководящим партийным органам вплоть до ЦК КПСС о недостатках в работе министерств, управлений и отдельных работников».⁴⁷¹ Для этого предлагалось установить впредь такой порядок, чтобы секретари парторганизаций республиканских министерств, областных и краевых управлений МГБ утверждались обкомами, крайкомами, ЦК компартий союзных республик, а секретари партийных комитетов центрального аппарата МГБ СССР — ЦК КПСС.

Метаморфозы этого документа поразительны. Сталин пытался использовать его для усиления и без того, казалось, полного личного контроля над органами госбезопасности. Берия, спустя три месяца использовал основные положения этого документа при создании объединенного МВД, во главе которого он стал. Маленков в июле 1953 г. включил его

⁴⁶⁷ Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 33–34.

По итогам этого разговора вскоре принято решение ЦК об освобождении от должности главного редактора журнала «Большевик» П.Федосеева, из состава редакции выводились Г.Александров и М.Иовчук // Правда. 1952. 24 декабря.

⁴⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 58-59

⁴⁶⁹ Там же. Л. 58

⁴⁷⁰ Там же

⁴⁷¹ Там же.

основные положения в свой доклад на пленуме ЦК, развенчавшим Берию. Наконец, уже в 1954 г. Хрущев использовал это постановление как отправное при создании КГБ и объяснении необходимости контроля партийного аппарата (который он тогда возглавлял) над деятельностью органов госбезопасности.

После заседания Президиума ЦК 1 декабря 1952 г. был ускорен ряд мер органов госбезопасности по так называемому «мингрельскому делу», за которым вырисовывалась фигура «главного мингрела» — Берии. В «подвешенном состоянии» оказались и другие члены высшего руководства. Начались аресты по «делу врачей». Их справедливо полагали одним из звеньев в готовящейся Сталиным акции по смещению Берии. Более того, по сложившейся практике, при оперативной разработке членов высшего партийного руководства фамилии разрабатываемых не печатались, а вписывались самим министром (или, в зависимости от характера документа, другим ответственным лицом) от руки в готовый текст. Печатать фамилии этих руководителей в документах МГБ начинали лишь тогда, когда вопрос о его предстоящем аресте был уже решен наверху. По данным В. П. Наумова, в оперативных документах МГБ уже во второй половине 1952 г. фигурировали фамилии Молотова, Микояна и Берии.

Значение заседания Президиума ЦК, состоявшегося в день убийства Кирова (1 декабря), имеет определяющее значение для последних трех месяцев жизни вождя. Именно здесь было объявлено о т. н. «деле врачей». В выступлениях руководства МГБ оглашались материалы, касающиеся этого вопроса. Как известно, сообщение по данному делу публиковалось в «Правде» 13 января 1953 года под заголовком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Среди жертв врачей назывались видные деятели партии и государства: А. Жданов, А. Щербаков, А. Горький, В. Куйбышев, В. Менжинский. «Красной нитью» этого сообщения был вывод о повышении бдительности и борьбе с ротозейством. С этого момента данная тема вводится в активный политический оборот.⁴⁷² «Правда» помещает письма трудящихся, адресованные Л. Тимашук, проявившей ту самую бдительность и разоблачившую врагов в медицине. Вот выдержка из одного из них: «Все — стар и млад, если бы было возможно иметь Ваш портрет, поставили бы его на самое дорогое место в рамке, в семейном альбоме».⁴⁷³

История шпиономании, замешанная на изрядной порции антисемитизма, захлестнула советское общество первой половины 1953 года. В информации ЦК КПСС об откликах на сообщение об аресте врачей-вредителей говорилось о повсеместных требованиях увольнять евреев, в школах создавалась нетерпимая атмосфера вокруг учащихся еврейской национальности, люди отказывались посещать врачей-евреев.⁴⁷⁴ Волна шпиономании, поднятая властями, была настолько сильна, что продолжилась и после смерти Сталина. В этом смысле не случайно, что арестованный в июне 1953 года Берия был объявлен не кем-нибудь, а иностранным шпионом, агентом западных спецслужб. В существовавшей обстановке массовой истерии и поиска врагов, возникшей после «дела врачей», по-другому быть не могло. Несомненно, волна шпиономании была инспирирована самим Сталиным. По всей видимости, это можно квалифицировать как начало конкретных действий по физическому устранению его многолетних соратников по власти — Молотова, Микояна, Ворошилова, Берии и не только. Их смена, возведенная Сталиным в президиум ЦК, могла занять место ветеранов в любой момент.

⁴⁷² См.: Покончить с ротозейством в наших рядах // Правда. 1953. 18 января; Свободные народы повышают бдительность // Правда. 1953. 27 февраля; ротозеи — пособники // Правда. 1953. 31 января; Бдительность — наше оружие // Правда. 1953. 8 февраля и др.

⁴⁷³ Чечеткина О. Почта Лидии Тимашук // Правда. 1953. 20 февраля.

⁴⁷⁴ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 151. Д. 13. Л. 1.

Как показывают документы, радикальные кадровые решения могли последовать уже в первые дни марта. Во всяком случае, журнал посетителей кабинета Сталина 2 марта 1953 г. зафиксировал последних его посетителей перед началом болезни. Ими стали неизменный спутник падения высших партийных чиновников председатель Комитета партийного контроля Шкирятов (причем дважды), секретарь ЦК Суслов и заместитель председателя СМ СССР М. Г. Первухин (введенный 30 августа 1952 г. в состав Бюро Президиума Совета Министров). Показательно, что Берия и Маленков последний раз перед болезнью посетили кабинет Сталина лишь 17 января, а Молотов вообще лишь 1 октября 1952 г.

Все это говорит о том, что смерть Сталина пришлась как нельзя более кстати многим членам Президиума ЦК. И это вновь ставит вопрос о необходимости внимательного изучения обстоятельств внезапной болезни и смерти Сталина. Сегодня не кажутся абсолютно нелепыми и безосновательными утверждения А. Авторханова и других авторов о возможном убийстве вождя. Во всяком случае, к началу февраля Сталин не жаловался на здоровье, неплохо выглядел, был полон планов. Внезапный инсульт случился именно тогда, когда все лечащие врачи Сталина оказались под арестом, а начальник личной охраны генерал Власик — под следствием. Еще раньше, в мае 1951 г. были значительно сокращены расходы по Управлению охраны МГБ СССР (предложение исходило от Берии), а начальник личной охраны Сталина генерал Н. С. Власик снят со своей должности. Характерно, что информация о реальных злоупотреблениях Власика служебным положением имела у Берии давно, но пущена в ход была лишь в нужный момент. О том, что Власик был снят по инициативе Берии, свидетельствуют не только воспоминания самого Власика, но и то, что в состав комиссии по расследованию поступившего на него «сигнала» был назначен именно Берия, а возглавил ее близкий ему Маленков. В сентябре 1952 г. по инициативе Берии П. И. Егоров был заменен на посту начальника Лечсанупра Кремля генерал-майором И. И. Купериным, работавшим начальником медико-санитарного отдела АХУ МГБ СССР и тесно связанным с Берией. Наконец, устранение от должности ближайшего помощника Сталина — А. Н. Поскребышева в канун смерти вождя также наводит на серьезные раздумья. По свидетельству дочери Поскребышева, при аресте ее отца тот произнес весьма знаменательную фразу: «Дни Сталина сочтены. Ему мало жить осталось».⁴⁷⁵

В личном фонде Сталина имеется фактически две истории болезни (д. 1482 — с 25 марта 1921 по 14 апреля 1952 гг. и д. 1483 — с 31 августа 1944 по 9 ноября (?) 1953 гг.) и д. 1484 с советами о лечении и жалобами на неправильное лечение вождя (охватывающее период с 4 марта по 4 апреля 1953 г.). В этих важнейших документах обращают на себя внимание многочисленные подчистки, нехватка листов, измененная нумерация страниц. Относятся они к периоду, когда Сталина уже не было в живых.

Напомним, что вплоть до середины 40-х гг. серьезных заболеваний у вождя не зафиксировано. Лишь в начале 20-х гг. в ходе внутрипартийной борьбы у него на короткий срок была диагностирована неврастения. Суставный ревматизм левой руки имел еще более раннее происхождение (с 1885 г.) и давал о себе знать чаще всего после гриппа.

Болезнь, начавшаяся в ночь с 1 на 2 марта 1953 г. была диагностирована как нарушение мозгового кровообращения (инсульт). Она же указывалась и как непосредственная причина смерти в официальных документах, опубликованных после кончины Сталина. Однако в истории этой последней болезни с самого начала обращают на себя внимание неполадки вовсе не в головном мозге, а в желудке и печени. Врачи отмечали некие изменения мочи, которые консилиум расценил как результат нефросклероза. В первые часы после начала заболевания 2 и 3 марта отмечалось вздутие живота больного, а также рвота. Однако очистки кишечника решили не производить, чтобы «не беспокоить больного» (!?), а рвотную массу впервые за все годы наблюдения первого лица не отправили на специальную экспертизу (чтобы убедиться в отсутствии яда), как это было предусмотрено прежде. 4 марта врачи

⁴⁷⁵ Цит. по книге Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым», С. 325

отмечали новую особенность — «печень выходит из-под ребер на 3 см». После относительно спокойного течения болезни, в 4. 55 утра 5 марта у больного появилась икота, в 8. 00 — кровавая рвота (данные об этом содержались в дневнике консилиума, но не нашли отражения в официальном бюллетене), а в 11. 20 — новые позывы на рвоту. Как отмечали специалисты, «состояние больного сразу резко ухудшилось. Лицо побледнело. Дыхание стало очень поверхностным, с длительными паузами». Пытаясь разобраться в причинах внезапно открывшейся кровавой рвоты, консилиум в 12. 00 пришел к выводу, что «она является результатом сосудисто-трофического поражения слизистой оболочки желудка, связанной с основным заболеванием». В проекте официального заключения консилиума врачей 5 марта, составленного сразу после смерти Сталина, говорилось, что непосредственной причиной его смерти стало внезапно возникшее желудочное кровотечение. Именно оно «способствовало возникновению повторных приступов коллапса, которые закончились смертью». Однако именно эта фраза, равно как и упоминания о кровавой рвоте и других симптомах, связанных с желудком и печенью, были вычеркнуты из окончательного варианта документа чьей-то рукой. В том, что ни один врач, и даже министр здравоохранения не мог взять на себя ответственность за такой шаг, сомневаться не приходится. Это могло быть лишь одно из высших лиц в государстве.

Патолого-анатомическое исследование тела Сталина показало, что ущерб, причиненный кровоизлиянием в мозг не так велик, как могло показаться: «В области полюса левой височной доли небольшой очаг кровоизлияния, диаметром 0,5 см...». Зато в желудке обнаружена «черного цвета жидкость». При вскрытии были обнаружены очаги кровоизлияния не только в желудке, но и в кишечнике.

Поскольку официальные бюллетени о состоянии здоровья генералиссимуса публиковались в открытой печати и горячо обсуждались, особенно среди специалистов-медиков, а в памяти у всех еще было «дело врачей», еще в период болезни Сталина в ЦК стали поступать советы о лечении вождя, а после его кончины — указания на неправильное лечение.

Так сотрудники Горьковского мединститута высказывали беспокойство в связи «с целесообразностью применения при высоком давлении и кровоизлиянии тонизирующих средств камфары и кофеина». Некий аноним обращал внимание именно на множественные кровоизлияния в сердечную мышцу и органы брюшной полости, в то время как «кровоизлияние в мозгу ограничилось подбололочечным и внутриузловым. В желудочках мозга кровоизлияния не было».

Самым обстоятельным было письмо врачей Е. Е. Филипповой, А. А. Никонова и Ф. Н. Евлахова, написанное 10 марта. В нем отмечалось, что назначение и подкожное впрыскивание 20 % камафарного масла при гипертонической болезни и кровоизлиянии в мозг губительно, опасно и ничем не оправдано, так как оно «повышая кровяное давление и усиливая сокращение мускулатуры сердца и сосудов, способно лишь выбросить кровь из сосудов головного мозга под мозговую оболочку», что и произошло. Они полагали неправильным и назначение больному кислорода, что вызвало охлаждение тела, спазмы и сокращение сосудов в легких, а это, в свою очередь, повышает кровяное давление и ведет к выбрасыванию крови из мозговых сосудов под мозговую оболочку. Авторы письма обвиняли в неправильном лечении «старых буржуазных профессоров» Тарева, Мясникова и Лукомского и требовали их к ответу. Понятное дело, что власти взяли врачей под защиту.

В то же время, вариант готовящегося покушения на Сталина находит отражение и в воспоминаниях его дочери Светланы. Она отмечает, что в феврале 1953 г. состоялся ее последний разговор с отцом по телефону, в котором он спросил ее о письме некоего Надирашвили, искавшего выход на Жукова или Ворошилова и имевшего некие компрометирующие материалы на Берия.⁴⁷⁶ Светлана обращает внимание и на то, что

⁴⁷⁶ Аллилуева С. 20 писем другу: Воспоминания дочери. М. 2000. С. 215–217

несмотря на тяжелое состояние отца, высшие чины охраны не предпринимали ничего для оказания помощи Сталину, хотя даже без прихода врачей диагноз («удар») ему поставила даже подавальщица Мотя Бутузова.⁴⁷⁷ Светлана Сталина утверждает, что некоторой информацией об участии отдельных членов руководства в устранении отца располагал ее брат Василий, который попытался поделиться своими идеями на этот счет с зарубежными корреспондентами и был именно за это арестован.⁴⁷⁸

Материалы истории болезни Сталина показывают, что в этот критический момент был почему-то изменен традиционный (и проходивший всегда под неусыпным надзором МГБ) порядок лечения главы государства. Особую и до конца не проясненную роль в эти дни сыграл вскоре бесследно пропавший ближайший подручный Берии — Хрусталева. Некоторое недоумение с точки зрения практической целесообразности вызывает установление Бюро Президиума ЦК КПСС «постоянного дежурства у т. Сталина членов бюро Президиума ЦК».⁴⁷⁹

На прямой вопрос Ф. Чуева о возможности отравления Сталина во время последней встречи с ним членов Политбюро за столом, Молотов позже отвечал: «Могло быть».⁴⁸⁰ Более того, размышляя о первых месяцах после смерти Сталина, Молотов вспоминал о том, что Берия «на трибуне мавзолея 1 мая 1953 года делал такие намеки...», говоря: «Я всех вас спас».⁴⁸¹

Наконец, в последний день жизни Сталина (причем именно в те часы, когда наметилось некоторое улучшение состояния его здоровья) «ближний круг» приступил к дележу власти. Это тема отдельного разговора, но она необычайно важна, так как речь идет о механизмах передачи власти. О том, как все проходило, говорил Молотов на январском Пленуме (1955 г.), подвергая критике Маленкова: «Смерть товарища Сталина. Мы стоим у постели больного человека, который умирает. Надо между собой поговорить, никто не говорит с нами. Здесь есть двое — Маленков и Берия. Мы сидим на втором этаже: я, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович, а они наверху. Они приносят готовые, сформулированные предложения, обращение ЦК, проекты Президиума Верховного Совета, состав Правительства, глава Правительства, Министерства, такие-то Министерства объединить и прочее. Все это принесено нам Берия и Маленковым». В фонде Маленкова сохранились черновые наброски состава высшего руководства страны. Согласно этим первоначальным планам, лишались своего бывшего веса в партии и правительстве именно те лица, которым наиболее доверял в последний период жизни Сталин, более того, те, кого он всячески выделял в эти месяцы: М. З. Сабуров, М. Г. Первухин и В. А. Малышев. Они должны были утратить посты заместителей Председателя Совета Министров и членов Бюро Президиума СМ СССР. Первухин должен был получить пост министра электростанций (позже, заметим, после своего падения с поста главы правительства на это место был назначен сам Маленков), а Малышев — министра транспортного и тяжелого машиностроения. Характерно, что утверждение этих проектов на совместном заседании высших партийных и государственных органов состоялось вечером 5 марта, когда Сталин еще был жив!

Для чего понадобилось Маленкову и Берии после нескольких лет подковой борьбы

⁴⁷⁷ Там же, С. 217

⁴⁷⁸ Там же, С. 219

⁴⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1486. Л. 1

⁴⁸⁰ Сто сорок бесед с Молотовым..., С. 324

⁴⁸¹ Сто сорок бесед с Молотовым..., С. 327–328

за власть вновь возводить на ее вершины Молотова, Микояна, Кагановича и др.? Думается, главной причиной было именно то, что не знавшие всех перипетий этой борьбы миллионы советских людей по-прежнему видели едва ли не единственным преемником Сталина Молотова, а других старейших членов Политбюро — обязательным окружением любого нового лидера страны. Маленков и Берия справедливо опасались того, что страна может не поддержать иной расклад политических сил в высшем руководстве. И надо сказать, что опасались этого они, конечно, не без оснований — в адрес Молотова после смерти Сталина пришли сотни писем, в которых простые люди выражали недоумение по поводу того, что не он стал новым лидером страны. Кроме того, быстрая реабилитация врачей привела к тому, что в общественном сознании (обладавшим большой инерцией) она вызвала сомнение в правильности этого шага. Люди в письмах Молотову обвиняли Маленкова и Берия в «потворстве евреям» и т. п.

Так или иначе, смерть Сталина оказалась весьма кстати как для тех членов Президиума ЦК, кто возглавил бы списки новых «врагов народа» уже к лету 1953 г., так и для тех, кто уже явно заждался власти и стремился скорее получить ее, не дожидаясь возможной опалы.

Заключение

Главное содержание первых послевоенных лет — это приобретение Советским Союзом статуса «сверхдержавы». Данное обстоятельство обусловило многие серьезные изменения в политическом курсе. В первую очередь, это касается внешнеполитической сферы. После окончания войны орбита влияния СССР существенно расширилась, советская страна утвердилась в качестве активного игрока на международной арене.

Расставание с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции произошло довольно быстро, надежды на сотрудничество между ведущими государствами мира и, прежде всего, с Соединенными Штатами Америки остались иллюзиями. В результате отношения СССР с государствами Запада выстроились на основе политики, вошедшей в историю под названием «холодная война». Именно в период 1945–1953 годов практически в полном объеме произошла выработка советского внешнеполитического курса, существовавшего вплоть до конца 80-х годов. Конфронтационные отношения с Западом, оформленные в этот период, в целом оставались таковыми практически до перестройки. Ожидание полномасштабной войны или крупного конфликта стало тем синдромом, который характеризовал жизнь общества со сталинских времен до конца существования советского государства. Даже курс на мирное сосуществование двух систем, выдвинутый на первый план Хрущевым, зарождался именно на рубеже 40-50-х. К осознанию его необходимости и преимуществ советское руководство пришло еще до «оттепели».

Тоже можно сказать и об отношениях со странами социалистического лагеря, базовые принципы которых заложены в конце 40-х годов. Впоследствии советская политика здесь и после смерти во многом оставалась сталинской. Происходила лишь ее определенная оптимизация, связанная со смягчением наиболее явных резкостей, допущенных лично Сталиным (например, его неприязнь к И. Тито).

Курс на военное противостояние с Западом стал определяющим для внутренней жизни Советского Союза. Четко выраженная конфронтационная направленность оказала существенное влияние на экономическое развитие страны. Как это не покажется парадоксальным, окончание Великой Отечественной войны стало отправной точкой милитаризации советского общества. С 1946 года набирает силу производство различного вооружения. Возрастает производство его обычных видов, объем которого превысил уровень военного времени. Разрабатываются новейшие виды оружия — атомная бомба, реактивная техника, радиолокация. На все это тратятся огромные средства разоренной войной страны.

Представление о ВПК как об оборонном секторе народного хозяйства, долгое время господствовавшее в литературе, не выдерживает критики. Обслуживание потребностей военно-промышленного комплекса, фундамент которого фактически закладывается в период

1945–1953 годов, превращается в главную цель экономического функционирования СССР. Источниками развития ВПК становится все народное хозяйство страны. Ограниченность производства товаров народного потребления, разоренное сельское хозяйство, низкий уровень жизни людей, голод — все это следствие приоритетного положения военной промышленности, обеспечивающей баланс противостояния с капиталистической системой на международной арене. Поддерживание статуса «сверхдержавы» стало очень дорогой ценой для советской экономики, так как она основывалась не на эффективности работы, а на прямом административном перераспределении финансовых и материальных средств в пользу постоянно растущих военных отраслей. Данная экономическая модель, заложенная Сталиным в первые послевоенные годы, определила хозяйственную структуру страны на десятилетия вперед. Последующие руководители советского государства развивали и совершенствовали эту военизированную модель, в первую очередь, ориентируясь на нужды и запросы ВПК, что во многом являлось залогом устойчивости их власти.

Исторический этап 1945–1953 годов следует квалифицировать как исключительно важный для формирования идеологической архитектуры советского режима в целом. С одной стороны, он подводил итог тому, что появилось в политической практике после XVIII съезда ВКП(б) и особенно в период Великой Отечественной войны, с другой — определил те принципы, которые утвердились и оставались базовыми вплоть до середины 80-х годов.

Главным идеологическим стержнем той эпохи являлся вопрос о строительстве коммунизма. Эта наиболее существенная тема коммунистического учения получила своего рода «новый импульс» на XVIII партийном форуме, который объявил о начале строительства в Советском Союзе высшей фазы общественного развития. Более широкое звучание эти аспекты получали после окончания войны, по объективным причинам прервавшей победную созидательную поступь. Приближение коммунистического завтра становится практическим делом всей партии, всего народа. Однако доктрина строительства нового высшего общества в интерпретации Сталина выглядела не совсем привычно для постулатов марксистско-ленинского учения. Вождь отбросил любые попытки и рассуждения относительно уменьшения роли, а затем и отмирания государства. Данный процесс, прогнозировавшийся классиками научного коммунизма, рассматривался в качестве сущностного признака высшей фазы общественного развития. Но было очевидно, что режим, созданный в СССР не был готов к подобным воплощениям теоретических разработок марксизма. Не трудно догадаться, как это противоречило его сути, препятствовало всему его жизненному функционированию, а главное — масштабным планам по экспансии большевистской гегемонии в мире. Выход был найден в развитии теории научного коммунизма в исполнении Сталина. Вопросы строительства нового общества он напрямую связал с задачей укрепления государственной власти, армии и разведки. Такие неудобства, как расхождение с идейными ориентирами классиков, вождь объяснял изменившимися конкретно-историческими условиями (по отношению к Марксу и Энгельсу) и смертью Ленина, не успевшего создать цельное учение о государстве.

Концепция построения коммунизма, выдвинутая Сталиным, содержала и другое идеологическое новшество, основанное на сочетании двух факторов: участия в коммунистическом строительстве и патриотизма. В послевоенные годы патриотом назывался исключительно тот, кто разделял цель и деятельность партии по созданию светлого будущего. Данный сплав получал определение советского патриотизма, патриотизма нового высшего типа с акцентом на великорусскую державность. Использование патриотических мотивов во многом обуславливалось прошедшей войной, потребовавшей мобилизации нравственных и духовных сил народа. Но ставка на патриотизм в такой необычной интерпретации, на наш взгляд, требует более широкой трактовки. По сути, на этой основе создавалась система координат для идеологического противостояния с Западом, обслуживания амбициозных планов Сталина как внутри, так и вовне страны. Все это не совпадало с ленинскими идейными установками, во главе угла которых находились принципы интернационализма. Как известно, Ленин и его соратники делали ставку на

мировую революцию в Западной Европе и, в первую очередь, в Германии, рассматривая Россию лишь в качестве стартового плацдарма для серьезных и масштабных дел.

Отказавшись от этого, Сталин представил Советский Союз в качестве главного революционного локомотива, прорывающегося в будущее, увлекая за собой целые страны и народы. Подчеркивание державности вызвало к жизни новое отношение к недавнему отечественному прошлому, т. е. царской России. Произошла определенная реабилитация того, что безоговорочно отвергалось и вызывало ненависть у старой большевистской гвардии 20-х годов. Такой подход к историческому прошлому (только героическому и величественному) давал выгодную подпитку державной политике и великорусским настроениям. Наиболее значимым поворотом в этом направлении стал пересмотр отношений с русской православной церковью. Подобного больше не наблюдалось в советской истории ни до войны, ни уже после смерти Сталина вплоть до конца 80-х годов. Вождь и здесь пренебрег идеологическими традициями большевизма для достижения сугубо прагматических целей. Использование института церкви, ее международного авторитета представлялось для него более перспективным, чем атеистическая риторика. Необходимо подчеркнуть, что сталинский поворот в отношении церкви так и не был принят значительной частью партаппарата, не одобрявшего заигрывание со своим заклятым врагом, определенным еще Лениным.

Основное содержание советской идеологии послевоенного периода состоит в ее приспособлении к обслуживанию сталинских замыслов по установлению мирового господства. Все идеологическое функционирование безотносительно соответствия марксистско-ленинским канонам было подчинено именно этим целям. Путь «мировой революции» в интерпретации Сталина во многом не совпадал с подходами в ее реализации, предлагаемых старой большевистской гвардией 20-х годов. Однако возведение Сталина в ранг классика марксизма-ленинизма решило все эти проблемы. Встав в один ряд с Марксом, Энгельсом и Лениным, вождь получил возможность беспрепятственно манипулировать теорией научного коммунизма, ориентируясь исключительно на собственные прагматические цели. Построенное им в послевоенные годы идеологическое здание стало родным «домом» для следующего поколения советского руководства, которое было не в состоянии отказаться от этого сталинского наследия.

В послевоенный период на вершине партийно-государственной иерархии происходили процессы, определившие конфигурацию и векторы внутреннего соперничества на многие годы вперед. Прежде всего, можно говорить о постепенном и все более заметном вытеснении представителей старой сталинской гвардии от реальных рычагов власти. Необходимо заметить, что данная тенденция, наметившаяся еще перед началом войны, заняла довольно длительный отрезок времени. В значительной степени это объяснялось «кадровым голодом» в руководстве страны, узостью ближнего сталинского круга. В одночасье заменить Молотова, Микояна, Ворошилова, Кагановича и др. не представлялось возможным. Даже падение ленинградской группы в 1949 году, ставшее катализатором в потеснении позиций ветеранов политбюро, не решило вопрос об их окончательном устранении. Говорить об этом можно только после XIX съезда партии, состоявшегося в октябре 1952 года. На нем произошло резкое расширение состава президиума ЦК, куда был введен целый ряд лиц, готовых в любой момент заменить, выбывших из строя соратников. В результате произошло оформление определенного круга новых кадров, почувствовавших свое перспективное будущее и осознавших роль, отведенную им Сталиным в вытеснении «старой гвардии». Ядро этой группы составили Сулов, Устинов, Косыгин, Брежнев, Патоличев и др. Именно они впоследствии образуют костяк руководителей безраздельно властвовавших в стране в период т. н. «застоя», вплоть до начала 80-х годов. Их роль во внутривластной схватке за сталинское наследство можно квалифицировать как определяющую. Ведь «молодые кадры», поддержав Хрущева в борьбе с «антипартийной группой», обеспечили ему необходимый перевес для победы на июньском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС.

Последние годы жизни Сталина, после устранения ленинградской группы, в

руководстве страны все более зримо проявлялись две соперничающие между собой силы. Неизменной связке Берия-Маленкова начала противостоять группа Булганина-Хрущева. Они были во многом схожи по своему положению в партийно-государственной иерархии. Берия и Булганин занимались вопросами военно-промышленного комплекса, становящегося все более значимой силой мирного общества, способной оказывать влияние на формирование политических раскладов. Маленков и Хрущев хозяйничали в аппарате Центрального Комитета ВКП(б). Причем позиции Хрущева год от года усиливались, особенно это становится заметным после XIX съезда КПСС, когда произошла ликвидация оргбюро, где председательствовал Маленков. Осенью, зимой 1952-53 года Хрущев захватывает многие ключевые позиции в структуре аппарата ЦК, ориентируясь на новое молодое поколение, введенное туда Сталиным. В результате в высших эшелонах власти произошло распределение интересов, связанное с поддержкой группы Маленкова-Берии или Булганина — Хрущева. Необходимо отметить и явное ухудшение положения Берии в последний период жизни Сталина. Об этом свидетельствует начало т. н. «менгфельдского дела», а также сосредоточение Булганина на кураторстве военно-промышленного комплекса.

Смерть Сталина воспрепятствовала планам по проведению новой чистки в руководстве партии и государства, в ходе которой наверняка бы пострадали и Берия, и «старая гвардия». После марта 1953 все они сразу же попытались вернуть таявшие позиции во власти. Однако определяющими уже стали другие тенденции, набравшие силу еще при жизни вождя. Противоречия «старых» и «молодых» кадров после марта 1953 года приобрели острый характер. Устранение Берии — самого активного игрока в борьбе за сталинское наследство — заметно осложнило положение Маленкова. В своей борьбе с Хрущевым, опиравшимся на молодых сталинских выдвиженцев, Маленков объективно оказался потесненным в сторону ветеранов, с которыми ранее не был замечен в дружбе. В ходе этих процессов образовалось две группы: «стариков» с оказавшимся с ними Маленковым, их опорой являлся Совет Министров СССР и Хрущева, ставшего лидером новых кадров, концентрировавшихся в аппарате ЦК КПСС. Конфликт между ними разрешился в июне 1957 года победой Хрущева. Именно к такому ходу событий привела комбинация, начатая в 1952 году еще Сталиным. Впоследствии эти «молодые кадры», уже переставшие быть молодыми, осуществляют переворот по устранению самого Хрущева и уверенно поведут страну... к ее краху.

Таким образом, период 1945–1953 годов рассмотрен в книге через призму ключевых направлений — внешней политики, экономики, идеологии, власти. Привлечение к исследованию ранее недоступной источниковой базы позволяет сделать серьезные уточнения относительно значимости данного исторического отрезка для жизни советского общества в целом. Этот период явился, с одной стороны, итогом определенной трансформации режима, начавшейся еще в предвоенные годы и, с другой — фундаментом для его последующего существования на протяжении десятилетий, вплоть до конца 80-х годов.

Надо заметить, что в советской, да и зарубежной литературе его значение принижено. Эти годы по-прежнему находятся в тени Великой Отечественной войны и, особенно, «хрущевской оттепели». Объем публикаций, посвященных реформаторству Хрущева, намного превосходит количество исследований по послевоенным годам. На наш взгляд, это нельзя признать правомерным. Оценка периода 1945–1953 годов как этапа восстановления народного хозяйства страны, преобладающая в историографии последних десятилетий, во многом поверхностна и далеко не исчерпывает содержания данного исторического отрезка. Тенденции, утвердившиеся в это время, были гораздо шире и глубже, чем просто восстановительные процессы. Поэтому с точки зрения выявленной за последнее время документальной базы сводить значение этого периода к данному знаменателю представляется неэффективным. Именно в 1945–1953 годах, а не ранее или позднее, СССР приобрел статус мировой «сверхдержавы», с четко выраженной военизированной экономикой, великодержавной идеологией, сложившимся кругом высшего руководства, составившего костяк лидеров на последующие десятилетия. С этих позиций данный этап по

отношению ко всей истории советского общества следует квалифицировать как ключевой.

Приложение

Из дневника В.М.Молотова

СЕКРЕТНО

ЗАПИСИ БЕСЕД В.М.МОЛОТОВА

в Лондоне 11 сентября — 2 октября 1945 г.

С Бевингом

1. 11 сентября.
2. 23 сентября.
3. 26 сентября.
4. 1 октября.

С Бирнсом

1. 14 сентября.
2. 16 сентября.
3. 19 сентября.
4. 20 сентября.
5. 22 сентября.
6. 27 сентября.
7. 30 сентября.

С Бевингом и Бирнсом вместе

1. 22 сентября утром.
2. 22 сентября днем.
3. 26 сентября утром.
4. 26 сентября вечером.
5. 27 сентября утром.
6. 27 сентября вечером.
7. 28 сентября.
8. 1 октября.
9. 2 октября.

ПОСЕЩЕНИЕ В.М. МОЛОТОВЫМ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ: ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИНА 11 сентября 1945 г. в 12 ч.30 мин. В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ.

Присутствуют: Гусев, Кадоган, Павлов и английский переводчик.

Бевин говорит, что предполагается устраивать пленарные заседания министров каждый день в 3 часа 30 минут, в то время как утренние часы имеются в виду отвести для работы заместителей. Министры могут назначать комиссии специалистов для изучения отдельных вопросов, если это будет необходимо. Что касается порядка председательствования, то он зависит от пожелания министров.

Молотов говорит, что он предпочитал бы, чтобы на всех заседаниях министров на данной сессии председательствовал Бевин.

Бевин благодарит и говорит, что он предлагает для обслуживания Совета на данной сессии услуги английского секретариата во главе с Бруком. Задача этого секретариата будет состоять в том, чтобы составлять протоколы и рассылать различные документы.

Молотов говорит, что, по его мнению, каждой делегации полезно иметь своего секретаря.

Бевин говорит, что остальные вопросы можно будет обсудить, когда встретятся министры.

Молотов спрашивает, не имеется ли у Бевина проекта повестки дня

Бевин говорит, что им, Бевиним, была предложена повестка дня. Кроме того, другие делегации предложили поставить на обсуждение ряд вопросов.

Молотов отвечает, что было бы целесообразно секретарям делегаций собраться вместе с целью обсуждения ряда организационных вопросов.

Беседа продолжалась 10 минут.

Записал В. Павлов.

ЗАПИСЬ БЕСЕДА С БЕВИНЫМ

23 сентября 1945 г. в 15 час.30 мин. в Советском Посольстве.

Присутствуют: Ф.Т.Гусев, А.К.Керр, переводчик В.Н.Павлов.

Бевин поясняет, что он пришел для того, чтобы переговорить с Молотовым по принципиальным политическим вопросам до завтрашнего заседания, так как, по его, Бевина, мнению, трудности, с которыми встретилась Конференция, имеют своей причиной не процедурные, а политические вопросы. Дело в том, что отношения между Советским Союзом и Великобританией в настоящее время складываются так, как они складывались в свое время между Великобританией и Гитлером, а это ведет к тому, что если обе стороны не будут действовать осторожно, то существующие между ними различия в подходе к европейским проблемам создадут такие трудности, которые будут иметь серьезное значение для отношений между Советским Союзом и Великобританией. Он, Бевин, стремится к тому, чтобы избежать взаимных подозрений в отношении политики обеих стран в Европе, и хочет такого положения, при котором у обеих сторон не будет ни малейших подозрений в отношении мотивов друг друга. Совпра правильно делает, что требует дружественных Советскому Союзу правительств в Восточной Европе и безопасности для себя. Но стоит лишь ему, Бевину, мимоходом поговорить с кем-нибудь из соседей Великобритании на западе, как его, Бевина, подозревают в том, что он стремится создать на западе блок против Советского Союза. На самом же деле Британское Правительство стремится лишь к свободному сотрудничеству со своими соседями, не имея никаких плохих намерений, а в других частях Европы Британское Правительство стремится к восстановлению тех прав, которые у него были до нападения Гитлера на Великобританию, и за восстановление которых она вела войну. Британское Правительство не намерено предпринимать чего-либо в тайне и оно не будет участником какого-либо соглашения, направленного против Советского Союза, Он, Бевин, хочет лишь знать, какова советская политика в Европе. Если Британское Правительство заключит договор с Францией, такой же как англо-советский договор, о чем оно, правда, еще не приняло решения, то это не будет вызвано желанием создать западный блок против Советского Союза. Заключение этого договора будет вызвано экономическими, финансовыми и другими соображениями. Что касается Триполитании, то Черчилль в свое время говорил ему, Бевину, о том, что Генералиссимус Сталин в одной из своих бесед с ним заявил, что у Советского Союза нет намерения двигаться в Средиземное море. У Великобритании же нет планов против Советского Союза. Правда, это было не соглашение, а всего лишь устное заявление,

Если бы он, Бевин, знал, каковы планы Советского Союза в Европе, он откровенно изложил бы, что приемлемо для Великобритании, и предложил бы, как можно было бы согласовать политику обеих стран. В качестве примера того, что порождает сомнения, он Бевин, мог бы указать на то, что он не понимает, почему Молотов отказался дать ему определенный ответ по поводу Додеканезских островов. В качестве второго примера, он, Бевин, приведет вопрос о международных внутренних водных путях в Европе, пояснив, что

при обсуждении этого вопроса, он просил лишь о том, чтобы при установлении международного режима на водных путях Британскому Правительству было возвращено то, что было потеряно Великобританией во время войны. Он, Бевин, не хотел и не хочет участвовать в такой Конференции, в которой нельзя будет откровенно обсуждать вопросы. Он, Бевин, хотел бы знать, с какими требованиями Великобритания должна согласиться, и тогда он, Бевин, откровенно сможет изложить британскую позицию.

Молотов, сославшись на упоминание Бевинем Гитлера, говорит, что, может быть, упоминание Гитлера кстати, а может быть и не кстати.

Бевин поясняет, что, упоминая Гитлера, он не хотел сравнить Советское Правительство с Гитлером, а имел лишь в виду обстоятельства, при которых взаимоотношения между Англией и Германией в то время развивались в течение длительного Бремени при отсутствии откровенности, пока положение не стало непоправимым.

Молотов говорит, что он хочет упомянуть о Гитлере в другой связи. Гитлер смотрел на Советский Союз как на государство низшей расы, считая Советский Союз чем-то вроде географического понятия. Но что делать, если мы не считаем себя низшей расой, а считаем Советский Союз государством, имеющим равные права с другими государствами, и не хотим, чтобы на Советский Союз смотрели как на государство низшей расы. Он, Молотов, хочет, чтобы не забывали о том, что отношения с Советским Союзом должны строиться на основе равенства. Пока шла война, пока миллионы людей гибли на фронте, у Советского и Британского правительства были споры, но они сговаривались. Советский Союз был, видно, нужен. Как только война окончилась, против Советского Союза принимаются всякие мер!.. Не потому ли это происходит, что Советский Союз уже не нужен больше как равный партнер своих союзников? Конечно, если эта линия будет продолжаться, то это не будет нас сближать, а, напротив, создаст затруднения в наших взаимоотношениях. Мы готовы забыть то, что было сделано после прошлой войны, но не следует повторять ничего из того, что было сделано тогда, и не следует повторять новых попыток изолировать Советский Союз. Во всяком случае, Британское Правительство должно понять, что если отношения с Советским Союзом будут строиться на чем-либо похожем на то, что было в прошлом, то нам трудно будет понять эту политику и трудно будет говорить о сближении, которого мы хотим и после войны, и которое мы считаем совершенно необходимым для себя и для наших друзей, в частности, и, может быть, в особенности, в Англии.

Молотов заявляет, что эти действия Британского Правительства неправильны, так как в Крыму Британское Правительство в лице Черчилля подписало соглашение, по которому линия Керзона признается границей между Советским Союзом и Польшей.

Бевин отвечает, что юристы убедили его в том, что выходцев из Западной Белоруссии и Западной Украины следует считать лицами без гражданства. Однако, он, Бевин, обещает заняться этим вопросом и проверить выводы юристов.

Молотов замечает, что юристы, видимо, подвели Бовина. Бевин говорит, дальше, касаясь работы Репарационной Комиссии, что британским представителям даны указания выполнить то соглашение, которое было заключено в Потсдаме.

Молотов замечает, что пока Репарационная Комиссия ничего не сделала, и что британские представители тормозят ее работу.

Бевин заверил меня, что они больше этого делать не будут.

Бевин говорит, ссылаясь на упоминание Молотовым заявления Вильсона, что британское министерство иностранных дел опубликовало соответствующее сообщение и добавляет, что поведение Вильсона расследуется военным министерством.

Молотов говорит, что при помощи своего опровержения министерство иностранных дел по существу умыло руки.

Бевин спрашивает, что именно Советская Делегация предложит обсудить, в связи с намерением Советской Делегации поставить в Совете Министров вопрос о Дальнем Востоке.

Молотов отвечает, что Советская Делегация имеет в виду вопрос о создании

контрольного механизма для Японии и что она готова принять такое решение по этому вопросу, которое будет близко к тому, что было предложено Британским Правительством в письме Керра на имя Молотова от 30 августа.

Бевин спрашивает, говорил ли Молотов об этом с Бирнсом и, получив ответ Молотова, что он намерен это сделать, обещает обдумать поставленный Молотовым вопрос.

Бевин просит в заключение беседы сообщить точку зрения Советского Правительства на возможное заключение договора между Францией и Великобританией в духе англо-советского договора.

Молотов обещает запросить Москву по этому вопросу и высказывает надежду, что такой франко-английский договор не встретит возражений Советского Правительства.

Беседа продолжалась 2 часа 15 минут.

Записал (В.Павлов)

т.т. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С БЕВИНОМ В ЛАНКАСТЕР ХАУЗЕ

26 сентября 1945 г. в 15 час.30 мин.

Присутствуют т.т. Гусев, Павлов, Кадоган, Керр.

Бевин заявляет, что он не может пойти на то, чтобы обидеть Францию, выставив ее за дверь.

Молотов говорит, что, если будет выполнено берлинское решение, то это никого не должно обидеть.

Бевин говорит, что он не может согласиться на отстранение. Франции от участия в Совете Министров.

Молотов отвечает, что французская делегация сможет принимать участие в работе Совета Министров. Она лишь не будет принимать участия в обсуждении проекта мирных договоров с балканскими странами. Таково было решение, принятое в Берлине.

Бевин говорит, что британское правительство не может пойти на то, чтобы отстранить Францию от участия в балканских делах, в которых она столь сильно заинтересована.

Молотов отвечает, что он, в свою очередь, не может пойти на изменение берлинского решения.

Беседа продолжалась 35 минут.

Беседа происходила в условиях большой спешки и подробной записи не велось.

Записал Т.В. Павлов

Разослано:

т.т. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну.

ПРИЕМ БЕВИНА 1 октября 1945 г. в 17 ч. 30 м. в Советском Посольстве.

Присутствуют — т.т. Гусев, Павлов, Британский Посол Керр.

Бевин заявляет, что он пытался найти тот метод, при помощи которого можно было бы достойно закончить конференцию. Во-первых, он, Бевин, хочет заверить Молотова, что он, будучи членом кабинета Черчилля, последовательно защищал решения, принятые на конференциях в Москве, Тегеране и Ялте. Во-вторых, он, Бевин, хочет сказать, что у него не было никаких задних мыслей, когда он составлял проект решения от 11 сентября. Главная трудность, перед которой он, Бевин, предстал сейчас, связана с Францией. Если бы Франция была допущена в Совет в качестве полноправного члена, то это позволило бы ему, Бевину, избежать многих трудностей. Что касается Болгарии и Румынии, о которых он, Бевин, беседовал с Молотовым два раза, то после обмена мнениями между Молотовым и Бирнсом он, Бевин, сделал свое предложение с целью примирить точки зрения Молотова и Бирнса. Как известно он предложил послать объективных представителей на Балканы для изучения

обстановки на месте. Задача этих представителей состояла бы в том, чтобы сообщить правительствам о действительном положении вещей с тем, чтобы правительства могли проверить те выводы, к которым они пришли. Если бы их доклад доказал, что британское правительство ошиблось в своем выводе, тогда вопрос о признании правительств был бы решен немедленно. Если их доклад подтвердил бы выводы британского правительства, то признание нынешних правительств Болгарии и Румынии было бы затруднено. В этом случае отчет представителей не был бы опубликован, а между союзниками состоялись бы дружеские переговоры с целью урегулирования вопроса. Он согласен принять за основу требование Молотовым того, чтобы в соседних с СССР странах были дружественные СССР правительства. С другой стороны, он считает, что эти правительства не должны быть враждебными Великобритании. Далее Молотов поднял вопрос о том, чтобы правительство Великобритании признало правительства Румынии и Болгарии после выборов. При этом Молотов ссылаясь на выборы, которые имели место в Финляндии. Британскому правительству представлены доказательства того, что те выборы, которые имели место в Финляндии, будут невозможны в Румынии и Болгарии. Речь идет о том, правильно ли это, или неправильно. Это могут проверить объективные наблюдатели, которых можно было бы послать на Балканы.

Бевин говорит, что затем имеется вопрос о признании правительства Австрии. Британское правительство будет согласно с любым решением, которое будет вынесено по этому вопросу союзным Советом.

Молотов говорит, что процедурные дела Совета Министров возникли скорее в силу недоразумения и вообще он, Молотов, считает этот вопрос мелким. Он, Молотов, исходит из необходимости придерживаться Берлинского соглашения. Он полагает, что можно было бы договориться на том, чтобы в общей протокол не вписывать решение от 11 сентября. Это решение должно быть лишь вписано в протоколы, которые будут подписываться соответственно двумя, тремя и четырьмя министрами, которые пригласили Францию и Китай принять участие в обсуждении, но в эти же протоколы приглашающие державы должны внести соответствующее примечание, которым будет отменено решение от 11 сентября.

Бевин говорит, что в этом случае решение от 11 сентября будет, например, в протоколе по мирному договору с Италией гласить примерно следующее: "Правительства Советского Союза, Соединенных Штатов, Франции, Великобритании пригласили Китай участвовать в дискуссии без права голоса". В случае мирных договоров с Балканскими странами в качестве приглашающих Францию и Китай будут упомянуты Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания.

Молотов говорит, что это правильно.

Бевин замечает, что при такой форме протокола Франция попадает в неловкое положение, поскольку ее как бы просят выйти за дверь.

Молотов отвечает, что Франция не попадает в неловкое положение, поскольку она уже не будет подписывать решений об отстранении себя от участия в работе Совета по определенным вопросам.

Теперь, он, Молотов, хотел бы высказать несколько замечаний по существу вопроса. Главное затруднение для советской делегации заключается в том, что британское и американское правительства не согласны признать правительства Румынии и Болгарии. Если британское и американское правительства в данный момент не готовы договориться с советским правительством о признании румынского и болгарского правительств, Советское правительство не торопит с этим и оно готово подождать до того момента, когда британское и американское правительства будут готовы к этому. По вопросу о Франции он, Молотов, ничего другого не может сказать, кроме, как подтвердить необходимость выполнения Берлинского решения, которое пока остается в силе и которое министры не имеют права изменить.

Молотов говорит, что Советский Союз не претендует ни на какие права

Великобритании, ни на особую роль СССР в государствах, в которых заинтересована Великобритания. Советский Союз в действительности, ни в чем не мешает Великобритании. Советское правительство не вмешивается в греческие дела, хотя Советскому правительству не все нравится в Греции. У Советского правительства не будет возражений, чтобы Великобритания заключила с Францией или с любой другой демократической страной такой же договор, какой существует между Великобританией и Советским Союзом. Советский Союз не виноват в том, что Франция попала в очень неудобное положение. Однако нужно учитывать, что Франция Петена и Лавалья помогала Гитлеру.

Бевин продолжает настаивать на своем. На этом беседа заканчивается.

Беседа продолжалась 1 час. 15 минут.

Записал В.Павлов.

Разослано:

тт. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну.

БЕСЕДА В.И.МОЛОТОВА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ

14 сентября 1945 г. в 15 ч. 30 мин. В ЛАНКАСТЕР ХАУС.

Бирнс заявляет, что он пришел изложить Молотову свое предложение о колониях. Во-первых, он хотел он напомнить о том, что в Атлантической Хартии, в Московской декларации, а также во всех других заявлениях, союзники придерживались той позиции, что их целью является предоставление народам возможности выбрать себе форму правительства. Что касается колониальных народов, то можно предвидеть утверждения, что колониальные народы: не готовы к тому, чтобы управлять собою. Известно, однако, что в своих колониях Италия не исполнила своих обязанностей по подготовке населения колоний к самоуправлению. Итальянцы использовали свои колонии для военных целей. Теперь после того, как союзники приняли решение об отделении от Италии ее колоний, они должны решить, как с ними поступить. Он, Бирнс, думал, что было естественно передать эти колонии в ведение Совета по опеке Международной Организации. Тогда возникает вопрос, кто, конкретно, должен управлять колониями. Судя по прошлому, Италия не в состоянии подготовить население колоний для самоуправления. Англичане предлагают, чтобы продолжало существовать нынешнее положение, а именно, чтобы итальянскими колониями управляли находящиеся в них британские войска. Имея в виду то, что союзники заявляли всему миру, было бы неразумно передавать колонии от одной стороны к другой, хотя бы на временный срок, так как весь мир сказал бы, что это уловка, что на самом деле передача колоний другой стороне произведена не временно, а на все время. Народы арабских государств хотят видеть дальнейшие шаги со стороны союзников в деле предоставления арабам возможности управления собой. Поэтому все люди, которые примкнули к делу союзников, хотели бы видеть, чтобы что-нибудь было предпринято в этом направлении. Это касается военных баз в колониях, то они должны находиться не под контролем отдельного государства, а под контролем Организации Объединенных Наций, так как это дало бы уверенность в том, что ни одна нация не имеет преимуществ. Затем через 10 лет дети, которые родились после того, как Италия начала колонизацию, станут совершеннолетними и из их числа возможно будет подобрать людей, которые смогут управлять страной. Благодаря тому, что Совет по опеке должен будет назначить администратора, будет гарантирована компетентность этого администратора. Советское Правительство как член Совета Безопасности будет, наряду с другими государствами, членом Совета по опеке.

Молотов спрашивает, нельзя ли уговориться, из каких граждан будет назначен администратор.

Бирнс отвечает, что, по его мнению, администратора лучше назначить из числа граждан того государства, которое не имеет прямой заинтересованности в данной подопечной территории. Если это не будет сделано, то итальянцы могут сказать, что у них в

колониях имеется несколько тысяч итальянцев, которые лучше знают арабов и местные условия и поэтому смогут быть лучшими администраторами. Кроме того, он, Бирнс, предлагает назначить Совещательный Комитет в составе представителей СССР, Великобритании, Соединенных Штатов и других стран для надзора за работой администратора. Если он плохо будет действовать, то Совещательный Комитет может доложить об этом Совету по опеке.

Молотов отвечает, что он считает предложение Бирнса одним из интересных. Советское Правительство исходит из того, что колонии, взятые у побежденных стран, должны быть под контролем Совета по опеке. Во Советское Правительство предпочитает и советует поручить опеку над каждой из итальянских колоний одному из государств членов Совета по опеке. Советское Правительство хотело бы испытать свои силы, осуществляя опеку под контролем Совета по опеке хотя бы над одной из бывших итальянских колоний.

Бирнс отвечает, что, поскольку речь идет о Соединенных Штатах, то они не пожелают принимать на себя такое бремя. Соединенные Штаты выполнили свой долг в отношении Филиппин. Выполнение этого долга оказалось бременем для Соединенных Штатов. Ему, Бирнсу, неясно, как Советский Союз при своей огромной территории сможет управлять миллионным арабским населением.

Молотов замечает, что Советский Союз хочет показать, что он сможет лучше это сделать, чем итальянцы.

Бирнс говорит, что выполнение соглашения является таким бременем, которое Соединенные Штаты не хотели бы брать на себя. Кроме того, он, Бирнс, откровенно должен сказать, что, если поручить опеку одному государству, то тогда и другие захотят получить подопечную территорию, например Франция, и тогда весь мир сказал бы, что США., Британия и Советский Союз отобрали у Италии колонии и разделили их между собой. Поэтому он, Бирнс, думает, что было бы лучше назначить администратора из числа нейтральных государств.

Молотов замечает, что было бы трудно найти из нейтральных стран такую, которая удовлетворила бы всех.

Беседа продолжалась 35 минут.

Записал В.Павлов.

Разослано

т.т. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну.

ПРИЕМ БИРНСА, ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ США, В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

16 сентября 1945 г. в 17 ч.30 мин.

Присутствовали: т.т. Гусев, Павлов, Болен.

Бирнс заявляет, что он хотел бы переговорить с Молотовым по вопросу о Румынии и Болгарии до обсуждения мирных договоров с этими странами в Совете Министров. Он, Бирнс, считает, что дальнейшее сотрудничество Советского Союза и Соединенных Штатов является самым важным фактором в мире. Всякий раз, когда возникает вопрос, по которому между США и Советским Союзом имеются разногласия, обе стороны должны, по крайней мере, облечь эти разногласия в такую форму, чтобы она не повредила общему делу. Во-первых, у Молотова не должно быть никаких сомнений, что Соединенные Штаты желают, чтобы соседние с СССР страны в Европе были дружественно настроены к СССР.

Молотов отвечает, что он не будет скрывать, что у Советского правительства имеются сомнения в этом. Советскому Правительству непонятно, почему англичане и американцы поддерживали враждебное Советскому Союзу правительство Радеску и не поддерживают дружественное Советскому Союзу правительство Грозы.

Бирнс говорит, что он хотел бы сейчас обратиться к истории. После подписания Ялтинской декларации об освобожденной Европе он, Бирнс, по прибытии в США был

уполномочен Президентом пояснить это соглашение членам конгресса. Декларация в США была признана хорошей и отношение к Советскому Союзу сильно улучшилось. Однако, когда не было никакого движения в польском вопросе, у американского народа создалось впечатление, что соглашение по Польше нарушено. Он, Бирнс, хорошо знал, что это неправильное впечатление. В Москву поехал Гопкинс, договорился с Генералиссимусом Сталиным и в результате этого была принята реорганизация польского правительства, которая разрядила атмосферу вокруг польского вопроса и весьма обрадовала всех. Не может быть сомнения в том, что нынешнее польское правительство дружественно относится к Советскому Союзу и что Соединенные Штаты удовлетворены достигнутым компромиссом. Он, Бирнс, знает, что в Советском Союзе и в Соединенных Штатах обычаи различны и что нужно проявлять терпимость в этом отношении. Если Молотов подумает о том, как народ в Соединенных Штатах представляет себе свободные выборы, то он поймет его, Бирнса, когда Бирнс скажет, что правительство Грозы было создано при таких обстоятельствах, что это произвело очень плохое впечатление в Америке, где принято считать, что Вышинский приказал королю в течение двух часов уволить правительство и поручить Грозе сформировать новое. Со времени своего создания правительство Грозы отказывало в допуске американских корреспондентов в Румынию. Правительство Грозы не сделало для американцев ничего, что позволило бы правительству США защищать действия Совпра перед лицом американского народа.

Молотов спрашивает, имеются ли сейчас трудности в посылке американских корреспондентов в Румынию. Он, Молотов, вчера читал хорошее сообщение Госдепартамента об отъезде американских корреспондентов в Румынию.

Бирнс отвечает, что в Госдепартамент поступило 14 заявлений от американских корреспондентов, требующих въезда в Румынию.

Молотов говорит, что в декабре прошлого года, в мае и июле нынешнего года могли быть затруднения. Но имеются ли они сейчас?

Бирнс отвечает, что только вчера Госдепартамент был уведомлен о том, что 14 корреспондентов получают визы на въезд в Румынию. Визы же были запрошены 8 месяцев тому назад.

Молотов замечает, что вопрос о въезде корреспондентов теперь, следовательно, отпал.

Бирнс отвечает, что рассмотрение вопроса о выдаче виз американским корреспондентам тянулось так долго, что многие из них отказались ехать в Румынию и уехали уже в другие страны. Но есть два американских корреспондента в Болгарии, запросивших визу на въезд в Румынию. Несмотря на то, что Румыния согласилась выдать им въездные визы, Болгария отказалась их пустить.

Молотов отвечает, что эту мелочь нетрудно урегулировать. Но он, Молотов, хотел бы знать, допустило ли бы ампра существование в соседней США Мексике правительства, враждебного США, в особенности после того, как Мексика, напав на США, воевала бы против США и в течение двух лет ее войска оккупировали бы значительную часть территории США. Он, Молотов, уверен, что американское правительство не потерпело бы в Мексике правительства, враждебного американскому правительству. Так и Советский Союз не может допустить враждебного ему правительства в побежденной стране — Румынии, являющейся к тому же соседкой СССР.

Бирнс говорит, что он согласен с Молотовым, но он хотел бы подчеркнуть, что не следовало бы формировать правительство такими методами, какими было сформировано правительство Грозы. Можно найти способ, подобный тому, который был применен в Польше, для того, чтобы обеспечить наличие в правительстве представителей всех демократических партий страны.

Молотов отвечает, что в Румынии невозможно повторить опыт Польши, где существовали два правительства, а не одно, как в Румынии. Кроме того, пример Польши не подходит также и потому, что Румыния выступила против союзников, а Польша была нашим союзником. В побежденной стране нельзя терпеть враждебного правительства, и ни одно

уважающее себя правительство, находясь на месте Советского правительства, этого не допустит.

Молотов говорит, что Советское Правительство пошло навстречу американцам и англичанам в деле выборов в Болгарии, но считает, что сейчас как в Болгарии, так и в Румынии нужно подождать выборов, после которых в этих странах будут созданы новые правительства так, что в них будут представлены все демократические элементы, имеющие вес в парламенте. До выборов Советское Правительство не считает возможным реформировывать правительства Румынии или Болгарии.

Бирнс отвечает, что он снова хочет повторить, что он согласен с тем, что Советский Союз не может терпеть враждебного правительства в соседней стране. Но он не может поверить, что невозможно подобрать такое правительство, которое было бы дружественно Советскому Союзу и в котором были бы представлены все демократические партии. Советское правительство заинтересовано, чтобы в мировом общественном мнении было хорошее мнение о Советском Союзе. Американское правительство не интересуется какими-либо отдельными лицами или партиями в Румынии. Оно лишь желает иметь возможность заявить всему миру, что в румынском правительстве представлены все демократические партии. После этого весь мир будет уверен, что свободные выборы в Румынии гарантированы.

Молотов спрашивает, все ли партии представлены в американском и британском правительствах. Насколько известно, это не так.

Бирнс говорит, что, конечно, не все партии представлены в американском правительстве, но в Румынии речь идет о временном правительстве, и если в нем будут представлены все демократические партии, то весь мир будет уверен, что выборы будут свободными. Если же выборы будут проведены при правительстве Грозы, то мировое общественное мнение будет уверено, что румынский народ не имел возможности выразить свое мнение, и это нанесет ущерб престижу Советского Союза.

Молотов спрашивает Бирнса, почему американское и британское правительства не пошли на изменение состава правительства в Греции до выборов, несмотря на то, что нынешнее греческое правительство нарушило Варкизское соглашение, заключенное им с демократическими партиями. Между тем, большинство греческого народа не поддерживает нынешнее греческое правительство в отличие от правительства Грозы, пользующегося поддержкой большинства румынского народа. Почему американское правительство не заботится о своем престиже в связи с положением в Греции?

Бирнс говорит, что дело тут в фактах. Он, Бирнс, не интересуется какими-либо партиями, представленными в правительстве Греции. Но правительство Греции не было сформировано так, как было сформировано правительство Грозы. Греческое правительство разрешает корреспондентам работать в Греции, не подвергает их сообщения цензуре, позволяет им свободно передвигаться по стране и т. д.

Молотов говорит, что Греция ведь создана не для американских корреспондентов, а для греческого народа. Демократическим правительством является такое, которым довольно большинство народа, а не иностранные корреспонденты. Советское правительство конечно хочет, чтобы американские корреспонденты имели соответствующие благоприятные условия для своей работы. Советское правительство готово совместно с американским правительством содействовать улучшению условий для работы иностранных корреспондентов в Румынии.

Бирнс отвечает, что Советское и американское правительства должны помочь друг другу, и он, Бирнс, просит Молотова обдумать сказанное им. Но он, Бирнс, должен предупредить Молотова, что при обсуждении на Совете Министров вопроса о мирных договорах для Румынии и Болгарии он заявит, что американское правительство не может заключить мирных договоров с нынешними правительствами в этих странах, т. е. он повторит то, что было сказано Трумэном в Потсдаме. Если бы он, Бирнс, согласился подписать мирные договоры с нынешними правительствами в этих странах, то по приезде в

США Сенат не одобрил бы их.

Молотов отвечает, что он не видит оснований, если не считать искусственно придуманных мотивов, задерживать выработку договоров с Румынией и Болгарией, в то время, как хотят быстро решить более сложный вопрос о мирном договоре с Италией. Тем более, что Советская делегация предлагает превратить условия перемирия в мирный договор и не выдвигает никаких новых условий. Подписание договоров состоится тогда, когда будут проведены выборы и будут созданы новые правительства в этих странах. Если американское правительство откажется обсуждать условия мирного договора с Румынией и Болгарией, где речь идет лишь о превращении условий перемирия подписанных также американским правительством, в мирный договор, то это произведет плохое впечатление на широкие круги в Советском Союзе и породит представление, что американское правительство откладывает подписание мирных договоров с этими странами, дожидаясь создания там недружественных Советскому Союзу правительств. Даже румынский король заявил, что на него оказывают давление в этом направлении.

Бирнс отвечает, что король об этом не заявил письменно.

Молотов отвечает, что король не осмелился бы это сделать.

Бирнс говорит, что он где-то читал заявление одного румынского чиновника, что американский представитель нажимает на короля.

Молотов замечает, что американская пресса и американский представитель действуют именно в этом духе.

Бирнс спрашивает, в каком духе они действуют.

Молотов говорит, что они стремятся убрать правительство Грозы.

Бирнс говорит, что Молотов хорошо знает американскую прессу. Когда стало известно, как было сформировано правительство Грозы, то нельзя было запретить прессе высказать свое мнение. Если выборы будут проведены при правительстве Грозы, то американская пресса скажет, что эти выборы не были свободными, независимо от того, как бы хорошо они не были проведены.

Молотов спрашивает, что эта за пресса, которая так будет отзываться о демократических выборах. Надо прессе разъяснить, что критиковать следует положение в Греции.

Бирнс замечает, что корреспонденты в Греции пользуются полной свободой действия.

Молотов говорит о создающемся впечатлении, что Бирнс считается с удобствами корреспондентов, а не с удобствами народа. Советское правительство придерживается другой точки зрения. Оно готово содействовать в предоставлении американским корреспондентам более благоприятных возможностей для работы в Румынии. Однако, оно считает, что о демократическом характере правительства следует судить на основе отношения к нему со стороны народа, а не по капризам отдельных корреспондентов.

Бирнс говорит, что, когда Совет будет обсуждать договоры с Румынией и Болгарией, он, Бирнс, должен будет сказать, что американское правительство готово будет подписать мирный договор с любым правительством в Румынии, которое будет создано так же, как было создано правительство в Польше.

Молотов отвечает, что в этом случае он должен будет заявить на Совете, что Советское Правительство считает позицию американского правительства неправильной.

Бирнс спрашивает, что Молотов считает неправильным в этой позиции.

Молотов отвечает, что польский вопрос в течение почти полутора лет портил отношения между нашими странами. В Польше существовало два правительства. Означает ли американское предложение, что американское правительство хочет иметь два правительства в Румынии?

Бирнс отвечает, что американское правительство этого не хочет. Но дело в том, что в Румынии существуют некоторые партии, не представленные в правительстве. В этих партиях есть выдающиеся лидеры, которые могут быть в составе правительства.

Бирнс говорит, что он предполагает при обсуждении вопроса о мирных договорах с

Румынией и Болгарией заявить, что американское правительство готово обсуждать проекты договоров путем передачи их на рассмотрение заместителей министров при условии, что американское правительство не будет подписывать их с нынешними правительствами в Румынии и Болгарии.

Молотов предлагает не откладывать рассмотрение мирных договоров с Румынией и Болгарией, но подписать их после выборов, когда будут образованы новые правительства.

Бирнс отвечает, что если выборы будут проведены при правительстве Гроза, то нельзя будет доказать, что они были свободными.

Молотов говорит, что он хотел бы переговорить с Бирнсом о переписке Громыко-Стеттиниус относительно предоставления Советскому Союзу подопечных территорий. Переписка имела место во время конференции в Сан-Франциско. Тогда от имени американского правительства Стассен и Стеттиниус обещали, что американское правительство поддержит требования Советского Союза о предоставлении ему подопечных территорий. Но как только Советская делегация поставила этот вопрос на Совете Министров, американская делегация не оказала Советской делегации никакой поддержки.

Бирнс отвечает, что он не знаком с письмом Стеттиниуса. Он, Бирнс может лишь сказать, что Соединенные Штаты не требуют для себя никаких территорий. Соединенные Штаты интересуются лишь поддержанием мира. Он, Бирнс, считает, что залогом сохранения мира является единство между великими державами. Он, Бирнс, думает, что весь мир ждет от союзников таких действий, которые будут свидетельствовать об их стремлении к сохранению мира. Он, Бирнс, уже пояснял Молотову, по каким мотивам американская делегация выдвинула свои предложения относительно распоряжения итальянскими колониями. Англичане хотят оставить итальянские колонии за собой, французы предлагают передать их Италии, а Советский Союз требует их для себя. При этих обстоятельствах самым лучшим решением будет решение о том, чтобы не передавать этих колоний никому.

Молотов говорит, что американское правительство обещало поддержать требование Советского Союза о предоставлении ему подопечных территорий.

Бирнс отвечает, что если один обещал другому дом в городе, то это вовсе не означает, что первый принял на себя обязательство дать второму любой дом в городе, например, самый богатый, который был бы выбран вторым.

Молотов говорит, что он пришлет Бирнсу копию переписки Громыко-Стеттиниус.

Молотов говорит, что он хотел бы также переговорить сейчас с Бирнсом по вопросу об обсуждении на Совете министров советских предложений по репарациям с Германии. Он, Молотов, согласен не ставить этого вопроса в повестку дня, если заместители советского, американского и британского министров иностранных дел в Совете Министров подготовят от имени министров трех стран представителям в репарационной комиссии инструкции в духе советского документа о репарациях, разосланного на конференции.

Бирнс отвечает, что по его мнению советское предложение о репарациях лучше обсудить вне конференции, так же как и вопрос о репатриации советских граждан.

Молотов отвечает, что он будет согласен с этим, если срочно будут проверены факты, приведенные в записке советской делегации, и действительно будут приняты меры к тому, чтобы покончить с положением, вызывающим многочисленные жалобы репатрируемых.

Бирнс заявляет, что он гарантирует Молотову, что все необходимое будет сделано.

Беседа продолжалась 1 час. 45 минут.

Записал В.Павлов

Разослано:

т.т. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ

19 сентября 1945 г. в 18 час. 30 мин. В ЛАНКАСТЕР ХАУС.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Болен, Дани .

Молотов спрашивает, как Бирнс думает вести обсуждение проектов договоров с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, которые должны обсуждаться 20 сентября.

Бирнс говорит, что он, к сожалению, при нынешнем положении не в состоянии пойти навстречу пожеланиям Молотова в румынском вопросе. Он должен сказать, что Правительство США не сможет подписать мирных договоров с Румынией и Болгарией. Но у него не имеется возражений против обсуждения проектов договоров и передачи их заместителям, в надежде, что к моменту подписания договоров в правительствах Румынии и Болгарии произойдут такие изменения, которые будут соответствовать условиям Ялтинского Соглашения.

Золотев отвечает, что Советское Правительство смотрит на мирный договор с Италией как на мирный договор с сателлитом Германии, т. е. точно так же, как оно смотрит на мирные договоры с другими сателлитами Германии — Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Нельзя ставить в дискриминационное положение мирный договор с тем или иным сателлитом Германии. Это будет противоречить позиции союзников по отношению ко всем бывшим противникам союзников. Он, Молотов, хочет сказать, что если Соединенные Штаты откажутся подписать мирный договор с Румынией или Болгарией, Советское Правительство не сможет подписать мирного договора с Италией, так как все эти страны находятся в одинаковом положении, как сателлиты Германии. Он говорит об этом Бирнсу, чтобы сделать совершенно ясной точку зрения Советского Правительства.

Бирнс отвечает, что он беседовал с Молотовым в воскресенье именно для того, чтобы уяснить себе позицию Советского Правительства, и разъяснить Молотову позицию Американского Правительства.

Как Молотов помнит, Трумэн на Конференции в Берлине заявил, что Правительство США не может признать правительства Румынии и Болгарии. Поэтому в решении Берлинской Конференции было записано, что каждое правительство отдельно изучит вопрос о признании этих правительств. Правительство США изучило положение в Румынии и Болгарии и сейчас еще больше убеждено, в результате этого изучения, что оно не сможет признать правительства Румынии и Болгарии. Он, Бирнс, жалеет об этом, но таковы факты. В воскресенье он говорил Молотову, что Конгресс не ратифицирует мирных договоров с нынешними правительствами в Румынии и Болгарии после того, что произошло в этих странах. Правительство США признало Финляндию и Италию. Но Правительство США не считает, что правительства Румынии и Болгарии по своему составу такие же, как в Финляндии и Италии. Он может откровенно сообщить Молотову, что сейчас Правительство США изучает возможность признания правительства Венгрии. Изучение положения в Румынии и Болгарии затруднено тем, что американские представители, в частности корреспонденты, лишены возможности быть полностью осведомленными о том, что происходит в Румынии и Болгарии. Если Бирнс скажет Сенату, что Правительство США не знает ничего о положении в этих странах, за исключением тех фактов, которые он изложил Молотову в воскресенье, касательно способа, которым было создано правительство в Румынии, то можно быть уверенным, что Сенат не ратифицирует мирных договоров с Румынией и Болгарией. Правительство США не стремится содействовать образованию в соседних с СССР странах правительств, враждебных Советскому Союзу. Но Правительство США должно учитывать настроения в США, и, принимая их во внимание, Правительство США убеждено, что оно не в состоянии признать правительства Румынии и Болгарии. Если к этим двум Правительствам будет применен польский прецедент и правительства будут расширены, то это обрадует американский народ. Если новые расширенные правительства проведут выборы, то никто не будет подвергать сомнению результаты выборов. Было бы очень хорошо, если бы Молотов обдумал это.

Молотов отвечает, что, конечно, он меньше, чем Бирнс, знает о внутренних делах в Америке и не собирается претендовать на то, что он их хорошо знает. С другой стороны, он может заверить Бирнса в том, что он довольно хорошо знает внутренние дела Советского Союза, и может сказать, что если Советское Правительство подпишет мирный договор с

Италией и не подпишет мирных договоров с Румынией и Болгарией, то Верховный Совет не утвердит подобного решения Советского Правительства. Нетрудно показать, что правительство Румынии не менее демократично, чем итальянское правительство. Оно более демократично. Бирнс говорит, что в Румынии нет американских корреспондентов. Молотов проверил это заявление и установил, что в Румынии находится в настоящее время 17 американских корреспондентов, не говоря уже об английских, тогда как советских корреспондентов в Румынии всего 2 или 3, не больше. Если румынское ^ правительство не удовлетворяет все капризы того или иного иностранного, в частности американского, корреспондента и если этот факт служит поводом к тому, чтобы быть недовольным румынским правительством, то гораздо важнее знать, довольны ли население Румынии своим правительством. У Советского Правительства нет сомнений, что подавляющее большинство населения Румынии хорошо относится к теперешнему правительству в Румынии. Спрашивается, в чем же тут дело, когда речь идет об отношении США к правительству Румынии. В том лишь, что это правительство дружественно расположено к Советскому Союзу? Правительство США, видимо, не хочет этого? Если это так, то это очень печально. Правительство США хочет, чтобы в Румынии было правительство, недружественное Советскому Союзу. Но Советское Правительство не сможет договориться на этой основе с Правительством США. Других причин для объяснения позиции Правительства США в отношении Румынии нет. Американцы и англичане оказывали широкую поддержку прежнему румынскому правительству генерала Радеску — правительству, которое относилось враждебно к Советскому Союзу. Он, Молотов, должен сказать, что раньше Правительство США не так относилось к Советскому Правительству.

Бирнс отвечает, что это не так. Правительство США никогда не признавало нынешнего румынского правительства, и Молотов об этом знает. С момента образования этого правительства, Правительство США отказалось его признать потому, что, как он, Бирнс уже говорил, Вышинский, которого Бирнс лично весьма уважает, пришел к королю и заявил, что нужно в 24 часа создать новое правительство, которое должен возглавить Гроза. Не может быть сомнения, что Молотов совершенно честен в своих взглядах, но Бирнс просит верить ему, что он тоже абсолютно честен в своих взглядах. После своей беседы с Молотовым в воскресенье Бирнс видит, что Молотов убежден в том, что румынский народ поддерживает правительство Гроза. Но, поскольку речь идет о правительстве США, представитель США в Румынии информирует Правительство США, что румынское правительство пользуется ограниченной поддержкой, так как оно отказалось сотрудничать с представителями других партий. Если бы Бирнс помышлял о том, чтобы создать правительство, недружественное Советскому Союзу, то он не занимал бы такой дружественной позиции к Советскому Союзу и к советскому народу, какую он занимает сейчас. Но Бирнс хочет сказать, что если он говорит, что Правительство США не может признать нынешнее румынское правительство, то это не означает, что Правительство США стремится к созданию в Румынии правительства, враждебного Советскому Союзу. Бирнс уверен, что можно было бы создать другое правительство в Румынии, в котором были бы представлены все демократические партии, и которое было бы дружественным Советскому Союзу. В течение ряда недель после окончания Ялтинской Конференции, между Советским и Американским Правительствами велись переговоры о создании временного правительства в Польше, и, в конечном счете, оба правительства договорились между собой о составе временного правительства в Польше. Если бы то же самое можно было сделать в Румынии, то никого это не обрадовало бы больше, чем Бирнса, так как в этом случае Бирнс смог бы всюду выступать в защиту позиции Советского Правительства.

Что касается Италии, то Бирнс знаком с одним из членов нынешнего итальянского правительства и Бирнс должен сказать, что итальянское правительство не было создано такими методами, какими было создано румынское правительство. Поэтому Бирнс в состоянии заявить американскому народу, что итальянское правительство является достаточно представительным. Правительство США полагается на информацию своих

представителей. Эта информация отличается от той, которую Советское Правительство получает от его представителей. Когда Бирнс приступил к исполнению своих обязанностей в Государственном Департаменте, он проверил, являются ли американские представители за границей объективными информаторами. Оказалось, что информация, полученная от американского представителя в Контрольной Комиссии в Румынии, и сообщения американских корреспондентов в Румынии совпадают, и это обстоятельство убедило его, Бирнса, в том, что информация является точной.

Когда люди хотят быть друзьями, они обязательно найдут пути к этому. Американцы хотят быть друзьями Советского Союза. Все, следовательно, зависит от Советского Союза. Он, Бирнс, очень просит Молотова, после отъезда из Лондона, подумать над тем, как найти решение трудностей, перед которыми стоят правительства Советского Союза и США. Бирнс уверен, что Молотов найдет решение, поскольку ему удавалось находить решение еще более сложных вопросов. Если будет избран другой деятель, а не Гроза, и если этот деятель будет назначен главой правительства, но не так, как был назначен Гроза, причем Бирнс уверен в том, что можно подобрать таких политических деятелей, о которых известно, что они дружественно расположены к Советскому Союзу и что они представляют румынские партии, и если включить этих деятелей в правительство, которое будет проводить выборы, и если в результате этих выборов будет избран Гроза, который, как Молотов утверждает, пользуется поддержкой румынского народа, то Молотов не услышит от Бирнса никаких возражений.

Молотов отвечает, что он хотел бы, чтобы Бирнс проверил следующие факты. Когда Гроза предложил представителям других партий, за исключением тех, которые уже были представлены в правительстве, войти в правительство, представители этих партий потребовали такое количество мест в правительстве, которое было несоразмерно с их действительной силой. Молотову кажется, что когда Бирнс говорит о лидерах других партий, он имеет в виду группы Маниу и Братиану. Не так ли это?

Бирнс отвечает, что Правительство США совершенно не интересуется отдельными группами или лицами. Все, что правительству США известно, это то, что Гроза был назначен по требованию Вышинского, который заявил, что Гроза через 2 часа должен быть назначен премьером. Король позже говорил, что Гроза был назначен против его воли.

Молотов говорит, что в нынешнем румынском правительстве представлены социал-демократы, Земледельческий Союз, коммунистическая партия, либералы. В правительстве также имеются беспартийные. Спрашивается, представителей каких партий нахватает в румынском правительстве.

Бирнс говорит, что ему известно о том, что на одном из собраний сельскохозяйственной партии милиция не разрешила собранию выдвинуть желаемого кандидата и заставила собрание назвать другого кандидата, который никак не мог считаться представителем партии. Эти и подобные факты произвели на Бирнса и на американских представителей в Румынии неблагоприятное впечатление.

Молотов говорит, что, когда речь шла о Польше, то, прежде всего, имелись в виду Миколайчик и Станчик. Кого имеет в виду Бирнс, когда он говорит о Румынии? Видимо, он имеет в виду Маниу и Братиану. Но им были предложены посты в румынском правительстве, правда, количество предложенных постов было меньше, чем то, которого они требовали. Маниу и Братиану не согласились с предложенным их группам количеством постов в правительстве, которое соответствовало их весу в стране.

Теперь Молотов хотел бы коснуться роли Вышинского. Молотов благодарен за то, что Бирнс: так хорошо отозвался о Вышинском, он этого заслуживает, но Бирнс преувеличивает его роль в событиях в Румынии. Говоря, так сказать, "по секрету", Молотов может сообщить Бирнсу, что Вышинский помогал образованию нового правительства, но если бы Советское Правительство не вмешалось, то в Румынии возникла опасность беспорядков и опасность перерастания их в гражданскую войну. При такой обстановке Советское Правительство не могло не помочь румынскому правительству найти выход из положения. То же самое делают американцы и англичане в Италии, и Советское Правительство не мешает им. В

побежденной, особенно в соседней стране, Советский Союз должен иметь какое-то влияние. Молотов не замечал того, чтобы американцы мешали англичанам. в Греции, хотя в Греции у власти находится недемократическое правительство, правительство, не имеющее ничего общего с демократией. Несмотря на это, американцы хотят участвовать в контроле над выборами в Греции и прикрывают греческое правительство своей широкой спиной от критики, не мешая ему проводить террор в отношении демократических элементов. Американцы помогают англичанам в Греции.

Если Бирнс выскажет здесь или в другом месте точку зрения Американского Правительства на положение в Румынии или Болгарии, то Советское правительство выскажет свою точку зрения на политику США в отношении этих стран. У Советского Правительства нет иного выхода. Правительство США толкает Советское Правительство на это.

Бирнс отвечает, что у него нет возражений против этого.

Молотов говорит, что Советское Правительство этого не хотело бы, но, поскольку Правительство США толкает его на этот шаг, оно будет вынуждено высказать то, что оно думает по этому вопросу. Конечно, это не доставит удовольствия Советскому Правительству.

Бирнс отвечает, что, конечно, это не доставит удовольствия и Правительству США. Бирнс уже говорил Молотову о том, что он посетил его в воскресенье для того, чтобы лично, а не за круглым столом, информировать Молотова о своем мнении.

Молотов говорит, что он за это весьма благодарен Бирнсу.

Бирнс говорит, что если будет соблюдена Ялтинская Декларация, то он будет рад этому больше всех. Как Молотов помнит, на Ялтинской Конференции союзники договорились о политике в освобожденной Европе. Было решено, что в освобожденных странах будут учреждены временные правительства, в которых будут представлены все демократические элементы и которым будет вменено в обязанность провести свободные выборы. Союзники обещали помочь этому. После опубликования Ялтинской Декларации было объявлено, что в Греции состоятся выборы. Греческое правительство пригласило американских наблюдателей на выборы. Американцы приняли это предложение, и американские представители поедут в Грецию вовсе не потому, что их просили об этом англичане или французы. В Румынии положение иное, чем в Греции.

Молотов спрашивает, почему в Греции, в отличие от Румынии, американцы не хотят переформировывать правительство до выборов. Видимо, американцы не хотят мешать англичанам, но хотят мешать Советскому Союзу в Румынии. Такова ли философия американцев? Он, Молотов, должен сказать, что при Рузвельте у Советского Союза с США были другие отношения.

Бирнс отвечает, что та философия, о которой говорит Молотов, глупая. Когда Молотов говорит о том, что американцы хотят угодить англичанам, то этим Молотов хочет уколоть его. Еще Рузвельт обещал от имени Правительства США помочь освобожденным народам в устройстве их государственной жизни. Сейчас правительство США выполняет это обещание, для посылки в Грецию подобраны лучшие люди. Он, Бирнс, уверен, что если бы Советское Правительство также послало своих представителей в Грецию, то это было бы весьма полезно.

Молотов отвечает, что Советское Правительство не хочет вмешиваться в это нечистое дело.

На этом беседа заканчивается. Беседа продолжалась 1 час 10 минут.

Записал В.Павлов.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ

20 сентября 1945 г. в 15 час.40 мин. в Ланкастер Хаус

Присутствуют: Гусев, Павлов, Данн, Болен.

Бирнс заявляет, что в течение некоторого времени он обдумывал одну мысль, о которой он решил сегодня переговорить с Молотовым. Во время своего пребывания в Ялте он, Бирнс, внимательно слушал заявления Генералиссимуса Сталина о Польше. Генералиссимус Сталин высказывал свои опасения в отношении Польши и справедливо указывал, что СССР не может мириться с тем, чтобы в Польше было недружественное СССР правительство и армия. Генералиссимус Сталин говорил о том, что он не хочет, чтобы Германия пользовалась Польшей как коридором для нападения на Советский Союз. При этом Генералиссимус Сталин высказывал опасение, как бы Соединенные Штаты не замкнулись в своей скорлупе. Американский народ, как правило, не заключает договоров с другими странами. Но сейчас, когда американский народ исполнен решимости не допустить Германии вооружаться, он, Бирнс, мог бы, если Молотов сочтет это полезным, рекомендовать Трумэну переговорить с лидерами конгресса о возможном договоре между США и СССР. Цель договора заключалась бы в том, чтобы держать Германию разоруженной в течение 20–25 лет. Детали договора могут быть разработаны. Но цель договора ясна — устранить угрозу повторного вооружения Германии. Если американский народ заключит такой договора, то можно быть уверенным, что договор будет им выполнен. Перед своим отъездом в Лондон, он, Бирнс, упоминал Президенту об этом проекте. Президент не высказал возражения, напротив, счел мысль полезной, согласился о ней подумать и переговорить с ним, Бирнсом, позже. Если Молотов считает эту мысль полезной, то он, Бирнс, мог бы убедить в этом Президента, а затем и лидеров конгресса. Он, Бирнс, еще ни с кем, кроме Молотова, об этом не говорил. Но он, Бирнс, хочет узнать мнение Советского Правительства, и после этого можно будет переговорить с англичанами и французами, предложив им присоединиться к договору.

Молотов отвечает, что он сейчас не может говорить от имени Советского Правительства, но ему лично кажется, что идея Бирнса представляет интерес. В связи с этим он, Молотов, хотел бы обратить внимание Бирнса на то, что, с одной стороны, Бирнс вместе с СССР ищет пути предупреждения германской агрессии, а с другой — делегация США делает сегодня прямой выпад против СССР по вопросу о Румынии. Он, Молотов, имеет при этом в виду розданный делегацией США меморандум о мирном договоре с Румынией, который содержит обвинение нынешнего румынского правительства в недемократичности. Этим самым Американская делегация хочет вызвать Советскую делегацию на открытый разговор.

Бирнс отвечает, что, по его мнению, это не выпад против Советской делегации, а обмен мнениями. Примечание, содержащееся в меморандуме делегации США, вызвано стремлением предотвратить возможность неправильного толкования участия делегации США в обсуждении проекта мирного договора с Румынией. Правительство США не желает, чтобы участие США в этом деле было истолковано как акт, противоречащий общей позиции Правительства США в румынском вопросе.

Молотов отвечает, что Советская делегация не сможет оставить без ответа примечание, направленное против Советского Союза.

Бирнс говорит, что он не согласен с тем, что примечание направлено против Советского Союза. Цель примечания в том, чтобы разъяснить позицию Делегации США. Как Молотов помнит, в Потсдаме было решено, что каждое правительство изучит вопрос о признании правительств в странах — бывших сателлитах Германии, и в примечании он, Бирнс, хотел сказать, что вопрос о признании румынского правительства не является делом Совета Министров. Примечание сделано во избежание неправильного понимания позиции США.

Молотов говорит, что Бирнс мог бы разъяснить позицию США устно и снять свое примечание, сказав, что вопрос о признании румынского правительства изучается. Тогда он, Молотов, не имел бы никаких возражений.

Бирнс отвечает, что его примечание говорит лишь о том, что позиция Правительства США остается такой же, какой она была в Потсдаме. Но он, Бирнс, готов устно добавить, что

в соответствии с договоренностью в Потсдаме каждое государство отдельно должно изучать вопрос о признании и что сейчас Правительство США изучает вопрос о признании румынского правительства.

Молотов говорит, что это, конечно, дело Бирнса оставить ли примечание или нет, но если оно будет оставлено, то оно вызовет ответ со стороны Советской делегации.

Бирнс заявляет, что он не может приступить к обсуждению вопро. са. о проекте мирного договора с Румынией, не заявив о том, что он не желает, чтобы его участие в этом деле было истолковано в том смысле, что Правительство США признает нынешнее правительство Румынии.

Молотов говорит, что Бирнс мог бы сказать на заседании Совета Министров о том, что он говорит сейчас, а именно, что он, Бирнс, не хочет, чтобы участие Делегации США в обсуждении проекта мирного договора с Румынией было истолковано как признание правительством США правительства Румынии. Он, Молотов, должен предупредить Бирнса, что выпад против румынского правительства неизбежно вызовет ответ Советской делегации в защиту румынского правительства.

Бирнс говорит, что он не намерен делать выпада, но он должен упомянуть о том, что позиция Правительства США со времени Потсдамской конференции не изменилась.

Молотов заявляет, что, поскольку Бирнс выскажет свою точку зрения, он изложит в ответ советскую точку зрения. Молотов предлагает, чтобы Бирнс снял письменное примечание и устно заявил на Совете, что участие Делегации США в обсуждении мирного договора с Румынией не означает признание Правительством США румынского правительства.

Бирнс отвечает, что он сомневается в этом. Беседа продолжалась 20 минут.

Записал В.Павлов.

Разослано:

т. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ

22 сентября 1945 г. в 11 час.30 мин. в Ланкастер Хаус.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Данн, Болен .

Молотов заявляет, что он хотел бы переговорить с Бирнсом до заседания Совета Министров. Он, Молотов, еще не получил из Москвы ответа на свою телеграмму о беседе с Бирнсом по поводу советско-американского пакта, направленного против Германии. Но он получил из Москвы другую телеграмму, которая разошлась с его телеграммой о беседе с Бирнсом. В этой телеграмме из Москвы сообщается, что Советское Правительство считает своевременным заключение между США и СССР договора против возможного возобновления агрессии со стороны Японии. Советское Правительство серьезно относится к этому вопросу, в особенности ввиду условий капитуляции, которые осуществляются в настоящее время в отношении Японии, так как они оставляют возможности для будущей агрессии со стороны Японии. Германия при настоящих условиях не имеет таких возможностей, какими обладает сейчас Япония. Так думает Советское Правительство.

Бирнс отвечает, что он уже три недели как уехал из Вашингтона и не знает, какие условия перемирия имеет в виду Советское Правительство. Но он полностью согласен с той целью, которую ставит себе Советское Правительство, и он надеется, что можно будет найти способ достичь ее. Он, Бирнс, лично придерживается в отношении Японии такой же позиции, как и в отношении Германии, т. е. считает, что Япония должна быть разоружена. Он хотел бы спросить Молотова, какие условия перемирия, по мнению Советского Правительства, являются особенно либеральными.

Молотов отвечает, что японские дивизии на главных островах Японии демобилизуются и не берутся в плен американцами. Таким образом, в руках Японии остаются обученные кадры офицеров и солдат. Личный состав военно-морского флота также распускается по

домам. Все это проводится американским командованием без согласования с союзниками. Советское Правительство считает, что такого рода действия опасны, так как они оставляют Японии возможность возобновить свою агрессию в близком будущем.

Данн говорит, что эти сведения не совпадают с теми, которые получает из Японии Правительство США. Согласно информации Государственного Департамента, Макартур уже приступил к уничтожению вооружения, и ему приказано осуществить это в самое кратчайшее время. Уже уничтожены береговые укрепления.

Бирнс говорит, что, уже будучи в Лондоне, он получил телеграмму о том, что Макартур собирается потопить некоторое количество японских военно-морских судов, в том числе — один линкор, один крейсер и шесть подводных лодок. Он, Бирнс, послал телеграмму в Вашингтон с предложением отложить осуществление этих мероприятий, пока Бирнс не проконсультируется с Британским и Советским правительствами.

Молотов говорит, что Советское Правительство подчеркивает то обстоятельство, что офицеры и рядовой состав как военно-морского флота, так и армии Японии, не объявляется военнопленным, а демобилизуется и уходит по домам. Таким образом, Япония фактически сохраняет хорошо обученные военные силы. Насколько ему, Молотову, известно, на настоящий день демобилизовано и возвратилось домой около 1,5 миллиона японцев. Советское Правительство не разделяет этой тактики и не может нести ответственности перед мировым общественным мнением за положение, которое может создаться в результате таких действий. Ввиду этого, Советское Правительство считает своевременным обсудить вопрос о заключении советско-американского договора против возможной агрессии со стороны Японии в будущем. Он просит Бирнса информировать Правительство США о сказанном им сегодня и сообщить ему, Молотову, точку зрения Правительства США для передачи в Москву. Молотов добавляет, что он не рассчитывает на немедленный ответ относительно его сегодняшнего предложения.

Бирнс заявляет, что, когда он говорил об антигерманском пакте, он упоминал о том, что Президент положительно отнесся к этой идее. Он также сказал о том, что каждый договор должен быть одобрен Сенатом.

Молотов замечает, что в Советском Союзе каждый договор должен быть одобрен Верховным Советом.

Бирнс говорит, что по возвращении в США он переговорит с Президентом, а последний переговорит с лидерами Сената. До того, как начнутся переговоры, лучше всего сначала сообщить об этом намерении руководителям Сенатской комиссии по иностранным делам.

Данн говорит, что демобилизация японской армии и флота производится в соответствии с условиями Потсдамской Декларации. Разумеется, однако, что при этом японские войска подвергаются полному разоружению.

Бирнс говорит, что до отъезда из Вашингтона он принял меры к организации суда над японскими военными преступниками, так же, как это будет сделано в Германии.

Молотов говорит, что он понимает, что американцы считают, что они знают японские дела лучше всех и могут обойтись без консультации. Американцы имеют известное основание так думать, но у Советского правительства имеются замечания по поводу проводимой американцами политики в Японии и Молотов должен сообщить о них правительству США, поскольку Советское Правительство могут спросить, как оно оценивает политику США в Японии.

Бирнс говорит, что вопрос о пленении японской армии будет трудной задачей, если по этому поводу имеется оговорка в Потсдамской декларации. Но Бирнс хотел бы спросить Молотова, как он предложил бы поступить с военнопленными.

Молотов говорит, что могут быть применены разные меры. Он может сослаться на меры, принятые Советским Правительством по отношению к немецким военнопленным. Престарелые, больные и раненые немецкие военнопленные были отправлены домой, а остальные работают в Советском Союзе. Во всяком случае, нужно подумать о будущем. Японцы очень активны и они не будут долго сидеть сложа руки. Может быть, Бирнс

придерживается другого мнения.

Бирнс отвечает, что нужно сделать все, чтобы японцы не вооружились снова. Но вопрос о личном составе армии и флота Японии очень трудный. Если взять миллион человек в плен, то их надо будет кормить.

Молотов замечает, что в Советском Союзе военнопленные работают.

Бирнс отвечает, что японских военнопленных было бы трудно использовать в качестве рабочей силы и что нужно найти другие средства для того, чтобы помешать Японии снова стать военной державой.

Во всяком случае, он, Бирнс, лично считает предложение Молотова хорошей мыслью и он с ней согласен. Однако, он должен будет по возвращению в США переговорить с Президентом и лидерами конгресса.

Беседа продолжалась 15 минут.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ

27 сентября 1945 г. в 13 час.25 мин. в Ланкастер Хаус.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Болен.

Бирнс говорит, что он хотел бы заверить Молотова в том, что Правительство США отнюдь не хочет не советоваться с Советским Правительством по поводу политики в Японии.

Молотов спрашивает, почему Правительство США не хочет создания Контрольного Совета в Японии.

Бирнс отвечает, что, когда Молотов сделал предложение о заключении советско-американского договора против Японии, Бирнс сказал, что посоветуется по этому поводу с Президентом, но что он положительно относится к этому предложению. Что касается Контрольного Совета, то он не знает, каково мнение Президента, не знает и взглядов военных. Но Бирнс знает, какие мотивы побудили Правительство США предложить учреждение Совецательного Комитета по Японии в Вашингтоне, и вот он хотел бы пояснить их Молотову. Правильно или неправильно, но союзники приняли Потсдамскую декларацию. Кроме того, союзники дали ответ японцам на их запрос от 10 августа относительно императора. Эти документы служат основой политики союзников по отношению к Японии.

Молотов спрашивает, осуществляют ли союзники безоговорочную капитуляцию или капитуляцию с оговоркой в отношении Японии.

Бирнс говорит, что Молотов может думать, что угодно, но таковы документы союзников.

Молотов отвечает, что они действительны только на тот период, в течение которого еще не была разоружена японская армия.

Бирнс говорит, что, по мнению Правительства США, целесообразно создать Совецательный Комитет. Все правительства согласились с этим, за исключением британского правительства, которое не дало ответа на американское предложение. Вследствие отсутствия ответа со стороны Великобритании, было невозможно создать Совецательную Комиссию по Японии. Правительству США безразлично, где будет действовать эта комиссия — в Вашингтоне или Токио.

Болотов говорит, что будет лучше, если Комиссия будет действовать в Токио.

Бирнс замечает, что, по мнению Эватта, Комиссию лучше создать в Вашингтоне.

Молотов отвечает, что Эватт часто говорит обратное. Молотов говорит, что вчера Трумэн заявил, что по вопросу о создании Контрольного Совета к нему никто не обращался. Если бы его, Молотова, спросили об этом, то ему было бы неудобно молчать.

Бирнс говорит, что он не видел выступления Президента.

Молотов заявляет, что советский представитель в Японии сообщает, что ему там нечего делать, ибо его не информируют.

Бирнс заявляет, что, как он уже говорил, он не готов к обсуждению вопроса о Японии.

Он считает неправильным, что советского представителя в Японии не информируют. Бирнс доложит об этом Президенту, который наверняка об этом не знает. Бирнс говорит, что он также доложит Президенту вопрос об анти- японском договоре.

Молотов отвечает, что вопрос о договоре еще несколько терпит. Бирнс доложит в Вашингтон советское предложение об антияпонском договоре, а Молотов доложит в Москве об американском предложении по поводу антигерманского договора. Что же касается создания Контрольного Совета, то этот вопрос срочный и его нужно обсудить теперь же. Непонятно, почему Бирнс против этого.

Бирнс отвечает, что он не против обсуждения вопроса, но что он не готов к его обсуждению.

Записал В.Павлов.

Разослано:

т. Сталину, Маленкову, Берия, Микояну.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ

30 сентября 1945 г. в 18 час.15 мин. в Ланкастер Хаусе.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Данн, Болен .

Бирнс говорит, что все сводится к вопросу о процедуре. Он, Бирнс, хотел бы узнать, не будет ли возможным договориться о созыве широкой конференции после того, как будет принято предложение Молотова о процедуре.

Молотов отвечает, что незачем создавать видимость того, что Совет что-то решает, когда в действительности он ничего еще не решил. Правительство США отказывается ставить вопрос о признании правительства Румынии и Болгарии.

Бирнс. говорит, что правительство США будет продолжать изучение вопроса о признании правительств Румынии и Болгарии.

Молотов говорит, что если Правительство США договорится с Советским Правительством о признании правительств Румынии и Болгарии, то и по остальным вопросам им будет нетрудно договориться. Если же Правительство США к этому не готово, то это означает, что не следует торопиться.

Бирнс говорит, что, однако, важно упомянуть в коммюнике о том, что будет созвана общая конференция, в которой будут участвовать государства, участвовавшие в войне.

Молотов говорит, что он не сомневается, что в Москве не поймут того, как можно созывать конференцию по вопросам Румынии и Болгарии, не договорившись об отношении к румынскому и болгарскому правительствам. Как можно опубликовать решение о созыве конференции по мирным договорам, если одновременно будет опубликовано сообщение о том, что Правительство США не признает румынского правительства?

Бирнс говорит, что он сожалеет по поводу того, что Молотов связывает эти два вопроса.

Молотов говорит, что иначе бессцельно созывать мирную конференцию. Он не торопит Правительство США с признанием правительств Румынии и Болгарии. Пройдет еще некоторое время и в этих странах состоятся выборы и будут образованы новые правительства.

Бирнс отвечает, что если выборы будут проводить те правительства, которые стоят сейчас у власти, то посторонние наблюдатели не смогут поверить, что выборы в этих странах были свободные.

Молотов говорит, что, во всяком случае, выборы в Румынии и Болгарии будут организованы лучше, чем в Греции, и не хуже, чем в Венгрии, правительство которой признано Правительством США.

Бирнс говорит, что греческое правительство пригласило американских и советских наблюдателей, и общественное мнение в Америке будет уверено в демократическом характере выборов в Греции. Если бы Румынское правительство предложило Советскому и

Американскому правительству послать своих наблюдателей на время выборов, то это также успокоило бы американское общественное мнение. Что касается Венгрии, то согласно имеющейся в распоряжении Правительства США информации положение в этой стране улучшилось.

Бирнс говорит, что если Молотов подумает, то он, может быть, согласится изменить состав румынского правительства так, чтобы весь мир верил, что выборы в Румынии будут свободными.

Молотов отвечает, что Советское Правительство не пойдет на изменение состава румынского правительства, поскольку это было бы вмешательством во внутренние дела Румынии. Советское Правительство, кроме того, убеждено в демократическом характере румынского правительства, пользующегося поддержкой подавляющего большинства румынского народа.

Записал В.Павлов.

Разослано:

т. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну.

БЕСЕДА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ И МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИНОМ

22 сентября 1945 г. в 11 час.45 мин. В ЛАНКАСТЕР ХАУС.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Дани, Болен, Диксон, Кэмпбелл.

Молотов заявляет, что он пригласил двух своих коллег для того, чтобы сообщить им о следующем. Работа Совета Министров подвигается очень медленно и недостаточно гладко. Он, Молотов, думает, что это происходит оттого, что Молотов, а также Бевин и Бирнс в самом начале совершили ошибку, отступив от решения Берлинской конференции, не имея на то права. Он, Молотов, имеет в виду пункт 3-й решения о Совете Министров, в соответствии с которым Совет должен заседать в составе трёх и, в случае обсуждения договора с Италией в составе 4-х, т. е. при участии Франции. В результате нарушения Берлинского решения получилась только затяжка в работе. Из-за этой ошибки возник ряд недоразумений, например о том, кому поручить разработку того или иного мирного договора — заместителям или специальным комиссиям, появилась нежелательная проблема «большинства» и «меньшинства» на заседаниях и др. Обсуждение этого последнего вопроса, как известно, ни к чему не привело. Молотов думает, что нужно меньше разговоров и больше дела. Нужно покончить с этим и восстановить действие Берлинского соглашения. Тогда не будет недоразумений. Вот его, Молотова, предложение.

Бевин отвечает, что он не думает, что Францию, имеющую большие интересы на Балканах, можно отстранить от участия в рассмотрении мирных договоров с балканскими странами.

Молотов заявляет, что таково общее решение Берлинской конференции.

Бовин, говорит, что он не был на Берлинской конференции, когда выработывалось это решение.

Бирнс говорит, что, как Молотов, помнит, этот вопрос был предметом дискуссии на Берлинской конференции и очень трудно припомнить все то, что было высказано в ходе этой дискуссии. Насколько Бирнс помнит, дело обстояло следующим образом. Когда этот вопрос обсуждался, представители Великобритании настаивали на том, чтобы Франции было разрешено участвовать и голосовать при рассмотрении мирного договора с Италией. Насколько он помнит, в ходе дискуссии было условлено, что Франция будет, однако, участвовать при обсуждении мирных договоров с балканскими странами в Совете Министров, хотя и не будет иметь формального права голоса. Бирнс также помнит своё заявление на Берлинской конференции о том, что при обсуждении мирного договора с Финляндией представитель США не будет голосовать, но будет присутствовать.

Молотов отвечает, что он не возражает против приглашения в отдельных случаях.

Бирнс заявляет, что в решении Берлинской конференции говорится, что будут приглашаться другие члены Совета при обсуждении вопросов, непосредственно их касающихся.

Молотов говорит, что Совет Министров пригласил Югославию и Италию изложить свои взгляды по вопросу итало-югославской границы.

Бирнс отвечает, что в Берлинском решении речь идёт о членах Совета, каковыми Югославия и Италия не являются.

Молотов говорит, что члены Совета могут быть приглашены, если обсуждаются прямо их касающиеся вопросы, например, французский вопрос. Однако, в решении Берлинской конференции ясно говорится, что в обсуждении мирных договоров участвуют только те страны, которые подписали условия перемирия. Если это решение Берлинской конференции не будет выполнено, то Молотов не сможет согласиться на участие в обсуждении мирных договоров.

Бевин заявляет, что он не сможет участвовать в работе Совета Министров, если будет отстранена Франция. По его мнению, Молотов поднимает все эти процедурные вопросы лишь для того, чтобы увильнуть от существования обсуждаемых вопросов.

Молотов заявляет, что каждый может говорить то, что он хочет, но он просто не хочет реагировать на каждый выпад.

Бевин говорит, что все вопросы нужно передать заместителям, а в случае с Финляндией — подкомиссии, состоящей из тех стран, которые находились в состоянии войны с Финляндией. Что касается мирного договора с Италией, то он должен быть передан на рассмотрение подкомиссии, состоящей из представителей тех стран, которые воевали с Италией, и Франции. Поскольку Франция будет рассматриваться как полноправный член Совета, нужно, чтобы она принимала участие во всех подкомиссиях, т. е. она должна участвовать также в рассмотрении балканских вопросов. Он, Бевин, хочет избежать разделения Европы на сферы, Бевин стремится к единству Европы.

Молотов говорит, что он не меньше, чем Бевин, стремится к единству Европы.

Бирнс заявляет, что когда он был в Потсдаме, то он полагал, что учреждается Совет в составе пяти представителей. Но Бирнс имел в виду, что когда, например, будет обсуждаться мирный договор с Финляндией, он, Бирнс, не будет голосовать, но будет участвовать в обсуждении. Действительно, если внимательно вдуматься в формулировку Потсдамского решения, то из неё следует, что Франция может быть приглашена, когда обсуждаются вопросы, непосредственно ее касающиеся. Однако, он, Бирнс, думает, что нельзя слишком узко истолковывать решение Берлинской конференции и если Франция считает, что данный вопрос непосредственно касается ее, остальные члены Совета обязаны пригласить ее.

Бевин заявляет, что в первый день заседания было условлено, что все пять членов Совета участвуют в обсуждении, но что решение принимается только определенными членами Совета. Именно в этом духе он истолковывал Берлинское решение, выступая в парламенте после конференции в Берлине.

Молотов говорит, что можно будет проводить два заседания в день — одно в составе четырёх, для обсуждения проекта мирного договора с Италией, а другое — в составе трёх, для обсуждения мирных договоров с малыми сателлитами. Такие вопросы, как вопрос об управлении Германией, репатриация советских граждан и вопрос о мирном договоре с Италией, должны обсуждаться Советом в составе четырёх. Если будут вопросы, касающиеся также Витая, то Совет обсудит их в составе пяти членов.

Бевин заявляет, что он не согласен отступить от решения, принятого Советом 11 сентября.

Молотов заявляет, что он не может нарушать решения Берлинской конференции.

Бирнс говорит, что весь мир смотрит на Совет Министров с надеждой, что Совет Министров успешно будет вести обсуждение рассматриваемых им вопросов, и Совет Министров не может ввиду этого заявить, что он не в состоянии выполнить надежды людей, так как он не может решить процедурных вопросов. Нужно иметь также в виду, что если

сузить состав Совета, то это произведёт крайне неблагоприятное впечатление во всем мире, в особенности на малые государства.

Молотов отвечает, что речь идёт о том, чтобы провести в жизнь решения глав правительств, не меняя их. Дело в том, чтобы исправить допущенные нарушения этих решений. Сейчас в Совете возникли вопросы, которые мешают его работе. В целях ускорения работы Совета, необходимо, чтобы отдельные вопросы рассматривались различными составами Совета. Нужно установить, какие вопросы будут рассматриваться Советом в составе трёх, четырёх и пяти представителей!

Бевин заявляет, что решение, принятое Советом 11 сентября, соответствует Потсдамскому решению.

Молотов отвечает, что он считает, что это решение было нарушением Берлинского решения.

Бовин, заявляет, что это юридический вопрос.

Молотов говорит, что в Потсдаме было предусмотрено участие Франции в обсуждении лишь мирного договора с Италией.

Бовин спрашивает, идёт ли речь лишь о Франции. Молотов говорит, что речь идёт также и о Китае.

Бирнс, заявляет, что после Потсдамского решения Китаю было послано приглашение принять участие в работе Совета Министров. Бирнс думает, что по некоторым вопросам нельзя будет принимать решения без участия Китая.

Молотов заявляет, что он не может согласиться на нарушение Берлинской конференции, и что он не уполномочен менять его.

Беседа продолжалась 2 ч. 15 минут.

Записал В. Павлов.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ И МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИНОМ

22 сентября 1945 г. в 15 час. 30 мин. в ЛАНКАСТЕР ХАУС.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Дани, Болен, Кэмсбелл .

Бевин вручает Молотову и Бирнсу предложение следующего содержания:

" 1. Все пять членов Совета имеют право присутствовать на всех совещаниях и принимать участие во всех обсуждениях, но в вопросах, касающихся мирного урегулирования, те члены, правительства которых не были участниками подписания соответствующих условий капитуляции, не должны быть допущены к голосованию.

2. При отсутствии министров иностранных дел тот же порядок будет распространяться на заседания заместителей.

3. Вопросы, в которых некоторое правительства и члены были единственными участниками, должны передаваться специальным подкомитетам, состоящим из представителей подписавших правительств, и они будут докладывать заместителям в полном составе, причем процедура в отношении голосования должна быть такой, как это предусмотрено в §§ 1и2».

Бирнс говорит, что согласно этому предложению, заместитель, представлявший Соединенные Штаты Америки, не будет участвовать в рассмотрении мирного договора с Финляндией, потому что Соединенные Штаты не подписывали условия перемирия с Финляндией.

Бевин отвечает, что представитель Соединенных Штатов не будет членом комиссии.

Бирнс отвечает, что у него не будет против этого возражений.

Молотов заявляет, что из этого предложения Бевина ничего не выйдет, так как это предложение идет в разрез с решением Берлинской Конференции.

Бевин заявляет, что если Молотов имеет ввиду первый параграф Берлинской конференции, то там говорится, что Совет Министров иностранных дел будет состоять из

представителей СССР, Китая, США, Соединенного Королевства и Франции.

Молотов говорит, что решение Берлинской конференции устанавливает, вместе с тем, порядок обсуждения проектов мирных договоров. В решении сказано, что в обсуждении проектов мирных договоров участвуют представители стран, подписавших условия перемирия. В случае с Финляндией подготовка мирного договора будет поручена представителям СССР и Великобритании, в случае с Румынией, Болгарией и Венгрией — представителям США, Великобритании и СССР. Опыт показал, что отступление от этого решения Берлинской конференции ведет к затягиванию работы Совета и к другим трудностям. Конечно, Бовин может не соглашаться с порядком, установлением на Берлинской Конференции, но Британское правительство не возражало против решения Берлинской конференции.

Бирнс говорит, что он помнит, что на Берлинской конференции были со стороны глав правительств высказывания, не записанные в решении, об участии в обсуждении мирных договоров всех членов Совета при условии, что некоторые из них, не являющиеся сторонами, подписавшими условия перемирия, не будут голосовать.

Молотов отвечает, что он не может согласиться с этим, и заявляет, что члены Совета нарушили решение Берлинской конференции, осложнили дело, что привело к затяжке в работе Совета.

Бирнс говорит, что он готов согласиться с толкованием, которое дает Молотов решению Берлинской конференции. Но он, Бирнс, полагает, что министры СССР, США и Великобритании имеют право пригласить участвовать в обсуждении Францию и Китай без права голоса. Итак, нужно решить, по каким вопросам Франция и Китай будут приглашены. Было бы желательно узнать у представителей Франции и Китая, какие вопросы, по их мнению, их непосредственно касаются.

Молотов говорит, что согласно берлинскому решению проекты мирных договоров рассматриваются и утверждаются только теми сторонами, которые подписали условия перемирия.

Бирнс говорит, что СССР, Великобритания и США имеют дело не с врагами, а с союзниками, и потому опрос их был бы простой любезностью. Министры СССР, Великобритании и США должны спросить своих коллег, заинтересованы ли они, например, в обсуждении проекта мирного договора с Финляндией. В случае положительного ответа с их стороны должен быть решен вопрос об их приглашении.

Молотов говорит, что при нынешнем порядке работа Совета положение членов Совета неравноправное. Один только участвуют в обсуждении, а другие и участвуют и голосуют. Он, Молотов, предлагает восстановить порядок, установленной Берлинской конференцией, при котором все члены Совета будут иметь равные права.

Бевин заявляет, что, по мнению британского правительства, самой важной частью берлинского решения является та часть, в которой говорится об учреждении Совета министров иностранных дел.

Бирнс говорит, что так как три министра иностранных дел расходятся в толковании берлинского решения, то он, Бирнс, предлагает запросить глав трех правительств для того, чтобы узнать у них, как они понимают принятые ими решения.

Молотов, говорит, что он с этим согласен, но считает вопрос ясным.

Бевин говорит, что основным пунктом берлинского решения является первый пункт.

Молотов говорит, что нельзя рассматривать таким образом решение, разделяя его на то, что нравится, и на то, что не нравится. Решение надо брать в целом.

Бирнс заявляет, что на заседании в Берлине главы трех правительств обсуждали вопрос о степени участия других членов Совета. У него, Бирнса, осталось впечатление, что два члена Совета, не подписавших условия перемирия, могут присутствовать при обсуждении проектов мирных договоров.

Молотов заявляет, что он может сообщить, что он подучил телеграмму от Генералиссимуса Сталина, в которой сообщается, что Генералиссимус Сталин также считает

берлинское соглашение нарушенным, и высказывается за то, чтобы восстановить его действие. Если следовать берлинскому решению, то на Совете министров в присутствии всех членов Совета должны обсуждаться только вопросы, касающиеся их всех. В рассмотрении проектов мирных договоров с Румынией, Болгарией и Венгрией должны участвовать только США, Великобритания и СССР. По мирному договору с Италией в обсуждении должна принять участие, кроме упомянутых стран, также Франция. Такой порядок исключит неравноправное положение отдельных членов Совета и ускорит его работу.

Бирнс предлагает доложить главам правительств о возникших разногласиях в толковании берлинского решения. При этом он, Бирнс, хотел бы просить Молотова сообщить Генералиссимусу Сталину о толковании берлинского решения британской и американской делегациями о том, какое плохое впечатление на малые нации произвел бы факт отмены решения, принятого Советом 11 сентября.

Бирнс говорит, что ввиду разногласий он предлагает, чтобы на сегодняшнем заседании пяти министров не обсуждались мирные договора, а были рассмотрены следующие пункта повестки дня.

Бевин, поражая с этим свое согласие, обещает немедленно проконсультироваться с кабинетом о предложении Молотова.

Беседа продолжалась 1 час 35 минут.

Записал Б.Павлов.

Разослано:

т. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ И МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИНОМ

26 сентября 1945 г. в 10 час. В ЛАНКАСТЕР ХАУС.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Кемпбелл, Болен.

Бирнс заявляет, что он получил телеграмму от Трумэна о полученном Трумэном послании от Генералиссимуса Сталина, в котором Генералиссимус Сталин заявляет, что он поддерживает позицию Молотова в Совете Министров. Трумэн сожалеет об этом и считает нежелательным, чтобы эта позиция Молотова была принята. Эттли разделяет точку зрения Трумэна. Ввиду того, что главы трех правительств не могли достичь соглашения, нужно попытаться найти компромисс здесь, в Лондоне. Может быть у Молотова имеются какие-либо предложения на этот счет?

Молотов говорит, что он хотел бы воспользоваться случаем, чтобы выразить удивление по поводу отношения американцев и англичан к советскому предложению о контрольном механизме в Японии. Невольно возникает мысль, что может быть советские представители в Японии не нужны и их следует отозвать.

Бирнс отвечает, что, как он уже говорил, по возвращении в Вашингтон, он переговорит с Президентом о советском предложении. Вопрос о контрольном механизме для Японии связан с целым рядом серьезных соображений и Бирнс не в состоянии решить этот вопрос в Лондоне, не консультируясь с военными советниками и другими специалистами. Этот вопрос можно было бы обсудить дипломатическим путем. Если бы он предложил бы какой-нибудь вопрос и если бы Молотов ответил, что он не готов к его обсуждению, то Бирнс не стал бы настаивать на его обсуждении.

Молотов говорит, что американцы и англичане просто отказались обсуждать советские предложения. Как это можно понять?

Чего СССР, Британия и США не поделили? Ходят слухи, что американцы захватили в Японии 1–2 миллиарда долларов японского золота. Вероятно, англичане об этом знают. Может быть это препятствует участию советского представителя в Контрольном Совете по Японии?

Бевин говорит, что золото его вообще нисколько не трогает, а у американцев его очень

много.

Молотов замечает, что чем больше золота, тем больше оно нравится. Советское Правительство тоже не против золота.

Бирнс говорит, что он не слышал о захвате золота. Но, если бы золото было найдено, то думает ли Молотов, что американцы положили бы его в мешок и отправили бы в Америку.

Молотов замечает, что он не говорил о мешке.

Бирнс говорит, что если золото будет найдено, то Советское Правительство безусловно получит об этом исчерпывающее сообщение.

Молотов говорит, что в отношении захваченного американцами золота в Европе принято определенное решение. Советский Союз не заявил претензии на это золото. Это золото является, так сказать, даром божьим для американцев.

Бирнс говорит, что он обдумывал те вопросы, которые Молотов поставил перед ним. Сегодня он думал о том, как закончить работу Совета, чтобы не нарушить Берлинское решение, с одной стороны, и не обидеть Францию и Китай, с другой.

Бевин говорит, что он хотел бы вернуться к вопросу о Японии. Британское правительство возражает против обсуждения японского вопроса в узком кругу. Британское правительство получило настоятельные представления по этому вопросу от Канады, Австралии и Новой Зеландии. Все эти страны являются тихоокеанскими державами, и какие бы японские вопросы не обсуждались, эти доминионы должны участвовать в их обсуждении в первую очередь. Британское правительство не возражает против обсуждения японских вопросов, но не в рамках Совета Министров.

Молотов говорит, что об этом можно сговориться.

Бирнс заявляет, что он готов обсудить вопрос о Японии, но необходимо собрать документы.

Бевин говорит, что он хотел бы, чтобы в обсуждении японского вопроса приняла участие Австралия.

Молотов замечает, что Австралия могла бы принять участие в этом деле.

Бирнс заявляет, что Молотов говорит, что Макартур не берет в плен японских солдат и офицеров. Но в Потсдамской декларации, к которой присоединился Советский Союз, сказано, что, если японские войска капитулируют, то им будет разрешено вернуться домой. Он, Бирнс, не уверен, сейчас, был ли по поводу редакции этого пункта специальный запрос японского правительства через швейцарское правительство. Но, во всяком случае, этот пункт Потсдамской декларации является определенным обещанием союзников. Как известно, союзники в ответ на запрос японского правительства от 10 августа о прерогативах императора, заявили, что основой капитуляции Японии должна быть Потсдамская декларация. Молотов говорит, что советские войска берут японцев в плен, а китайские, британские и американские войска этого не делают. Это верно. Но Бирнс не хотел бы говорить о том, что на занятой британцами, китайцами и американцами территории применяется Потсдамская декларация, а на территории, занятой советскими войсками, она не применяется.

Молотов отвечает, что Советское правительство исходит из Потсдамской декларации, но не забывает о документе, подписанном Макартуром. Молотов имеет в виду приказ № 1, из которого вытекает, что японцам не должно быть разрешено возвращаться домой. В отношении Германии условия капитуляции были более мягкими и тем не менее союзники взяли немецких солдат и офицеров в плен. Если союзники не делают этого в отношении японцев, то они не выполняют приказа № 1 и акта о капитуляции Японии, в отличие от советского командования, которое проводит в жизнь условия этих документов. Молотов спрашивает, оставлять ли Советскому правительству своих представителей в Японии?

Бирнс говорит, что нет причин, почему бы Советское Правительство не должно оставлять их в Японии.

Молотов говорит, что советских представителей в Японии не информируют, и при таких условиях их дальнейшее пребывание там бесполезно.

Бирнс заявляет, что он рад будет изучить этот вопрос, но он не готов к его обсуждению и не в состоянии ответить Молотову. Бирнс уверен, что советское и американское правительства смогут договориться.

Сейчас Бирнс хотел бы перейти к предложениям по поводу процедуры сессии Совета Министров. У него имеются следующие предложения:

"1. Совет закончит рассмотрение своей нынешней повестки в соответствии с принятой в настоящее время процедурой. Дальнейшие действия в отношении мирных договоров будут ограничены директивой заместителям относительно рассмотрения и составления докладов о возможных условиях мира с Венгрией, которые должны отражать, в той мере, насколько это к ней относится, принципы, которые уже приняты в отношении Румынии и Болгарии.

2. Заместителям министров Франции, Соединенного Королевства, СССР и США будет поручено составить предварительный проект текста договора с Италией, насколько это возможно в свете директив, которые до сих пор были им даны.

3. Заместителям министров Соединенного Королевства, СССР и США будет поручено составить предварительный проект текста договора с Румынией, Болгарией и Венгрией, насколько это возможно, в свете директив, которые до сих пор им были даны.

4. Заместителям министров Соединенного Королевства и СССР будет поручено составить предварительный проект текста договора с Финляндией, насколько это возможно в свете директив, которые до сих пор им были даны.

5. Следующей сессией Совета будет Конференция, созванная Советом согласно положению раздела П, (4) (б) Потсдамского соглашения с точки зрения рассмотрения мирных договоров с Италией, Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией. Конференция в связи с обсуждением конкретных мирных договоров будет состоять из пяти членов Совета вместе с представителями таких других Объединенных наций, которые находились в войне с данным вражеским государством. Конференция состоится в Лондоне и начнет свою работу не позднее 15 ноября 1945 года. За основу своей работы она возьмет доклады заместителей с любыми изменениями, согласованными правительствами представленными соответствующими заместителями.

6. Коммюнике, суммирующее решения нынешней сессии Совета Министров, будет подготовлено представителями пяти министров иностранных дел и опубликовано по указанию пяти министров".

Молотов спрашивает о положении Китая.

Бирнс отвечает, что он готов пригласить Китай, но он хочет строго придерживаться Потсдамского решения.

Бирнс говорит, что те члены Объединенных Наций, которые находились в войне с данным государством, должны быть приглашены на будущую сессию, если они скажут, что у них имеются особые интересы в мирном договоре с данной страной. Так, например, было условлено в отношении Югославии и Греции и других наций. Если представители этих стран не приедут в Лондон, то придется правительствам этих стран прислать тексты мирных договоров на их рассмотрение. На Конференции в Берлине по инициативе Генералиссимуса Сталина в решение о Совете Министров был включен пункт о встречах трех министров иностранных дел. Поэтому, до того, как состоится Конференция, три министра могли бы встретиться и обсудить между собой проект мирных договоров и другие, интересующие их вопросы. Его, Бирнса, предложение обладает теми преимуществами, что всему миру будет показано, что каждой малой нации дается возможность принять участие в обсуждении мирных договоров. Вместе с тем, его, Бирнса, проект предусматривает, что три главных союзника сговорятся между собой о позиции до созыва всеобщей конференции.

Бевин заявляет, что он хотел бы изучить предложение Бирнса.

Беседа продолжалась 55 минут.

Записал В. Павлов.

ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИНОМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США. БИРНСОМ.

26 сентября 1945 г. в 19 час. 30 м. В ЛАНКАСТЕР ХАУС.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Данн, Кэмпбелл.

Молотов вручает Бирнсу и Бевину следующее предложение:

"Во изменение решения Совета. Министров по вопросу о компетенции членов Совета, принятого 11 сентября, член Совета Министров будут принимать участие в заседаниях Совета в том порядке, как это установлено на Берлинской конференции глав трех правительств».

Бивнс заявляет, что он надеялся, что Молотов серьезно отнесется к его предложению. Конечно, Франция и Китай будут разочарованы его предложением, так как на этой сессии они будут отстранены от участия в обсуждении проектов мирных договоров. Но это разочарование будет как бы компенсировано обещанием созыва всеобщей конференции.

Молотов отвечает, что предложение Бирнса противоречит берлинскому решению. Вопрос же о созыве конференции надо решить особо.

Бирнс спрашивает, какие возражения имеет Молотов против его проекта.

Молотов говорит, что нужно исключить первую фразу из этого проекта.

Бирнс говорит, что, например, проект мирного договора для Венгрии еще не был рассмотрен. Но можно сказать, что он будет рассмотрен в дальнейшем в соответствии с пунктом 3-м.

Молотов спрашивает, кто должен решить первый вопрос. Китай и Франция не могут участвовать даже по решению от 11 сентября.

Бирнс предлагает, чтобы проект мирного договора для Венгрии был передан заместителям и не обсуждался на Совете Министров.

Бирнс спрашивает Молотова, что он думает по поводу созыва конференции.

Молотов отвечает, что он должен будет лично доложить этот вопрос правительству.

Бевин не принимал активного участия в беседе.

Беседа продолжалась 40 минут.

Записал В.Павлов.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ И МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИНОМ

27 сентября 1945 г. в 12 час. 05 мин. в Ланкастер Хаус.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Данн, Кадоган, Керр, Болен.

Бирнс заявляет, что он готов принять то предложение, которое было сделано Молотовым вчера с некоторыми поправками не по существу, а редакционного характера при том условии, если Молотов будет согласен рассмотреть его предложение о созыве конференции. Бирнс может рассматривать эти два предложения только совместно. Дело в том, что если сейчас ограничить состав Совета тремя членами, то невозможно удовлетворить общественное мнение, которое требует, чтобы страны, участвовавшие в войне, участвовали в обсуждении мирных договоров. Если вместо расширения, Совет будет сужен, то союзники будут подвергнуты сильной критике со стороны общественного мнения. Поэтому Бирнс думает, что если будет принята вторая часть его предложения, то это даст уверенность малым странам, что они смогут высказать свое мнение. В Берлинском решении предусмотрено участие других государств в разработке мирных договоров.

Молотов отвечает, что он в принципе не возражает против обсуждения этого вопроса, но он должен будет изучить предложение Бирнса о созыве конференции, чтобы составить о нем определенное мнение.

Бевин заявляет, что он находится в очень затруднительном положении, поскольку предложение Бирнса отменяет решение от 11 сентября. Нужно договориться о привлечении

более широкого круга государств к разработке мирных договоров, чем это было предусмотрено в Берлине. Однако он будет готов принять суженное толкование берлинского решения, если он будет сейчас знать, что последует в будущем.

Записал В.Павлов.

БЕСЕДА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ И МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИИСМ

27 сентября 1945 г. в 18 час. 15 мин. В ЛАНКАСТЕР ХАУС.

Присутствуют: Гусев, Голунский, Павлов, Кэмпбелл, Данн, Болен .

Молотов заявляет, что у него имеются уже три варианта предложения г. Бирнса о порядке созыва конференции по мирным договорам. Он сможет подтвердить эти предложения завтра. В частности Молотов не уверен в отношении того, возможно ли будет сохранить указанный в этих предложениях срок — 1945 год.

Бирнс отвечает, что чем короче будут сроки, тем лучше.

Молотов говорит, что Бирнс требует немедленно установить короткие сроки для подготовки мирных договоров, но не соглашается на обсуждение вопроса о создании Контрольного Совета в Японии. Может быть Соединенные Штаты хотят играть роль диктатора, хотят диктовать свои предложения, но не хотят пойти навстречу по вопросу о Контрольном Совете в Японии, чего хотят все союзники: СССР, Англия и Китай. Молотов должен сказать, что из этого ничего не выйдет, что в таком случае он тоже не сможет дать немедленного ответа о порядке рассмотрения мирных договоров с Италией и другими государствами.

Бевин говорит, что если Молотов имеет в виду создание Контрольного Совета в Японии, то он должен сказать, что Британское правительство не готово в настоящее время к обсуждению этого вопроса. Что жв касается процедуры нынешней сессии Совета Министров, то Британское правительство попрежисму не считает возможным отстранить от участия в работах Совета Францию. Бевин должен будет еще раз посоветоваться с кабинетом по поводу предложений Бирнса.

Молотов повторяет, что он не в состоянии дать определенного ответа на предложения Бирнса без доклада их правительству.

Бирнс заявляет, что если это так, то лучше, сейчас прекратить дискуссию.

Записал В.Павлов.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ И МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ: ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИНОМ

28 сентября 1945 г. в 16 час.30 мин. В ЛАНКАСТЕР ХАУС.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Кадоган, Керр, Данн, Гарриман, Болен.

Бирнс заявляет, что он уже изучил те предложения, которые Молотов сделал вчера по поводу процедуры. Он думает, что было бы ошибкой разделять Совет.

Бевин заявляет, что предложения Молотова по прежнему отстраняют Францию от участия в рассмотрении мирных договоров для балканских стран. Он не может с этим согласиться.

Молотов заявляет, что его предложение находится в полном соответствии с решением Берлинской конференции. Кроме того, трудно себе представить, что Франция могла бы участвовать в рассмотрении проектов мирных договоров для балканских стран, если она не только не участвовала в войне против этих стран, но и не объявляла им войны. Молотов имеет при этом в виду Румынию, Болгарию и Венгрию.

Беседа прерывается ввиду необходимости присутствия ее участников на заседании Совета Министров.

Записал В.Павлов.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИНОМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ

1 октября 1945 г. в 19 часов в Ланкастер Хаус.

Присутствуют: Гусев, Громыко, Павлов, Сарджент, Керр, Брук, Данн, Болен.

Бевин заявляет, что, если он правильно понимает, все дело сводится к отмене решения от 11 сентября.

Молотов говорит, что вчера Бевин заявил, что Великобритания, Соединенные Штаты и СССР пригласили Францию и Китай. Поэтому Молотов думает, что три министра поступят правильно, если они своим же решением и отменят решение от 11 сентября. Была допущена ошибка. Теперь нужно ее исправить. Молотов не сможет подписать протоколов до тех пор, пока не будет отменено решение от 11 сентября, противоречащее берлинскому решению.

Бирнс заявляет, что он не видит, каким образом можно было бы отменить решение от 11 сентября, тем более, что китайский представитель, будучи председателем, послал приглашение Югославии, доминионам и Италии. Отмена решения от 11 сентября повлекла бы за собой отмену тех приглашений, которые были разосланы китайским представителем, как председателем на одном из заседаний Совета.

Молотов говорит, что он выражает большое сожаление по поводу того, что напрасно потрачено столько времени из-за упорства и нежелания отказаться от неправильного решения. Если его коллеги не согласны отменить принятое решение, то он предлагает кончить на этом дискуссию. Молотов не имеет права изменить решения, принятые главами правительств.

Молотов говорит, что ошибка произошла из-за того, что три министра не поговорили между собой до открытия сессии Совета. Он готов принять 1/3 вины на себя. Если бы три министра побеседовали друг с другом до начала сессии, то не создалось бы такого неловкого положения. Это урок на будущее.

Бевин предлагает подписать протоколы в форме документа № 72, представленного секретариатом. Бевин говорит, что каждая часть этого протокола может быть подписана отдельно.

Молотов отвечает, что документ № 72 неприемлем, поскольку он противоречит Берлинскому соглашению.

Беседа прерывается ввиду необходимости присутствия участников ее на заседании Совета.

Беседа продолжалась 20 минут.

Записал В.Павлов.

Разослано:

т. Сталину, Берия, Маленкову, Микояну.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКРЕТАРЕМ США БИРНСОМ И МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ БЕВИНОМ

2 октября 1945 г. в 10 час. 30 мин. в Ланкастер Хаус.

Присутствуют: Гусев, Павлов, Керр, Данн, Болен.

Молотов говорит, что он предлагает кончить дело миром и разумно, не навязывая друг другу решений.

Бирнс заявляет, что три министра иностранных дел пригласили китайца присутствовать. Он, Бирнс, согласен с этим. Если Молотов теперь предлагает отменить решение от 11 сентября, то это будет равносильно отмене приглашения, посланного китайскому представителю.

Молотов говорит, что решения от 11 сентября не существовало, был только проект

решения.

Бирнс заявляет, что именно в соответствии с решением от 11 сентября Ван Ши-цзе председательствовал на одном из заседаний Совета и в качестве председателя послал приглашение Югославии, доминионам и Италии. Бирнс не согласен взять обратно приглашение.

Молотов заявляет, что Бирнс не может заставить его подписать то, с чем он, Молотов, не согласен, или то, что он, Молотов, не имеет права подписать.

Бевин спрашивает, не будет ли проще записать то, что произошло, т. е. оставить запись от 11 сентября, приложив к ней заявление Молотова от 22 сентября.

Молотов говорит, что ничего не выходит и что видимо его коллеги идут на ссору. Молотов напоминает о том, что в Думбартон-Оксе проект сначала обсуждался американцами, англичанами и русскими, затем русские ушли и проект обсуждался американцами, англичанами и китайцами. Это никого не обидело.

Бирнс говорит, что по этому поводу он хотел бы заметить, что во время конференции в Думбартон-Оксе Советский Союз не был в состоянии войны с Японией. Сейчас имеет место другое.

Беседа продолжалась 30 минут.

Записал В.Павлов.

Ф. 558. Оп. 11. Д.237. Л. 1-63. Подлинник. Машинописный текст.

ПРИЕМ ПОСЛА США ГАРРИМАНА

30 октября 1945 года в 22 часа.

Гарриман говорит, что он принес два документа по дальневосточному вопросу. Он, Гарриман, оставит эти два документа у Молотова, и он готов обсудить их сейчас, если это будет возможно. Первый документ, говорит Гарриман, является предложением американского правительства относительно контрольного механизма для Японии. В этом документе Правительство США пошло навстречу Советскому правительству, и Гарриман выражает надежду, что проект не встретит возражений и будет приемлем. Гарриман сообщает, что этот проект также был вручен англичанам и китайцам.

Молотов спрашивает, согласны ли англичане и китайцы с этим предложением.

Гарриман отвечает, что этот документ был вручен англичанам и китайцам только сегодня. Второй документ, говорит Гарриман, содержит американские предложения об изменении условий работы Дальневосточной Консультативной Комиссии. Этот документ был вручен сегодня на совещании Дальневосточной Консультативной Комиссии представителям правительств — участников. Если Гарриман не ошибается, то таких представителей в Дальневосточной Консультативной Комиссии сейчас насчитывается 10 человек. Следующее совещание Комиссии состоится через неделю с тем, чтобы дать возможность ее членам познакомиться с представленными американцами документом.

Молотов спрашивает, какая существует связь между обоими документами и органами, учреждение которых предусматривается в этих документах.

Гарриман поясняет, что Дальневосточная Комиссия, учреждение которой предусмотрено во втором документе, представляет собой орган, целью которого является формулирование политических вопросов. Первый же документ, говорит Гарриман, предусматривает учреждение контрольного механизма для Японии в целях осуществления условий капитуляции и оккупации для Японии. Из содержания этого документа, который Гарриман считает более важным, видно, что американское правительство согласилось с предложением Генералиссимуса Сталина решить японский вопрос путем двусторонних переговоров. Гарриман поясняет, что контрольный механизм для Японии было решено назвать Советом, а не Комиссией.

Молотов спрашивает, существует ли какое различие между английскими словами: Комиссия и Совет.

Гарриман говорит, что различия никакого нет. Объясняя еще раз содержание документов, Гарриман говорит, что первый предусматривает создание в Японии контрольного механизма, а именно Союзного Военного Совета под председательством американца с участием русского, английского и китайского представителей.

Во втором документе предусмотрено учреждение Комиссии, задачей которой является формулирование политики. В этот документ включен пункт, предложенный англичанами относительно процедуры голосования. В шутовском тоне Гарриман замечает, что процедура голосования построена так, что, хотя председателем Совета является американец, тем не менее решение, принятия которого желают американцы, может быть отвергнуто другими членами Совета. Вопрос, затронуты во втором документе довольно сложный и Гарриман надеется обсудить его с Молотовым, когда он будет готов к этому. Что же касается первого документа, говорит Гарриман, то американское правительство считает его наиболее срочным и поэтому Гарриман предоставляет себя полностью в распоряжение Молотова, когда последний, ознакомившись с документами, сможет высказать какие-либо замечания или предложения.

Молотов отвечает, что после перевода обоих документов он ознакомится с ними, представит их Правительству и надеется завтра или послезавтра быть готовым для обсуждения их с послом.

Беседа продолжалась 20 минут.

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 24-25

СЕКРЕТНО

Посол США г-н Гарриман вручил

В.М.Молотову 30 октября 1945 г. Перевод с английского

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО КОНТРОЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ДЛЯ ЯПОНИИ.

1. Будет учрежден Союзный Военный Совет под председательством Главнокомандующего Союзных Держав (или его заместителя) в целях консультации с Главнокомандующим, а также в целях совещания с ним в отношении осуществления условий капитуляции и оккупации для Японии, а также в отношении дополнительных директив, относящихся к ним.

2. Членами Союзного Верховного Совета будет являться: Главнокомандующий (или его заместитель), который будет председателем и членом от США; СССР — член; Китай — член; и Британское Содружество Наций — член.

3. Главнокомандующий будет издавать все приказы относительно осуществления условий капитуляции и оккупации для Японии, а также относящиеся к ним дополнительные директивы. В том случае, если срочные требования обстановки позволят, то он будет заранее консультироваться и советоваться с Советом в отношении приказов, связанных с принципиальными вопросами. Его решения по всем вопросам будут окончательными. Во всех случаях действия будут осуществляться под наблюдением, а также через посредство Главнокомандующего Союзных Держав, являющегося единственной исполнительной властью Союзных Держав в районе его командования.

Москва, 30 октября 1945 года.

Перевод Потрубач

Разослано

т. Сталину,

Молотову,

Берия,

Маленкову,

Микояну,

Вышинскому,
Деканозову,
Лозовскому,

Отд. США
СЕКРЕТНО

Посол США г-н Гарриман вручил
В.М.Молотову 30 октября 1945 г. Перевод с английского

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ РАБОТЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ КОМИССИИ

I. Учреждение.

Правительства настоящим учреждаются Дальневосточную Комиссию, состоящую из представителей участвующих держав.

II. Функции.

A. Функции Дальневосточной Комиссии состоят в:

1) формулировании политики, принципов и норм, требуемых для полного осуществления документа о капитуляции, как со стороны Японии, так и между участвующими правительствами.

2) рассмотрении любых других вопросов, которые могут быть переданы ей по договоренности между участвующими правительствами.

B. Комиссия не будет давать рекомендаций ни в отношении ведения военных операций, ни в отношении территориальных урегулирований.

C. Комиссия будет считаться с существующим контрольным механизмом в Японии, включая иерархическую лестницу от Правительства Соединенных Штатов до Главнокомандующего, а также осуществлением Главнокомандующим командования оккупационными вооруженными силами; Комиссия также примет в качестве обязательной политику, уже изложенную Правительством Соединенных Штатов, если и до тех пор, пока она не будет изменена Комиссией, а также будет считать обязательными директивы, которые Соединенные Штаты уже направили Главнокомандующему, если и до тех пор, пока власти, давшие указания, не изменят таких директив в соответствии с рекомендациями Комиссии.

III. Функции Правительства Соединенных Штатов.

1. Правительство Соединенных Штатов будет готовить директивы, основанные на политических решениях Комиссии, и передавать их Главнокомандующему через соответствующие органы Правительства Соединенных Штатов. Главнокомандующий будет нести ответственность за осуществление директив, выражающих политические решения Комиссии.

2. Правительство Соединенных Штатов может давать временные директивы Главнокомандующему до принятия решения Комиссией в тех случаях, когда возникают срочные вопросы, выходящие за пределы политики, уже сформулированной Комиссией.

3. Все изданные директивы будут представлены Комиссии.

IV. Другие методы консультации.

Учреждение Комиссии не исключает использования участвующими правительствами других методов консультации по дальневосточным спорным вопросам.

V. Состав.

1. Дальневосточная Комиссия будет состоять из представителей по одному от каждого из государств, участвующих в этом соглашении. Членство в Комиссии может быть

увеличено по договоренности между участвующими державами, как этого потребуют условия, путем дополнения представителей других Объединенных Наций Дальнего Востока или наций, имеющих там территории. Комиссия предусмотрит исчерпывающие и соответствующие консультации, как этого могут потребовать обстоятельства, с представителями Объединенных Наций, не являющихся членами Комиссии, в отношении вопросов, стоящих перед Комиссией, и представляющих интерес для таких наций.

2. Комиссия может принимать решения о действиях не единогласно. А при меньшем количестве голосов, при условии, что с этими действиями будет, по крайней мере, согласно большинство всех представителей, включая представителей трех из следующих держав: Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Советского Союза и Китая.

VI. Местопребывание Организации.

Дальневосточная Комиссия будет иметь свой штаб в Вашингтоне. Ее совещания могут происходить, когда этого потребуют обстоятельства, в других местах, включая Токио, если и когда будет сочтено желательным так поступить.

Она может договориться о таких мероприятиях через председателя с Главнокомандующим Союзных Держав, когда это может быть осуществимо.

Каждого представителя Комиссии может сопровождать соответствующий штат, состоящий как из гражданского, так и военного представительства.

Комиссия создаст свой секретариат, назначит такие комитеты, какие могут быть необходимы, а также будет каким-либо другим путем совершенствовать свою организацию и работу.

VII. Окончание функционирования.

Дальневосточная Комиссия прекратит свою работу, когда решение по этому вопросу будет принято по согласию, по крайней мере, большинства всех представителей, включая представителей трех из следующих держав: Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Советского Союза и Китая. До окончания ее функций Комиссия передаст любой промежуточной или постоянной Организации Безопасности, членами которой являются правительства-участники, те функции, которые могут быть соответственно переданы.

Москва, 30 октября 1945 года

Перевод Потрубач

Разослано:

т. Сталину,

Молотову,

Берия,

Маленкову,

Микояну,

Вышинскому,

Деканозову,

Лозовскому,

Отд. США

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 27–29

Приложения: Копии документов, врученных т. Молотовым Гарриману.

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 58–62

Приложение № 1

ПОПРАВКИ К ПРЕДЛОЖЕНИЯМ ПРАВИТЕЛЬСТВА США ОТНОСИТЕЛЬНО КОНТРОЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ДЛЯ ЯПОНИИ

Советское Правительство считает необходимым внести следующие поправки к предложениям Правительства США по контрольному механизму для Японии.

1. В п. 1 вместо названия «Союзный Военный Совет», сказать — «Союзный Контрольный Совет» или «Союзная Контрольная Комиссия».

Эта поправка диктуется тем соображением, что в самом названии контрольного механизма должен быть отражен основной характер его работы. Название «Союзный Военный Совет» ограничивает функции контрольного органа по Японии чисто военными вопросами, между тем, как этот орган будет заниматься не только военными, но и политическими, административными, культурными и хозяйственными вопросами. Название «Союзный Военный Совет» не учитывает этого обстоятельства.

2. В п. 1 кроме изменения названия Совета вместо слов:

«в целях консультации с Главнокомандующим и дачи ему советов в отношении осуществления условий капитуляции, оккупации и контроля Японии...»

сказать следующее:

«в целях контроля за выполнением условий капитуляции Японии и в целях консультации и дачи советов Главнокомандующему в отношении осуществления условий капитуляции и оккупации для Японии...»

Эта поправка вызывается следующими соображениями.

После включения в п. 1-й американского проекта слова «контроль» остается непонятным смысл выражения «и контроль Японии». Эту неясность необходимо устранить, указав, что Союзный Контрольный Совет (Союзная Контрольная Комиссия) создается в целях контроля за выполнением условий капитуляции Японии, как говорится в предложенной поправке.

3. Пункт 2 дополнить следующей фразой:

«Каждого члена Союзного Контроля Совета (Союзной Контрольной Комиссией) может сопровождать соответствующий штат, состоящий из военного и гражданского представительства».

4. В п. 3 вместо слов:

«Он будет совещаться и консультироваться с Советом относительно приказов по принципиальным вопросам заранее, до их издания, если позволят срочные требования обстановки. Его решения по всем вопросам будут контролирующими».

сказать следующее:

«Он будет совещаться и консультироваться с Советом относительно приказов по принципиальным вопросам заранее, до их издания. При наличии несогласия одного из членов Совета с Главнокомандующим (или его заместителем) по вопросам принципиального характера вроде вопроса об изменении режима контроля над Японией или вопроса об изменении состава японского правительства, о роспуске японского правительства и замены его другим — решение Главнокомандующего по этим вопросам приостанавливается исполнением до согласования этих вопросов между правительствами или в Дальневосточной Комиссии».

Настоящая поправка имеет своей целью внести ясность в вопрос относительно случаев, когда в Совете возникнут разногласия между каким-либо членом Совета и Главнокомандующим по принципиальным вопросам. Исходя из права каждого члена Совета апеллировать в таких случаях к своему правительству, и предлагается настоящая поправка, предусматривающая, что такого рода разногласия должны устраняться путем согласования между правительствами или Дальневосточной Комиссии, причем решение Главнокомандующего до согласования этих вопросов должно быть приостановлено.

Москва, 5 ноября 1945 года.

Верно: Потрубач

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 63–64

ПОПРАВКИ К ПРЕДЛОЖЕНИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА США О ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ

Советское Правительство считает необходимым внести следующие поправки к предложениям правительства США:

1. В разделе 1-м перечислить страны, участвующие в Дальневосточной Комиссии, а именно: СССР, США, Британское Содружество Наций, Китай, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Голландия и Канада.

2. В разделе II, А п. 1-ый изложить в следующей редакции:

«Формулирование политики, принципов и норм, в соответствии с которыми может быть определено выполнение Японией ее обязательств в соответствии с документов о капитуляции».

В указанной редакции этот пункт был изложен в предложениях США от 22 августа. Редакция этого пункта точнее редакции проекта от 30 октября и, кроме того, не содержит в себе неясной фразы: «и между участвующими правительствами».

3. Раздел II «С» изложить в следующей редакции:

«Комиссия в своей деятельности будет исходить из факта образования Союзного Контрольного Совета (Союзной Контрольной Комиссии) для Японии и будет считаться с существующим контрольным механизмом в Японии, включая всю иерархическую лестницу от правительства Соединенных Штатов до Главнокомандующего, а также с осуществлением Главнокомандующим командования оккупационными вооруженными силами».

Остальную часть текста этого пункта исключить.

Предлагаемая поправка объясняется необходимостью указать в Положении о Дальневосточной Комиссии на вновь организуемый Контрольный Совет для Японии.

Что касается последней части этого пункта, то эта часть должна считаться отпавшей в связи с тем, что американское правительство отказалось от этой редакции, предлагая заменить ее новой редакцией, сообщенной в письме г. Гарримана от 3 ноября. Новая же поправка американской стороны является излишней, так как она касается обязанностей Главнокомандующего и не относится к функциям Дальневосточной Комиссии.

4. В п. 1-м разделе III вместо слов: «основанные на политических решениях Комиссии», сказать: «в соответствии с решениями Комиссии».

Последнюю фразу этого пункта исключить, так как в Положении о Дальневосточной Комиссии нет необходимости говорить об ответственности Главнокомандующего.

5. Пункт 2-й раздела III исключить.

Исключение этого пункта объясняется тем, что этот вопрос предусматривается в предложениях по контрольному механизму для Японии (п. 3).

6. В п. 2 раздела V вместо слов: «включая представителей трех следующих держав...», сказать: «включая представителей четырех следующих держав: Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Советского Союза и Китая».

Эта поправка вызывается необходимостью обеспечить единство действий четырех союзников — Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства, Советского Союза и Китая.

7. В разделе VI первый и второй абзацы этого раздела исключить и заменить их следующими словами:

«Постоянным местопребыванием Дальневосточной Комиссии будет Вашингтон».

8. В разделе VII вместо слов: «включая представителей трех из следующих держав», сказать: «включая представителей четырех следующих держав: Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Советского Союза и Китая».

Москва, 5 ноября 1945 г.

Верно: Потрубач

Ф.558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 65–66
9 ноября 1945 г. в 19 часов

Гарриман говорит, что он получил от Госдепартамента пространную телеграмму, и что его правительство поручило ему разъяснить его, правительства, позицию в отношении 2-х органов, создание которых предполагается в целях осуществления контроля над Японией. Гарриман заявляет, что намерен изложить свое заявление устно, но полагает, что удобнее будет изложить это письменно в виде вербальной ноты, которую он и вручает Молотову. (Перевод ноты прилагается).

Молотов выражает свое согласие.

Текст ноты устно переводится на русский язык.

Заслушав перевод, Молотов говорит о необходимости ознакомиться более тщательно с переводом этой ноты ввиду того, что по ее содержанию возникает ряд вопросов. Затем Молотов говорит, что в советском проекте о контрольном механизме в п. 3-м указывается, какие вопросы имеются в виду, когда упоминается о возможности разногласий между Главнокомандующим и кем-либо из членов Совета. Там говорится, что при этом имеются в виду вопросы принципиального характера, и даже приведены конкретно некоторые из этих вопросов, как например, вопрос об изменениях контроля над Японией, вопрос об изменениях в составе японского правительства, вопрос о роспуске японского правительства и замене его другим. Советское Правительство полагает, что было бы важным наличие согласованной точки зрения между членами Контрольного Совета и Главнокомандующим по такого рода вопросам и если почему-либо нет единства мнений между членами Совета и Главнокомандующим, то чтобы эти вопросы рассматривались между правительствами или в Дальневосточной Комиссии. При этом имеются в виду важные вопросы, вопросы принципиального значения.

Гарриман отвечает, что, повидимому, имеется недоразумение в вопросе о том, как будут функционировать эти два органа — Союзный Военный Совет и Дальневосточная Комиссия. В данном меморандуме указано, что вопросы, на которые указывает Молотов, в первую очередь будут поставлены в Дальневосточной Комиссии. Если подобные вопросы будут возникать в связи с развитием событий, то они будут передаваться в Дальневосточную Комиссию и не будут решаться Главнокомандующим. Гарриман добавляет, что он получил разъяснение, что такие вопросы будут рассматриваться в Дальневосточной Комиссии. Затем Гарриман указывает, что как он сам, так и Правительство Соединенных Штатов внимательно ознакомились с предложением Советского Правительства и у них, у Гарримана и у Правительства США, создается впечатление, что здесь имеется недопонимание функций обоих органов.

Гарриман заверяет Молотова, что Правительство Соединенных Штатов имеет намерение и желание консультироваться с Советским Правительством и с другими союзными правительствами по всем вопросам, но ввиду сложности и опасности положения в Японии Правительство Соединенных Штатов должно иметь возможность принимать соответствующие решения в случае возникновения разногласий в Союзном Военном Совете. Гарриман указывает, что ему неприятно упоминать слово «разногласие» и говорить об этом.

Молотов говорит, что, как он заметил, в ноте Гарримана ничего не говорится относительно предложения Советского Правительства назвать контрольный орган в Японии «Союзный Контрольный Совет» или «Союзная Контрольная Комиссия».

Гарриман подтверждает отсутствие упоминания об этом в ноте и объясняет это тем, что во врученном им Молотову документе затрагиваются только основные вопросы, и что он, Гарриман, полагается, что Союзный Совет, возможно, будет называться военным ввиду того, что он будет состоять из военных представителей союзных стран. Затем Гарриман вновь повторяет свое заявление, сделанное им многократно в предыдущих беседах, о том, что основной деятельностью Союзного Военного Совета будут являться осуществление директив, вырабатываемых Дальневосточной Комиссией.

Молотов говорит, что у него имеется еще один вопрос — о процедуре голосования в Дальневосточной Комиссии. Он спрашивает Гарримана, правильно ли он, Молотов, понял, что Американское Правительство считает возможным договориться с Советским Правительством по этому вопросу.

Гарриман говорит, что он имеет инструкции своего правительства сделать Молотову заявление по тем вопросам, которые изложены во вручаемом им документе. Что же касается процедуры голосования, то в этом документе употреблен термин «некоторые просторы для переговоров». Поясняя, Гарриман затем указал, что это не является согласием со стороны Правительства Соединенных Штатов принять это советское предложение, но и не отрицанием этого предложения. В заключение Гарриман указал на наличие большого числа предложений относительно процедуры голосования, лишней раз давая этим самым понять наличие возможности для переговоров по этому вопросу.

Молотов говорит, что он должен прежде ознакомиться с текстом прочитанного документа, а затем поставить необходимые вопросы.

Гарриман, заканчивая беседу, вновь подчеркивает, что его правительство не считает положение в Японии аналогичным положению на Балканах, и что в отличие от структуры контрольного механизма для Балканских стран, для Японии предусматривается создание Дальневосточной Комиссии, т. е. органа, которого нет в схеме контроля для Балканских стран. Далее Гарриман указал, что на Балканах нет такой сложности обстановки и опасности, которые имеются в Японии.

Молотов замечает, что Советское Правительство понимает и учитывает это.

Беседа продолжалась 40 минут.

На беседе присутствовал т. Малик.

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 74–76

В.М.Молотову 9 ноября 1945 г.

ПОСОЛЬСТВО СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Правительство Соединенных Штатов внимательно рассмотрело поправки к предложениям о контрольном механизме для Японии и о Дальневосточной Комиссии, которые г-н Молотов вручил Послу Гарриману 5 ноября, и считает, что оно не может согласиться с тем положением, которое создали бы эти поправки.

Советское Правительство в своих поправках фактически предложило, чтобы все действия со стороны Правительства Соединенных Штатов в вопросе дачи директив Главнокомандующему подлежали согласованию с решениями Дальневосточной Комиссии и что эти решения должны приниматься при единогласной договоренности 4-х главных союзников. Правительство Соединенных Штатов лишается права давать временные директивы. Таким образом, Правительство Соединенных Штатов было бы парализовано в деле дачи Главнокомандующему любых директив, если или до тех пор, пока оно не сможет получить единогласного одобрения 4-х держав, а также большинства в Комиссии. Кроме того, если со стороны любого из других членов Совета будет выражено несогласие, то Главнокомандующему воспрещается издавать любые приказы по своей собственной инициативе по «принципиальным вопросам», до тех пор, пока такой вопрос не будет передан на рассмотрение правительств или Дальневосточной Комиссии, и пока не будет достигнута единогласная договоренность между 4-мя главными союзниками. Таким образом, представляется, что Правительство Соединенных Штатов, которое несет ответственность за осуществление условий капитуляции Японии, а также за проведение в жизнь этих условий при помощи своего собственного военного механизма, будет не в состоянии как через свой правительственный механизм в Вашингтоне, так и при помощи решений Главнокомандующего в Японии осуществлять эту ответственность.

Создаются впечатление, что поправки, предложенные Советским Правительством 5 ноября, представляют собой полный отход от заявления, содержащегося в письме г-на Молотова от 21 октября относительно того, что Советское Правительство было готово следовать румынской формуле, а также отход от заявления Генералиссимуса Сталина Послу Гарриману по тому же вопросу. Генералиссимус Сталин сравнивал положение в Японии, как аналогичное положение в Венгрии и Румынии, а не положению в Германии, и согласился, что американский Главнокомандующий должен иметь окончательный голос. Однако, советские поправки включают в контроль над Японией те же принципы единогласия, которые применяются в Германии, где положение целиком отличное. Правительство Соединенных Штатов с самого начала ясно изложило, что подобный режим является для него неприемлемым. Правительство Соединенных Штатов и вооруженные силы Соединенных Штатов оккупировали Японию от имени Объединенных Наций. Они несут ответственность за осуществление условий капитуляции и оккупации Японии. Ни Правительство Соединенных Штатов, ни Главнокомандующий Соединенных Штатов в Японии не могут быть лишены ответственности за принятие и осуществление окончательных решений. Правительство Соединенных Штатов всегда желало итти далеко в том, чтобы обеспечить участие союзников в выработке основных политических решений через Дальневосточную Комиссию, а также дать возможность своим союзникам давать советы и консультировать относительно способа, посредством которого эти решения будут осуществляться через Союзный Военный Совет. По мнению Правительства Соединенных Штатов, практика и процедуры, предлагаемые им в данных 2-х документах относительно Союзного Военного Совета и Дальневосточной Комиссии, представляют собой значительный шаг вперед, против практики и процедур, применяемых в Балканский Контрольных Комиссиях, в частности в отношении предварительной консультации, и являются весьма подходящими для обстановки в Японии.

Правительство Соединенных Штатов считает, что в силу этих причин советские контрпредложения от 5 ноября не являются мелкими расхождениями редакционного порядка по незначительным вопросам, по которым могла бы быть достигнута договоренность, и поэтому они не могут быть приняты. Они представляют собой отрицание принципа главной ответственности Соединенных Штатов в Японии, который, как понимает Правительство Соединенных Штатов, был принят Генералиссимусом Сталиным и г-ном Молотовым. Если Советское Правительство готово принять принцип главной ответственности Правительства Соединенных Штатов и Главнокомандующего в Японии, то многие предложения, содержащиеся в советских поправках, либо отпадают, либо представляют собой незначительные редакционные трудности.

Правительство Соединенных Штатов не считает, что советское предложение относительно того, что каждого члена Союзного Военного Совета может сопровождать соответствующий штат, представляют собой какую-либо трудность. Однако, представляется, что все другие предложения, содержащиеся в советских поправках, имеют тесное отношение к основной проблеме о характере и функциях как Совета, так и Комиссии.

Правительство Соединенных Штатов не видит причины для действительного беспокойства со стороны Советского Правительства в отношении того, что основные вопросы, такие, как изменения в режиме контроля над Японией, могли или были бы произведены без всесторонней консультации союзников, поскольку вопросы такого рода являются именно теми вопросами, которые будут всесторонне рассматриваться в Дальневосточной Комиссии.

Правительство Соединенных Штатов не может внести какие-либо существенные изменения в положения о Союзном Военном Совете, что же касается Дальневосточной Комиссии, то оно не может согласиться на уменьшение прав, изложенных в III(2), издавать временные директивы в ожидании действия Комиссии. Другие вопросы, затронутые в советских поправках, в частности, вопрос о процедуре голосования может представить собой некоторые просторы для переговоров.

До настоящего времени Правительство Соединенных Штатов в соответствии с предложением Генералиссимуса Сталина вело эти переговоры с Советским Правительством на неофициальной двусторонней основе. Были приложены значительные усилия для того, чтобы предотвратить постановку этого вопроса перед Дальневосточной Комиссией и тем самым придать гласности эти переговоры. Правительство Соединенных Штатов встречает все возрастающие трудности в сохранении такого положения.

Поэтому оно считает в высшей степени важным, чтобы Советское Правительство приняло вышеизложенные основные соображения.

Перевел Потрубач.

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 77–79

12 ноября 1945 г. в 19 час. 00 минут

Молотов заявляет, что он хочет передать ответ Советского Правительства на ноту США от 9 ноября. Молотов вручает Гарриману письменный текст ответа Советского Правительства — официальный текст на русском языке (прилагается) и неофициальный перевод на английском языке.

Гарриман, по ознакомлении с текстом, изъявляет желание получить разъяснения по вопросу о том, преднамеренно ли в этом документе Дальневосточная Комиссия называется «Консультативной».

Молотов отвечает, что пока название Комиссии окончательно не установлено и поэтому в ответе Советского Правительства она называется Дальневосточной Консультативной Комиссией, как она была названа в первом предложении американского правительства.

Гарриман отвечает, что правительство США предложило назвать ее Дальневосточной Комиссией, а не Дальневосточной Консультативной Комиссией.

Молотов поясняет, что Советское Правительство не будет возражать против этого.

Гарриман указывает, что, как известно Молотову, Дальневосточная Комиссия создается как орган, формулирующий политику, а не как орган, представляющий рекомендации правительства союзных держав, как предполагалось по первоначальному проекту создания Дальневосточной Консультативной Комиссии.

Молотов отвечает, что по этому вопросу со стороны Советского Правительства нет возражений, если будет достигнута договоренность по всем основным вопросам.

Гарриман говорит, что, сравнивая полученные им от его правительства телеграммы и прочтя данный ответ Советского Правительства, он видит, что этот ответ не совпадает с точкой зрения американского правительства. В результате беглого ознакомления с советской нотой у него, Гарримана, создалось впечатление, что в советском ответе большее значение придается органу, создаваемому при Главнокомандующем в Японии, нежели Дальневосточной Комиссии, которой американское правительство придает большее значение, чем органу при Главнокомандующем. В Дальневосточной Комиссии, кроме 4-х главных союзников, принимают участие и другие страны, имеющие существенный интерес в вопросах, касающихся Японии.

Молотов поясняет, что в ответе Советского Правительства говорится об обоих органах, — как об органе, который будет создан на месте, в Японии, так и о том органе, который будет функционировать вне пределов Японии, в Вашингтоне. Оба эти органа, по мнению Советского Правительства, имеют важное значение.

Гарриман, обращая внимание на то, что в ответе Советского Правительства говорится относительно того, что в период разоружения японских вооруженных сил Главнокомандующий действовал без какого-либо контроля и контрольного органа союзников, поясняет, что после создания Дальневосточной Комиссии Макартур и учрежденный при нем союзный орган в Токио должны будут действовать в соответствии с политикой, сформулированной Дальневосточной Комиссией, которая будет подвергать детальному рассмотрению все вопросы по Японии. Гарриман при этом указывает также, что

функции Дальневосточной Комиссии не аналогичны функциям Европейской Консультационной Комиссии.

Молотов поясняет, что ответ относительно важности Дальневосточной Комиссии дается в § 2 данной ноты Советского Правительства. Здесь же дается ответ и на вопрос Гарримана — как Советское Правительство рассматривает вопрос о правах Главнокомандующего. Права и власть Главнокомандующего при принятии решений по большинству вопросов ясно подчеркнуты в советской ноте. Есть, однако, некоторые вопросы, по которым должно быть предварительно достигнуто согласие между Главнокомандующим и членами союзного контрольного органа в Японии. Имеются в виду такие принципиальные вопросы, как, например, изменение режима контроля в Японии, изменение состава японского правительства и т. п.

Гарриман указывает, что правительство США уведомило Советское Правительство о том, что по всем такого рода вопросам между правительством США, Советским Правительством и другими союзными правительствами будет проводиться всесторонняя и полная консультация. Однако, это не должно препятствовать Главнокомандующему принимать решения и издавать приказы до того, как будет достигнуто соглашение между правительствами. Он должен иметь право действовать как до принятия решения в Дальневосточной Комиссии, так и в тех случаях, когда между правительствами не будет достигнуто согласие по вопросам, требующим принятия срочных мер. Правительство США также должно иметь право принятия окончательных решений по таким вопросам и право дачи директив по ним своему Главнокомандующему, о чем в ответе Советского Правительства ничего не упоминается.

Молотов отвечает, что Советское Правительство не может касаться взаимоотношений между американским правительством и его Главнокомандующим. В ответе Советского Правительства, поясняет далее Молотов, говорится о принципиальных вопросах, которые интересуют Советский Союз, как одно из основных государств, принимающих участие в решении вопросов, касающихся Японии. Вопрос об отношениях между американским правительством и Главнокомандующим американских вооруженных сил в Японии является делом самого американского правительства.

Гарриман говорит, что правительство США желает иметь право давать директивы Главнокомандующему по любым вопросам, требующим срочного решения, до принятия по этим вопросам решений в Дальневосточной Комиссии, равно как и до согласования этих вопросов между союзными правительствами. Гарриман добавляет, что правительство США будет прилагать все усилия к тому, чтобы не допускать и избегать разногласий с союзниками.

Гарриман отмечает, что в документе, врученном ему Молотовым, ничего не говорится о праве Главнокомандующего принимать окончательные решения до консультации с представителями союзников или в случае наличия разногласий с ними. Следовательно, может создаться такое положение, когда Главнокомандующий будет связан в принятии решений по срочным вопросам. Другими словами, говорит Гарриман, три правительства могут навязать свою волю американскому правительству.

Молотов отрицает подобное положение и поясняет, что в ответе Советского Правительства говорится только о немногих вопросах принципиального значения, по которым необходима согласованность между Главнокомандующим и членами союзного контрольного органа в Японии. По остальным же вопросам, каковых большинство, Главнокомандующий будет иметь право действовать самостоятельно, как председатель союзного контрольного органа. Речь идет только об ограниченном количестве вопросов, требующих договоренности между союзниками, по остальным же вопросам Главнокомандующий может действовать самостоятельно.

Гарриман спрашивает, кто же должен принимать окончательное решение при наличии расхождений по тому или иному вопросу. Если правительство США не будет обладать правом принятия окончательных решений, то может создаться безвыходное положение,

тупик. Предлагаемая система согласованности действий похожа на систему, принятую в Германии. Однако американское правительство не может согласиться с такой системой. В Германии в каждой оккупационной зоне имеется главнокомандующий, который и принимает окончательные решения в случае наличия разногласий. Правительство США согласилось с функциями советского главнокомандующего в балканских странах, где за советским главнокомандующим остается право окончательного решения. Правительство США согласилось на такое право советского главнокомандующего. Правительство США и Главнокомандующий в случае необходимости принятия срочных и эффективных мер в отношении Японии не в состоянии будет действовать быстро и эффективно, когда на переговоры с союзниками для достижения договоренности потребуется несколько недель.

Молотов отвечает, что подразумевается лишь некоторое количество вопросов, по которым требуется договоренность между Главнокомандующим и представителями союзных держав и что Советское Правительство полагает, что союзники смогут договориться по этим вопросам так же, как они договаривались до сих пор по всем принципиальным вопросам. Далее Молотов поясняет, что в последнем 5-ом параграфе ответа Советского Правительства кратко разъяснены цели, которые преследуют советские поправки, дабы участие Советского Союза в контрольном органе в Японии не носило декоративного характера. Затем Молотов спрашивает Гарримана, означают ли или нет упоминания и ссылки Гарримана на положение союзных контрольных органов в Румынии и Венгрии, что американская сторона желает, чтобы права Макартура в Японии были такие же, как права советского главнокомандующего в Румынии и Венгрии.

Гарриман уклоняется от ответа на этот вопрос, ссылаясь на то, что он не уполномочен обсуждать этот вопрос, и вновь повторяет, что положение в Японии иное, чем положение в Румынии и Венгрии, ибо в схеме союзных органов по Японии имеется Дальневосточная Комиссия, какового органа нет в Румынии и Венгрии.

Молотов указывает, что Советское Правительство учитывает это различие и признает преимущественное положение США в делах Японии. Однако Советский Союз, участвуя в осуществлении контроля над Японией, также вправе нести свою долю ответственности за это, а не участвовать только декоративно.

Гарриман заявляет, что Правительство Соединенных Штатов считает основным принципиальным вопросом вопрос о том, чтобы оно, Правительство США, могло давать директивы Макартуру и принимать окончательные решения в случае срочной необходимости по всем вопросам до обсуждения этих вопросов в Дальневосточной Комиссии и в случае наличия расхождений между союзниками по этим вопросам. Этот вопрос в ответе Советского Правительства не затронут, в то время как Американское правительство считает его основным принципиальным вопросом.

Молотов отвечает, что в пунктах 2 и 5 врученной им Гарриману ноты Советское Правительство дает ответ на этот вопрос. В пункте 5 говорится, что Советское Правительство не намерено умалять преимущественные права США в делах Японии, а из содержания пункта 2 явствует, что по большинству вопросов Главнокомандующий имеет решающее слово. Однако Советское Правительство не может согласиться с тем, чтобы Главнокомандующий принимал окончательные решения по всем без исключения вопросам.

Гарриман поясняет, что в ноте Американского правительства говорится, что все принципиальные вопросы должны быть подвергнуты всестороннему обсуждению Дальневосточной Комиссией. Это само собой разумеется. Однако Правительство США предложило также, чтобы в случае необходимости принятия срочных решений Правительство США имело право давать указания Главнокомандующему до принятия решений Комиссией, а также в случае возникновения расхождений между союзниками по этим вопросам. Затем Гарриман вновь указывает, что все принципиальные вопросы будут передаваться на рассмотрение Дальневосточной Комиссии.

Молотов отвечает, что ему понятно заявление Гарримана о том, какие вопросы будут передаваться на рассмотрение Дальневосточной Комиссии, но Дальневосточная Комиссия

будет выработать директивы, а контрольный орган на месте, в Японии, будет проводить эти директивы в жизнь. Как эти директивы практически будут проводиться в жизнь, этот вопрос имеет большое значение и, в особенности, вопрос о практическом осуществлении директив по основным вопросам принципиального характера. Советское Правительство придает важное значение не только вопросу выработки директив, но особенно тому, как эти директивы будут исполняться на месте, в Японии.

Гарриман говорит, что Правительство США настаивает на своем праве давать директивы Главнокомандующему до принятия решений Дальневосточной Комиссией, а также в случае расхождений между союзниками по тому или иному вопросу.

Молотов поясняет, что в п. 2 ответа Советского Правительства достаточно широко истолкованы права как Правительства США, так и американского Главнокомандующего в Японии. Оговорено только, в порядке исключения, несколько вопросов, по которым важно иметь договоренность и согласие между союзниками.

Гарриман в ответ на это спрашивает Молотова, консультировался ли Ворошилов со своими союзными коллегами по вопросу формирования нового правительства в Венгрии.

Молотов отвечает, что новое правительство Венгрии еще не сформировано.

Гарриман поясняет, что он ставит вопрос не с целью критики, а потому, что он получил сообщение о роспуске венгерского правительства прежнего состава.

Молотов отвечает, что он только сегодня получил телеграмму от Ворошилова о том, что новое венгерское правительство еще не сформировано.

Гарриман говорит, что, по полученным им сведениям, между Ворошиловым и лидерами политических партий достигнуто соглашение о формировании нового состава венгерского правительства.

Молотов отрицает это и говорит, что лидеры политических партий сами между собой до сих еще не могут договориться.

Гарриман заявляет, что Правительство США не может пойти на ограничения своих прав и прав американского Главнокомандующего в Японии, предлагаемые Советским Правительством, ибо их невозможно принять ввиду наличия особых трудностей и опасностей положения в Японии. Правительство США, говорит он, искренне хотело сотрудничать и достичь договоренности с союзниками, но оно не может согласиться с тем, чтобы иметь для себя какие-либо затруднения в принятии решений и действий. Практика, применяемая союзниками в Германии, не может быть применена в Японии.

Молотов отвечает, что Советское Правительство не предлагает применения этой практики в отношении Японии и что Советское Правительство признает преимущественное положение Соединенных Штатов в делах Японии.

Гарриман отвечает, что возможно у Молотова имеется его, Молотова, собственная трактовка этого вопроса.

Молотов отвечает, что трактовка этого вопроса ясно изложена в п.п. 2 и 5 ответа Советского Правительства.

Гарриман спрашивает, что, следовательно, вопрос о назначении на любой пост в японском правительстве должен быть согласован со всеми союзниками.

Молотов поясняет, что имеются в виду изменения в составе японского правительства, но что он Молотов, полагает, по опыту в других странах, что подобные изменения там будут происходить не часто, и союзники будут иметь возможность договориться по таким принципиальным вопросам.

Гарриман отвечает, что возможны и частые изменения японского правительства.

Молотов отвечает, что в составе союзного контрольного органа в Японии будут разумные люди, которые смогут во время договориться о необходимых изменениях в составе японского правительства.

Гарриман вновь говорит о неприемлемости для США метода согласования действий по таким вопросам между Главнокомандующим и членами союзного органа в Японии, и что Правительство США не может согласиться с тем, чтобы его руки были связаны при решении

этих вопросов. Правительство США пошло далеко и предложило метод предварительной консультации, который не применяется в союзных контрольных органах на Балканах.

Молотов выражает несогласие с подобным утверждением Гарримана и говорит о наличии метода предварительной консультации в союзных контрольных органах на Балканах.

Гарриман вновь повторяет, что американская сторона искренне желает и стремится сотрудничать с союзниками в осуществлении Японией условий капитуляции и что эти стремления и желания являются не декоративными, а искренними. Однако положение в Японии полно опасностей и трудностей, а поэтому США и должны иметь право решающего голоса для принятия окончательных решений.

Молотов указывает на необоснованность утверждений Американского правительства о том, что оно будет парализовано в случае признания необходимости принятия согласованных решений между главными союзниками по принципиальным вопросам в отношении Японии. В разъяснениях, данных Советским Правительством, показано, что Советское Правительство не намерено умалять преимущественное положение США в делах Японии.

Гарриман говорит, что, возможно, Советское Правительство и не имеет подобных намерений, но в том случае, когда японское правительство будет поступать неправильно, то для принятия мер к быстрому исправлению подобных, неправильных действий японского правительства потребуется согласие трех главных союзников: СССР, Англии и Китая и, следовательно, Правительство США будет лишено возможности предпринимать необходимые срочные акции.

Молотов говорит, что подобные опасения Гарримана необоснованы.

Гарриман выражает опасение, что в подобных случаях для переговоров и достижения договоренности между союзниками потребуется не менее трех недель.

Молотов разъясняет, что по большинству вопросов Главнокомандующий сам может принимать решения.

Гарриман говорит, что все же Главнокомандующий не сможет, например, самостоятельно сменить состав японского правительства.

Молотов отвечает утвердительно и говорит, что вопрос о смене состава японского правительства является вопросом, который должен быть согласован с союзниками, однако такие вопросы, как смена правительства Японии, будут, конечно, возникать не часто.

Гарриман соглашается с тем, что подобные вопросы будут возникать не часто, но заявляет, что в случае необходимости принятия решений по срочным вопросам Главнокомандующий будет связан необходимостью согласования этих решений с союзниками.

Молотов спрашивает, для чего же в таком случае приглашаются советский представитель, а также представители других союзных стран, в состав контрольного органа в Японии, если советский представитель и в этом случае не будет иметь права и возможности ответственно участвовать в решении подобных вопросов.

Гарриман отвечает, что американский проект положения о работе союзного контрольного органа в Токио предусматривает, что советский представитель, равно как и представители других союзных стран, будет иметь право консультации и дачи советов Главнокомандующему. Кроме того, советский представитель будет принимать участие в работе Дальневосточной Комиссии, где с ним также будут консультироваться и совещаться, но Главнокомандующий и Правительство США должны иметь право действовать и принимать решения до исхода переговоров, ибо в противном случае получится так, что если советский, китайский и английский представители не будут согласны с теми или иными решениями по какому-либо вопросу, то Американское правительство не может ни принимать решения, ни действовать. Может создаться безвыходное положение, тупик.

Молотов отвечает, что вопросов, по которым требуется согласие и договоренность между союзниками, не так много и правительства союзных стран смогут договориться по

ним.

Гарриман спрашивает: «А если нет, если они не договорятся тогда как?»

Молотов отвечает, что вопросы, по которым невозможно договориться, трудно себе представить, ибо по всем вопросам можно будет договориться.

Гарриман говорит, что, следовательно, трем союзным странам будет представлено право вето в отношении решений и действий Правительства США и Главнокомандующего.

Молотов отвечает, что союзные державы согласились о том, что в Совете Безопасности решения должны приниматься при единогласии пяти главных союзников. На этом же принципе союзники работали и в Европейской Консультативной Комиссии и умели достигать соглашения по всем вопросам. Следовательно, можно будет достичь согласия и по вопросам в отношении Японии.

Гарриман соглашается с этим в принципе, но вновь заявляет, что Главнокомандующий должен иметь право действовать по своему усмотрению, и заверяет Молотова, что Правительство США не согласится с предложениями Советского Правительства об ограничении прав Главнокомандующего. Обещая передать ответ Советского Правительства Правительству США, Гарриман заявляет, что он должен отметить, что Американское правительство считает, что оно несет главную ответственность за положение в Японии и придает большее значение этому принципу, т. е. праву окончательного решения Правительства США и Главнокомандующего Правительство США прилагает и будет прилагать все усилия для достижения согласия с союзниками по спорным вопросам, но оно против принятия решений, могущих осложнить обстановку.

Молотов отвечает, что Советское Правительство также не желает принятия решений, которые могли бы осложнить обстановку.

Гарриман говорит, что в Японии находятся американские войска, что США несут ответственность за все дела и события, происходящие в Японии и, что с этим положением согласился и Генералиссимус Сталин.

Молотов отвечает, что в ответе Советского Правительства ясно изложена точка зрения Генералиссимуса Сталина по этому вопросу.

Гарриман отвечает, что, возможно, он, Гарриман, и Правительство США неправильно интерпретировали точку зрения Генералиссимуса Сталина.

Молотов отвечает, что в ответе Советского Правительства имеется подробное разъяснение по этому вопросу и что в большинстве случаев и по большинству вопросов Главнокомандующий, как председатель союзного контрольного органа в Японии, будет иметь последнее слово.

Гарриман говорит, что Генералиссимус Сталин, говоря о последнем слове Главнокомандующего, не обуславливал этого чем-либо, и что он, Гарриман, понял это в том смысле, что американский Главнокомандующий, имея в своем распоряжении оккупационные войска и командуя ими, несет в Японии полную ответственность и имеет право принимать окончательные решения.

Конечно, говорит Гарриман, Советское Правительство может уйти из Японии, если ему что-либо не понравится из принятых решений или действий, но Соединенные Штаты не могут уйти из Японии. Ответственность Соединенных Штатов за решения японских дел обязывает Соединенные Штаты иметь окончательный голос при решении вопросов, относящихся к Японии.

Молотов поясняет, что Советское Правительство в своем ответе признает преимущественное положение США, но Генералиссимус Сталин никогда не соглашался с тем, чтобы абсолютно по всем без исключения вопросам Главнокомандующий имел право окончательного решений. Имеется несколько исключений, когда требуется предварительное согласование решений союзников по Японии. Это вытекает из факта участия Советского Правительства в контроле над Японией. Иначе речь и участие Советского Союза в контрольном органе в Японии сведутся к чисто декоративному участию.

Гарриман говорит, что у Правительства Соединенных Штатов нет никакого намерения

придать участию Советского Союза в контроле над Японией только декоративный характер. Гарриман обещает немедленно направить ответ Советского Правительства своему правительству, но заявляет, что ответ Правительства США на эту советскую ноту будет по своему содержанию таким же, как и ответы и разъяснения Гарримана, данные им в сегодняшней беседе.

Молотов говорит, что врученная им сегодня Гарриману нота является ответом Советского Правительства на американские предложения, и подчеркивает, что Советское Правительство признает преимущественное положение США в Японии.

Гарриман, заканчивая беседу, говорит, что он весьма сожалеет по поводу того, что ответ Советского Правительства не совпадает с точкой зрения Правительства США.

На этом беседа заканчивается. Прощаясь, Гарриман сообщает Молотову о приезде в Москву из Болгарии Этриджа и спрашивает у Молотова, когда он, Молотов, сможет принять Этриджа, который желает рассказать Молотову о том, что он видел в Болгарии.

Молотов обещает уведомить Гарримана о том, когда он сможет принять Этриджа.

Беседа продолжалась 1 час 05 минут.

На беседе присутствовал т. Малик.

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 107–118.

Вручено В.М.Молотовым г-ну Гарриману

12 ноября 1945 года

Советское Правительство рассмотрело ответ Правительства Соединенных Штатов Америки на поправки Советского Правительства к предложениям США по вопросам контрольного органа по Японии и Дальневосточной Комиссии, переданной В.М.Молотову Послом г-ном Гарриманом 9 ноября с.г.

1. Как видно из ответа Правительства США, последнее не хочет видеть разницы между положением Японии в период разоружения японских вооруженных сил (август-сентябрь), когда Главнокомандующий действовал без какого-либо контроля и контрольного органа союзников, и положением после окончания их разоружения, когда появилась необходимость создания контрольного органа союзников. Исходя из этой концепции, Правительство США, повидимому, намерено сохранить в основном без изменения все права и привилегии Главнокомандующего, которыми он пользовался в период августа-сентября, когда он создавал и изменял режим в отношении Японии, создавал и распускал японское правительство по своему личному усмотрению, без ведома союзных представителей в Японии. Но такая концепция исключает необходимость создания какого-либо контрольного органа, заслуживающего того, чтобы назвать его контрольным органом. Советское Правительство не может согласиться с такой концепцией, ибо оно не может не учитывать того обстоятельства, что после окончания разоружения японских вооруженных сил в Японии создалась новая обстановка. Возникли новые вопросы политического, хозяйственного, культурного, административного, финансового порядка, правильное разрешение которых невозможно при упрощенном, чисто военном подходе к делу и без наличия контрольного органа.

2. Информация Правительства США о позиции Советского Правительства и Генералиссимуса И.В.Сталина содержит элементы неточности.

И.В.Сталин признавал и продолжает признавать, что на США ложится больше ответственности в делах Японии, чем на остальных союзников, но он никогда не соглашался с тем, чтобы ответственность несли только США, ибо он считает, что ответственность несут также и те союзные державы, войска которых приняли активное участие в деле разгрома японских вооруженных сил.

И.В.Сталин признавал и продолжает признавать, что при решении большинства вопросов за Главнокомандующим, как за постоянным председателем контрольного органа, остается решающее слово, но И.В.Сталин никогда не соглашался с тем, чтобы во всех, без исключения, вопросах сохранить такое право за Главнокомандующим, ибо он считает, что во

всех случаях разногласий Главнокомандующий пользуется решающим словом, за исключением тех немногих случаев, когда дело идет о принципиальных вопросах, вроде вопросов об изменении режима контроля над Японией, изменении состава японского правительства и т. п. Именно поэтому в беседе с г-но Гарриманом И.В.Сталин отвел пример с Консультативной Комиссией в Италии и рекомендовал руководствоваться примером с контрольными комиссиями в Венгрии и Румынии, имея в виду положение контрольных комиссий в этих странах, установленное после капитуляции и разоружения Германии.

Во всем этом Советское Правительство солидарно с И.В.Сталиным.

Ссылку Правительства США на то, что подобные принципиальные вопросы будут обсуждаться в Дальневосточной Комиссии, а не в Контрольном Совете, что Контрольный Совет будет заниматься лишь исполнением директив Дальневосточной Комиссии, — нельзя считать убедительной, так как, по мнению Советского Правительства, контроль имеет важное значение не только в деле выработки директив, но и особенно в деле исполнения этих директив на месте, в Японии.

3. Советское Правительство считает целесообразным, чтобы контрольный орган был назван Контрольной Комиссией или Контрольным Советом, так как такое название правильно отражает функции и содержание работ этого органа, как контрольного. Дело не в том, что этот орган будет состоять из военных, а в том, что он будет осуществлять контроль над Японией как по вопросам военным, так и по всем другим вопросам политического, хозяйственного, культурного, административного, финансового порядка.

4. Советское правительство считает также целесообразным, чтобы при решении вопросов в Дальневосточной Консультативной Комиссии был сохранен принцип единогласия главных держав. Этот принцип успешно применялся в Европейской Консультативной Комиссии. Он положен в основу процедуры голосования в Совете Безопасности. Было бы правильно сохранить его также для Дальневосточной Консультативной Комиссии.

5. Из изложенного видно, что у Правительства США нет оснований опасаться того, что в случае принятия советских поправок оно «было бы парализовано в деле дачи Главнокомандующему любых директив». Правительство США может быть уверено, что Советское Правительство не имеет намерения умалить преимущественные права США в делах Японии. Советские поправки преследуют лишь следующие простые и элементарные цели: а) добиться того, чтобы участие Советского Союза в контроле над Японией не выглядело как декоративное; б) обеспечить такие условия сотрудничества в деле контроля над Японией, при которых Советское Правительство могло бы также нести ответственность; в) содействовать тому, чтобы обеспечить в деле контроля над Японией согласованную систему мероприятий, свободную от случайных моментов и отвечающую общим интересам союзников.

Москва, 12 ноября 1945 года.

Верно: Потрубач

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 119–121

19 ноября 1945 года

Гарриман говорит, что правительство США рассмотрело вопросы, изложенные в последнем ответе Советского Правительства от 12 ноября сего года, и поручило ему, Гарриману, передать ответ американского правительства как по вопросу относительно Союзного Военного Совета для Японии, так и по вопросу о Дальневосточной Комиссии. Гарриман вручает Молотову русский перевод ответа американского правительства по обоим вопросам и просит Молотова ознакомиться с документами. (Прилагаются на 3-х листах).

Молотов знакомясь с текстом ответа американского правительства, спрашивает, правильно ли он понимает, что американское правительство не хочет называть Союзный Совет для Японии контрольным?

Гарриман отвечает утвердительно и поясняет, что американское правительство не желает называть этот Совет контрольным, чтобы не делать его похожим на Союзный Контрольный Совет по Германии.

Молотов говорит, что в советских поправках было внесено предложение изменить редакция п. 1-го американских предложений относительного контрольного механизма для Японии, и указать, что этот орган создается в целях контроля за выполнением условий капитуляции Японии.

Гарриман отвечает, что правительство США по этому вопросу дало согласие на включение слова «контроль» в п. 1-й своих предложений.

Молотов указывает, что в такой американской редакции этого пункта, при отсутствии в названии Союзного Совета определения, что это Контрольный Совет, становится неясным, что же будет контролироваться этим Союзным органом.

Гарриман отвечает, что контролироваться будет Япония и что ответ по этому вопросу дан им, Гарриманом, в письме от 3 ноября с.г. и что сегодняшний ответ американского правительства является дополнением к этому письму.

Молотов указывает, что идею контроля американское правительство приняло в своей поправке от 3 ноября. Советские поправки к этому пункту имеют лишь в виду сделать более ясным, что именно будет контролироваться.

Гарриман вновь повторяет, что он изложил мнение правительства Соединенных Штатов по этому вопросу в письме от 3 ноября и поясняет, что функции разделены между обоими органами — Дальневосточной Комиссией и Союзным Советом для Японии.

Молотов уточняет, считает ли американское правительство исходным положением свои предложения от 30 октября с.г.

Гарриман отвечает утвердительно и добавляет, что дополнением к этим исходным предложениям от 30 октября является его, Гарримана, письмо от 3 ноября.

Молотов спрашивает, как будут разрешаться спорные вопросы в контрольном механизме, так как почти все изложенное в сегодняшнем ответе американского правительства относится к вопросу о Дальневосточной Комиссии.

Гарриман отвечает, что все расхождения и разногласия по политическим вопросам будут решаться через Дальневосточную Комиссию. Затем Гарриман говорит, что он намерен изложить свои пояснения к сегодняшнему ответу американского правительства.

Молотов дает согласие.

Гарриман излагает свое устное заявление и вручает его текст. (Перевод прилагается на 3-х страницах).

Молотов, выслушав заявление Гарримана, говорит, что он предпочитает ознакомиться с русским текстом перевода этого заявления, а затем либо поставит перед Гарриманом некоторые могущие возникнуть вопросы, либо изложит точку зрения Советского правительства. Константин тому же в ответе американского правительства и в заявлении Гарримана затронут ряд новых вопросов, требующих того, чтобы были тщательно перечитаны прежние ответы и заявления американской стороны.

Гарриман говорит, что правительство Соединенных Штатов пошло далеко вперед по тем вопросам, которые вызывали сомнение у советской стороны, и что он, Гарриман, искренне надеется, что такая позиция американского правительства будет приемлема для Советского правительства.

Затем Гарриман говорит, что ему поручено информировать Молотова по вопросу, не относящемуся к данным переговорам между Молотовым и Гарриманом.

Молотов дает свое согласие выслушать Гарримана.

Гарриман говорит, что, если бы Советское правительство пожелало послать свои войска в Японию для участия в ее оккупации, то американское правительство и Главнокомандующий приветствовали бы подобное решение Советского правительства. Эти советские войска не имели бы отдельной зоны оккупации, а вошли бы в состав вооруженных сил, находящихся под командованием Макартура.

Британское правительство, например, обратилось к правительству США с предложением послать 30 тыс. британских войск в Японию. Он, Гарриман, не уверен, но думает, что в этом заинтересовано, главным образом, австралийское правительство. Эти британские вооруженные силы в Японии будут содержаться за счет британского Содружества Наций, но они будут находиться под командованием Макартура и выполнять его приказы. Как известно Советскому правительству, британские вооруженные силы находились в ряде мест под командованием американского Главнокомандующего и, наоборот, американские войска находились под командованием британского главнокомандующего. Это предложение о посылке 30 тыс. британских войск в Японию было сделано британским правительством, и будет рассмотрено правительством Соединенных Штатов, однако, решения по этому вопросу еще нет. Он, Гарриман, полагает, что если Британское Содружество Наций пожелает послать свои войска в Японию на таких условиях, то правительство США будет согласно с этим.

Далее Гарриман вновь поясняет, что он сообщает все это Молотову в порядке информации, вне связи этого вопроса с данными переговорами, ведущимися между Молотовым и Гарриманом.

Молотов спрашивает, не обращалось ли к правительству США китайское правительство с просьбой об участии китайских вооруженных сил в оккупации Японии.

Гарриман отвечает, что он не имеет информации по этому вопросу. Затем заявляет, что, если Советское правительство пожелает послать свои войска в Японию для участия в оккупации на таких условиях, то Правительство США отнесется к этому так же благожелательно, как и к предложению о посылке в Японию войск других союзных держав.

Молотов отвечает, что Генералиссимус Сталин в беседе с Гарриманом уже высказал мнение Советского Правительства по этому вопросу.

Гарриман указывает, что он ставит этот вопрос не в порядке обсуждения, а лишь в порядке информации Молотова о состоянии этого вопроса.

Беседа продолжалась 40 минут.

На беседе присутствовал тов. Малик.

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 160–163

Посол США г-н Гарриман вручил

В.М.Молотову 19 ноября 1945 г.

ПОСОЛЬСТВО СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Москва, 19 ноября 1945 года

Правительство Соединенных Штатов готово принять следующие поправки к своим предложениям относительно Дальневосточной Комиссии:

1. В соответствии с желанием Советского Правительства обеспечить путем взаимной консультации решение основных вопросов, как например, основных изменений в конституционной структуре или в режиме контроля Японии, Правительство Соединенных Штатов было бы готово включить в положения о работе Комиссии статью, предусматривающую, что директивы, касающиеся основных изменений в конституционной структуре или в режиме оккупации Японии, будут издаваться только после предварительной консультации и соглашения в Дальневосточной Комиссии.

2. Если сохраняется параграф 2 статьи 3 положения о работе Комиссии, дающий возможность Правительству Соединенных Штатов издавать временные директивы до вынесения решения Дальневосточной Комиссией или в случае разногласия, Правительство Соединенных Штатов не возражало бы против такой процедуры голосования в Комиссии, которая включала бы принцип единогласия среди четырех главных Союзников до того, как решение стало бы обязательным.

Правительство Соединенных Штатов считает, что Дальневосточная Комиссия является

подходящим местом координации согласованной политики относительно Японии и поэтому оно готово рассматривать сочувственно любое советское предложение, которое содействовало бы достижению этой цели, если право издавать временные директивы будет сохранено. Эти временные директивы могут подвергаться пересмотру Комиссией и будут издаваться Правительством Соединенных Штатов, очевидно только в таких случаях, когда положение в Японии не позволило бы задержки.

Для того, чтобы было ясно то, что очевидно предусматривается, Правительство Соединенных Штатов было бы готово:

Добавить следующий абзац между статьей II А (1) и статьей II А (2):

«Пересмотреть по просьбе любого члена любую директиву, направляемую Главнокомандующему, или любое мероприятие, предпринятое Главнокомандующим, касающееся политических решений, входящих в юрисдикцию Комиссии».

Добавить следующий абзац между статьей III (1) и статьей III (2):

«Если Комиссия решит, что любая директива или любое мероприятие, пересматриваемое в соответствии со статьей II А (2), должно быть изменено, ее решение будет рассматриваться как политическое решение».

Перевод Потрубач.

верно: Потрубач

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 164-165

Посол США г-н Гарриман вручил Перевод с английского

В.М.Молотову 19 ноября 1945 г.

ПОСОЛЬСТВО СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Москва, 19 ноября 1945 года

Правительство Соединенных Штатов готово принять следующие поправки к своим предложениям относительно Союзного Военного Совета для Японии:

1. Совет следует именовать «Союзный Совет для Японии». Это дало бы возможность избежать впечатления будто бы Совет будет заниматься только военными делами, а не осуществлением директив, связанных с вопросами политического, культурного, экономического и т. д. характера.

2. Не будет возражений против того, чтобы добавить после статьи 2 первоначального предложения «каждый представитель имеет право иметь соответствующий штат, размеры которого будут установлены по соглашению с Председателем Совета».

3. Если желательно в положении о работе Совета могут быть предусмотрены периодические совещания Совета через установленные интервалы, возможно через каждые две недели.

4. Нижеприведенный дополнительный абзац мог бы быть включен в положение о работе:

«Мероприятия в отношении изменения согласованного режима Союзного Контроля для Японии или в отношении одобрения пересмотров или изменений японской конституции будут проводиться только в соответствии с решениями Дальневосточной комиссии».

Перевод Потрубач.

верно: Потрубач

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. Л. 166

Посол США г-н Гарриман вручил Перевод с английского

В.М.Молотову 19 ноября 1945 г.

ПОСОЛЬСТВО СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Москва, 19 ноября 1945 года

УСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Мое Правительство желает пояснить, что, по его мнению, подходящим органом для формулирования и определения основной политики в отношении Японии является Дальневосточная Комиссия и что предложенный Союзный Совет для Японии под председательством генерала Макартура не имел бы полномочий определять по своей собственной инициативе основные вопросы, как-то, изменение в режиме контроля или изменения в конституционной структуре Японии. Однако, лишение Главнокомандующего путем требования единогласия четырех держав в Совете полномочий вносить изменения в состав японского правительства, означало бы лишение его существенной и основной власти, необходимой для осуществления своих приказов. Как указывается ниже, такие вопросы обсуждались бы заранее обычным путем Главнокомандующим и Советом, и любое правительство, недовольное действием, предпринятым им, могло бы поставить этот вопрос на решение Дальневосточной Комиссии или непосредственно перед американским правительством в соответствии с изменениями, предлагаемыми сейчас.

Предложения моего Правительства в том измененном виде, как они изложены, предусматривают всестороннюю консультацию Союзного Совета в отношении администрации Японии, а также предусматривают соблюдение метода, при помощи которого осуществляется эта администрация. Само собой разумеется, что, в случае наличия разногласий между председателем и одним или большим количеством членов Совета, любое правительство может поставить спорный вопрос либо в Дальневосточной Комиссии или непосредственно перед правительством Соединенных Штатов. Если после такой консультации станет ясно, что действия, о которых идет речь, со стороны Главнокомандующего не согласуются с умеренной интерпретацией политических директив, на которых основаны его действия, то могут быть приняты меры для изменения спорных действий. Мое Правительство считает, что Советскому Правительству ясно, что ввиду своей главной ответственности в контроле и администрации Японии для моего правительства не было бы возможным принятие такого порядка, при котором, в случае наличия разногласия в Совете, Главнокомандующий не мог бы предпринять существенные действия впредь до достижения соглашения между заинтересованными правительствами. Любое указание на то, что власть Главнокомандующего не является окончательной в его отношениях с японскими властями, а также в осуществлении политики в Японии, может только послужить ослаблению его власти и контроля над японским правительством и таким образом подвергнуть опасности эффективное осуществление Союзной политики в Японии.

Поскольку Советское Правительство сослалось на контрольный механизм для Румынии и Венгрии, мое Правительство желает отметить, что Николаевич на одной из стадий, в случаях с этими странами, бывшими противниками, Советское Правительство не согласилось на любую интерпретацию функций Союзной Контрольной Комиссии, которая могла бы связать руки Председателю (Советскому Главнокомандованию) в случае разногласия с другими двумя членами или которая могла бы потребовать от него воздержаться от принятия действий, которые он считает необходимыми впредь до достижения соглашения между правительствами, представленными в Контрольной Комиссии. Претензии Правительства Соединенных Штатов и Британского правительства в отношении функций этих комиссий не касались окончательной власти Председателя, а касались в первую очередь отсутствия соответствующих консультаций или даже информации до принятия действий.

Как в Союзном Совете, так и в Дальневосточной Комиссии мое Правительство желает предоставить максимум возможности для информации, консультации и выработки согласованной политики во всех областях, касающихся контроля, а также будущего Японии. Тот факт, что любые вопросы могут быть или в действительности находились на рассмотрении Союзного Совета или Дальневосточной Комиссии не лишало бы Советское или другое правительство непосредственной постановки перед правительством

Соединенных Штатов любых важных политических вопросов до принятия действий или после. Однако, в интересах эффективного осуществления любой политики для моего Правительства не было бы возможным согласиться с порядком, при котором любое действие могло бы оттягиваться на неопределенный срок, ввиду расхождений или разногласия между заинтересованными Союзными нациями. Существенные гарантии, на которых мое Правительство должно настаивать, ни в коем случае не предназначаются для того, чтобы позволить проведению с его стороны односторонней политики, а лишь для обеспечения того, чтобы вся администрация Японии, за которую мое Правительство признанно несет главную ответственность, не распадается до урегулирования и достижения между заинтересованными правительствами договоренности по спорным вопросам, которые могут возникнуть.

Перевод Потрубач.

верно: Потрубач

Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. ЛЛ. 167–169

23 ноября 1945 г. в 19 ч. 30 м

Молотов говорит, что он хочет передать Гарриману ответ Советского Правительства на поправки Правительства Соединенных Штатов от 19 ноября с.г. (Павлов переводит на английский язык текст ответа Советского Правительства). (Прилагается).

Гарриман, выслушав перевод, просит повторить перевод 3-го абзаца на стр. 2-й ответа Советского Правительства, где говорится о том, что

«при достижении соглашения относительно порядка решения принципиальных вопросов, вроде вопросов об изменении режима контроля над Японией, изменения состава японского правительства в целом и т. п., можно было бы достичь согласования точек зрения наших правительств и относительно порядка дачи временных директив по другим вопросам».

Молотов поясняет, что смысл предложений Советского Правительства в целом показывает, что Советское Правительство идет навстречу пожеланиям правительства США и как раз именно этот абзац, на который указывает Гарриман, в частности, и говорит об этом. Советское Правительство считает, что при достижении соглашения относительно порядка разрешения принципиальных вопросов, можно было бы достичь согласования точек зрения наших правительств по вопросу о порядке дачи временных директив по другим вопросам. В ответе Советского Правительства нет еще готовой формулировки по этому вопросу, но он, Молотов, полагает, что смысл этого предложения вполне ясен.

Гарриман спрашивает, предлагает ли Советское Правительство, чтобы правительству США было предоставлено право издавать временные директивы Главнокомандующему.

Молотов отвечает, что Советское Правительство надеется достичь по этому вопросу соглашения после того, как будут согласованы точки зрения обоих правительств по вопросу о порядке разрешения принципиальных вопросов. Как видит Гарриман из предыдущего абзаца советского ответа (имеется в виду абзац, где, в частности, говорится о том, что в необходимых случаях Главнокомандующий сможет принимать решения о смене отдельных министров японского правительства), Советское Правительство считает возможным пойти навстречу американскому правительству в вопросе о смене отдельных министров японского правительства. Советское правительство нашло возможным пойти навстречу пожеланиям американского правительства в этом вопросе, подчеркивает Молотов.

Гарриман говорит, что в пункте поправок правительства США к его предложениям относительно Дальневосточной Комиссии говорится, что правительство США готово включить в положение о Дальневосточной Комиссии статью, предусматривающую, что директивы, касающиеся основных изменений конституционной структуры или режима оккупации в Японии, будут издаваться только после предварительной консультации и соглашения в Дальневосточной Комиссии. В пункте 2 этих поправок говорится, что до вынесения решений Дальневосточной Комиссией или в случае разногласия, правительство США должно иметь возможность издавать временные директивы. Означает ли Ваше

заявление, — спрашивает Гарриман, обращаясь к Молотову, — что Советское Правительство соглашается с тем, что правительство Соединенных Штатов будет иметь право издавать временные директивы в этих случаях?

Молотов отвечает, что Советское Правительство ставит вопрос о временных директивах в зависимости от ответа американского правительства на предложение Советского Правительства о порядке урегулирования принципиальных вопросов. При этом Советское Правительство, уточняя свою позицию, не возражает против того, чтобы Главнокомандующий мог, в случае необходимости, сменять отдельных министров японского правительства. Что же касается смены всего японского правительства в целом, во главе с премьер-министром, то Советское Правительство считает, что решения по такому вопросу необходимо принять на основе соблюдения принципа единогласия четырех главных союзников.

Гарриман спрашивает, а как поступать в том случае, если правительства союзных держав не смогут договориться по этому вопросу.

Молотов выражает уверенность, что правительства смогут договориться, тем более, что смена отдельных министров не будет задерживаться, так как Главнокомандующий сможет быстро принимать решения о смене их после соответствующей предварительной консультации с представителями других союзных держав в контрольном органе.

Гарриман спрашивает, как быть в таких случаях, если премьер-министр японского правительства откажется повиноваться приказам и распоряжениям Главнокомандующего, и премьеру надо будет предложить немедленно подать в отставку. Возьмем, например, такой случай, — говорит Гарриман, — Дальневосточная Комиссия договорилась о проведении каких-либо определенных земельных реформ или относительно ликвидации крупных трестов в Японии, а японский премьер задерживает осуществление этого решения Комиссии. Что необходимо предпринять в подобных случаях?

Молотов отвечает, что он считает исключенным, чтобы советский представитель в контрольном органе мешал бы Главнокомандующему принимать решения в подобных случаях. Это — случай невероятный, — подчеркивает Молотов. К тому же не следует забывать, что Главнокомандующий располагает достаточно широкими возможностями и именно он, а не кто другой, располагает всеми оккупационными войсками в Японии, то есть имеет реальную силу для принятия быстрых мер.

Гарриман говорит, что хотя случай невероятный, но подобные случаи имеют место на практике, например, в Германии, где французы приостанавливают решения союзных органов. Правительство США не желает принимать на себя ответственность за дела в Японии на таких условиях, ибо вполне допустим случай, когда такой, например, участник Дальневосточной Комиссии, как представитель Австралии Эватт, который любит делать различного рода предложения, сделает какое-либо предложение, на обсуждение которого потребуется несколько недель. Правительство США не может согласиться с таким положением, чтобы оно в подобных случаях не могло давать Главнокомандующему никаких временных директив.

Молотов говорит, что, по его мнению, врученные им Гарриману предложения Советского Правительства устраняют трудности в подобных случаях.

Гарриман выражает сомнение в правильности понимания им перевода вышеупомянутого абзаца третьего на странице 2-й советского ответа и значения этого абзаца — согласно ли Советское Правительство на издание временных директив правительством США или нет.

Молотов отвечает, что по мнению Советского Правительства, при достижении соглашения относительно порядка решения принципиальных вопросов, вроде вопросов изменения режима контроля над Японией, изменения состава японского правительства в целом и т. п., можно было бы достичь согласования точек зрения двух правительств и относительно порядка дачи временных директив по другим вопросам.

Гарриман говорит, что он немедленно сообщит правительству США ответ Советского

Правительства, но затем добавляет, что правительство США поручило ему, Гарриману, о чем он уже говорил в предыдущей беседе с Молотовым, настаивать на том, чтобы правительство Соединенных Штатов Америки имело возможность издавать временные директивы по всем вопросам до вынесения решения Дальневосточной Комиссией или в случае разногласий.

Затем Гарриман говорит, что по Балканскому вопросу он мог бы сделать пространное заявление, ввиду того, что так имеются случаи, когда председатель Союзной Контрольной Комиссии (представитель СССР) даже не информирует американского представителя о принимаемых им решениях или издаваемых директивах. Однако он, Гарриман, намерен дискутировать этот вопрос в данной беседе.

Молотов говорит, что, вероятно, в этом отношении имеются недостатки с обеих сторон, но он, Молотов, думает, что все это поправимо.

Гарриман вновь заявляет, что согласно последней полученной им из Вашингтона телеграмме, он, Гарриман, должен заявить Молотову о том, что правительство США настаивает на своем праве издавать временные директивы по всем вопросам. Но я могу Вас заверить, — говорит Гарриман, — что правительство США намерено всемерно стремиться к тому, чтобы договариваться по всем вопросам с союзными странами.

Молотов говорит, что именно в учете этих стремлений и намерений правительства США и в соответствии с этим Советское Правительство и дает данный ответ.

Гарриман сбивчиво поясняет, что его правительство в пункте первом поправок относительно Дальневосточной Комиссии пошло на уступки Советскому Правительству и в соответствии с пожеланием Советского Правительства готово включить в положение о работе этой Комиссии статью о даче директив по принципиальным вопросам относительно основных изменений в конституционной структуре или в режиме оккупации в Японии, только после предварительной консультации и соглашения в Дальневосточной Комиссии. Затем Гарриман вторично обещает срочно сообщить своему правительству ответ Советского Правительства и по получении ответа из Вашингтона вновь встретиться с Молотовым и изложить ему ответ правительства Соединенных Штатов.

В заключение беседы Гарриман напоминает Молотову, что Молотов спрашивал его в предыдущей беседе о том, будут ли принимать участие в оккупации Японии китайские войска, и говорит, что он, Гарриман, получил сообщение о том, что о посылке китайских войск в Японию для участия там в оккупации пока не ведется никаких переговоров. Возможно в будущем переговоры по этому вопросу и будут иметь место. В настоящее же время такие переговоры не ведутся. Ведутся переговоры только о посылке 30 тысяч британских, главным образом австралийских, войск для участия в оккупации Японии.

Молотов принимает это сообщение Гарримана к сведению.

На этом беседа заканчивается.

Беседа продолжалась 40 минут .

Ф.558. Оп. 11. Д. 99. ЛЛ. 38–42

Вручено В.М.Молотовым г-ну Гарриману

23 ноября 1945 г.

Советское Правительство, рассмотрев переданные г-ном Гарриманом 19 ноября поправки Правительства Соединенных Штатов относительно контроля над Японией, считает необходимым остановиться на двух главных вопросах, поставленных Правительством США. При этом имеется в виду, во-первых, порядок принятия решений в тех важных случаях, когда решаются принципиальные вопросы, вроде вопросов об изменении режима контроля над Японией, изменении состава Японского правительства и т. п., и, во-вторых, вопрос о временных директивах.

Поскольку Правительство США выражает стремление к выработке согласованной политики во всех областях, касающихся контроля, а также будущего Японии, Советское Правительство полагает, что нет оснований для возражений против того, чтобы указанные выше принципиальные вопросы, имеющие важное значение в осуществлении контроля над

Японией, решались по согласованию между главными союзниками. Тем более, что во всех остальных вопросах Главнокомандующий американскими оккупационными войсками в Японии располагает достаточно широкими возможностями и реальной силой для принятия быстрых мер, пользуясь решающим словом во всех этих делах. При наличии таких широких прав у Главнокомандующего и при таком фактическом положении, когда оккупационные войска во всей Японии полностью подчинены Главнокомандующему, нет оснований для опасений, что указанный выше принцип согласования между четырьмя союзниками в решении немногих принципиальных вопросов поведет к ослаблению власти Главнокомандующего. Советское Правительство не видит также оснований для предположения о том, что указанный порядок подвергает опасности эффективное осуществление союзной политики в Японии, так как согласованность между четырьмя Союзниками обеспечит большую эффективность проведения союзной политики в отношении Японии. Поэтому Советское Правительство считает, что решение основных вопросов контроля над Японией не должно приниматься единоличным распоряжением Главнокомандующего. Советское Правительство полагает, что при решении таких вопросов нельзя ограничиваться консультациями с другими представителями союзных держав в контрольном органе по Японии, а должна быть обеспечена согласованность принимаемых решений между четырьмя союзными державами — Соединенными Штатами, Великобританией, Советским Союзом и Китаем. В противном случае, участие Союзных держав в контроле над Японией будет только номинальным, а выраженное Правительством США согласие на принцип единогласия четырех главных союзников не получит реального значения.

В соответствии с этим Советское Правительство полагает, что процедура голосования в Дальневосточной Комиссии должна обеспечить осуществление принципа единогласия четырех союзных держав не только в вопросах, касающихся основных изменений в конституционной структуре или в режиме контроля над Японией, но и в таком вопросе, как смена всего японского правительства в целом, включая и премьер-министра. Вместе с тем Советское Правительство находит возможным, чтобы в необходимых случаях Главнокомандующий мог принимать решения о смене отдельных министров японского правительства после соответствующей предварительной консультации с представителями других союзных держав в контрольном органе.

Советское Правительство считает, что при достижении соглашения относительно порядка решения принципиальных вопросов, вроде вопросов об изменении режима контроля над Японией, изменения состава японского правительства в целом и т. п., можно было бы достичь согласования точек зрения наших правительств и относительно порядка дачи временных директив по другим вопросам.

Советское Правительство полагает, что другие предложения, представленные правительством США 19 ноября, следует рассмотреть после достижения согласования позиций наших правительств по основным вопросам.

Что же касается сделанного г-ном Гарриманом замечания по поводу контрольного механизма в Румынии и Венгрии, то оно не разделяется Советским Правительством. Следует напомнить, что в связи с окончанием войны в Европе Советское Правительство 12 июля с.г. предложило правительствам США и Великобритании, чтобы Союзная Контрольная Комиссия в Венгрии вела в дальнейшем свою работу на основе следующего положения: «Директивы Союзной Контрольной Комиссии по принципиальным вопросам даются венгерским властям председателем Союзной Контрольной Комиссии после согласования этих директив с английским и американским представителями». На Берлинской Конференции трех держав было принято решение распространить этот порядок работы Союзной Контрольной комиссии также на Румынию и Болгарию. Таким образом, как это видно из вышеизложенного, в положении о Союзной Контрольной Комиссии по Румынии, Венгрии и Болгарии предусмотрен порядок издания директив по принципиальным вопросам лишь после согласования этих директив с представителями других союзных держав в

контрольном органе.

Москва, 23 ноября 1945 года

Верно: Подцерб

Ф.558. Оп. 11. Д. 99. ЛЛ. 43–45

Перевод с английского.

Посольство США

Москва, 7.XII.1945 г.

Дорогой г-н Молотов,

Г-н Бирнс предлагает включить следующие вопросы в повестку дня предстоящей встречи трех министров иностранных дел:

1) Рассмотрение предложения о Комиссии объединенных наций для рассмотрения вопроса о контроле над атомной энергией.

2) Вопрос о созыве вновь Совета министров иностранных дел, включая возобновление работы их заместителей, по подготовке договоров для Мирной конференции.

3) Компетенция Союзного Совета и Дальневосточной Комиссии.

4) Учреждение независимого корейского правительства.

5) Разоружение японских вооруженных сил в Северном Китае и их эвакуация в Японию.

8) Передача контроля над Маньчжурией Национальному правительству Китая.

9) Отвод союзных войск из Тегерана.

10) Условия, которые позволили бы признать правительства Румынии и Болгарии.

Вы заметите, что, за исключением добавления атомной энергии, вопросы по существу являются теми же самыми, которые я упомянул Вам 24 ноября как возможные вопросы, подлежащие обсуждению.

Г-н Бирнс надеется, что как Британское, так и Советское правительства каждое предложит вопросы к повестке дня, и предлагает, чтобы окончательная повестка дня была составлена по взаимному согласию между тремя министрами иностранных дел, когда они встретятся в Москве. Он просил меня пояснить Вам, что было бы крайне полезным, если бы он мог получить от Вас в возможно скором времени вопросы, которые Советское Правительство желает предложить для внесения в повестку дня.

Г-н Бирнс в предварительном порядке наметил 12 декабря в качестве даты своего отъезда из Вашингтона. Я надеюсь, что я скоро смогу сообщить Вам относительно точных планов г-на Бирнса, а также фамилии других членов его группы.

Желаете ли Вы в настоящее время, чтобы я получил для Вас какую-либо дальнейшую информацию.

Искренне Ваш, *В.А.Гарриман.*

Ф.558. Оп. 11. Д. 99. ЛЛ. 109-110

Перевод с английского.

Посольство Соединенных Штатов Америки.

Москва, 7 декабря 1945 г.

Срочно.

Дорогой г-н Молотов,

Я только что получил следующее послание от г-на Бирнса, которое он просил меня передать Вам:

«В пятницу 7 декабря в 10 часов утра по вашингтонскому времени (6 часов вечера по московскому времени) мы предполагаем дать в печать следующее заявление:

«Условлено, что в Москве 15 декабря состоится встреча министров иностранных дел

Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов. Эта встреча устраивается в соответствии с решением, принятым на Ялтинской Конференции, предусматривающим совещание трех министров иностранных дел через каждые три месяца. Встреча даст британскому и американскому правительствам возможность обменяться мнениями с Советским Правительством по поводу контроля над атомной энергией. Она также даст возможность обсудить в неформальном и исследовательском порядке другие вопросы, имеющие актуальное значение для трех стран».

Мы надеемся, что одновременно сообщение в основном в этом же духе может быть опубликовано в Лондоне и Москве. Мы предлагаем вышеприведенную форму сообщения в целях избежания каких-либо преувеличенных ожиданий заранее в отношении результатов Конференции, хотя мы не намерены ограничить переговоры атомной энергией, а, наоборот, хотим включить другие вопросы, которые мы в телеграмме, следующей сразу за этой, в предварительном порядке предлагаем включить в повестку дня. Хотя мы надеемся, что развития в форме сообщений в трех столицах не будут настолько велики, что вызовут публичные толки, точная форма сообщения может быть избрана каждым правительством такой, которая будет отвечать стоящим перед ним особым проблемам».

Искренне Ваш, *В.А.Гарриман*.

Его превосходительству В.М.Молотову, Народному Комиссару Иностранных Дел.

Принято по ВЧ

7. XII.45 г.

Ф. 558. Оп. 11. Д.99. ЛЛ. 107–108

Совершенно секретно

ГРЯЗНАЯ СТЯПНЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОВОКАТОРОВ

Париж, 9 ноября (ТАСС). Сообщения — одно сенсационное другого — заполняют добрую половину французских газет. (В этом отношении особенную активность проявляет бульварная вечерняя печать). Представление о содержании помещаемых ими материалов дают крупные — на всю полосу — заголовки: «Разногласия в Кремле?» («Либерасьон-суар»), «На поиски Сталина» («Франс суар»), «Охрана здоровья, политическая предосторожность?» («Пари-пресс»).

Дальбарс, продолжая серию своих статей в «Пари-пресс», утверждает, что «Отставка Сталина уже приводится в исполнение». «Пари-матэн» сообщает, что «Калинин находится у изголовья умирающего». «Сите-суар» объявила сегодня, что, начиная с 12 ноября, будет печататься большой чрезвычайно интересный рассказ Жака Кастело о Сталине. Это — «захватывающий и откровенный документ о жизни вождя СССР. Раскрытие тайны его могущества».

Очередная бульварщина Дельбарса в «Пари-пресс» озаглавлена: «Владыка СССР, оставаясь вне партийных раздоров, сохраняет полную свободу действий». Дельбарс пишет: «Отставка Сталина, о которой мы уже здесь сообщали, уже приводится в исполнение. Этот первый этап к уходу был отмечен разительным отсутствием. Сталин не только не произнес свою традиционную речь 6 ноября, но он даже не присутствовал на военном параде на Красной площади 7 ноября. Излагая причины его отхода от повседневных дел по управлению, мы указывали, что дело заключается отнюдь не в снижении его престижа, или его морального авторитета. Как раз наоборот. Доверяя своим сотрудникам заботу принимать текущие решения, маршал Сталин остается в стороне от борьбы, сохраняет свои силы на случай исключительного значения и вместе с тем бережет свои подорванные физические силы, чтобы иметь возможность дальше следить за постоянством режима. Таким образом своевременность момента для осуществления этой отставки (пропуск) было продиктовано двумя соображениями. Одно — соображение насчет здоровья Сталина, другое — зависит от

тактических мотивов. До последнего момента Курский вокзал в Москве был готов принять специальный поезд Сталина, который после своей поездки на самолете во время Сталинградской битвы, ездит только по железной дороге. Именно эти приготовления, проводившиеся в течение нескольких дней, явились источником телеграммы, посланной слишком нетерпеливым иностранным агентством, описывающим его прибытие. В действительности, как видно теперь, уже 5 ноября руководители Кремля знали, что их вождь не придет в Москву. По последним сообщениям консилиум врачей, созданный в Сочи 2 ноября, отсоветовал отъезд и рекомендовал Сталину избегать всякого утомления и в особенности напряжения, связанного с публичными выступлениями. Оставалась такая возможность: Сталин, не появляясь перед публикой, обратился бы к народам СССР по радио, но здесь появились соображения политического порядка, которые оказывали свое влияние до последнего момента. Лишь 6 ноября на своем утреннем заседании политбюро приняло решение посоветовать Сталину отказаться от выступления с речью по радио. Это решение повидимому было продиктовано прежде всего (пропуск) при нынешнем международном положении, в частности в делах Дальнего востока, где СССР не согласился участвовать в Контрольной Комиссии, возглавляемой генералом Макартуром. Таким образом Сталин не высказался бы относительно неясного положения и его слова и выступление будут прибережены для более подходящего момента. Выступая вместо Сталина, Молотов сделал официальный отчет председателя Совета (пропуск) поскольку, помимо внешне-политических вопросов, связанных с его функциями, он занимался также внутренними вопросами.

На следующий день, освещая оставление Сталиным другого сектора исполнительной власти, маршал Василевский, также являющийся членом политбюро, подписал вместо Сталина приказ по Красной Армии в качестве нового главнокомандующего.

Разгрузившись от всяких второстепенных вопросов и оставаясь в стороне от партийных раздоров, Сталин сохраняет полную свободу действий до момента, когда результаты встречи Трумэна и Эттли внесут ясность в международные перспективы, он бережет вместе с тем свои силы и свое здоровье, ввиду возможного участия в новой тройственной конференции, которая будет происходить в Лондоне. Тем временем формируется группа, призванная осуществлять власть в СССР.

Газета «Пари-матэн» публикует ряд сообщений под общим заголовком: «Тайна Сталина могла бы быть объяснена разногласиями в политбюро». «Газета пишет, что разногласия в политбюро возникли по вопросам внешней политики: в составе политбюро образовалась фракция «непримиримых», которая восстала против компромисса с Америкой, несмотря на то, что Бирис в своем выступлении от 1 ноября «протянул руку русским». В своем выступлении 6 ноября, пишет далее газета, Молотов проявил непримиримость в дальневосточном вопросе. Исполнителем чьих директив является Молотов? — спрашивает газета: «Если это не есть директива Сталина, то она не может быть иной, кроме директивы политбюро или некоторой фракции политбюро. С другой стороны нам сообщают, что во время конференции «пяти» Молотов опять таки якобы получил свои непримиримые инструкции не от Сталина, а от политбюро. В самом деле вполне понятно, что политбюро, являющееся собственно центром коммунистической ортодоксии, противится слишком явному вступлению СССР в международную политику. Молчание Сталина в таком случае означало бы, что доктринеры вынесли порицание «реалистам», если только сами доктринеры также не являются реалистами, которые хотят занять место других. Находясь между кланом «левых», нетерпеливо требующих революционных действий в Европе и кланом «правых», заботящихся об укреплении национальных позиций России, Сталин, временно отойдя от дел, может быть ждет пока выяснится в каком направлении международная конъюнктура и внутреннее положение СССР потребуют направить руль».

Та же газета публикует следующую телеграмму своего вашингтонского корреспондента Роберта Виллера: «В Америке считают, что здоровье Сталина не связано с его решением не появляться во время празднеств по случаю русской революции. Его

здоровье превосходно, но тот факт, что большой ежегодный доклад он поручил Молотову, означает, что министр иностранных дел это человек, с которым нужно будет разговаривать во всех международных переговорах. Прячась, Сталин хотел решительно показать, что Молотов является руководителем советской дипломатии».

Газета «Об» пишет, что «отсутствующий Сталин остается арбитром»: «даже, если предположить наличие внутреннего кризиса, который повидимому указывает на то, что Сталин сохраняет роль арбитра. Не исключено, что он продлил свое пребывание в Сочи, как об этом сообщает «Дейли экспресс». Однако, как бы то ни было, именно Молотов принял на вечере по случаю традиционного приема, организованного в связи с революционными праздниками представителей дипломатического корпуса и именно Молотов и генерал Антонов заняли на трибуне место, обычно отводимое генералиссимусу во время грандиозных церемоний на Красной площади».

ГНУСНЫЙ ПАСКВИЛЬ СЕИДОВСКОЙ ГАЗЕТЫ НА ТОВАРИЩА СТАЛИНА.

ТЕГЕРАН, 6 ноября (ТАСС). Сеидовская газета «Седае Иран» напечатала 5 ноября гнусный пасквиль на товарища Сталина.

Чем занимался Сталин, спрашивает эта газетка. Вождь России был переводчиком в Париже в одном из магазинов на площади Этуаль. Он немного знал английский и немецкий языки и хорошо знал русский. Его специально направили для того, чтобы он разговаривал с членами царской семьи, которые приезжали в Париж за покупками (как раз в начале текущего столетия). Все приезжавшие были довольны этим переводчиком, спрашивали у него адреса ресторанов и других мест. Он давал им адреса ресторанов, кабаре и ночных баров Монмартра. Большинство этих клиентов были аристократами и представителями знати. Через 20 лет после описываемого нами периода, они были изгнаны из России людьми, среди которых был и сам переводчик, и играли на балалайке в отелях и ресторанах Парижа. Переводчик обычно кланялся кому-нибудь из них и получал на чай. Молодого руководителя часто видали читающим книгу Карла Маркса и спорящим по поводу его теории со своими товарищами. Его товарищи говорили, что Бручев (такова была тогда фамилия Сталина) просто нигилист. Нигилисты, пишет далее газета, появились в XIX веке в России и они совершали террористические акты против лиц, которых считали врагами своей страны. Они же убили Александра II. Бручев был сыном одного русского содержателя чайной. Он еще в молодости держался того мнения, что существующий строй должен быть перевернут вверх дном не только в России, но и во всем мире. Он принимал участие в покушении на губернатора Томска, во время которого в результате взрыва бомбы была повреждена его рука. Он был выслан из России и приехал в Париж, где познакомился с Лениным и Троцким, которые жили в крайней бедности. Работа его в качестве переводчика в одной из гостиниц была очень солидной. Соскучившись по родине, он приехал в Киев и с тех пор фамилия его была Сталин. В России он поступил преподавателем французского языка в одну из гимназий, но иногда он вспоминал о красивых кабаре Парижа и думал о революции. Через некоторое время он опять поехал в Париж и снял там в одной из отелей маленькую комнатку, которая считалась ванной в гостинице и стоила очень дешево. В комнате его не было стула, и он для сиденья пользовался велосипедом, который ему был дан хозяином отеля. Ему нечем было бриться, и когда его спрашивали, почему он не бреется, он сердито отвечал, что он не имеет бритвы, мыла и одеколона, которые легко могут приобретать аристократы и богачи. Хозяин, слыша это, дрожал от злости. Через некоторое время он покинул отель, чему хозяин внутренне был рад. Через 20 лет он услышал, что его бедный клиент сделался полновластным правителем России. Теперь, когда речь заходит об алмазах, жемчугах, цветах и красивых женщинах, то Сталин говорит: «Я теперь не люблю этих вещей, ибо раньше узнал вкус всего этого в Париже».

Следует напомнить, что год тому назад эта же газетка напечатала такой же гнусный пасквиль на товарища Калинина.

ДОСУЩИЕ ДОМЫСЛЫ «САНДИ ТАЙМС» О ПОЗИЦИИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА.

ЛОНДОН, 11 ноября. Как передает агентство Рейтер, в статье под заголовком «Загадка Сталина» дипломатический обозреватель газеты «Санди таймс» пишет: «Нынешнее затмение» генералиссимуса Сталина «имеет свой политический фон». По утверждению обозревателя, весьма вероятно, что Сталин снова ищет сравнительно незаметного поста, занимаемого им до того, как война выдвинула его на первый план. «Он намеренно предпочитал оставаться на заднем плане политической машины, осуществляя верховную власть генерального секретаря коммунистической партии».

Имеются также «некоторые указания на легкий раскол и возможное соперничество в президиуме, которые, возможно, заставили Сталина посоветоваться с самим собой в его уединении». Затем обозреватель перечисляет неожиданные крутые изменения фронта Молотовым на сессии Совета министров иностранных дел, изменение советской политики в отношении дальневосточной консультативной комиссии, политика СССР в отношении конференции по вопросам сельского хозяйства и конференции по вопросам просвещения в Лондоне, называя их «знаменательными колебаниями».

Если существуют какие-либо основания в сообщении о том, что Сталин может уйти в отставку с поста председателя президиума, то имена Молотова и генерала Жданова (главы союзнической контрольной комиссии в Финляндии), «как полагают, имеют хорошие шансы в борьбе за этот пост».

СООБЩЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

СТОКГОЛЬМ, 9 ноября (ТАСС). Под крупными заголовками на видных местах все сегодняшние газеты публикуют телеграмму из Москвы французского корреспондента о том, что в здоровье Сталина произошло якобы внезапное ухудшение, и что лежит в больнице в Гаграх.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГАЗЕТЫ О ТОВАРИЩЕ СТАЛИНЕ.

РИМ, 9 ноября (ТАСС). Газеты, вышедшие 8 ноября вечером, воспроизводят сообщение «Интернешенл ньюс сервис» о том, что тов. Сталин находится на пути в Вашингтон. 9 ноября утром многие газеты, ссылаясь на французский источник, возобновляют муссирование слухов о болезни тов. Сталина, в частности о якобы имевшем месте «тяжелом сердечном припадке».

Отпечатано 7 экз.

1 экз. — тов. И.В.Сталину,

2 экз. — тов. В.М.Молотову,

3 экз. — тов. А.И.Микояну,

4 экз. — тов. Л.П.Берия,

5 экз. — тов. Г.М.Маленкову,

6 экз. — тов. А.Я.Вышинскому,

7 экз. — в дело.

Ф. 558. ОП. 11. Д. 98. ЛЛ. 124–130

Совершенно секретно

АНТИСОВЕТСКИЕ ГНУСНОСТИ ГАЗЕТЫ «КУРЬЕР ДЕ ПАРИ»

Париж, 8 декабря (ТАСС). Газета «Курьер де Пари» опубликовала сегодня следующие

сообщение, сопроводив его портретом тов. Сталина:

«Об этом говорят русские... Сталин был жертвой любовной драмы. Известно, что вот уже в течение двух месяцев существует тайна Сталина. Самые противоречивые сведения распространялись (пропуск в телеграмме), По одним сведениям он якобы умер. Другие сведения касались серьезного внутреннего конфликта. На самом же деле истина неизмеримо более проста. Если верить некоторым русским, недавно прибывшим из Москвы и введенным в круг советского посольства в Париже. Мы воспроизводим эту новость с принятыми в таких случаях оговорками. Согласно им Сталин оказался просто жертвой любовной драмы. Можно быть полубогом, не переставая при этом оставаться человеком. Сталин имел связь с известной русской артисткой. Его жена во время объяснения с ним в припадке ревности выстрелила в него в упор из револьвера. Тяжело раненого Сталина сначала лечили в величайшей тайне в Москве, а затем, когда его состояние это позволило, перевезли на берег Черного моря, где он сейчас и выздоравливает. Подлинность этого рассказа подтверждается повидимому тем фактом, что цензура сообщений иностранных корреспондентов значительно усилена со времени «болезни» владыки России».

Отпечатано 6 экз.

- 1 экз. — тов. И.В.Сталину,
- 2 экз. — тов. В.М.Молотову,
- 3 экз. — тов. А.И.Микояну,
- 4 экз. — тов. Л.П.Берия,
- 5 экз. — тов. Г.М.Маленкову,
- 6 экз. — в дело с.о.

Ф. 558. ОП. 11. Д. 99. Л. 144

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТАСС

30 ноября в некоторых французских газетах появилось сообщение французского агентства «Ажанс д'Эдисьон э де Пресс» об указаниях, якобы полученных советским послом в Соединенных Штатах А.А.Громько, находящимся в настоящее время в Лондоне. В числе «указаний» имеются будто бы такие, как: противиться предложениям о встрече «Большой тройки»; уклончиво отвечать о совещании трех министров; предложить закончить оккупацию Германии не позднее 1 января 1949 года; настаивать на создании Контрольной Комиссии на Дальнем Востоке по аналогии с Контрольным Советом в Германии и др.

По сведениям, полученным ТАСС из хорошо информированных кругов, всё упомянутое сообщение агентства «Ажанс д'Эдисьон э де Пресс», как и ряд других недавних сообщений этого агентства о Советской Союзе, являются сплошной выдумкой. В агентстве «Ажанс д'Эдисьон э де Пресс», по видимому, орудуют всякие жулики и пройдохи, которые живут различными клеветническими измышлениями насчет Советского Союза.

Принято по ВЧ

4.12.1945 г.

Ф. 558. ОП. 11. Д. 99. Л. 79

Перевод с английского.

Посольство Соединенных Штатов Америки.

Москва, 4 декабря 1945 г.

Дорогой г-н Молотов,

Г-н Бирнс просил меня узнать, не будете ли Вы иметь каких-либо возражений против опубликования им Вашего письма мне от 29 ноября в ответ на мое письмо от 24 ноября относительно событий в Иране. Американская общественность проявляет большой интерес к этому вопросу, и г-ну Бирнсу будет трудно обойтись без какого-либо публичного заявления

в близком будущем относительно советского ответа и его содержания. Г-н Бирнс считает, что было бы предпочтительнее опубликовать полный текст ответа, нежели пытаться изложить его содержание.

В связи с этим я был бы весьма благодарен, если бы Вы в скором времени сообщили свое мнение.

Искренне Ваш *В.А.Гарриман.*

Его превосходительству В.М.Молотову, Народному Комиссару Иностранных дел.
Москва.

Принято по ВЧ

06.12.1945 г.

Ф. 558. ОП. 11. Д. 99. Л. 94

Проект

ЧУНЦИН, СОВПОСОЛ.

На № 864. Посетите Ван Ши-цзе и заявите ему следующее:

«Обмен нотами между правительствами СССР и Китая по вопросу о независимости Монгольской Народной Республики предусматривает, что после поражения Японии, если плебисцит народов Внешней Монголии подтвердит его стремление и независимости, Китайское Правительство признает независимость Внешней Монголии. Как известно, плебисцит составлялся 20 октября в присутствии представителя Китайского Правительства г-на Ли Фа-чана и о результатах плебисцита правительства Китая и СССР были подробно информированы Правительством Монгольской Народной Республики.

Несмотря на это, Китайское Правительство, как это следует из заявления Министра Иностранных Дел Китая от 7 декабря, откладывает признание независимости Монгольской Народной Республики на середину января 1946 года. Советское Правительство считает необходимым обратить внимание Китайского Правительства на то, что такое откладывание признания независимости Монгольской Народной Республики находится в противоречии с обязательствами, принятыми на себя Китайским Правительством по Советско-Китайскому Договору от 14 августа».

Исполнение телеграфьте.

Принято по ВЧ

12.12.1945 г.

Ф. 558. ОП. 11. Д. 99. Л. 147

Проект

ЧУНЦИН, СОВПОСОЛ.

На № 864. Посетите Ван Ши-цзе и заявите ему устно следующее:

«Маршал Малиновский довел до сведения Советского Правительства о том, что представители Китайского Правительства в Чунцине Чан Цзе-ао и Цзян Цзин-го 9 декабря заявили ему, что Китайское Правительство считает целесообразным, чтобы срок вывода советских войск из Маньчжурии был отложен до 1 февраля 1946 года. Если Китайское Правительство подтверждает это сообщение, то Советское Правительство, идя навстречу просьбе Китайского Правительства, готово отсрочить вывод советских войск из Маньчжурии до 1 февраля 1946 года».

Принято по ВЧ

12.12.1945 г.

Ф. 558. ОП. 11. Д. 99. Л. 148

*Проект
Москва, 13 декабря 1945 г.*

Уважаемый г-н Посол,

Ваше письмо относительно предложения Британского Правительства обсудить план отвода советских и британских войск из Ирана получено мною 10 декабря.

По существу предложения и придерживаюсь прежнего мнения, изложенного в моем письме от 20 сентября с.г., что этот вопрос можно будет обсудить в конце установленного срока, то-есть, например, в феврале месяце, если это окажется необходимым. В настоящее время я не вижу необходимости в обсуждении этого вопроса.

С искренним уважением.

Сэру Арчибальду Кларку Керру,
Чрезвычайному Полномочному Послу
Соединенного Королевства.
Москва.

Принято по ВЧ
13.12.1945 г.
Ф. 558. ОП. 11. Д. 99. Л. 153
Проект НКВД от 13 декабря

О выводе американских войск из Китая.

После окончания военных действий на Дальнем Востоке и капитуляции Японии 2 сентября пребывание на территории Китая американских войск не вызывается соображениями военной необходимости, не говоря уже о том, что не существует договора между США и Китаем в количестве, сроках и целях пребывания американских войск на территории Китая.

Кроме того, дальнейшее пребывание американских войск в Китае, как это показывают обстоятельства, приводит к вмешательству американских войск во внутренние дела Китая, обостряет внутривластную борьбу и осложняет демократическое развитие Китая.

Ввиду указанных обстоятельств Министры Иностранных Дел США, Великобритании и СССР считают необходимым, чтобы американские сухопутные, воздушные и военно-морские силы были выведены из Китая не позднее января 1946 года.

Принято по ВЧ
13.12.1945 г.
Ф. 558. ОП. 11. Д. 99. Л. 152
451104-2
Проект НКВД от 13 декабря

О разоружении японских войск в Северном Китае.

До настоящего времени на территории Китая находятся неразоруженные японские войска с офицерским корпусом и штабами общим количеством свыше 350 тысяч человек, в том числе в Северном Китае 225 тысяч человек, что является прямым нарушением условий капитуляции, предписанных Японии союзными державами.

Вместо того, чтобы после капитуляции Японии немедленно произвести разоружение японских войск, эти войска привлекаются в Северном Китае для участия в военных действиях на стороне войск китайского правительства против неправительственных китайских войск и таким образом японские войска втягиваются в борьбу между различными

частями китайского народа, что политически недопустимо.

Ввиду вышеизложенного Министры Иностранных Дел США, Великобритании и СССР считают необходимым, чтобы соответствующими военными властями были приняты немедленные меры к полному разоружению японских войск в порядке, установленном для принятия капитуляции японских войск в соответствующих районах Китая.

Принято по ВЧ
13.12.1945 г.
Ф. 558. ОП. 11. Д. 99. Л. 151
Проект НКВД от 13 декабря

О выводе британских войск из Греции.

Ввиду того, что прошло уже больше года с тех пор, как немецкие захватчики в ноябре 1944 года были изгнаны из Греции, пребывание там британских войск не вызывается какими-либо военными соображениями.

Известно также, что пребывание британских войск в Греции превратилось в ряде случаев в средство давления на внутривнутриполитическое положение в стране, нередко используемое реакционными элементами против демократических сил страны, вследствие чего Греция не может выйти из постоянных правительственных кризисов. Соглашение же, заключенное в Варкизе между Греческим Правительством и представителями демократических организаций, так и осталось невыполненным.

В связи с создавшимся положением Министры Иностранных Дел Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки признают неотложным осуществить вывод британских войск из Греции.

Принято по ВЧ
13.12.1945 г.
Ф. 558. ОП. 11. Д. 99. Л. 150
451104-2
Товарищу СТАЛИНУ.

Ваши указания, изложенные в телеграмме за № 3523, считаем правильными. В соответствии с ними мы вновь обсудили вопрос и представляем следующие проекты поправок к американским предложениям относительно контрольного механизма и Дальневосточной Комиссии по Японии:

Поправки к предложениям Правительства США относительно контрольного механизма для Японии.

Советское правительство считает необходимым внести следующие поправки к предложениям правительства США по контрольному механизму для Японии.

1. В п. 1 вместо названия «Союзный Военный Совет», сказать — «Союзный Контрольный Совет» или «Союзная Контрольная Комиссия».

Эта поправка диктуется тем соображением, что в самом названии контрольного механизма должен быть отражен основной характер его работы. Название «Союзный Военный Совет» ограничивает функции контрольного органа по Японии чисто военными вопросами, между тем, как этот орган будет заниматься не только военными, но и политическими, административными, культурными и хозяйственными вопросами. Название «Союзный Военный Совет» не учитывает это обстоятельства.

2. В п. 1 кроме изменения названия Совета, вместо слов:

«в целях консультации о Главнокомандующим и дачи ему советов в отношении

осуществления условий капитуляции, оккупации и контроля Японии...»

сказать следующее:

«в целях контроля за выполнением условий капитуляции Японии и в целях консультации и дачи советов Главнокомандующему в отношении осуществления условий капитуляции и оккупации для Японии...»

Эта поправка вызывается следующими соображениями:

После включения в п. 1 американского проекта слова «контроль» остается непонятным смысл выражения «и контроля Японии». Эту неясность необходимо устранить, указав, что Союзный Контрольный Совет (Союзная Контрольная Комиссия) создается в целях контроля за выполнением условий капитуляции Японии, как говорится в предложенной поправке.

3. п. 2 дополнить следующей фразой:

«Каждого члена Союзного Контрольного Совета (Союзной Контрольной Комиссии) может сопровождать соответствующий штаб, состоящий из военного и гражданского представительства».

4. В п. 3 вместо слов:

«Он будет совещаться и консультироваться Советом относительно приказов по принципиальным вопросам заранее, до их издания, если позволяет срочные требования обстановки. Его решения по всем вопросам будут контролирующими», сказать следующее:

«Он будет совещаться и консультироваться Советом относительно приказов по принципиальным вопросам заранее, до их издания. При наличии несогласия одного из членов Совета с Главкомандующим (или его заместителем) по вопросу принципиального характера в ряде вопроса об изменении режима контроля над Японией или вопроса об изменении состава Японского правительства, о роспуске Японского Правительства о замене его другим, решение Главкомандующего по этим вопросам приостанавливается исполнением до согласования этих вопросов между правительствами ли в Дальневосточной Комиссии».

Настоящая поправка имеет своей целью внести ясность в вопрос относительно случаев, когда в Совете возникнут разногласия между каким-либо членом Совета и Главкомандующим по принципиальным вопросам. Исходя из права каждого члена Совета апеллировать в таких случаях к своему правительству, и предлагается настоящая поправка, предусматривающая, что такого рода разногласия должны устраняться путем согласования между правительствами или в Дальневосточной Комиссии, причем решение Главкомандующего до согласования этих вопросов должно быть приостановлено.

II. Поправки к предложению правительства США о Дальневосточной Комиссии.

Советское Правительство считает необходимым внести следующие поправки к предложениям правительства США:

1. В разделе I перечислить страны, участвующие в Дальневосточной Комиссии, а именно: СССР, США, Британское содружество наций, Китай, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Голландия и Канада.

2. В разделе II, А п. 1 изложить в следующей редакции:

«Формирование политики, принципов и норм, в соответствии с которыми может быть определено выполнение Японией ее обязательств в соответствии с документом о капитуляции».

В указанной редакции этот пункт был изложен в предложениях США от 22 августа. Редакция этого пункта позднее редакции проекта от 30 октября и, кроме того, не содержит в себе неясной фразы: «и между участвующими правительствами».

3. Раздел II «с» изложить в следующей редакции:

«Комиссия в своей деятельности будет исходить из факта образования Союзного Контрольного Совета (Союзной Контрольной Комиссии) для Японии и будет считаться существующим контрольным механизмом в Японии, включая всю иерархическую лестницу

от правительства Соединенных Штатов до Главнокомандующего, а также с осуществлением Главнокомандующим командования оккупационными вооруженными силами».

Остальную часть текста этого пункта исключить.

Предлагаемая поправка объясняется необходимостью указать в Положении по Дальневосточной Комиссии на вновь организуемый Контрольный Совет для Японии.

Что касается последней части этого пункта, то эта часть должна считаться отпавшей в связи с тем, что американское правительство отказалось от этой редакции, предлагая заменить ее новой редакцией, сообщенной в письме г. Гарримана от 3 ноября. Новая же поправка американской стороны является излишней, так как она касается обязанностей Главнокомандующего и не относится к функциям Дальневосточной Комиссии.

4. В п. 1 раздела III вместо слов: «основанные на политических решениях Комиссии», сказать: «в соответствии с решениями Комиссии».

Последнюю фразу этого пункта исключить, так как в Положении по Дальневосточной Комиссии нет необходимости говорить об ответственности Главнокомандующего.

5. п. 2 раздела III исключить.

Исключение этого пункта объясняется тем, что этот вопрос предусматривается в предложениях по контрольному механизму для Японии (пункт 3).

6. В п. 2 раздела V вместо слов: «включая представителей трех следующих держав...», сказать: «включая представителей четырех следующих держав: Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Советского Союза и Китая».

Эта поправка вызывается необходимостью обеспечить единство действий четырех союзников — Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства, Советского Союза и Китая.

7. В разделе VI первый и второй абзацы этого раздела исключить и заменить их следующими словами:

«Постоянным местопребыванием Дальневосточной Комиссии будет Вашингтон».

8. В разделе VII вместо слов: «включая представителей трех из следующих держав», сказать: «включая представителей четырех следующих держав: Соединенных Штатов, Соединенного Королевства, Советского Союза и Китая».

В.МОЛОТОВ

Л.БЕРИЯ

Г.МАЛЕНКОВ

А.МИКОЯН

04.11.1945 г.

Принято ВЧ

Ф. 558. ОП. 11. Д. 98. ЛЛ. 45–49 451112

Товарищу СТАЛИНУ.

Из подробного расспроса Пальгунова и других работников ТАСС выяснилось:

1) В телеграмме агентства «рейтера» была ссылка на агентство «Пэрис Ньюс Эйдженси», а Пальгунов разослал телеграмму, в которой было заменено это наименование агентства другим названием «Франс Пресс». Поскольку Пальгунов давал путанные и противоречивые объяснения этому факту, мы вызвали ряд работников ТАССа. При расспросе работник ТАССа Зиновьева объяснила факт замены названия агентства тем, что «Рейтер» в своих передачах агентство «Франс Пресс» будто бы именуется «Пэрис Ньюс Эйдженси», что в ТАССе много таких телеграмм, где «Рейтер» так именно называет агентство «Франс Пресс» и, наконец, что в Москве имеется корреспондент только одного французского агентства — «Франс Пресс». Но ТАСС до сих пор не смог представить ни одной телеграммы, где бы «Рейтер» агентство «Франс Пресс» называл — «Пэрис Ньюс

Эйдженси».

Пальгунов заявляет теперь, что ошибочным является утверждение, что агентство «Франс Пресс» и «Пэрис Ньюс Эйдженси» — одно и то же агентство.

ТАСС и Отдел печати НКВД сейчас не могут сказать, существует ли агентство «Пэрис Ньюс Эйдженси».

Запросили по линии НКВД и ТАССа Париж и Лондон об агентстве «Пэрис Ньюс Эйдженси», а также об агентстве «Ажанс Эдисон Де Пресс», на которое «Рейтер» ссылается в другой телеграмме примерно с таким же содержанием.

В связи с изложенным выше пока нельзя принять решение о высылке корреспондента «Франс Пресс». Не исключено, что все эти измышления состряпаны самим «Рейтером» и что «Франс Пресс» тут не при чем.

Принимаем меры скорее закончить выяснение дела, чтобы принять решение.

2) Вытекающие из этого дела выводы о наведении порядка в ТАССе представим отдельно.

3) Считаю необходимым пояснить, что рассматриваемая телеграмма агентства «Рейтер» со ссылкой на «Пэрис Ньюс Эйдженси» и аналогичная телеграмма «Рейтер» со ссылкой на «Ажанс Эдисон Де Пресс» Пальгуновым, в отличие от обычного порядка, были разосланы только в два адреса — Вам и т. Молотову, поэтому товарищи Берия, Маленков и Микоян узнали о существовании этих телеграмм после Вашего звонка т. Молотову.

В.МОЛОТОВ

Л.БЕРИЯ

Г.МАЛЕНКОВ

А.МИКОЯН

12.11.1945 г.

Принято по ВЧ

Ф. 558. ОП. 11. Д. 98. ЛЛ. 122-123

451116

ЧУНЦИН СОВПОСОЛ.

Посетите Ван-Ши Цзе и вручите ему ноту следующего содержания:

«Уважаемый г-н Министр,

В связи с заявлением, сделанным мне Вами 13 ноября, я, по поручению Советского Правительства, уведомляю Вас, что сообщение, будто один из аэродромов Чанчуня занят коммунистическими китайскими частями и будто бы не может быть использован войсками Китайского Правительства, не соответствует действительности. В действительности же, аэродром в Чанчуне может быть использован войсками Китайского Правительства. Китайские правительственные войска могут беспрепятственно высаживаться в Мукдене и Чанчуне, причем со стороны Советского Командования будет оказано Китайскому Правительству должное содействие.

Советское Правительство считает необходимым также заявить, что Советское Военное Командование, строго соблюдая Советско-китайское соглашение, не оказывало и не оказывает никакой помощи китайским коммунистическим частям в Манчжурии. В соответствии с упомянутым Советско-китайским соглашением и точно придерживаясь плана эвакуации советских войск из Манчжурии, о котором своевременно был информирован Советским Командованием в Чанчуне представитель Китайского Правительства ген. Сюн Ши-Гуй, советские войска отводятся из Манчжурии.

Что же касается Вашего заявления, что в некоторых районах, оставленных ввиду эвакуации советскими войсками, действуют китайские коммунисты, то это не зависит от Советского Командования в Манчжурии и является результатом того, что власти Китайского Правительства, повидимому, еще не овладели положением в этих районах. Не лишне при

этом указать, что во время переговоров о Советско-китайском соглашении представители Китайского Правительства настаивали на ускоренных сроках эвакуации советских войск из Манчжурии. Если, однако, Китайское Правительство теперь считает желательным отсрочить вывод из Манчжурии советских войск на некоторое время, то Советское Правительство может отложить вывод своих войск на один месяц или, если это нужно, на два месяца.

Примите и пр.».

Получение подтвердите.

Исполнение телеграфьте.

Принято по ВЧ

16.11.1945 г.

Ф. 558. ОП. 11. Д. 98. ЛЛ. 145-146

451116-1

ШИФРОМ ОСОБО ВАЖНАЯ

КОМАНДУЮЩЕМУ ЗАБАЙКАЛЬСКО-АМУРСКИМ ВОЕННЫМ ОКРУГОМ МАРШАЛУ МАЛИНОВСКОМУ.

Народный Комиссар Обороны приказал:

1. Немедленно усилить гарнизоны наших войск в Мукдене и Чанчуне с целью надежного обеспечения порядка в этих городах.

2. Приостановить отвод наших войск из Манчжурии и задержать находящиеся в Манчжурии войска до особого распоряжения Генерального Штаба на занимаемых ими сейчас рубежах. В случае подхода так называемых коммунистических отрядов для захвата Чанчуна, Мукдена и других пунктов, отогнать их силой и не пускать их в эти пункты.

Иметь ввиду, что эти отряды хотят втянуть нас в конфликт с США, чего нельзя допустить.

Вам со штабом оставаться в Чанчуне до особых указаний Генштаба.

3. Иметь хорошие отношения с представителями китайских правительственных войск и помогать им в выполнении мероприятий, предусмотренных Советско-Китайским соглашением от 14 августа с.г.

4. Об отданных распоряжениях донести.

АНТОНОВ

16 ноября 1945 г.

Ф. 558. ОП. 11. Д. 98. Л. 144

451210

Письмо С.Эпштейна И.В.Сталину с предложениями о реорганизации экономики страны.

10 декабря 1945 г.

Тов. Поскребышев!

Это письмо я адресую лично тов. Сталину.

Убежден, что должен существовать мощный и в то же время весьма чувствительный барьер, задачей которого отразить посягательства на время отца и учителя нашего от многих тысяч корреспондентов, подобных мне и в то же время не нарушить великой связи вождя и учителя с его народом, ибо Сталин, как никто более древнегреческому герою Антею подобен.

Могу ли я претендовать на то, что в этом письме отражены мысли народа? Отнюдь,

нет!

Для этого у меня нет:

1) достаточного образования (окончил лишь 7-летку и вечерний строительный техникум);

2) знакомства с подлинниками теории Маркса, Энгельса и Ленина;

3) достаточного житейского опыта (мне всего 32 года);

4) опыта общественной работы с массами (работал только на производстве).

Что же заставило меня обратиться с этим письмом?

1. Я 15 лет работаю на строительстве и таким образом являюсь участником всех сталинских пятилеток. При этом все время работаю не в аппарате, а непосредственно на производстве, пройдя все этапы от рабочего до старшего прораба. За это время я бок о бок работал с тысячами людей разных профессий, разных национальностей, которые многому меня научили. Хорошо ли, плохо ли — судить не мне.

2. Я встречал хозяйственников, которые в своих сводках приумножали свои успехи и всячески скрывали обратное. Несмотря на то, что наша печать и сам великий Сталин бичевали подобных очковтирателей, не всегда подобные явления пресекались в корне, а, наоборот, шли вверх по инстанциям. Не исключено, что кое-что могло дойти до великого Сталина в искаженно-приукрашенном виде.

3. Если правильно решить затронутые вопросы, будут вскрыты те огромные резервы, которые заложены в советском строе, о чем неустанно учат советский народ великие Ленин и Сталин.

4. Может представить интерес, как отображаются факты и какие выводы из них может сделать человек, сознание которого сформировалось под влиянием теории и практики великого Сталина.

Много лишнего и ненужного нагромождения фактов и выводов в этом письме.

4 месяца я потратил, чтобы сократить объем письма, но результат получился обратный, так как решить самостоятельно этот вопрос мне не под силу.

Решение этого вопроса оставляю Вам, тов. Поскребышев, стоящему на страже времени нашего отца и учителя.

Заранее признательный Вам *С.Эштейн*

I. Сельское хозяйство

Начинаю с этого вопроса, ибо он более всего спорный и не терпит отлагательств. Нет нужды повторять доказанное, что говорить о сельском хозяйстве в нашей стране — значит говорить в основном о колхозах.

Колхозы до, во время и после Великой Отечественной войны.

До войны колхозы стали подавляющей силой в деревне и уверенно двигались по пути к богатой зажиточной жизни. Колхозы-миллионеры росли как грибы после дождя. На этом фоне гигантского расцвета колхозов отдельные нерадивые колхозы не могли изменить общей картины. Дифференциация колхозов сильных и слабых шла в сторону усиления и роста первых.

Отечественная война еще раз подтвердила гениальное предвидение Ваше. Каждому стало ясно, что только колхозы могли обеспечить гигантские потребности фронта и тыла, не говоря уже о задачах, связанных с эвакуацией организованных хозяйств на первой стадии войны. Народный патриотизм и на его основе самоотверженный труд колхозного крестьянства, во многом решил исход Великой Отечественной войны. Колхозы в труднейших условиях войны доказали свою жизненность и историческую необходимость.

После разгрома стран фашистской агрессии задачи, возложенные на колхозы, остались прежние. Изменились условия.

В чем заключаются изменения этих условий?

1. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» заменен задачами, связанными с восстановлением хозяйства, разрушенного войной.

2. Ослабление колхозных кадров вообще и руководства в особенности. Много испытанных колхозных вожаков и организаторов было мобилизовано в армию.

3. Ослабление по той же причине партийных и советских организаций в деревне.

4. Сокращение притока промышленных изделий в деревню.

5. Ослабление производственной базы колхозов и МТС, особенно по тракторам, машинам и тяглу.

6. Нарушение стабильности советского рубля.

7. Разруха и запустение в районах, временно захваченных врагом.

В результате всех этих изменений дифференциация колхозов сильных и слабых усилилась в сторону увеличения последних.

Там, где не оказалось должного руководства колхозом и слабо партийное и советское руководство в деревне, колхозы хиреют.

Начинается это с упадка трудовой дисциплины. На работу в колхозе начинают уделять внимания меньше, чем на своей усадьбе.

В результате несвоевременное окончание вспашки и сева, плохой уход, опоздание с уборкой, потери при уборке, наконец, самое чудовищное — оставление урожая под снегом.

После этого следует низкая оплата трудодня и, как следствие, еще худшие результаты на будущий год. Колхозный труд в таком колхозе дискредитирован.

ВЫВОДЫ:

1. Выявить кадры колхозных партийных и советских руководителей, находящихся в армии, для срочного откомандирования их в деревню на руководящую работу.

2. Для той же цели срочно подготовить новые кадры колхозных руководителей, для чего отобрать испытанные кадры в армии, в партийных и комсомольских организациях, среди лучших людей колхозного села. Это самое главное, ибо Ваше указание: «Нет плохих и хороших предприятий, а есть плохие и хорошие руководители» было, есть и будет основной заповедью для всего социалистического строительства.

3. Обеспечить помощью людскими и материальными ресурсами, в первую очередь колхозы в районах, имеющих решающее значение для государства, по зерну, техническим культурам, по животноводству.

4. В наиболее слабых колхозах, которым немедленно (до посевной) помочь не представится возможным, поставить вопрос перед колхозниками о дальнейшем существовании их колхоза. Распустить такие колхозы.

5. Использовать недостаток тягла и инвентаря для того, чтобы на базе распущенных колхозов организовать не единоличные хозяйства, а товарищества по совместной обработке земли при индивидуальном уходе и сборе урожая.

6. Всемерно укреплять оставшиеся колхозы, дав все привилегии колхозам и колхозникам (снабжение, финансирование, налоговая политика и т. д.).

7. Соответствующей налоговой политикой исключить возможность перерастания единоличных хозяйств в кулацкие, дабы избежать повторения пройденного пути по ликвидации кулачества как класса.

Возникают вопросы:

а) не означает ли роспуск слабых колхозов шага назад от социализма?

б) не проще ли вдохнуть социалистическое содержание в уже готовую форму, чем распустать слабые колхозы и начинать сначала?

в) к чему эти трудности, которые мы сами себе создаем?

(нарушение акта на вечное пользование землей колхозом, потери части обобщественного оборудования, трудности при разделе из-за нехватки в слабых колхозах

инвентаря и скота).

Отвечаю на эти вопросы по порядку.

а) и да и нет. Да потому, что это означает увеличение единоличного сектора за счет социалистического. Нет потому, что увеличение единоличного сектора пойдет за счет наиболее слабой части социалистического сектора, при этом незначительного процента социалистического сектора, социалистического по форме, а не по содержанию, в районах не имеющих решающего значения для государства. Потому что слабые колхозы своим существованием не укрепляют, а, наоборот, ослабляют колхозный строй. Потому что этот шаг создаст плацдарм для разбега и решительного скачка вперед в области подъема нашего хозяйства и залечивания ран, нанесенных ему Великой Отечественной войной. Этот шаг будет говорить не о слабости, а о силе колхозного строя. Этот шаг высоко поднимет престиж колхозов в молодых советских республиках (Литва, Латвия, Эстония), где вражеская агентура сделала наши слабые колхозы пугалом для большей части крестьянства;

б) при малейшей возможности обеспечить слабые колхозы соответствующими ресурсами для перестройки их на социалистический лад, нужно воздержаться от роспуска таких колхозов. Более того, если такими ресурсами (руководящими кадрами и материальными) мы не располагаем, нужно будет на каждое в отдельном случае решение по ликвидации того или иного колхоза, утверждение ЦК ВКП(б) или другого авторитетного органа, чтобы избежать ошибок и перегибов, которые сопутствуют всякому новому начинанию. Но за этот шаг говорит неизменно оправдавшая себя сталинская стратегия, которая учит нас при отсутствии решающего перевеса по всему фронту, наносить удары решающими силами, на решающих направлениях;

в) за годы пятилеток, годы, прошедшие под знаменем Сталинской Конституции, за годы Великой Отечественной войны — у советского народа сложилась непоколебимая вера в творца, вдохновителя и вождя всех достижений советского народа, его партии и правительства.

Все, что посягает на священную веру народа в своего вождя и учителя должно быть отвергнуто прочь!

Поэтому не может быть речи о нарушении акта на вечное пользование землей колхозом. Тот или иной колхоз временно распускается ввиду изменившейся ситуации в стране в связи с войной, но земля и обобщественное оборудование остается за колхозом.

Чтобы достичь такого же расцвета колхозов, как это имело место до войны, нам не понадобится 8-10 лет. Теперь есть опыт колхозного строительства, есть миллионные кадры трактористов, комбайнеров, доярок, бригадиров, звеньевых, зоотехников, агрономов и т. д. Есть могучая индустрия, выросшая за годы сталинских пятилеток.

По этому всему — нет сомнения в том, что процесс процветания колхозов пойдет в 3-4 раза скорее и через 2-4 года единоличник и бывшие колхозники из временно распущенных колхозов скажут: «Колхозники живут лучше и богаче нашего — желаем организовать колхоз»!

Нельзя при этом надеяться на самотек. Будет давать себя знать усиление единоличного сектора в отдельных районах. Нужно будет не ослабление, а усиление партийной и советской работы в деревне, чтобы организовать вновь и восстановить старые колхозы, чтобы дать отпор вражеской агитации, усиление которой безусловно будет.

Недостача в оборудовании, инвентаре и особенно по тяглу облегчит переход на следующую низшую ступень — к товариществу по совместной обработке земли и обеспечит сохранность обобщественного оборудования. Там же, где возникнут единоличные хозяйства необходимо, что колхоз временно передал лишнюю землю и оборудование сильному соседу колхозу или совхозу.

Но все должны знать, что акт на вечное пользование землей остается незыблемым и что при восстановлении колхоза все, что ему ранее принадлежало остается за ним — колхозом.

II. Промышленность

А. Кадры.

За годы пятилеток у нас выросла своя индустрия и вместе с ней выросли и кадры. Можно сказать, что от кадров, оставленных нам царизмом, типа шахтинского и других подобных вредительских дел, ничего или почти ничего не осталось.

Задача создания своей технической интеллигенции, своих кадров, была выполнена еще задолго до начала войны. За это говорит победа нашей техники над техникой вражеской, победа социалистического производства над хваленым производством Германии, с подвассальной ей в то время почти всей Европой. Присвоение звания «Героя социалистического труда» лучшим людям советской науки и техники лишь отражение этого явления.

Теперь, когда вопрос с созданием кадров решен, задача сводится к тому, чтобы правильно расставить кадры и, главное — смелее доверять этим кадрам. При всем этом действовать по народной поговорке: «Кому много дано — с того много и спросится».

В действительности, даже высшие командиры промышленности — директора фабрик, заводов, начальники строек и т. д., не имеют права ничего самостоятельно предпринять без соответствующей санкции управления, главка и т. д. по инстанциям.

Многие довольны такой постановкой дела. Это дает возможность прятаться за спину высшей инстанции. Все спокойны, спокойно на месте стоит дело, тормозится дело развития техники.

Результат — люди, которым подчас доверены огромные ресурсы нашего государства, не чувствуют непосредственной ответственности перед государством за правильное расходование этих ресурсов.

Отсюда — сколько убыточных строек! Как невероятно разбухли штаты и накладные расходы на производстве! Как высока себестоимость продукции!

И все это, как правило, сходит с рук для таких руководителей, так как они во время сумели отписаться, предупредить высшие инстанции, либо наоборот, потому, что кое-что исходило и имело оправдание сверху, где могли и не знать конкретной обстановки на месте.

Многие руководители до того привыкли к своим нянькам (тобишь высшим инстанциям), что всякие мероприятия, в том числе очень полезные, проводят только по указанию сверху. Проводят поэтому компанейски, а не ежедневно и ежечасно, как это проводится там, где во главе стоит подлинный социалистический хозяин предприятия, достойный сталинской эпохи.

У нас теперь есть кадры, которые не нуждаются в мелочной опеке со стороны нянек, а еще более — в громоздкой системе учета и отчетности перед ними.

Такому руководителю предприятия спускается план-задание по решающим показателям, из которых ясно видна работа предприятия.

Например:

Физический объем работ.

Себестоимость.

Сроки (по решающим элементам продукции с допусками для маневрирования).

Максимальные границы расхода дефицитных для государства ресурсов.

В остальном дело того или иного хозяйственника. Пусть действует как знает (не выходя, конечно, из рамок советских законов), но пусть знает и то, что если он не выполнит основных требований, за выполнение которых он взялся, то голова с его плеч полетит не только в переносном смысле.

Это будет лучшей гарантией того, что всякого рода болтуны, растяпы, разгильдяи или незнайки, не станут подвизаться на командных постах нашей промышленности. Это будет гарантией того, что кадры расставятся по своим местам.

Жесточайшие требования, предъявляемые к руководящим кадрам, должны быть равноценны оборотной стороне — доверию, широким правам и возможностям, которые должны быть даны руководящим кадрам от мала до велика.

Б. Хозрасчет и фонд директора.

Ваши исторические шесть условий, кроме кадров обнимают собой ряд других вопросов, в том числе вопросы, связанные со снижением себестоимости и хозрасчетом. Об этом нельзя забывать при решении любого вопроса, связанного с развитием социалистической экономики. Именно в этом направлении и нужно дать те широкие права руководящим кадрам.

Главным моментом должно стать широкое распространение, практиковавшееся ранее, фонда директора. Более того, нужно дать большие права и возможности пользования этим фондом.

Наряду с правильным решением вопросов, связанных с заработной платой, фонд директора, прямо зависящий от снижения себестоимости продукции и сверхплановых накоплений, может и должен стать основным рычагом в руках руководителя предприятия. Фондом директора, конечно, в пропорционально меньших размерах должны иметь право пользоваться и распоряжаться не только директора и начальники строек, но и более низшие инстанции, находящиеся на хозрасчете (начальники корпусов, прорабы и т. д.).

Это приведет к быстрому и эффективному внедрению хозрасчета и резкому скачку в снижении себестоимости, поскольку это станет кровным делом руководства предприятием, а не очередной кампанией.

Решительный перелом в сторону максимального упрощения учета и отчетности наряду с вышеизложенным, может и безусловно приведет к внедрению хозрасчета в самые мелкие звенья социалистического производства.

В. Государственный контроль.

Инструмент госконтроля.

Мало иметь хорошие кадры — кадры командующие в нашей промышленности. Это многое, но это не все.

Даже очень хорошие руководители иногда засиживаются на своих местах, теряют перспективу и, как говорят, начинают заедаться.

Наконец, не исключено, что во главе отдельных предприятий могут стать отдельные проходимцы, чуждые задачам, связанным с построением социалистического общества.

Для этого должен существовать аппарат госконтроля, обладающий действенным инструментом контроля. Этот инструмент у нас давно известен. Это рубль, или как иногда говорили «контроль рублем».

Чтобы на рубль мог стать действенным инструментом контроля, он должен стать стабильным.

Отчасти поэтому вопросы, связанные со стабилизацией советского рубля, должны стать неотложными. Без этого невозможно решение любого из затрагиваемых вопросов.

Г. Задачи госконтроля.

Стабилизация советского рубля до предела упростит задачи госконтроля. Для примера беру более знакомую мне отрасль — строительство.

Предварительным условием для этого должно быть максимальное упрощение учета и отчетности, которые кроме значительного увеличения аппарата и вместе с ним и накладных расходов на производство, ничего не дают. Составление громоздких смет, калькуляций и еще более громоздких форм учета и отчетности служат одной цели — завуалированию тысяч приемов, направленных ко всякого рода наказкам, оправдывающим удорожание строительства.

Я уже не говорю о том времени (вплоть до 1940 г.), когда чуть не каждый год выходили новые ценники, новые нормативные данные, над созданием которых сидели целые организации, после чего десятки тысяч сметчиков, нормировщиков, плановиков, инженеров и техников занимались перерасчетом смет и калькуляций по новым данным, съедая сотни

миллионов государственных средств.

Большим шагом вперед было составление смет по единичным расценкам, выход укрупненных сметных справочников и контроль рублем финансирующими промбанками. Но и это оставило массу лазеек для оправдания удорожания строительства и в то же время связало руки руководству строительства, незначительно упростив учет и отчетность.

Необходимо пойти решительно дальше в этом направлении, для чего нужно:

1. Установить единые укрупненные цены на строительство. Например:

а) стоимость 1 м³ здания;

б) стоимость 1 п/м покрытия дороги;

в) стоимость промышленного строительства на единицу его производственной мощности (электростанции на киловатт/час, домны и мартены на выпуск единицы чугуна и стали, сборочные мастерские на единицу продукции и т. д.);

г) стоимость школ, театров, кино, больниц, домов отдыха на 1 учащегося, на 1 место, на 1 койку и т. д.

Ясно, что должны быть при этом предельно ясные и недвусмысленные оттенки и отклонения, в зависимости от классов сооружений, архитектуры, применяемых материалов, специфики отдельных объектов (географические условия и др.).

Создание такого рода единых государственных цен дело не простое, но у нас накопился достаточный опыт, чтобы их создать.

2. Уничтожить практику составления ценников по отдельным наркоматам, создав в соответствии с едиными государственными ценами на строительство — единые цены на материалы и транспорт.

3. Уничтожить практику ведения строительства хозяйственным способом. Строительство вести только на подрядных началах, включая даже текущий и капитальный ремонт.

4. Совершенно изъять от строительства заготовку и снабжение материалами, передав это дело заготовляющим и снабжающим организациям, находящимся на хозрасчете и имеющим дело со строительством только на подрядных договорных началах.

Пусть на первых порах установленные единые государственные цены на строительство, материалы и транспорт будут соответствовать тем высоким ценам, которые существуют теперь на строительстве.

Подлинный хозрасчет, созданный на базе широких прав данным руководству вообще и прав распоряжаться фондом директора в особенности, при усилении ответственности руководства перед государством — все это приведет к резкому увеличению социалистических накоплений за счет снижения накладных расходов, рационализации и строжайшей экономии во всех областях, ибо это будет не результатом очередной кампании и толчка извне, а кровным делом того или иного руководителя.

Постепенно система взаимоотношений «заказчик» и «подрядчик» приведет к тому, что лучшим контролером станет «заказчик», который в свою очередь будет заинтересован выстроить объект качеством получше, поскорее и ценою подешевле.

Все это приведет к социалистическому соревнованию между отдельными подрядными организациями, ибо это станет делом существования этих организаций.

Выполнение Ваших исторических шести условий, являющихся незыблемой заповедью для всего социалистического строительства, индустриализация строительства, создание своей производственной базы, поточно-скоростные методы и все лучшее, что создавала практика наших стахановцев за эти годы и, наконец, самый мощный и неиссякаемый резерв советского строя — социалистическое соревнование, все это станет кровным делом руководителей строительства, ибо кто этим ежедневно, ежечасно не будет заниматься провалит дело и вместе с ним и себя.

В промышленности все это решается значительно проще, ибо установление единых цен на продукцию и материалы здесь значительно облегчается. Производственный цикл завершения производства, как правило, значительно короче, кадры опытнее,

производственная база оснащенные. Форма взаимоотношений «заказчик» и «подрядчик» остается с тем же содержанием «потребитель» и «поставщик».

Когда таким образом отсекаются наиболее крепкие строительные организации (т. е. с сильным руководством во главе), когда у них будет создана прочная производственная база и достаточные оборотные средства (без дотаций государства!) можно будет постепенно снижать государственные цена на строительство, материал и транспорт, так как к этому времени себестоимость их будет уже снижена.

Задача государственного контроля, особенно на первых порах, будет сведена к контролю за правильным применением единых государственных цен, контроль качества строительства, контроль возможных злоупотреблений, контроль за тем, чтобы дефицитные ресурсы государства (материалы, энергия, механизмы, оборудование, горючее и т. д.) направлялись по плану, спущенному государством, а не по воле отдельных дельцов-снабженцев. Контроль последнего упростит размежевание строительства и снабжения на договорных началах. И, наконец, контроль за себестоимостью строительства. Все это для того, чтобы своевременно отстранять не годное руководство и помочь процессу правильной расстановки кадров.

В дальнейшем большинство этих функций ляжет на «заказчика», заинтересованного в качестве, сроках и себестоимости строительства.

Задача госконтроля будет значительно упрощена и облегчена.

Безусловно, что наряду с госконтролем должен существовать и общественный контроль — резерв кадров для госконтроля и острейшее оружие в руках советского государства. Более того, расширение прав и увеличение ответственности руководящих кадров увеличит и усложнит задачи общественного контроля.

Д. Аппарат госконтроля.

Главное здесь — кадры. Подготовкой кадров госконтроля необходимо заняться немедленно. Это должны быть специалисты, стоящие на голову выше контролируемых, люди широкого кругозора, кристально чистые и совершенно ни от кого и никак не зависящие. Люди фанатично преданные великому делу Ленина-Сталина, ибо ошибки и перегибы в контроле немедленно приведут к обратным результатам.

III. Ещё о кадрах.

А. Пробел в подготовке технических кадров высшей школой.

За время работы на строительстве, особенно за последние 5 лет работы на строительстве аэродромов, где это особенно выпячивается, я неоднократно убеждался в том, какое решающее значение имеет техническая политика на производстве.

Если неправильная тактика и стратегия на фронте приводит к поражениям крупным и малым, то неправильная техническая политика приводит к срыву сроков строительства, удорожанию работ, к ухудшению качества выполненных работ.

О фактах такого рода я сообщал начальникам ГУАС НКВД СССР в 1941 и 1945 гг. и начальнику УАС НКВДМО в 1943 г.

Прошло немного времени, а фактов такого рода прибавилось хоть куда.

Привожу некоторые из этих фактов.

1. Как правило, на большинстве из вновь строящихся аэродромов или совершенно отсутствуют подъездные пути, или они находятся в отвратительном состоянии. Но дороги, как правило, строятся или приводятся в порядок в последнюю очередь. В результате аэродром раньше в строй все равно не вступает, но зато гребятся на ухабах автомашины, пережог горючего, сокращение темпов строительства, удорожание строительства и срыв конечного срока окончания работ и сдачи аэродрома в эксплуатацию.

Так было на строительстве аэродрома в Шлапоберге (Прибалтика 1941 г.), в Вязьме, Дмитрове, в Медвежьих Озерах. Это только там, где я сам работал. Работники других

строительств говорят о том же.

2. Непродуманный выбор очищаемой от снега взлетно-посадочной полосы и расположения мест стоянок самолетов привел к увеличению объемов и удорожанию работ и при более неблагоприятных метеорологических условиях (например, сильная и резкая оттепель) привел бы к срыву боевых вылетов авиации на одном из важнейших аэродромов, расположенных на подступах к Москве. (Клин — зимняя эксплуатация 1942–1943 гг.).

3. Погоня за показателями выполнения плана перемещения земляных масс привела к тому, что в части летного поля, где старт невозможен, земляные работы и посев были выполнены полностью, а там, где должен быть старт — ни земляные работы, ни тем более посев, остались невыполненными и старт не был обеспечен ни в длину, ни в ширину (Медвежьи Озера, 1945 г.).

4. Отсутствие сочетания схем организации бетонных и земляных работ, погоня за показателями выполнения плана бетонных работ привело к задержке работ по устройству взлетно-посадочной полосы (Прибалтика, 1941 г.).

5. Неправильный выбор конструкции и неумение нацелиться на самое главное и решающее привело к:

- а) срыву окончания объекта более, чем на год;
- б) удорожанию стоимости одной взлетно-посадочной полосы на 1.000.000 руб.;
- в) перерасходу 2000 вагонов для подвозки гравия (это во время такого голода в вагонах в 1944 г.);
- г) перерасходу 1000 автомашиносмен и 60000 литров бензина (Медвежьи Озера, 1944 г.).

6. Неправильное распределение людских и технических ресурсов между объектами привело к тому, что первый (Чкаловский) от этого ничего не выиграл, а 2-й (Медвежьи Озера), почти готовый к сдаче в эксплуатацию, остался с крупными недоделками, мешающими нормальной эксплуатации аэродрома.

Этот перечень ошибок можно было бы продлить, опираясь лишь на объекты, где я сам работал. А сколько подобных и еще худших фактов могут привести другие?

Можно ли эти факты сравнивать с фактами вредительства?

В начале 1931 г. после окончания строительства прядильного корпуса текстильной фабрики в г. Казани, мы узнали, что корпус следовало строить ближе к сырью — в Средней Азии.

Ваша изумительно точная характеристика того времени, «периода, когда людей охватил пафос строительства» целиком относилась и к нам — строителям этого корпуса.

Какая дьявольская хитрость была заложена в этом акте вредительства, направленном по экономике и одновременно по самому ценному — по народному пафосу в труде.

Безусловно, что ранее приведенные примеры сравнивать с последним нельзя, ибо виновные — наши советские инженеры, члены большевистской партии, хорошие дела которых наверняка перетянут эти ошибки.

В этом повинна наша высшая техническая школа, которая не сумела вооружить будущих командиров производства могучим оружием тактики и стратегии на производстве.

Конечно, изучаются великие примеры тактики и стратегии, заложенные в теории и практике Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Но это дается как урок школьной истории, в отрыве от нашей современной жизни, богатой яркими примерами применения на практике Великой Теории; в отрыве от будущей деятельности командиров производства.

Ведь большинство из приведенных ошибок имеют один общий корень: руководители, повинные в них, не сумели найти основное звено в цепи, за которое нужно ухватиться и тащить всю цепь, а наоборот, распылили свое внимание и ресурсы на ряд второстепенных вопросов, либо слепо выполняли указания вышестоящих инстанций, не приложив их к данной конкретной обстановке.

Этот пробел в подготовке кадров нужно восполнить и как можно скорее.

Б. О закреплении кадров на производстве.

До издания специального Указа, направленного к закреплению кадров на производстве, наши хозяйственники либо руководствовались «б-ю условиями», либо оставались без кадров и проваливали дело.

В этом отношении советский строй внес большие «трудности» нашим хозяйственникам, поскольку трудящиеся нашей родины давно забыли о страхе остаться безработными. Этот период расцвета всего народного хозяйства, роста благосостояния широких народных масс и небывалого подъема стахановского движения — лучше всего выражен словами: «Жить стало лучше, жить стало веселее... а когда весело живется — работа спорится». Наступившая война подтвердила всю своевременность и необходимость принятых мер, а могучая волна народного патриотизма к тому же перехлестнула отрицательные стороны Указа, в то время, как положительные стороны были очевидны каждому.

Как обстоит дело сейчас?

Уверенные в том, что кадры никуда не уйдут, многие хозяйственники предали забвению Ваши исторические «Шесть условий».

Я знал таких хозяйственников, которые в ответ на требования об улучшении питания, отвечали: «Мое дело выполнение государственного задания. Вы получаете продкарточки от государства и питайтесь как хотите». Некоторые хозяйственники просто ликвидировали общественное питание и люди, живущие где придется (некоторые по 10–15 раз за время войны переезжали с места на место), питались «как хотели», т. е. порок никак. Нечего и говорить об организации снабжения предметами первой необходимости. Были анекдотические случаи, когда именно поэтому приезжающее на строительство начальство — генералы, принимали вольнонаемный руководящий состав за заключенных, работающих на строительстве и случаи язвительного «недоумения» военнопленных немцев.

На таких предприятиях начинает постепенно разведаться самое ценное достижение советского строя — отношение к труду и к социалистической собственности.

Я знаю многих, для которых труд давно стал «делом чести, доблести и геройства». Теперь они меньше всего стали думать о нуждах производства, а, наоборот, о том, как бы больше содрать с него или по другой форме, которая имеет даже свое собственное выражение: «подработать налево» с очень широким диапазоном значения этого выражения. Прекрасной иллюстрацией может служить работа автоколонны УАС УНКВД т. Молотова за 1-е полугодие 1945 г., так как кадры у нас давно в загоне. Водители автомашины, как правило, получают мизерную зарплату. Бывает и так, что к получке причитается с водителя за пережег горючего. Живут многие в отвратительных условиях, кочуя вместе с семьями с аэродрома на аэродром. Если в 1944 г. водители делали по 8-12 рейсов гравия в день, то в 1945 г. на том же объекте и то же расстояние стали делать по 3–5 рейсов. Труддисциплина резко упала. Машинами мало интересуются и они находятся в отвратительном состоянии. Правда, шофера у нас настолько квалифицированные (этого нельзя от них отнять), что это обстоятельство не мешает делать самые длинные «левые» рейсы.

Впрочем это не помешало хозяйственникам с помощью плановиков, бухгалтеров и «блестяще» поставленного громоздкого учета и отчетности, рапортовать о перевыполнении плана по количественным и качественным показателям. Не обошлось без показателей лучших «стахановцев», среди которых некоторые вообще не показывались на основном производстве — строительстве, а если показывались, то работали отвратительно.

Я привел пример с транспортом, который у меня, как производителя работ, всегда на глазах.

Хотя я не располагаю соответствующей статистикой, но наблюдения говорят за рост воровства и хищений на производстве, упадок труддисциплины и понижение производительности труда.

Многое можно отнести за счет последствий войны (тяжелое положение с предметами первой необходимости, продуктами питания, тяжелое положение с жильем и т. п.), но там,

где при всем этом забыли о «Шести условиях», там эти явления принимают недопустимые формы.

Можно ли теперь в вопросе о кадрах перейти на довоенное положение? Нет, нельзя. Это может привести к анархии в промышленности. Но и оставить положение стабильным — значит затормозить развитие всей социалистической экономики.

Что нужно для решения этого вопроса?

1. Разработать и спустить по отраслям промышленности план-график перевода предприятий на довоенные условия по части кадров.

2. График составить из следующих условий:

а) плана (по срокам) восстановления народного хозяйства и стабилизации советского рубля;

б) плана притока новых кадров в промышленность и потребности в них;

в) минимальных сроков, необходимых хозяйственниками и общественным организациям для перехода к новым условиям (решение вопросов жил. бытового строительства, улучшение дела зарплаты, удовлетворение культурнобытовых нужд, проведение соответствующей подготовки в массах по линии партийных, профсоюзных, комсомольских и др. общественных организаций и времени для перестройки самих общественных организаций к новым условиям работы);

г) значения и важности отдельных отраслей промышленности для государства.

3. Обеспечить рычаги управления и контроля потоками рабочей силы в руках у государства, для чего органам управления и контроля (допустим финансирующим) направлять ресурсы, необходимые для перестройки к новым условиям, в соответствии с планом-графиком.

4. Усилить меры общественного воздействия на летунов, прогульщиков и других дезорганизаторов производства (по линии соцстраха, соцобеспечения, снабжения, питания и т. д.), оставив в силе существующий Указ для злостных и неисправимых.

5. До решения вопроса в целом, немедленно открыть отдушины, пусть небольшие и тщательно контролируемые, по которым дать возможность утечки части кадров с предприятий, для того, чтобы лишить хозяйственников уверенности в том, что кадры от них не уйдут.

Нужно ли затронуть другие вопросы?

К сожалению лишен умения втиснуть мысли в короткое и ясное изложение. То, что написано и без того достаточно, чтобы казнить меня, ибо время, нужное для прочтения всего этого — слишком дорого для нашей Родины.

О роли личности в истории, на примерах Великого Ленина и Вашем, я имею свое суждение. Страшусь поэтому, что своим письмом могу напрасно отвлечь Ваше время.

Вижу только одно смягчающее обстоятельство — мое искреннее желание принести этим письмом не вред, а наоборот пользу великому делу Вашему, преданным которому остаюсь до конца.

САУЛ ЭПШТЕЙН

Деревня Еремино

Щелковского района

10.12.1945 г.

РГАСПИ. Ф. 558. ОП. 11. Д. 892. ЛЛ. 45–63.

Машинописная копия

2-ли-нс

Сведения об авторах

Данилов Александр Анатольевич — родился в 1954 году, доктор исторических наук, профессор, специализируется на проблемах отечественной истории XX века. Автор свыше двухсот публикаций, в том числе монографий: «Становление и крушение однопартийной системы в СССР» (1995); «Власть и оппозиция» (в соавторстве); «История инакомыслия в

России: советский период» (1997) и др. Автор более 20 учебников для средней и высшей школы.

После окончания в 1979 году Хабаровского педагогического института работал в Московском педагогическом государственном университете — ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором кафедры отечественной истории.

С 1991 года является заведующим кафедрой истории МПГУ. Заместитель Председателя научно-методического совета по истории Министерства образования РФ. Участник целого ряда международных научных конференций в Москве, Бостоне, Афинах, Барселоне, Париже, Берлине, Риме, Варшаве, Нанкине и др.

Пыжиков Александр Владимирович — родился в 1965 году, доктор исторических наук, специалист по отечественной истории XX века. Автор ряда публикаций, в том числе книг «Коллизии «хрущевской оттепели» (в соавторстве 1997 г.), «Опыт модернизации советского общества в 1953–1964 годах: общественно-политический аспект» (1998 г.), «Политические преобразования в СССР в 50-60-е годы» (1999 г.) и др.

После окончания в 1989 году исторического факультета Московского педагогического института им. Н.К. Крупской работал на различных должностях в научных учреждениях — Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Научно-исследовательском центре при Институте молодежи, Институте социально-политических исследований Российской Академии Наук. За десять лет прошел путь от стажера-исследователя (ИМЛ при ЦК КПСС) до заместителя директора (ИСПИ РАН).

В качестве эксперта принимал участие в работе «Центра стратегических разработок» (Руководитель — Г. Греф). В 2000 году являлся помощником министра РФ по связи и информатизации. С ноября прошлого года — помощник Председателя Правительства Российской Федерации.